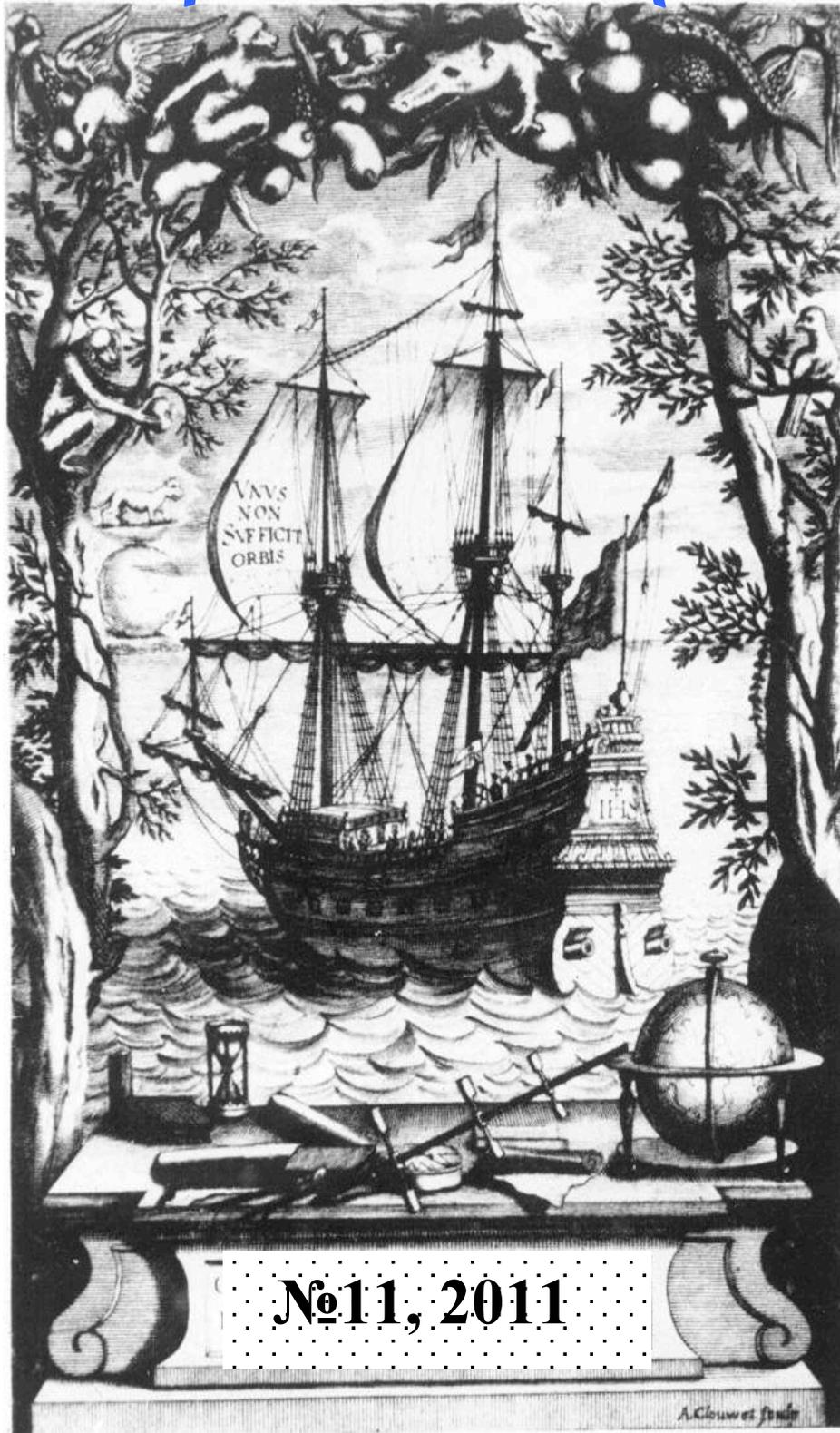

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№11, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

	Памяти Игоря Ивановича Янчука.	7
Ларин Е.А.	Полвека научной деятельности Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН	20
<i><u>Латинская Америка в XIX веке</u></i>		
Селиванова И.В.	Мексиканское общество накануне освободительного движения	35
Ивкина Л.А.	Рамон Пауэр-и-Хиральт и Кадисские кортесы (1810-1813)	65
Иванов Н.С.	Мифы об Артигасе	96
Агилера Мансано Х.М.	«Проблема» рабства и концепции кубинской идентичности в XIX в.	136
Казаков В.П.	Аргентинская конфедерация: выбор экономической политики	153
<i><u>Россия и Латинская Америка</u></i>		
Щелчков А.А.	Предшественник перуанского социализма Хуан Бустаманте	180
<i><u>Латинская Америка в XX веке</u></i>		
Шишков А.С.	Идейная борьба в политической элите Мексики в 1919-1929 гг.: динамика развития, особенности, результаты	206
Ивановский З.В.	Колумбия: государство и вооруженная оппозиция	234
Расторгуева Н.Е.	Президентские выборы 2000 г. в Мексике (аспекты межпартийной борьбы)	259
<i><u>Коминтерн и Латинская Америка</u></i>		
Ортис Р.	Коминтерн и конфликты в Мексиканской коммунистической партии, 1925-1926 гг.	272
<i><u>Рецензии</u></i>		
Кораблева Л.Ю.	Игорь Флейшер-Шевелев. Русские бойцы в Чакской войне. Герои Парагвая. Асунсьон, 2010.	284

CONTENIDO

	Igor Ivanovich Yanchuk	7
Larin E. A.	Medio siglo del Centro de estudios latinoamericanos del Instituto de Historia Universal	20
<i><u>América Latina en el siglo XIX</u></i>		
Selivanova I.V.	La sociedad mexicana en vísperas de la Emancipación	35
Ivkina L.A.	Ramón Pauer-y-Jiralt y las Cortes de Cádiz (1810-1813)	65
Ivanov N.S.	Mitos sobre Artigas	96
Aguilera Manzano J.M.	El «problema» de la esclavitud y la población de color en el proceso de construcción de la identidad cubana, siglo XIX	136
Kazakov V.P.	La Confederación Argentina en búsqueda de la política económica.	153
<i><u>América Latina y Rusia</u></i>		
Schelchkov A.A.	El precursor del socialismo peruano Juan Bustamante	180
<i><u>América Latina en el siglo</u></i>		
Shishkov A.S.	La lucha ideológica y la elite política en México en 1919 – 1929, su dinámica, peculiaridades y los resultados.	206
Iwanowski Z.W.	Colombia: el Estado y la oposición armada	234
Rastorgueva N.E.	Las elecciones presidenciales del 2000 en México	259
<i><u>La Internacional Comunista y América Latina</u></i>		
Ortiz R.	La Internacional Comunista y los conflictos internos en el Partido Comunista Mexicano, 1925 – 1926.	272
<i><u>Reseñas</u></i>		
Korableva L.Y.	Igor Fleischer Shevelev. Combatientes rusos en la Guerra del Chaco. Heroes del Paraguay. Asunción, 2010.	284

Памяти Игоря Ивановича Янчука

21 июля 2011 г. исполнился год со дня смерти Игоря Ивановича Янчука, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИВИ РАН, известного латиноамериканиста, знатока истории международных отношений новейшего времени. Вся жизнь его была связана с исторической наукой.

Родился Игорь Иванович 27 августа 1937 г. в с. Красноярове, Хабаровского края. Его отец погиб на фронте в 1942 г., а мать с тремя детьми перебралась в станицу Левокумское, Ставропольского края. Еще школьником Игорь Иванович зачитывался книгами о великих героях прошлого и твердо решил стать историком. Поступив в 1955 г. на исторический факультет МГУ, выбрал кафедру новой и новейшей истории, где специализировался по истории внешней политики США. Истфак оказался хорошей школой, на всю жизнь привившей И.И. Янчуку скрупулезное отношение к первоисточнику и стремление любое частное исследование вписать в ход всемирно-исторического процесса.

По окончании университета, в соответствии с государственным распределением, его отправили в с. Лебяжье, Исилькульского района Омской области, где он работал вначале преподавателем, а затем директором школы. В 1962 г. И. И. Янчук поступил в аспирантуру Института истории АН СССР, под руководством академика Г.Н. Севостьянова подготовил и в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политика США в Латинской Америке в годы второй мировой войны (1939-1941 гг.)». Вся дальнейшая научная судьба Игоря Ивановича оказалась связанной с латиноамериканистикой в Институте всеобщей истории РАН. Там он защитил докторскую диссертацию, опубликовал монографии «Политика США в Латинской Америке (1939-1945)» и «Политика США в Латинской Америке (1918-1928)»¹. В них И.И.Янчук впервые в отечественной историографии на монографическом уровне рассмотрел важнейшие проблемы, связанные с характером отношений США и латиноамериканских стран, а также общеконтинентальные проблемы, рассматривавшиеся на межамериканских конференциях.

В первой работе он исследовал взаимоотношения США со странами Латинской Америки в годы второй мировой войны. Од-

¹ Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке (1939-1945). М.,1975; Он же. Политика США в Латинской Америке (1918-1928). М.,1982.

ной из главных целей работы был показ того, как дипломатия Вашингтона использовала ослабление своих империалистических союзников для упрочения политического и экономического господства США в Латинской Америке. В труде широко используются документы госдепартамента США, переписка послов фашистской Германии, материалы конгресса США, другие источники и литература, впервые введенные автором в научный оборот.

Ко времени написания этой монографии в отечественной литературе были опубликованы работы Л. И. Зубока, С. А. Гонионского, Э. Л. Нитобурга и ряда других исследователей, затрагивающих отдельные аспекты данной темы². Однако ценность работы И.И. Янчука заключалась в том, что он впервые дал синтетический, цельный и обобщающий анализ политики США в Латинской Америке в годы войны.

Прежде всего он показал двойственный характер этой политики: с одной стороны, «на определенный период времени коренные национальные интересы США и стран Латинской Америки совпали, что не могло не вызвать их сближения; в этом плане объективно политика США в отношении Латинской Америки в годы второй мировой войны сыграла положительную роль». Немаловажным в смягчении противоречий между США и латиноамериканскими странами стал и отказ Вашингтона от наиболее грубых форм вмешательства во внутренние дела своих соседей.

В работе И.И. Янчука большое место занимает анализ характера и методов политики «добрососедства»: использование экономической помощи для получения политических дивидендов, широкое распространение «смешанных» компаний, пользовавшихся официальной поддержкой правительства США³, идеологическая экспансия, выразившаяся в издании в Латинской Америке журналов и газет на испанском и португальском языках, разработке специальных программ радиовещания на Латинскую Америку, создании библиотек американской апологетической литературы. Все эти

² Гонионский С.А. Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960; Зубок Л.И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900—1939. М., 1948; Нитобург Э.Л. Политика американского империализма на Кубе. 1918—1939. М., 1965; Гвоздарев Б.И. Организация американских государств. М., 1960; Он же. Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1966; Антясов М.В. Современный панамериканизм. М., 1960.

³ Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке (1939-1945). С. 102-112.

методы, как справедливо указывает автор, были использованы американским империализмом в годы холодной войны во всех странах «третьего мира» в рамках стратегии неокOLONиализма⁴.

В 1939-1945 гг. американская дипломатия добивалась прежде всего обеспечения политической стабильности в регионе и поддержки США со стороны латиноамериканских стран. В результате были достигнуты бесперебойные поставки военно-стратегического сырья в США из Латинской Америки. Большое значение придавала дипломатия США созданию военно-морских и военно-воздушных баз на территории латиноамериканских стран. Немаловажным было и подавление шпионской и подрывной деятельности фашистов в Западном полушарии. К весне 1945 г. все латиноамериканские страны объявили войну фашистским государствам, а Бразилия и Мексика участвовали в боевых действиях. Страны Латинской Америки стали участниками антигитлеровской коалиции, внося определенный вклад в разгром фашистских государств⁵.

С другой стороны, за годы войны в политике США усилились империалистические тенденции. Продолжалась политика укрепления реакционных диктатур. Опасаясь роста влияния социализма в Западном полушарии, правящие круги США принимали все меры, чтобы сохранить стабильность политической обстановки в странах этого региона. Волна левых переворотов и народных восстаний, начавшихся в Латинской Америке с 1943 г., побудила Вашингтон ускорить создание военно-политического блока в Западном полушарии⁶. Используя экономическую «помощь», США поддерживали те страны континента, которые соглашались содействовать укреплению американских позиций.

В монографии подробно исследуются отношения США с рядом ведущих латиноамериканских стран в исследуемый период: Бразилией (ставшей «опорой США в их латиноамериканской политике»), Мексикой, Чили, Аргентиной, Боливией.

Центральное место занимают дипломатические аспекты создания военно-политического блока в Западном полушарии, анализ основных этапов «блоковой дипломатии»: консультативное совещание министров иностранных дел в Панаме в 1939 г. (положившее начало политическому органу панамериканской системы — консультативному совещанию министров иностранных дел,

⁴ Там же. С. 121-126.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Там же. С. 244-247.

вошедшему составной частью в ОАГ); Гаванская консультативная конференция 1940 г.; конференция в Рио-де-Жанейро в 1942 г.; Чапультепекская конференция 1945 г.; позиция США и стран Латинской Америки на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 25 июня 1945 г.).

Автор делает закономерный вывод о том, что во время второй мировой войны известное ослабление противоречий между США и странами Латинской Америки вовсе не означало, что американские правящие круги отказались от своих империалистических целей. Анализ политики США в отношении Латинской Америки в период 1939—1945 гг. показывает, что в годы войны американский капитал утвердил свои позиции в Западном полушарии, усилил эксплуатацию природных ресурсов континента и увеличил полуколониальную зависимость Латинской Америки. Планы правящих кругов США имели своей целью создание постоянного военного блока в Западном полушарии. В рамках сформированного Соединенными Штатами объединения латиноамериканских стран Вашингтон добился вытеснения своих конкурентов из основных стран континента и закрепил за собой первое место в инвестициях и торговле Западного полушария. Этот опыт США пригодился впоследствии при создании всемирной системы агрессивных военных блоков в качестве оплота империализма США. Приемы и методы дипломатии Вашингтона, впервые использованные в Латинской Америке в годы второй мировой войны, остались в арсенале американской внешней политики до сих пор. В настоящее время они более известны под именем неокOLONИализма — этой современной разновидности империалистической экспансии⁷.

В своей следующей монографии, основанной на материалах и документах госдепартамента США, американской и латиноамериканской прессы, И.И. Янчук исследовал империалистическую экспансию США в страны Латинской Америки в 1918-1928 гг. Значительное место в работе уделено методам экономической экспансии, становлению и действию механизма госкапитализма в сфере внешней политики США. В центре исследования Мексика и Никарагуа — главные объекты экспансии империализма США на латиноамериканском континенте в 20-е годы. В монографии подробно освещается политика Вашингтона в странах Карибского бассейна.

Как и в отношении к предыдущей работе можно подчеркнуть,

⁷ Там же. С. 319.

что эта монография внесла значительный вклад в отечественную латиноамериканистику, будучи первым обобщающим исследованием по данной проблеме. Отдельные аспекты исследовались в упоминавшихся выше трудах советских латиноамериканистов (кроме них необходимо отметить книгу Л.Ю. Слёзкина, охватывающую часть периода, исследованного И.И. Янчуком⁸). Но по привлеченным источникам (среди них уникальным можно назвать широкое использование автором дипломатической корреспонденции – писем и посланий американских послов госдепартаменту) и литературе никто до И.И. Янчука не предпринимал подобного подробного и обстоятельного исследования.

Автор показывает, что страны Латинской Америки издавна являлись объектом империалистической экспансии США. Но особенно широкий размах проникновение американского монополистического капитала в этот регион получило после окончания первой мировой войны, в ходе которой основные конкуренты США были значительно ослаблены. «Именно в 20-х годах XX в. сложилась система полукOLONиального господства США в странах Карибского бассейна, опиравшаяся на морскую пехоту и финансовый контроль. Сотни миллионов американских долларов устремились в Южную Америку, Уолл-стрит вытеснил лондонский Сити, долгое время остававшийся финансовым центром Западного полушария. Крупнейшие монополии США в погоне за прибылью создали в Латинской Америке свои филиалы, и по настоящее время действующие здесь».

Одной из главных целей работы является исследование методов, с помощью которых власти США смогли нейтрализовать революционную волну, поднявшуюся на континенте после Великой Октябрьской социалистической революции. В ведущих странах этого региона в 1917—1922 гг. наблюдались крупные выступления трудящихся масс, направленные против олигархии и империализма. «Яркий пример революционной России, положившей конец хозяйничанью иностранных монополий, несомненно обладал притягательной силой для латиноамериканских стран»⁹. Кроме того, мощный удар по системе господства империализма в Латинской Америке был нанесен Мексиканской революцией 1910—1917 гг. И

⁸ Слёзкин Л.Ю. Политика США в Южной Америке (1929—1933). М., 1956.

⁹ Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке (1918-1928). С. 5.

совсем не случайно, пишет автор, Мексика первой среди латиноамериканских стран в 1924 г. установила дипломатические отношения с СССР.

И.И. Янчук полемизирует с американской историографией, утверждающей о «благородной», «антиимпериалистической» направленности политики США по отношению к странам Латинской Америки в этот период. Даже ярые приверженцы апологетической линии государственного департамента, пишет он, не могут отрицать явных фактов грубого вмешательства США, посылку морской пехоты для подавления народных выступлений, т. е. прямую агрессию, во многие латиноамериканские страны: Мексику, Панаму, Гондурас, Гаити, Доминиканскую Республику, Никарагуа и др. Все это, однако, преподносится как проявление «цивилизаторской миссии» Соединенных Штатов, американские авторы утверждают, что мотивы содействия экономической экспансии США в этом районе играли весьма незначительную роль при выработке политики. Хотя существует достоверная статистика, свидетельствующая, что интервенции неизбежно сопровождалась ростом инвестиций США.

На новом фактическом материале в книге вскрывается связь дипломатии США с интересами крупнейших монополистических группировок, выясняются зигзаги политики Вашингтона в зависимости от соотношения сил между этими группировками. Важно отметить, что анализ взаимоотношений государственного аппарата и крупнейших монополий при выработке и проведении политики в отношении Латинской Америки дает возможность выявить механизм функционирования государственно-монополистического капитализма на первых этапах его развития. Основные направления «дипломатии доллара», экономической экспансии США в регионе в 20-е годы, включая внешнюю торговлю, финансовый империализм, контроль над нефтяными ресурсами подробно освещены в первых двух главах¹⁰. Интересно, что в разделах по экономическим взаимоотношениям между США и странами Латинской Америки автор уделяет много внимания положению в Перу, видимо уже собирая материал для последующей страноведческой работы¹¹.

Хотя, конечно, главное место занимают экономические связи с Колумбией, Венесуэлой, Аргентиной, Бразилией, Мексикой.

Экономическая, политическая и дипломатическая история от-

¹⁰ Там же. С. 11-78.

¹¹ См.: Там же. С. 31-38.

ношений США со странами Латинской Америки дополняется подробным исследованием военного интервенционизма. Отмечается, что в годы первой мировой войны США оккупировали Кубу, Гаити и Доминиканскую Республику. А в послевоенное время они делали все, чтобы закрепить за собой эти и другие протектораты в Карибском бассейне. Была разработана система политических и экономических мер, направленных на полную гегемонию в Карибском регионе и на вытеснение своих империалистических соперников в Южной Америке.

На грани военного конфликта были отношения США с Мексикой, где правительство намеревалось провести ряд антиимпериалистических реформ. Под грубым нажимом США произошло свертывание аграрной реформы, отказ от нефтяного закона, ограничивавшего всевластие американских нефтяных корпораций¹².

Особое внимание в монографии уделяется интервенционистскому курсу США в Карибском бассейне и Никарагуа. В главе, посвященной Карибскому бассейну рассматривается идеология интервенционизма, соглашения 1923 г., вторжение в Доминиканскую республику, оккупация Гаити, итогом которой были «вовсе не блага цивилизации, как об этом неустанно твердит американская буржуазная историография, а, наоборот, углубление бедствий и несчастий народных масс, подвергающихся двойной эксплуатации»¹³.

В главе о Никарагуа описывается политика финансового закабаления страны, мятеж Э.Чаморро, события гражданской войны, миссия Стимсона и подписание в 1927 г. соглашения в Типитапе о перемирии. Центральное место занимает анализ позиции США по отношению к национально-освободительному движению во главе с А. Сандино.

Общий вывод И.И. Янчука состоит в том, что в исследуемый период в центре внешнеполитического курса Вашингтона в Латинской Америке стояли задачи содействия экспансии империалистических, монополий. Накопленные за годы войны крупные «излишки» капитала нашли самый ближайший и самый выгодный источник приложения — страны Западного полушария. Госдепартамент и министерство торговли США стали прямыми пособниками интересов монополий в масштабах, ранее не известных в американской истории. Идеологической основой экспансии американ-

¹² Там же. С. 151-152.

¹³ Там же. С. 246.

ского империализма по-прежнему оставалась «доктрина Монро» с ее многочисленными интерпретациями, наиболее важной из которых было «дополнение Т. Рузвельта» 1904 г., согласно которому США присвоили себе полицейские функции в Латинской Америке. Попутно достигалась и другая цель — исключить европейских конкурентов.

Большое значение в 20-е годы приобрела доктрина «защиты жизни и собственности американцев». Согласно этой доктрине американец и его собственность получали экстерриториальные права, и американское правительство «брало на себя» обязанность поддерживать военными и экономическими методами «специальные права и привилегии» своих подданных. Вооруженная интервенция, непризнание, дипломатическое давление, отказ в займах широко практиковались Вашингтоном против тех латиноамериканских правительств, которые осмеливались не выполнять требований финансистов и других собственников США.

Еще заостренной, чем в первой монографии делается упор на неизменность основных форм и методов империалистической политики, проводившейся в 20-е годы. Финансовые миссии сменились Межамериканским банком, находившимся под контролем США. Вместо использования марионеточных вооруженных сил, как это делалось в Гаити, Никарагуа или Доминиканской Республике в первой трети XX в. — разработаны программы обучения в США тысяч латиноамериканских военных. А внутренняя политика тщательно контролируется американскими военными миссиями. В чрезвычайных же случаях «зеленые береты» выступают советниками местных карательных соединений в армиях латиноамериканских стран.

Именно в 20-е годы проявилась тенденция к росту задолженности латиноамериканских государств США, которая привела к истощению национальной казны и закончилась финансовым крахом и неплатежеспособностью большинства стран региона в 30-е годы. А в настоящее время, пишет автор, задолженность этих государств Соединенным Штатам приобрела колоссальные размеры, а их финансовая система стоит на грани краха. Финансовые цепи — наиболее примечательная черта неокOLONиалистской политики империализма США — выковались в первой трети XX в. Экспансия американского капитала содействовала уродливому развитию экономики, усиливала технологическую зависимость, фактически денационализировала важнейшие национальные богатства, истощала народное хозяйство латиноамериканских стран путем выка-

чивания крупных финансовых средств за их пределы, ужесточала эксплуатацию трудящихся. Для усиления гегемонии в Западном полушарии дипломатия США использовала панамериканскую систему, целиком и полностью контролировавшуюся Вашингтоном.

Тем не менее, именно в 20-е годы интервенционизм получил первый ощутимый отпор со стороны правительств латиноамериканских стран, широкой общественности. Кризис латиноамериканской политики Вашингтона к 1928 г. стал столь очевиден, что породил в среде американских правящих кругов опасения за сохранение позиций США в этом регионе. Спешно начали разрабатываться определенные меры, воплотившиеся впоследствии в политику «доброе соседство», выдвинутую Ф. Рузвельтом¹⁴.

И.И.Янчук внес весомый вклад в подготовку и издание архивных документов по проблеме «Коминтерн и Латинская Америка»¹⁵, посвятив значительное время сбору архивных документов по участию перуанцев в деятельности Коммунистического Интернационала (частично собранные им материалы были опубликованы в нескольких номерах «Латиноамериканского исторического альманаха»)¹⁶.

В 2000 г. увидел свет коллективный труд «История Перу с древнейших времен до конца XX века»¹⁷ (отв. редакторы И.И.Янчук, С.А.Созина) – первое в российской и советской историографии обобщающее научное исследование, охватывающее все эпохи истории Перу от древних цивилизаций до настоящего времени. В этом труде И.И.Янчук является не только ответственным редактором, но и автором глав и разделов по истории XIX–XX вв. Важно отметить, что они написаны на основе многих документов, почерпнутых автором из перуанских и российских архивов.

Большое значение имеет отношение авторов труда к коренному народу – американским индейцам. В книге доказывается, что именно их трудом, потом и кровью был произведен гигантский

¹⁴ Там же. С. 326.

¹⁵ Коминтерн и Латинская Америка (Сборник документов). Отв. редакторы Н.П.Калмыков, И.И.Янчук. М., 1998.

¹⁶ Янчук И.И. Коминтерн и Перу: выборы 1931 г. (по документам РЦХИДНИ) // Латиноамериканский исторический альманах. №1. М., 2000; Он же. Вторая конференция коммунистических партий Латинской Америки. Москва, 2-10 октября 1930 г. Аналитический очерк // Латиноамериканский исторический альманах. №6. М., 2005.

¹⁷ История Перу с древнейших времен до конца XX века. Отв. редакторы И.И.Янчук, С.А.Созина. М., 2000.

скачок, который совершили в своем развитии страны поднимавшегося капитализма в Европе, взошедшие как на дрожжах на огромных природных и человеческих ресурсах, в частности и андских индейцев. Одним из важных аспектов в этой связи выступает решение проблемы поступательного развития индейских народов к более зрелым формам общественного бытия. Авторы труда считают, что преемственность исторического процесса в Андах за последние 500 лет развивалась по восходящей при всем трагизме эпохи завоевания и последующей колонизации. Проявив социальный прагматизм, испанская метрополия сохранила значительные элементы традиционной андской культуры, с помощью которых часть индейских народов, переживших конкисту, включилась в систему колониальной эксплуатации. Так была обеспечена преемственность или, как говорил Х.К. Мариатеги, "интегральность" их исторического развития в колониальный период.

Обратная сторона картины состояла в хищническом характере режима колониальной эксплуатации. Индейское крестьянство обрекалось на существование в условиях феодализма регрессивного экстенсивного (колониального) толка, что закрепляло отсталость уже в новых исторических условиях. Индейцы отодвигались на самый край маргинальных слоев общества. И ответственность за это несет испанская колониальная система.

И.И. Янчук в своих главах и разделах делает вывод о том, что развитие Перу в XIX в. определялось рамками экспансии мирового капитализма. Три волны буржуазных революций в Перу протекали в унисон с подобными же процессами в других странах Латинской Америки: первая волна - война за независимость 1809-1826 гг.; вторая - революция 1854-1855 гг. покончила с рабством и подушной податью индейцев; третья - гражданская война 1894-1895 гг. положила конец господству каудильизма и милитаризма и вписала страну в мировой капиталистический порядок в качестве сырьевого придатка ведущих капиталистических государств. Капитализм в Перу носил характер в значительной степени встроеного извне. Ход и темпы развития нового общественного строя в конечном счете определялись иностранными державами - в XIX в. Англией, а в следующем столетии - США, Германией, Японией.

Оскудение запасов гуано (основного экспортного товара) в 70-е годы XIX в. и последовавшее за этим поражение Перу в Тихоокеанской войне 1879-1884 гг. стали причинами глубокого экономического кризиса и предопределили длительный период политической нестабильности. Оба этих фактора крайне обострили по-

ложение в стране. Помимо того, ухудшению положения способствовал установленный Великобританией во второй половине XIX в. контроль над перуанской горнорудной промышленностью, который затем перешел к монополиям США.

Выходы из тупика искали идеологи различных политических направлений, среди них санчессерризм, апризм, коммунизм и разделявшие их постулаты партии и различного рода политические группы определяли политический климат в стране в 30-40-е годы XX в.; постоянным фоном внутренней политики было недовольство народных масс своим тяжелым положением. Диктатуры Легии, Санчеса Серро и Бенавидеса стали ответом на антиправительственные выступления.

В годы второй мировой войны, пишет автор, несмотря на сильное влияние на многих перуанских политиков итальянского и немецкого фашизма, республика Перу стала членом антигитлеровской коалиции, участницей борьбы против государств "оси". Ее вклад в разгром фашизма выразился в основном в поставках в США стратегического сырья и в массовом движении солидарности с государствами, воевавшими против фашизма.

Как убедительно показано в работе, во второй половине XX в. в Перу имел место и классический тип латиноамериканской диктатуры крайне репрессивного характера (диктатура Одрии), и режим правления прогрессивных военных во главе с генералом Веласко Альварадо. Именно это правительство решилось на наиболее радикальные реформы, направленные на поиски эффективного выхода из порочного круга отсталости и зависимости. Его смелый социально-экономический и политический эксперимент, попытка создать государство «социальной демократии всеобщего участия» на основе уничтожения любых форм эксплуатации и угнетения, считает И.И. Янчук - одна из самых ярких страниц латиноамериканской истории второй половины XX в.

Авторы этого фундаментального труда делают, в частности, вывод о том, что в последние десятилетия нарастают процессы духовно-психологической индеанизации широких секторов перуанского общества, что отразилось, в частности, в феномене «андского лидерства» в рабочих синдикатах. В третье тысячелетие коренные народы Перу, обогащённые опытом пятивековой борьбы, вступают глубоко осознающими свои человеческие, социальные и культурные права и свободы.

В 2007 г. И.И. Янчук стал одним из авторов труда «Черная книга капитализма», посвященного анализу роли капитализма в от-

дельных странах и его проявлениям в истории человечества. В главе, посвященной Латинской Америке, собран большой материал, доказывающий, что «безжалостная эксплуатация и уничтожение местного населения во имя становления и развития капитализма в течение более 500 лет терзают Латинскую Америку»¹⁸. Дается широкая картина вмешательства империалистических держав во внутренние дела стран континента, участия в государственных переворотах, установления у власти антинародных диктаторов, захвата сырьевых ресурсов, неравноправной торговли, оккупаций, вторжений. «Интервенции США в Латинскую Америку, - пишет И.И. Янчук, - это преступное применение насилия с целью извлечения баснословных прибылей за счет латиноамериканских народов»¹⁹. Нет ни одной латиноамериканской страны, считает автор, по отношению которой США не предпринимали силовых акций, в той или иной форме²⁰. В острой полемической форме И.И. Янчук обличает капитализм и империализм, считая, что именно они помешали латиноамериканским странам достичь подлинной независимости, преодолеть нищету и бедность народа. Выход из создавшегося положения он видит в борьбе левых сил, которые намерены строить новый социализм XXI века²¹.

В 2008 г. вышла в свет последняя монография И.И.Янчука «Перу на рубеже веков: 1884-1914 гг.»²², которая вызвала большой отклик среди специалистов и широкой читательской аудитории. В ней представлена «драма зависимого капитализма», войны за сырье (селитру), роль мирового капиталистического рынка, который в развитых странах обеспечивал научно-технический прогресс, а на периферии — ввергал ни в чем не повинных людей в нищету и абсолютное бесправие. Для большинства читателей самый большой интерес представила глава «Рост промышленности и дискуссия о выборе пути», где, как отмечалось в рецензиях, система аргументации перуанских апологетов продажи сырья и противников промышленного развития «такая знакомая, как будто наши продвинутые экономисты переводили с испанского статьи столетней давности». Пафос работы направлен против разделения людей на отдыхающих первой категории, которые «сходят с ума, потому что им нечего больше хотеть» — и на «говорящий инвентарь» в Перу,

¹⁸ Черная книга капитализма. М., 2007. С. 100.

¹⁹ Там же. С. 115.

²⁰ Там же. С. 123.

²¹ Там же. С. 134.

²² Янчук И.И.. Перу на рубеже веков: 1884-1914 гг. М., 2008.

прозябающий на задворках глобализации.

И.И.Янчук принял самое активное участие в издании фундаментальной 5-томной «Истории Латинской Америки», став автором глав и разделов по истории Перу. В последнем томе, посвященном историографии и общественной мысли XVI-XIX вв. он написал разделы, посвященные Перу, английской историографии (К.Маркхэм) и главу «Маркс и Латинская Америка»²³.

Игорь Иванович участвовал в различного рода научных проектах, написал массу статей для журналов «Новая и новейшая история», «Латинская Америка» и др. Неоднократно с успехом выступал на родине и за рубежом на конгрессах и конференциях, был тесно связан с высшей школой, несколько лет возглавляя Государственную аттестационную комиссию в Московском государственном областном университете, заботливо относился к своим аспирантам. Он всегда проявлял завидное рвение и ответственность в отношении всех своих обязательств перед Институтом; даже в последние месяцы своей борьбы с роковой болезнью, он более всего сетовал на то, что не сможет в срок и в полном объеме представить рукопись своей главы для нового коллективного труда. Превозмогая чудовищные боли, силился написать хотя бы несколько строк в день.

И.И. Янчук был не только незаурядным ученым, но и активно действующей личностью, политическим агитатором, искателем правды и справедливости. Его самостоятельность и смелость суждений не вписывалась в беспринципность современной политической жизни. Последовательный, как сейчас выражаются, «государственник», сторонник социализма, он не терпел либералов, и в собственных исследованиях высоко оценивал прежде всего тех латиноамериканских политиков, которые способствовали экономическому росту и политической консолидации своих государств. Цельность этой личности, последовательность в отстаивании собственных идей, открытость и неизменно товарищеское отношение к коллегам внушали уважение к И.И. Янчуку не только тех, кто разделял его суждения, но и его идейных противников. Он надолго запомнится всем, кто его знал и как крупного историка, и как яркую неординарную личность.

Н.С.Иванов

²³ История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков. // Отв. редактор д.и.н. Е.А. Ларин. М., 2010. С. 310-339, 673-687, 746-752.

Е.А. Ларин

Полвека научной деятельности Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Латиноамериканистика в нашей стране, впрочем, как и за рубежом, - относительно молодая научная дисциплина. В России зачатки ее появились в исследованиях конца XIX – начала XX вв. (А.С. Ионин, Н.А.Крюков, Г.Г.Манизер и др.). Больше внимания Латинской Америке в нашей стране стали уделять в 20 – 30 гг. почти исключительно в связи с деятельностью Коминтерна, что и предопределило суженные рамки изучаемого предмета, сведение его к анализу злободневных социальных и политических проблем. В этот же период работал один из лучших отечественных латиноамериканистов первой половины XX в. В.М.Мирошевский, погибший в начале 40 – х гг. В 1946 г. была опубликована его монография «Освободительные движения в американских колониях Испании: от их завоевания до войны за независимость».

Существенные сдвиги в изучении латиноамериканской истории наступили в начале 60 –х годов. Главным побудительным мотивом к тому стал мощный подъем национально – освободительного движения на континенте, увенчавшийся Кубинской революцией. И советское руководство, и научное сообщество весьма позитивно реагировали на это событие. В 1961 в нашей стране были образованы подлинно научные центры латиноамериканистики: Институт Латинской Америки (ИЛА) АН СССР, занявшийся комплексными проблемами континента на современном этапе, и Сектор истории стран Латинской Америки в Институте истории Академии наук СССР (с 1968 Институт всеобщей истории (ИВИ) АН СССР, (с 1992 - Центр латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН), в задачи которого входило монографическое изучение узловых проблем латиноамериканской истории от доколумбовых цивилизаций до окончания Второй мировой войны. Верхняя хронологическая граница определялась достаточно условно и по существу никогда не стесняла исследователей обоих коллективов.

В 60 – 80 – е годы основное ядро сектора составляли известные латиноамериканисты: М.С. Альперович, А.И.Штрахов, Ф.А. Гаранин, А.М.Зорина. Из этого, поистине золотого ядра наших латиноамериканистов, которых возглавлял Н.М.Лавров, ныне здравствует и продолжает трудиться только М.С.Альперович.

Это были прекрасные люди, глубоко любившие свою Родину, сра-

жавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны, а затем, одними из первых начинавшие изучать многие проблемы латиноамериканской истории. Думается, что в юбилейный год, вспоминая и поклоняясь их светлой памяти, вполне допустимо хотя бы вкратце коснуться некоторых отнюдь не академических черт их характера и вспомнить об этом, используя любимое выражение Н.М.Лаврова, «без протокола».

Душой сектора являлся А.И.Штрахов (1907 – 1981) – весельчак, балагур, живший целых 18 лет в семье выдающегося русского писателя А.Н.Толстого, прошедший Гражданскую войну в Испании, где долгое время был ближайшим помощником В.А. Антонова – Овсенко. После Испании – командир партизанского корпуса в Калининской области. В послевоенное время работал в Институте истории и Институте всеобщей истории АН СССР. На всех секторских праздничных мероприятиях неизменно садился рядом с А.М.Зориной, которую острее чем кого-либо критиковал при обсуждении рукописей тех или иных работ, однако, в процессе застолья неоднократно слышалось его очень душевные восклицания: «Адель, позволь я тебя лабзну?!» Алексей Иванович прекрасно знал историю Аргентины, по которой защитил докторскую диссертацию. Хотелось бы также отметить, что он много сделал для расширения аспирантуры Института всеобщей истории за счет привлечения туда выпускников истфака МГУ: Н.П.Калмыкова, И.И. Янчука, К.В.Комарова, Л.А.Ивкину и автора этих строк, ставших в дальнейшем основой Центра латиноамериканских исследований.

Н.М.Лавров (1915 – 1989) – в недавнем прошлом храбрый капитан Советской Армии, был столь же надежным заведующим сектором и многосторонним исследователем. Его сфера научных интересов – национально-освободительное движение в Латинской Америке в XIX в. и Мексиканская революция 1910 – 1917 гг., которой была посвящена его очень основательная монография с аналогичным названием и защищена как докторская диссертация. Участник боев за Сталинград, Крым и Варшаву, прошедший всю войну в пехоте, неоднократно раненый и до последних дней хромавший Николай Матвеевич по отношению к нам, молодым, неизменно был строг и требователен, что, безусловно, способствовало нашему творческому росту.

Аделаида Михайловна Зорина (1910 – 1977) еще до прихода в Институт уже была известным автором, активно работавшим в латиноамериканистике вместе со своим мужем В.М. Мирошевским. Мы, молодые латиноамериканисты, запомнили ее неизменно элегантною, всегда уверенно выступавшей в секторских дискуссиях, умело парировавшей порой даже необоснованные наскоки (может быть любя !) своих коллег – мужчин. Для нее наиболее значимые исследовательские проблемы зиждились в кубинской истории, в рабочем движении Острова Свободы, в его борьбе за независимость.

Федор Алексеевич Гаранин (1910 – 1981) был для нас человеком – загадкой. Он пришел в академический институт из органов госбезопасности. Меня лично он однажды потряс тем, что когда обсуждали мою главу («Куба в 1939 – 1952 гг.») для «Очерков истории Кубы», Ф.А.Гаранин выступил с едва ли не самым компетентным и критическим анализом, приведя ряд практически неизвестных деталей кубинской истории того времени. Неожиданность столь профессионального выступления по кубинской проблематике специалиста по истории Чили для меня прояснилась только года через три, когда мы с Ф.А. Гараниным стали вместе ездить по грибы. Как-то я спросил его об этом. Его ответ потряс меня еще больше, чем само выступление трехлетней давности: «А ты, что думаешь, что человек бывший в 1942 г. на свадьбе дочери Фульхенсио Батисты, не может знать каких-то второстепенных деталей?»

Прежде всего, на эту группу историков во главе с Н.М.Лавровым легла вся тяжесть подготовки первых крупных обобщающих трудов «Очерки новой и новейшей истории Мексики» (Под ред. М.С.Альперовича и Н.М.Лаврова, М., 1960), «Очерки Истории Аргентины» (Отв. ред. В.И.Ермолаев, М., 1961), «Очерки истории Бразилии» (Отв. ред. В.И.Ермолаев, М., 1962), «Очерки истории Чили» (Отв. ред. Н.М.Лавров, М., 1967). «Очерки истории Кубы» (Отв. ред. Н.М.Лавров, М., 1978). В написании этих работ участвовал и целый ряд известных латиноамериканистов, работавших в других научных организациях г. Москвы: Б.И.Коваль, А.Н.Глинкин, В.И.Ермолаев и др., а также Л.Ю.Слезкин (Сектор истории США ИВИ).

Начиная со второй половины 50 – х годов в Институте стали выходить монографические исследования по латиноамериканской проблематике. Стоит отметить, что в данном очерке упоминаются отдельные работы, опубликованные институтскими авторами, которые или раньше работали в Секторе, или же были связаны с ним, как с основным центром, интегрирующим латиноамериканские исследования. Среди первых трудов подобного рода следует назвать: Л.Ю.Слезкин «Испано–американская война 1898 г. (М., 1956), его же «Россия и война за независимость в Латинской Америке» (М., 1964), а так же «История Кубинской республики» (М., 1966); Болховитинов Н.Н. «Доктрина Монро» (М., 1959); Зорина А.М. «Из героического прошлого кубинского народа» (М.,1961); Созина С.А. «Муиски – еще одна цивилизация древней Америки» (М., 1969).

Шестидесятые годы оказались исключительно плодотворными в научной деятельности одного из виднейших отечественных латиноамериканистов М.С. Альперовича. В этот период им были опубликованы: «Война за независимость Мексики» (М.,1964), «Освободительное движение конца XVIII – начала XIX в. в Латинской Америке» (М.,

1966) «Советская историография стран Латинской Америки» (М., 1968). Кроме того, в соавторстве с Л.Ю.Слезкиным вышли два их труда «Образование независимых государств в Латинской Америке (1804 – 1903)» (М., 1966) и «Новая история стран Латинской Америки» (М., 1970).

Первое поколение латиноамериканистов Сектора (в дальнейшем Центра латиноамериканских исследований) не только опубликовало крупные, весьма важные для развития отечественной латиноамериканистики исследования, но и сумело подготовить себе достойную смену в лице тех, кто сегодня продолжает начатое ими дело: Н.П. Калмыков, который, хотя и работает последние годы шеф-редактором Большой Российской Энциклопедии, но остается верным своей первой университетской «любви» - латиноамериканистике, и полнокровно участвует в нашей научной жизни, В.П. Казаков, А.А. Щелчков, Л.А. Ивкина, Л.Ю. Кораблева, И.В. Селиванова, и тех, кто долгие годы работал в Секторе (Центре), принося ему известность в академическом мире: И.И. Янчук, Н.Г. Ильина, Б.Я. Михайлов, В.Н. Селиванов, Л.М. Ермакович, К.В. Комаров, М.П. Хабаров(к сожалению ушедшие от нас), а также С.А. Созина, О.А. Глинкина, А.Б. Карпова.

Помимо «Очерков истории Кубы» (отмеченных выше) в 70 – е годы вышли монографии: Альперович М.С. «Испанская Америка в борьбе за независимость» (М., 1971), его же «Революция и диктатура в Парагвае 1810 – 1840)». М., 1975; Ильина Н.Г. Колумбия: от колонии к независимости. 1781 – 1819» (М., 1976), Н.М. Лавров «Мексиканская революция 1910 – 1917 гг.» (М., 1972), А.М.Зорина «Рабочее движение на Кубе (от первых выступлений пролетариата до образования Коммунистической партии)» М., 1975, Ф.А.Гаранин «Народный фронт в Чили 1936 – 1941 гг.» (М., 1973), Е.А.Ларин «Повстанческая армия в Кубинской революции (декабрь 1956 – январь 1959)». М., 1977, А.П. Москаленко «Пуэрто- Рико и США» (М., 1974), Л.Ю. Слезкин . Земля Святого Креста: открытие и завоевание Бразилии» (М., 1970). С.А.Созина «На горизонте – Эльдorado. Из истории открытия и завоевания Колумбии» (М.,1972), ее же «Тупак Амару – великий индейский повстанец. 1738 – 1781» (М., 1979), А.И. Штрахов «Война за независимость Аргентины» (М., 1976), И.И. Янчук «Политика США в Латинской Америке 1939 – 1945» (М.,1975).

В 80 – е годы в среде латиноамериканистов ИВИ произошел естественный процесс смены поколений. Вклад первого послевоенного поколения латиноамериканистов (Альперович М.С., Лавров Н.М., Штрахов А.И., Слезкин Л.Ю., Зорина А.М., Гаранин Ф.А.) трудно переоценить. По существу именно ему пришлось создавать основные направления и концепции отечественной латиноамериканистики, разделяя эту честь с В.М. Мирошевским и упоминавшимися выше авто-

рами первых крупных коллективных трудов. Для каждого из них были характерны оригинальность мысли, убедительность аргументации, порой острая полемичность, живость языка. Эстафета была подхвачена их учениками. В 1987 г. Сектор истории стран Латинской Америки возглавил автор этих строк.

В 80 – е годы весьма успешно продолжал исследовательскую деятельность творческий дуэт Альперович М.С. – Слезкин Л.Ю. В 1981 г. они опубликовали одно из лучших учебных пособий для вузов «История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века», переизданное в 1991 г. В это десятилетие также увидели свет следующие труды: М. С. Альперович «Франсиско де Миранда в России» (М., 1986), Л.М. Ермакович «Политическая борьба в Венесуэле в конце XIX – начале XX в.» (М., 1989), Н.П. Калмыков «Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс» (М., 1982), К.В. Комаров . «Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины» (М., 1988),), Е.А. Ларин «Куба конца XVIII – первой трети XIX в.» (М., 1989), Н.Д. Луцков «Оккупация Гаити Соединенными Штатами. 1915 – 1934» (М., 1981), В.Н. Селиванов «Латинская Америка: от конкистадоров до независимости» (М., 1984), И.И.Янчук «Политика США в Латинской Америке. 1918 – 1928» (М., 1982).

С начала 90 – х годов научная деятельность Центра латиноамериканских исследований направлена на реализацию двух больших проектов: «Универсализм и самобытность в истории Латинской Америки» и «Россия и Латинская Америка». Оба эти направления, особенно первое, нашли отражение в многотомном, обобщающем труде «История Латинской Америки». Его идея была предложена нашими «стариками» (позволю себе использовать этот термин по аналогии с великими стариками Малого театра) в 70 – годы. В то время в Секторе постоянно шли оживленные дискуссии о характере будущей работы, ее содержании, авторском коллективе, количестве томов, о наиболее сложных концептуальных вопросах. Тогда было решено создавать двухтомное исследование: первый том - от доколумбовых цивилизаций до 70 – годов XIX в., второй – от 70 – х годов XIX в. до 70 – х годов XX в.

Время внесло свои коррективы. Возник довольно смелый проект: написать многотомную «Историю Латинской Америки». По существу, пока ни одна страна мира не реализовала эту идею своими силами. Правда, есть многотомная так называемая «кембриджская» история, осуществляемая в Великобритании знаменитым университетом. Однако этот вариант представляет собой огромный международный проект, суть которого в том, что любая глава по истории той или иной латиноамериканской страны заказывалась или заказывается историкам именно этой страны. Таким образом, Кембриджский университет фактиче-

ски является «главным редактором», координатором и издателем.

Реализация нашего проекта, несмотря на все трудности 90 – х годов, в целом прошла успешно, что во многом было обусловлено постоянным вниманием к этому труду со стороны директора Института всеобщей истории академика РАН А.О. Чубарьяна, Российского гуманитарного научного фонда, поддерживавшего грантами идею написания и издания ряда томов, дирекции издательства «Наука», и прежде всего заведующей Редакцией Всеобщей истории Н.Л.Петровой. Авторскому коллективу в целом удалось осуществить многое из того, что в свое время задумывалось нашими учителями, и учесть новые тенденции в развитии мировой исторической науки.

В настоящее время увидели свет пять томов этого труда: «История Латинской Америки. От доколумбовых цивилизаций до 70 – х гг. XIX в.» (М., 1991. Отв. ред. Н.М.Лавров), История Латинской Америки. 70 – е годы XIX в. – 1918 г., М., 1993. Отв. ред. Е.А.Ларин), История Латинской Америки. 1918 – 1945 гг., М., 1999. Отв. ред. Н.П.Калмыков), История Латинской Америки. Вторая половина XX в., М., 2004. Отв. ред. Е.А. Ларин). История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX веков, М., 2010. Отв. ред. Е.А. Ларин).

Универсализм и самобытность. Данные ключевые понятия определяют суть того, что поставлено во главу угла при анализе колониальной истории латиноамериканских народов и истории независимых государств региона. На страницах этих объемистых томов (более 40 п.л. каждый, четвертый том – 52, 8 п.л., пятый – 68 п.л.) большое внимание уделяется латиноамериканской истории как составной части всемирно – исторического процесса и своеобразию, специфике, оригинальным проявлениям автохтонных начал в самых разнообразных сферах (экономика, политика, социально – экономические отношения, культура).

Анализ, проведенный в этих томах, показывает, что поиски собственных моделей развития осложнялись в латиноамериканских странах характером и спецификой социально – экономических отношений, выразившихся в том, что развитие в них капитализма никогда ранее не приводило к радикальной ликвидации предшествующих способов производства, а было лишь медленным, прерывистым переходом от примитивных к более сложным формам. Вместе с тем этот процесс был связан и во многом зависим от экономических интересов ведущих держав мира, т. е. развивался в контексте эволюции и экспансии мирового капитализма.

Отнюдь не случайно половина труда посвящено XX столетию. Еще в начале 20 х годов XIX в., на заре латиноамериканской независимости, Гегель отмечал, что Америка (имелся в виду весь континент)

должна прочувствовать самую себя, самореализоваться, ибо всё, что имело место там ранее было эхом Старого Света, отражением чужой жизни. Страны Латинской Америки в XIX в., используя терминологию великого философа, только «прочувствовали себя», преодолевая наследие колониального прошлого в экономике, социальной и культурной сферах, создавая необходимые предпосылки для «самореализации» в XX в.

Особое место в обновленческих тенденциях социально – экономического и политического характера в Латинской Америке в XX в. имела революция в Мексике (1910 – 1917). Ее основные проблемы: достижение политического суверенитета, экономической независимости, социальной справедливости и аграрный вопрос – в дальнейшем составили сердцевину Гватемальской (1944 – 1954), Боливийской 1952 г., Кубинской 1959 г. и Сандинистской 1979 г. революций. Все эти явления наряду с победой и поражением Народного единства в Чили, диктаторскими и военными режимами, консервативными, реформистскими и революционными моделями социально – экономического развития латиноамериканских стран обстоятельно анализируются в различных томах этого труда.

Авторы учли в своей работе над главами и утвердившийся в мировой исторической мысли последних десятилетий стойкий интерес к политической биографии, уделив значительно больше внимания, чем прежде, жизни и деятельности наиболее ярких государственных деятелей, революционных борцов, политических лидеров. Галерея этих портретов весьма представительна: Ф. Миранда, С.Боливар, Х. де Сан–Мартин, Б. Хуарес, Х. Марти, П. Вилья, Э. Сапата, Ж. Варгас, Л. Карденас, Х. Доминго Перрон, Ф. Кастро, Э. Че Гевара, С. Альенде и многие другие.

Проблемы универсализма и самобытности нашли отражение и в ряде сборников статей, подготовленных в 90 – е гг. сотрудниками Центра латиноамериканских исследований, К 500 – летию «открытия» Нового Света вышла книга «Исторические судьбы Латинской Америки» (Отв. ред. И.И. Янчук, М., 1993), а в 1994 г. – «Латинская Америка в исторической ретроспективе. XVI – XIX вв.» (Отв. ред. С.А.Созина).

Первый сборник включает в себя материалы международной конференции, проводившейся в Институте всеобщей истории в связи с 500 - летием знаменательной даты, связанной с первым плаванием Х. Колумба к берегам Американского континента. В конференции приняли участие ведущие латиноамериканисты и американисты нашей страны, а также ученые из Аргентины, Великобритании, ГДР, Мексики, Никарагуа, Польши, США, Чехословакии и Швеции.

При всей поливариантности суждений и оценок этого всемирно – исторического события, имевших место в ходе дискуссий, думается

всё же, что общая тональность конференции в основном совпала с удачно сформулированной темой выступления С.А.Созиной: «Встреча Старого и Нового Света как ступень на пути к единому мировому обществу». Вторая из указанных выше книг посвящена светлой памяти одного из крупнейших отечественных латиноамериканистов А.Ф. Шульговского (1926 – 1991), который дал в этот сборник одну из своих последних статей. Рассмотренные в сборнике проблемы касаются в основном многоукладности в экономике Испанской Америки и характера революций и реформ в Латинской Америке и Испании в XIX в.

Девяностые годы стали для сотрудников Центра «десятилетием коллективных трудов». Количество монографических исследований почти сошло на нет. В этот период была опубликована издательством «Прогресс» только книга Н.П. Калмыкова и Е.А.Ларина «História da América Latina» (М., 1991). Сохранил свою верность латиноамериканской проблематике и М.С.Альперович, хотя в это время уже работал в Центре североамериканских исследований. В 1994 г. увидела свет его монография «Россия и Новый Свет». Проблемы колониальной истории нашли отражение в диссертации аспиранта и позже сотрудника Центра Селивановой И.В.¹

В 1998 г. Центр опубликовал сборник документов «Коминтерн и Латинская Америка» (Отв. ред. Н.П. Калмыков, И.И.Янчук). Это – первая источниковедческая работа латиноамериканистов Института всеобщей истории и первая публикация документов, связанных с деятельностью III Международного Коммунистического Интернационала в этом регионе. Говоря о принципах их отбора, Н.П. Калмыков отмечает во введении, что публикаторы: «Прежде всего принимали во внимание историческую значимость источника, учитывали, какую роль сыграл он в развитии событий. Преимущество отдавалось документам, в которых прослеживаются разногласия, споры, противостояния. Мы также ставили перед собой задачу, чтобы в сборнике были представлены исторические источники самого различного происхождения: решения директивных органов Коминтерна, подготовительные материалы к этим решениям, переписка центра с компартиями, отчеты работников Коминтерна, командировавшихся в страны Латинской Америки, аналитические записки, жалобы и т.д. В сборнике представлены документы, относящиеся к различным странам, большим и малым, что в совокупности дает картину развития коммунистического движения на всем континенте. Разнообразие и обилие источников, их содержание делают их интересными не только для исследователей ре-

¹ Селиванова И.В. «Город Мехико в конце колониальной эпохи (социально-экономический анализ). Автореф. дис. кан. истор.наук. М, 1996. – 24 с.

волюционного движения, но также для специалистов по политической, социальной, экономической истории, истории общественной мысли и международных отношений»².

Двухтысячный год ознаменовался успешным возвращением к страноведческим исследованиям: увидел свет коллективный труд «История Перу с древнейших времен до конца XX века» (Отв. ред. С.А. Созина. И.И. Янчук). До появления этой работы в отечественной латиноамериканистике в наибольшей степени была исследована перуанская история XVI – XVIII вв., прежде всего благодаря публикациям Ю.А. Зубрицкого и В.А.Кузьмищева (Зубрицкий Ю.А. Инки – кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975; Кузьмищев В.А. У истоков общественной мысли Перу. Гарсиласо и его история инков. М., 1979; Культура Перу. М., 1975). Правда, в 1977 г. вышла книга Ю.П. Гаврикова «Перу: от инков до наших дней», однако, она носила скорее научно – популярный характер.

«История Перу...» - первое в отечественной и европейской латиноамериканистике фундаментальное исследование, анализирующее все этапы и вносящее много нового в разработку перуанской истории. Авторскому коллективу предстояло решить ряд сложных концептуальных проблем. Заслуживает внимания целый ряд принципиально новых выводов, в частности о том, что андские цивилизации «развивались по законам, сходным с действовавшими в других мировых центрах, в частности на Древнем Востоке. Оказались сравнимы и темпы исторического прогресса в Новом и Старом Свете. Путь от древнейших государств к первым империям в Андах был пройден за три тысячелетия, а в Месопотамии за два с половиной. Империя инков как цивилизация бронзового века к середине XVI в. хронологически и стадияльно отставала от современных ей народов Европы, где в это время совершался переход от феодализма к капитализму. Причины такого запаздывания Центральных Анд очевидно кроются в экстенсивном характере и длительности процесса заселения и освоения индейскими первопроходцами огромных пространств обеих Америк и в самом факте длительной изоляции Америки от других регионов и континентов Земного шара»³.

Важным начинанием Центра стал ежегодный выпуск «Латиноамериканского исторического альманаха», первый номер которого вышел в 2000 г. (постоянный отв. ред. д.и.н. А.А.Щелчков). Уже увидели свет 10 номеров Альманаха, структурно напоминающих традиционные ежегодники, в котором принимают участие как российские авторы, так и исследователи латиноамериканских стран, Европы и США.

² Коминтерн и Латинская Америка. М., 1998. С. 4.

³ История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С.5 – 6.

Несмотря на большую занятость в коллективных трудах практически все сотрудники Центра продолжают работать над монографическими исследованиями. В 2000 г. увидела свет книга В.П. Казакова «Общенациональный кризис в Аргентине. 1890 – 1893. Истоки и последствия»⁴. В 2008 г. вышла его новая монография «Радикалы в истории Аргентины: поиски модели национального развития»⁵, а в 2007 г. «Политическая история Аргентины в XX в»⁶. Начало XXI века было весьма плодотворным и у А.А.Щелчкова. В 2001 г. из-под его пера вышла монография «Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936 – 1939 гг.»⁷, которая легла в основу защищенной им в 2005 г. докторской диссертации. В том же году он опубликовал еще одно исследование: «Консервативная социальная утопия в Боливии: правление М.И.Бельсу (1848 – 1855)»⁸ (В 2011 г. эта книга вышла в свет на испанском языке в Боливии)⁹. В последующие годы увидели свет две других монографии «Политическая история Чили XX века» (в соавторстве с Е.Ю. Богуш)¹⁰, а также «Война за независимость Чили» в 2010 г.¹¹. В Боливии в 2008 г. была опубликована его книга «Andrés Ibáñez. La revolución de la igualdad en Santa Cruz»¹².

В 2007 г. увидела свет работа Л.А.Ивкиной «Десятилетняя война на Кубе (1868 – 1878)»¹³, а в 2008 г. И.И. Янчука «Социально – экономическая и политическая эволюция Перу (1884 – 1914)»¹⁴. В 2010 г. аспирант Центра латиноамериканских исследований А.С. Шишков

⁴ Казаков В.П. Общенациональный кризис в Аргентине. 1890 -1893. Истоки и последствия. М.: ИВИ РАН, 2000.

⁵ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины: поиски модели национального развития. М.: Наука, 2008.

⁶ Казаков В.П. Политическая история Аргентины в XX в. М.: Высшая школа, 2007.

⁷ Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936 – 1939 гг. М.: ИВИ РАН, 2001.

⁸ Щелчков А.А. Консервативная социальная утопия в Боливии: правление М.И.Бельсу (1848 – 1855). М.: ИВИ РАН, 2005.

⁹ Schelchkov A. La utopía social conservadora en Bolivia. El gobierno de Manuel Isidoro Belzu (1848 – 1855). La Paz: Plural, 2011.

¹⁰ Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили в XX в. М.: Высшая школа, 2009.

¹¹ Щелчков А.А. Война за независимость Чили. М.: ИВИ РАН, 2010.

¹² Schelchkov A. Andrés Ibáñez. La revolución de la igualdad en Santa Cruz. La Paz: Le Monde Diplomatique, 2009.

¹³ Ивкиной Л.А. Десятилетняя война за независимость на Кубе (1868 – 1878). М.: Наука, 2007.

¹⁴ Янчук И.И. Социально – экономическая и политическая эволюция Перу (1884 – 1914). М.: ИВИ РАН, 2008.

защитил кандидатскую диссертацию “Идейная борьба в политической элите Мексики в 1920-е гг.”¹⁵ и начал подготовку комплексной монографии, посвящённой истории Мексики 1920-х гг. Близки к завершению исследования Н.С.Иванова «Внесистемная оппозиция в странах Латинской Америки», Л.Ю. Кораблевой «Международное урегулирование Чакского территориального конфликта (20 – 30 гг. XX в.)», В середине 90 – х гг. на базе Института всеобщей истории был создан Государственный университет гуманитарных наук (ГУГН). Весьма плодотворная идея академика А.О Чубарьяна о непосредственной, более тесной связи академической науки и высшего образования открыла перед учеными Института новые возможности. Часть из них стала по совместительству преподавать в этом вузе, некоторые историки подготовили учебники и учебные пособия для системы высшего образования.

Среди латиноамериканистов ИВИ такая честь выпала на долю автора этих строк. В 2005 г. увидело свет учебное пособие, написанное Н.Н.Марчуком, Е.А.Лариным и С.П.Мамонтовым «История и культура Латинской Америки»¹⁶. В структуре книги выделены пять блоков: древние цивилизации, европейская экспансия, становление и развитие колониальных империй, борьба за независимость, становление национальных государств, а также важнейшие тенденции развития стран Латинской Америки в конце XIX – начале XX вв. Мною написаны первые две части и подраздел «Театр, музыкальное и художественное творчество, образование и печать в XVI – XVIII вв.».

Обновление учебников и учебных пособий для высшей школы явление совершенно естественное и закономерное, подготовка же учебника и хрестоматии по истории Латинской Америки для средней школы (также идея нашего директора) в известной мере дело новаторское, т.к. таких работ в России пока не существует.. Ее исполнение поручено дирекцией ИВИ Н.С.Иванову и Е.А.Ларину. Учебник и хрестоматия (под одной обложкой) практически завершены.

В качестве учебного пособия для вузов Е.А.Лариным подготовлена еще одна книга, «Латиноамериканская цивилизация», опубликованная в 2007 г.¹⁷ При ее написании автором учтены важнейшие тенденции развития мировой исторической науки в конце XX – начале XXI вв., ставящей во главу угла многофакторность любого явления, выдвигающей на первый план наряду с социально – экономическими вопроса-

¹⁵ Шишков А.С. Идейная борьба в политической элите Мексики в 1920-е гг.: дис. канд. ист. наук. – М., 2010.

¹⁶ Марчук Н.Н., Ларин Е.А., Мамонтов С.П. История и культура Латинской Америки. М., 2005.

¹⁷ Ларин Е.А. Латиноамериканская цивилизация. М.: Высшая школа, 2007.

ми проблемы культуры, различные формы религиозного сознания, цивилизационный синтез. Именно три последних сферы обделены должным вниманием нашей латиноамериканистикой. Столь категоричная оценка естественно не умаляет отдельные весьма ценные публикации наших коллег из Института Латинской Америки РАН (см., например, Гончарова Т.В., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. М., 1995, Кн. 1 – 2, Энциклопедия культуры Латинской Америки. М., 2000 и др.).

Совершенно очевидно, что два – три исследования, касающихся важнейших сфер человеческого бытия, крайне мало для нашей страны, в силу обострившегося интереса в обществе к Истории во всех ее проявлениях и на всех континентах и той огромной роли, которую она должна играть в формировании патриотических основ и национальной идеи. В этой связи хотелось бы сослаться на опыт Мексики. В середине XIX в. в важнейший период становления независимого государства, когда оно потеряло в результате американо–мексиканской войны 1846 – 1848 гг. более половины своей территории, именно История заняла приоритетное место в национальной идеологии. Необходимость обоснования исторически законных прав мексиканцев на отторгнутую США территорию способствовала повышенному интересу к прошлому Мексики, к ее коренному населению, к созданию общенациональных символов, которые были бы органически связаны с древними мексиканскими цивилизациями.

На основании Истории в этой стране формировалась и обосновывалась национальная идея. С этой целью с 1856 г. стали преподаваться в школах курсы «История Родины» и «История героев», а в 60 – е годы XIX в. появился крайне любопытный документ Игнасио Мануэля Альтамиро «Политическая литературная программа, направленная на формирование национальной идентичности через литературу». В 1877 г. одна из центральных улиц мексиканской столицы, Проспект Реформы, начал украшаться серией монументов, отражающих национальную историю и усиливающих «чувство Родины».

Несколько слов о дискуссионных и малоисследованных проблемах латиноамериканской истории. Прежде всего о категории «цивилизация». Как известно в начале 50 – х гг. XX в. вышел в свет двухтомный труд философа и историка из США М. Лернера «Американская цивилизация». В декабре 1958 г. в штаб – квартире НАТО состоялась пышная презентация этого исследования, на которую был приглашен и А.Тойнби. После обстоятельного выступления автора, слово было предоставлено знаменитому английскому историку, приведшему буквально в шок всех присутствующих. Он заявил, что никакой американской цивилизации нет. Для того, чтобы на определенной территории зародилась цивилизация необходимы прежде всего два условия –

имеющиеся там собственная религия и собственный язык. Ни того ни другого после обретения США независимости там не было. Далее он продолжал: «Все обстоятельства заставляют меня сделать вывод о том, что США являются частью более крупного сообщества, частью западных народов. Скажу больше: западное сообщество находится на пути превращения в универсальное сообщество, в которое войдет вся человеческая раса, если до этого она не подвергнет себя самоуничтожению»¹⁸.

В палитре цивилизациологов есть различные виды цивилизаций: основные, вторичные, локальные, неразвившиеся, цивилизации – близнецы, пограничные. Латиноамериканскую цивилизацию некоторые отечественные и зарубежные авторы именуют «пограничной». Критерии при этом настолько условны, что ее, например, с полным правом можно назвать и «вторичной», как это сделал в конце концов А.Тойнби в отношении цивилизации США. На мой взгляд, цивилизационная специфика Латинской Америки проявляется главным образом в наличии сложившихся в колониальную эпоху локальных цивилизаций, скорее локальных цивилизационных блоков, представляющих собой *Евро– Америку* (прежде всего так называемые страны «переселенческого типа» - Аргентина, Уругвай, в какой – то мере Колумбия и Чили), *Индо – Америку* (Мексика, страны Центральной Америки, Перу, Боливия, Эквадор) и *Афро – Америку* (Бразилия, Куба, в определенной степени Венесуэла). В каждом из них цивилизационную специфику в XVI – XVIII вв. определял европейский, индейский и афроамериканский субстрат, формируя своеобразные этнокультурные регионы.

Естественно, что подобная точка зрения – лишь один из вариантов определения цивилизаций Нового Света. Как справедливо заметил И.Г. Яковенко: «Теория локальных цивилизаций – новая, становящаяся сфера научного знания. В ней больше вопросов, чем ответов...Сегодня мы имеем дело скорее с совокупностью суждений и консенсусом ученых»¹⁹.

Еще один блок дискуссионных проблем касается вопроса о характере производства в Новом Свете в XVI – XVIII вв. Как известно долгое время отечественные специалисты, а также подавляющее большинство исследователей в других странах мира считали, что в этот период в испанских колониях на Американском континенте и в Бразилии господствовала феодальная система отношений. Целая серия работ Андре Гундера Франка (США) и Пьера Шоню (Франция) в 70 – е

¹⁸ Del Rio A. El Mundo hispánico y el mundo anglosajón en América. Buenos Aires, 1960, P.118.

¹⁹ Цивилизация. Восхождение и слом. М., 2003, С. 98.

годы предопределили появление новых, диаметрально противоположных подходов к оценкам этого явления, центральным из которых является концепция капиталистического характера производства в Новом Свете, начиная с XVI в. В нашей стране их последователем является д.и.н. Н.Н.Марчук, внесший много нового в анализ колониальной эпохи и опубликовавший большую монографию о Войне за независимость и либеральных реформах в Латинской Америке.

Необходимо отметить, что ведущие латиноамериканские историки и часть наших специалистов в основном не разделяют данную точку зрения и являются приверженцами уже устоявшейся в течение многих лет, условно говоря, феодальной концепции. В новой концепции латиноамериканского капитализма К.Маркс, а именно он должен быть судьей в этом споре как главный аналитик анатомии капитализма, нашел бы целый ряд уязвимых мест, видимо, наиболее принципиальным из которых является отсутствие в испанских колониях и в Бразилии в XVI – XVIII вв. рынка свободного наемного труда.

Множество не разработанных тем имеются и в латиноамериканской культуре XIX в. Конечно, у нас есть блестящая, на мой взгляд, многотомная «История литератур Латинской Америки», однако, явно недостаточно разработаны многие другие аспекты национальных культур, в частности общественная мысль, проблемы влияния европейских идейно – политических течений – либерализма, утопического социализма, позитивизма, философской мысли Европы на латиноамериканскую культуру.

Хотелось бы также кратко остановиться на международных связях латиноамериканистов ИВИ. Они стали менее интенсивными и менее плодотворными нежели в советскую эпоху, однако, заслуживает внимание целый ряд научных контактов, имевших место в этой сфере. Прежде всего, необходимо отметить такой отрядный факт, как чтение лекций в Национальном университете г. Сан – Хуан (Аргентина) в 1995 – 1998 гг. сотрудниками Центра латиноамериканских исследований Е.А. Лариным, Н.П.Калмыковым и В.П.Казаковым. Отрадно, что все они прошли с большим успехом, что свидетельствует не только о хорошей профессиональной подготовке указанных ученых, но и о высоком уровне отечественной латиноамериканистики. Последнее нашло подтверждение и в ходе коллоквиумов советских и мексиканских ученых в Москве и Мехико (1988 и 1990 гг.), в процессе международных конференций 1993, 2000, 2001 и 2010 гг.(Москва) и международного форума на Кубе «Диалог цивилизаций» (2005 г.).

В апреле 2011 г. зав. Центром д.и.н. Е.А.Ларин и ведущий научный сотрудник д.и.н. В.П. Казаков находись в командировке в Аргентине и Парагвае, где с их участием состоялась презентация Центра латиноамериканских исследований в ведущих научных центрах и универси-

татах этих стран. Российские ученые были приняты также Первым заместителем министра иностранных дел Парагвая и ректором Дипломатической Академии этой страны. Были согласованы несколько перспективных научных проектов.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что латиноамериканисты Института всеобщей истории РАН внесли существенный вклад в разработку истории Латинской Америки. К большому сожалению, число профессионалов, работающих в области латиноамериканской истории, постоянно сокращается. В начале XXI века ведущие российские политические деятели неоднократно заявляли о большом интересе России к расширению торговых, экономических и культурных связей со странами Латинской Америки. Подобная позиция неизбежно скажется и на существенном улучшении научного сотрудничества и соответственно на увеличении ассигнований на развитие науки.

И.В. Селиванова

Мексиканское общество накануне освободительного движения

Во второй половине XVIII века испанские колонии в Новом Свете переживали один из самых, бесспорно, ключевых периодов своей истории. Многочисленные заокеанские колонии Испании испытали серьезные изменения экономической и социальной структур, системы управления и, несмотря на проведенные реформы, оказались накануне освободительного движения, в результате которого большинство из них достигло независимости. В процессе освободительной борьбы были заложены основы будущих независимых национальных государств, базовые элементы политической системы страны, политические партии и институты. Война за независимость стала своеобразным рубежом между колониальной историей и временем самостоятельного независимого развития новых латиноамериканских государств. Освободительное движение Мексики, как и проходившие одновременно с ним освободительные движения в других американских владениях Испании, охватило длительный исторический период, предпосылки которого были заложены в предшествующем колониальном периоде. Колониальная история Новой Испании, растянувшаяся на трехсотлетний период, во многом определила будущее страны.

Новая Испания представляла собой одну из самых развитых колоний Испании в Новом Свете. Ее территория насчитывала около 4 156 483 кв.км¹, численность населения в 1810 году достигала 6 122 354 человек.² Вице-королевство Новая Испания было образовано королевским указом Карла V в 1535 году, до этого времени на ее территории действовала созданная в 1527 году специальная административно-судебная коллегия – аудиенсия. С этого времени высшую административную власть колонии представлял вице-король. Он располагал всей полнотой политической, экономической, законодательной и военной власти. Первая функция вице-короля заключалась в защите колонии от восстаний и вторжений иноземцев. В силу этого он был наделен верховной военной вла-

¹ Historia documental de México. México, 1984 T.I-II, T. II. P.5

² Aguirre Beltrán G. La población negra de México 1519-1810. México. 1946. P. 233; Humboldt A. Ensayo político sobre el reino de la Nueva España. México, 1966. P. 129.

стью. Гражданские функции вице-короля охватывали буквально все стороны управления. Ему принадлежало право назначать должностных лиц, не назначенных непосредственно королем Испании. По отношению к церкви он осуществлял функции вице-патроната, т.е. производил назначения на церковные должности и контролировал связи между папой и колонией. Поскольку главной гражданской обязанностью вице-короля было умножение богатства вице-королевства, он осуществлял надзор за сбором налогов и распорядился казной. Вице-король осуществлял также функции «защитника индейцев», он рассматривал петиции, направленные в вице-королевский дворец. Кроме того, он контролировал создание школ, университетов, больниц и других благотворительных учреждений.

Во второй половине XVIII века к власти в Новой Испании пришла целая плеяда вице-королей, стремившихся способствовать развитию страны. Время их правления пришлось на проведение в Новой Испании реформ «просвещенного абсолютизма» Карла III. Среди них, прежде всего, следует упомянуть вице-королей Антонио Мария де Букарели (1771-1779), Д.Бернардо де Гальвеса (1785-1786), Д.Хуана Висенте де Гуэмес-Пачеко и Падилья, графа де Ревильяхихедо (1789-1794) и Д.Мигеля Хосе де Асанса (1798-1800).

Одним из главных элементов административной системы в Новой Испании была аудиенсия – административно-судебная коллегия, также располагавшаяся в Мехико. Вторая аудиенсия, находившаяся под властью вице-короля Новой Испании, располагалась в Гвадалахаре, и ее юрисдикция распространялась на северную часть вице-королевства. Аудиенсии действовали как политические советники вице-королей, исполняли их приказы в своих округах, при необходимости принимали на себя военную власть. Они являлись верховными судебными инстанциями в колонии. Аудиенсия состояла из оидоров, число которых колебалось от трех до 15 человек, казначеев, секретарей. В аудиенсии выделялись два трибунала, один предназначенный для решения гражданских вопросов, другой (La Sala del Crimen) – занимался уголовными делами. В компетенции аудиенсии находились вопросы управления королевской казны. Аудиенсия должна была выражать интересы испанской короны в колонии. Социальный контингент высшего органа вице-королевской администрации состоял в основном из уроженцев Испании.

Испанская корона, понимая, что представители администрации в Новой Испании облечены значительной властью, стремилась

подчинить их политике метрополии. Для того чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям колониальной администрации, корона наложила на своих представителей в Новой Испании целый ряд ограничений. Так, должностные лица не имели права жениться в колонии, а если были уже женаты, брать с собой семьи, им также запрещалось заниматься торговой деятельностью или приобретать недвижимую собственность на территории вице-королевства.

Органом местного управления в городах Новой Испании, являлся городской совет – кабильдо, состоящий из рехидоров (городских советников) и алькальдов (судей). В компетенцию кабильдо входили вопросы местного благоустройства, связанные с общественными работами, строительством дорог, правительственных зданий и благотворительных учреждений, осуществлением санитарного надзора и регулированием торговли в городе. Кабильдо выступал коллективным собственником эхидо, общественной земли, находящейся вблизи города, и на которую распространялась юрисдикция муниципального органа. Границы юрисдикции кабильдо Мехико были официально определены в 1539 году и охватывали территорию в пределах 15 лиг от окраин города. В силу своего столичного положения кабильдо Мехико по согласованию с вице-королем и аудиенсией мог требовать от индейских общин, не входивших в юрисдикцию столицы, выполнения общественных работ в городе для его благоустройства (особенно часто это происходило для организации работ по борьбе с последствиями наводнений). На протяжении всего колониального периода происходили частые тяжбы между кабильдо Мехико и индейскими общинами за управление землями, на которые претендовали столичные муниципальные органы. Поначалу должностных лиц кабильдо избирали владельцы собственности в городе. Должностные лица кабильдо, число которых колебалось от шести до двенадцати, избирали из своего состава главного алькальда, судей (обыкновенные алькальды), казначея (майордомо) и начальника полиции (альгуасил). Испанские власти практиковали куплю должностей в кабильдо, а некоторым особенно богатым горожанам удавалось сделать их для себя наследственными. Кабильдо подчинялся коррехидору – королевскому чиновнику, представлявшему колониальную администрацию. В Мехико коррехидор назначался непосредственно испанским королем. Членами кабильдо являлись состоятельные жители столицы вице-королевства, многие из которых принадлежали к землевладельцам, шахтовладельцам, торговцам. Социальный состав кабильдо Мехико состоял из уроженцев Испании и креолов,

соотношение их все время менялось, но в конце XVIII века все чаще наблюдался перевес креольских представителей. В 1771, 1777 и 1792 годах из столичного кабильдо в Мадрид направлялись письма с жалобами на несправедливое назначение на все высшие административные и церковные должности уроженцев Испании.

В Мехико параллельно существовало два муниципальных органа – помимо кабильдо, был создан кабильдо для индейцев, юрисдикция которого распространялась на индейские кварталы в городе. Подобные органы местного самоуправления были организованы в других городах и индейских селениях Новой Испании. Поскольку в пределах Мехико проживало достаточно большое количество индейцев, испанским властям необходимо было организовать управление ими. Выбранные форма управления индейцами сочетала в себе элементы, характерные для индейской общины с принципами, свойственной также испанской административной системе, с обязательным подчинением и контролем со стороны испанских властей. В 1549 году был учрежден муниципальный орган – индейский кабильдо для города Мехико. Этот кабильдо состоял из двух алькальдов и четырех или более рехидоров от различных районов Мехико. В конце XVIII века число рехидоров в кабильдо Мехико достигало 12 человек. Выборы происходили каждый год в конце декабря. Вице-король, не вмешиваясь напрямую в процедуру выборов в кабильдо, должен был утверждать результаты его выборов и имел право их аннулировать. Активным и пассивным избирательным правом пользовались зажиточные члены индейской общины. Индейцы настаивали на том, что только чистокровные индейцы могли быть избраны в свой муниципальный орган. Кандидаты в индейский кабильдо должны были проживать в его юрисдикции не менее трех лет, говорить на испанском и местном языках, иметь хорошую репутацию. Однако нередко индейские ремесленники Мехико жаловались на недостойное поведение членов кабильдо. В компетенцию индейского кабильдо входили вопросы благоустройства в индейских районах, сбор трибуто, наблюдение за порядком, за поставкой воды, за состоянием дорог. Он мог рассматривать небольшие уголовные преступления, посещать тюрьмы, курировать больницы, и совершать другие мелкие дела в пределах своего округа.

Еще одним органом административного управления в Новой Испании был созданный в 1719 году – El Real Tribunal de la Acordada – независимый от трибунала аудиенсии, призванный решать вопросы, связанные с уголовными преступлениями. В основном в его

компетенцию входила борьба с бродягами в вице-королевстве.³

Во второй половине XVIII века была проведена административная реформа. Для подготовки ее в Новую Испанию был направлен в 1761 году визитадор Хосе де Гальвес. Ознакомившись с обстановкой в Новой Испании, Гальвес представил королю в 1768 году свой проект изменения административной структуры и введения системы интендантства. Гальвес выступал против старших алькальдов и коррехидоров, т.е. против представителей местной власти, которые, по его мнению, злоупотребляли своим положением и не выполняли возложенных на них функций. Гальвес предлагал ввести в Новой Испании систему интендантств по французскому образцу, т.е. разделить территорию страны на интендантства, в столицах которых должны размещаться интенданты, представлявшие королевскую власть и которые должны были заменить старших алькальдов и коррехидоров. План Гальвеса обсуждался долгое время. Вице-король Букарели в 1774 году отрицательно высказался о введении в Новой Испании новых административных делений – интендантств. Он сообщал, что, ознакомившись с ситуацией в стране, считает, что необходимо не менять систему управления колоний, а покончить со злоупотреблениями и несоблюдением законов.⁴ Новая система территориального деления страны все же была введена в Новой Испании в 1786 году. Колония была разделена на 12 интендантств, во главе которых стояли интенданты, облеченные административной, юридической, судебной и военной властью. Интендантства делились округа, управляющиеся субделегатами. Интенданты всех 11 территориальных единиц должны были подчиняться главе интендантства в Мехико. Суперинтендантом в интендантстве Мехико являлся сам вице-король. Срок службы интендантов не был ограничен, и некоторые из них занимали эту должность с 1786 до 1810 гг.

Для того чтобы ограничить власть вице-короля в распоряжении казной была создана новая должность – суперинтендант субделегат королевской казны. На эту должность был назначен друг Х.Гальвеса дон Фернандо Мангино. Однако смещение Гальвеса с поста министра Индий, вызвало отмену независимости суперинтенданта казны, практически передав его полномочия снова вице-

³ Borchart de Moreno Ch.R. Los mercaderes y el capitalismo en la ciudad de México 1759-1778. México, 1984. P. 79

⁴ Arcila Farías E. Reformas económicas del siglo XVIII en Nueva España. México, 1974. P.94

королю.⁵ Цели ограничения всевластия вице-короля отвечало и учреждение новой должности в аудиенсии – регента (*regente*), в результате чего вице-король оставался лишь формальным представителем аудиенсии.

Новая Испания была одной из самых экономически развитых колоний Испании в Америке. Экономика Новой Испании, в основе которой долгое время находилось горное производство (на долю колонии к началу XIX века приходилось около 60% мировой добычи серебра), включала в себя и сельскохозяйственное, и обрабатывающее производство. Подчиненная интересам метрополии экономика Новой Испании носила зависимый характер, значительная доля доходов колонии отправлялась в казну Испании. В начале XIX века по данным немецкого путешественника, естествоиспытателя А. Гумбольдта в метрополию ежегодного переправлялось около 6 млн. песо, при среднем годовом доходе Новой Испании в 13,9 млн. песо.⁶) Новая Испания обеспечивала в начале XIX века примерно две трети доходов, получаемых испанской монархией от ее заокеанских владений.⁷

Огромными налогами были обложены буквально все стороны жизнедеятельности колоний. Налог с добываемых драгоценных металлов, трибuto, доходы от многочисленных монополий на ртуть, соль, порох, игральные карты, дорожные сборы, налоги на строительство крепостей (*ситуадо*) - лишь немногие из тех, что составляли список обязательных взысканий в испанскую казну. Целой сетью налогов были опутаны торговые операции в колониях. Налоговая политика Испании была одной из мер, обеспечивающих получение сверх-прибылей от торговли со своими владениями, а также всеобъемлющий контроль над экономической жизнью Испанской Америки. В период организации торговой структуры Новой Испании происходило и создание налоговой системы. В начале XVI в. был введен налог “аверия” (*avería*), представлявший собой нечто вроде страхового сбора. Его платили купцы, отправлявшие товар из Испании в колонии. Этим налогом торговцы расплачивались за военный конвой, охранявший торговые флотилии от нападения пиратов. Аверия постоянно увеличивалась: в 1587 г. она составляла 4%, в 1596 г. - 7%, время от времени она достигала

⁵ Gerhard P. *Geografía histórica de la Nueva España 1519-1821*. México, 1986, P. 74

⁶ Humboldt A. *Op.cit.* P. 23, 47

⁷ M. Torrente *Historia de la revolución hispanoamericana*. Prologo. Discurso preliminar. Madrid, 1829. P.23

14%. Сбором этого налога занимались специальный уполномоченный (auditor) и сборщик аверии. Также назначался нотариус для каждой флотилии, в обязанности которого входило заверить акты по сбору аверии и веedor - контролер, который сопровождал флотилию.¹⁴ Аверия существовала до середины XVIII в. Другим налогом, который платили все торговцы при отплытии из Испании и заходе в американские порты, был “альмохарифасго”, учрежденный в 1528 г. в размере 7,5%. В конце XVIII в. корабли при входе в Веракрус платили альмохарифасго в размере 3%.¹⁵

Третьим налогом, которым облагались корабли торговых флотилий, был “альмирантасго”, который взимался за погрузку и разгрузку судов на содержание испанского флота. В 1632 г. был введен новый налог “медиа анната”. Размер этого налога был равен половине всех доходов за первый год торговли. Кроме этих налогов существовали также импортные и экспортные пошлины, размеры которых постоянно колебались. Но в среднем размер этих налогов был 5% на импортные товары и 2,5% на экспортные. Торговые пошлины вели к многократному удорожанию товаров, ввозимых в колонии Нового Света.

Немалый вред развитию торговли Испании с колониями приносили налог с тоннажа и налог с объема. Европейские товары, ввозимые в колонии, имели малый объем (предметы роскоши) и облагались меньшим налогом, чем товары местного производства. Помимо всех этих налогов, наносивших вред внешней торговле Испании и ее колоний, существовал ещё один налог, взимаемый со всех продаж и перепродаж товаров. Алькабала была введена королевской грамотой от 1591 г., согласно ей все жители Испанской Америки должны были платить налог со всех торговых сделок. В конце XVI в. алькабала составляла 2% от стоимости товара, но в XVII в. размер её в некоторых случаях доходил до 10%.

Особенное значение для Испании имело бы изменение таможенных тарифов для товаров, привозимых из испанских колоний в Америке: какао, сахар, кожи, табак, строительный лес, которые потребляются в королевстве в большом количестве. Умеренные тарифы на эти товары облегчили бы широкий ввоз их в страну и стимулировали бы дальнейшую перепродажу их уже испанскими торговцами в зарубежные страны. Для оживления торговли королевским указом от 16 октября 1765 года были ликвидированы пресловутые налоги на тоннаж и на объем товаров и вместо них был введен единый налог (ad valorem). Многие торговцы просили снижения размеров альмохарифасго и алькабалы. Альмохарифасго в

конце XVIII века взимался при ввозе товаров в размере 3% с испанских товаров и 7% с иностранных, при вывозе его размеры колебались от 2 до 3%.⁸ Увеличения поступления в королевскую казну способствовало возникновению во многих городах Новой Испании торговых таможен. Если до реформ таможи существовали только в Мехико, Веракрусе, Акапулько, то после 1786 года таможи были созданы в Пуэбле, Оахаке Тласкале, Керетаро, Табаско, Толуке, Гвадалахаре, Орисабе, Сакатекасе, Гуанахуато, Луранго, Халапе.

Некоторые муниципальные налоги, взимаемые во время ввоза товаров в города – сиса и аверия, были отменены во второй половине XVIII века. Реформы системы торговых отношений вызвали изменения устоявшихся внутрирегиональных экономических связей. В 1774 году по королевскому указу была разрешена торговля между Перу, Новой Испанией, Новой Гранадой и Гватемалой. Постепенно устанавливались более прочные и стабильные торговые связи между портами атлантического океана: Новым Орлеаном, Тампико, Веракрусом, Коацакоалькосом и Кампече.

Социальная иерархия колониального общества Новой Испании вследствие очень пестрого этнического состава населения отличалась сложностью и своеобразием. Ее специфической чертой был расовый критерий, согласно которому, прежде всего, определялось положение в обществе. А.Гумбольдт отмечал, что «в Америке разная степень оттенков кожи определяет общественное положение, которое занимает человек в обществе».⁹ Сразу после завоевания Мексики испанцы противопоставили себя побежденному коренному населению страны, в результате чего были созданы две системы управления для испанцев и для индейцев. Вскоре эти системы управления стали нарушаться появлением различных групп населения смешанного происхождения. Наряду с коренными жителями страны, индейцами и колонистами европейского происхождения, в Новой Испании появились негры, которых стали ввозить в колонии сразу после завоевания, а также образовывались группы смешанного испано-индейского, испано-негритянского и индейско-негритянского происхождения, число которых увеличивалось стремительными темпами. Эти изменения нашли отражение в так называемой «системе каст», в которой более детально отразились все группы населения Новой Испании. Подробная «система

⁸ Humboldt A. Op.cit. P.495

⁹ Humboldt A. Op.cit. P. 90.

каст» включала около 16 различных делений. Однако, как правило, население было принято делить на следующие группы: испанцы (пенинсуларес - уроженцы метрополии), креолы, индейцы, метисы, мулаты, кастисо, негры.

Колониальная администрация стремилась включить все возможные группы населения в образовавшуюся социальную иерархию, а также строго определить права каждой из них, проводя при этом политику разобщения, чтобы предотвратить выступления против колониального господства метрополии.

Высшие ступени социальной лестницы колониального общества принадлежали уроженцам метрополии – пенинсулареспиренейцы, или как еще их называли «гачупины». Мехико, являясь центром сосредоточения политической и экономической власти в вице-королевстве, концентрировал в себе самое высокое число уроженцев метрополии в Новой Испании. Однако в самой структуре населения Мехико пиренейцы составляли всего около 2% т.е. на 100 жителей приходилось два испанца.¹⁰ Но именно эти 2% населения города представляли собой высшую знать Новой Испании. В Мехико располагались вице-королевская администрация, а также самая могущественная экономическая организация колонии – консуладо, где гачупины удерживали привилегированные позиции. Из 61 вице-короля, назначенного в Новую Испанию, только трое были креолами. Ключевые позиции занимали уроженцы метрополии и в аудиенсиях. После введения в стране системы интенданств в 1786 году, посты интендантов и субделегатов также принадлежали, в основном, пенинсуларес. Кроме административных должностей, представители метрополии занимали все высшие посты в армии. Такое же положение существовало и в церкви, где уроженцы Испании занимали посты архиепископа и епископов.

Большинство уроженцев метрополии, занимая ключевые позиции в экономике колонии, сочетали одновременно несколько видов экономической деятельности, которые считались самыми доходными: горное дело, торговля и землевладение. Стабильное экономическое положение позволяло им получать знатные титулы. На протяжении XVIII века, испанская корона предоставила жителям Новой Испании 49 титулов, 29 из которых получили гачупины. Девять из них были владельцами горных шахт, десять – крупными торговцами и двое землевладельцами. Семь человек были предста-

¹⁰ Brading D.A. Los españoles en México hacia 1792 // Historia mexicana 1973, № 89. P. 143.

вителями вице-королевской администрации, деятельность одного неизвестна. Социальная стратификация испанцев в столице колонии представляется вполне характерной и для всего вице-королевства. Среди пенинсуларес, проживающих в Мехико в конце XVIII века, 15 % были чиновниками, 35% землевладельцами и горновладельцами, остальные занимались торговлей. В 1793 году из 2335 пиренейцев, проживающих в Мехико, 1384 человека были торговцами, 85 из них являлись крупными торговыми магнатами. Среди уроженцев Испании были владельцы обрахе, мастера в привилегированных цехах. В ювелирном цехе они составляли 36,2%, в цехе портных 13,7%, свечников – 7,1%.¹¹ Однако большинство в этих цехах составляли креолы.

Верхушка социальной структуры жителей Мехико в лице, прежде всего, уроженцев метрополии являлась одновременно высшей элитой колониального общества Новой Испании. К концу XVIII века эта элита сохраняла этническую замкнутость. В докладе министру финансов и военных дел в 1790 году вице-король Ревильяхихедо отмечал, что почти все горновладельцы, землевладельцы, крупные предприниматели и торговцы являются европейцами.¹² Чистота испанской крови все еще оставалась основным, но не единственным условием для проникновения в высшую элиту колониального общества. В конце колониального периода экономический фактор все отчетливее начинает влиять на социальный статус жителей колонии. В социальной структуре происходят существенные изменения, вызывающие расслоение даже среди пенинсуларес.

Обедневшие уроженцы Испании работали в ремесленных мастерских (0,3% от общего числа пенинсуларес в городе). В конце XVIII века в столичной газете «Diario de México» стали появляться объявления пенинсуларес, ищущих работу в городе.¹³ Однако следует отметить, что уроженцы метрополии продолжали рассматривать себя как высшую касту не только по отношению к индейцам и неграм, но и к родившимся в колониях потомкам своих соотечественников – креолам. А.Гумбольдт отмечал, что «европеец самого низкого происхождения без образования и культуры считает себя выше белого, рожденного в Новом Свете».¹⁴

¹¹ Castro Gutiérrez F. La extinción de la artesanía gremial. México, 1986, P. 97

¹² La Torre Villar E. de La independencia mexicana. México, 1982. T.III. P.335

¹³ Kicza E.J. The great familias of Mexico. // HANR, 1982, V. 62, № 3. P.431

¹⁴ Humboldt A. Op.cit. P.76

Креолы занимали следующую ступень иерархической лестницы. Термин «креол» весьма условен и неточен. Креолами называли родившихся в Новом Свете «чистокровных» потомков европейцев. Однако на самом деле большинство из них имело в той или иной степени примесь индейской крови. Более того, в число креолов нередко, особенно в первое время после завоевания, попадали потомки самых аристократических индейских семей, которые получали испанское дворянство, а также дети от законных браков между испанцами и знатными индейскими женщинами. Столица Новой Испании была подлинным центром сосредоточения креольского населения вице-королевства. В 1753 году креолы составляли 44,9% населения столицы. По цензу 1793 года на 100 жителей Мехико приходилось 49 креолов, то есть каждый второй.¹⁵ Креольская администрация формально предоставляла равные права уроженцам Испании и креолам, но на самом деле политическое и экономическое положение креолов не могло сравниться с позициями гачупинов. Креолы практически никогда не получали возможности занимать высшие административные должности в колонии. Однако не следует полагать, что креолы вообще не имели доступа к административным должностям. Испанская корона не могла не считаться с креолами и стремилась поэтому придать колониальной системе управления вид компромиссного звена между верховными органами метрополии и колонистами. Креолы составили основу социального контингента, стоящего у власти в городах. В Мехико члены кабилъдо представляли собой влиятельную и могущественную группировку, часть колониальной элиты. Многие из них состояли в родстве друг с другом или с уроженцам Испании, что придавало социальному составу муниципальных органов замкнутый, корпоративный характер. Но к концу колониального периода креольское население в социальном отношении уже не было однородным. Все чаще экономическое положение стало определять социальный статус креолов, что облегчало для них возможность проникновения в ряды высшей администрации. 1760 году в аудиенсии Мехико большинство оидоров составляли креолы: из 11 оидоров – 8 являлись креолами и 3 пенинсуларес. Однако следует отметить, что 3 из 8 креолов были креолами только в первом поколении – их отцы были уроженцам Испании.¹⁶ Усиление позиций

¹⁵ Humboldt. Op.cit. P.76

¹⁶ Brading D.A. Government and Elite in Late Colonial Mexico.//ИАНР 1973, V. 53, № 3. P. 404.

креольской верхушки вызывало серьезные опасения со стороны королевской администрации. В 1761 году прибывший из Испании визитатор Хосе де Гольвес, уполномоченный Советом Индий, высказывал недовольство засильем креолов в администрации вице-королевства, особенно в местной (старшие алькальды и коррехидоры). Взятый во второй половине XVIII века испанской короной курс на вытеснение креолов из административного и церковного аппаратов, сразу же вызвал реакцию со стороны кабильдо Мехико. 2 мая 1771 года кабильдо, защищая права креолов, направило испанскому королю письмо с просьбой предоставить уроженцам вице-королевства привилегии при получении мест в органах управления Новой Испании. В письме от 17 января 1777 года городской совет Мехико просит вице-короля разрешить направить двух представителей в Мадрид, чтобы вручить королю прошение о защите интересов креольского населения.¹⁷ В конце XVIII века в результате административных реформ число креолов в аудиенсии Мехико сократилось на одну треть. Из всех назначенных в Новую Испанию в 1789 году интендантов креолом был только один. И все же креолы не могли быть полностью отстранены от высших постов колониальной администрации. Так, и после административных реформ, представитель одной из богатейших креольских семей города Мехико Франсиско Игнасио Гонсалес Малдонада занимал пост оидора в аудиенсии Новой Испании, в то время как его брат Луис Гонсалес был челном столичного кабильдо. Регентом в аудиенсии Новой Испании в конце XVIII века также стал креол, житель Мехико, Томас Гонсалес Кальдерон.¹⁸

К середине XVIII века креолы занимали также большинство высших судебных должностей. Преобладали креолы и в сфере церковной бюрократии, пополняя ряды низшего и среднего духовенства. В 1809 году в Новой Испании насчитывалось 7431 священников и духовных лиц, большинство из них были креолами. Однако и здесь доступ креолов к высшим постам был затруднен. Из 171 епископа Новой Испании за весь период колониального господства только 41 являлись креолами. Но тем не менее изгнание иезуитов в 1767 году было ударом, прежде всего, по креолам. Из 680 иезуитов, изгнанных из Новой Испании, около 450 были

¹⁷Cartas de cabildos hispanoamericanos. Sevilla, 1985-1990. Т. II. P. 95-96

¹⁸Kicza E.J. Op.cit. P. 452

уроженцами вице-королевства.¹⁹

В Мехико по цензу 1753 года 37,7% креолов, проживающих в городе, занимались торговлей. И если торговцами-оптовиками, ведущими международную торговлю, как правило, были уроженцы Испании, средними и мелкими торговцами (*tratantes, rescatadores*) являлись креолы. Креолы составляли большинство в престижных цехах, в которых они были мастерами и подмастерьями. Так, в конце XVIII века в Мехико креолы составляли в цехах: ювелиров – 96,8%, красильщиков – 91,7%, ткачей – 85,7%, портных – 73,7%, свечников – 50,0%.²⁰ Ремесленниками в Мехико было около 41% от общего числа проживающих в городе креолов.

Неравное положение креолов вело к нарастанию сепаратистских настроений, выразительницей которых впоследствии стала креольская интеллигенция, что способствовало формированию национального самосознания. А.Гумбольдт указывал, что после 1789 года часто слышал, как креолы заявляют с гордостью «Я не испанец, я американец». Недовольство креолов способствовало постепенному развитию креольского освободительного движения, которое заявляет о себе в конце XVIII века. В 1785 году три представителя креольской знати граф де ла Торре Кассио, граф де Санта-Яго, маркиз де Гуардиола направляют английскому правительству письмо с просьбой о помощи Англии в освобождении Новой Испании от испанского ига.²¹ Недовольство дискриминационной политикой в отношении креолов звучит и в обращении, направленном 2 марта 1792 года испанскому королю от имени жителей города Мехико «*Representación de la ciudad de México*», где отмечалась настоятельная необходимость назначения на высшие церковные и административные должности креолов, поскольку они более ответственные, чем «временщики» пенинсуларес, стремящиеся лишь разбогатеть и покинуть страну.²²

Многочисленные группы метисов, кастисо, индейцев, негров, мулатов, мориско занимали в «системе каст» совершенно особое, подчиненное положение по отношению к уроженцам метрополии и креолам. Однако, несмотря на схожесть зависимого положения,

¹⁹ Fuentes históricas de la Independencia de México 1808-1821. Recopilación y Notas de Rogelio Orozco Farías. México. 1967. P. 9

²⁰ Castro Gutiérrez F. Op. cit. P. 97

²¹ Альперович М.С. Война за независимость Мексики 1810-1824. М.1964. С.121

²² La Torre Villar E. de La independencia mexicana. Т. II, México, 1974. P. 340-341.

каждая из этих групп занимала свое место в социальной иерархии. Метисам принадлежало промежуточное место между пенинсуларес с креолами и индейцами. Метисы считались свободными, вследствие чего их положение по сравнению с неграми-рабами, да и с индейцами было несколько лучше. Они освобождались от принудительных работ, на которые сгонялись индейцы. Кроме того, метисы не должны были платить трибуто, которое было распространено на индейцев. Положение метисов в обществе менялось на протяжении всей колониальной эпохи. В начале колонизации испанская корона не осуждала браки с индейскими женщинами, понимая, что «страна покоренная оружием не будет находиться окончательно под властью Испании дотоле, пока не будет заселена испанским населением, привязанным к земле одновременно и собственностью и семейными узами.²³ Постоянно подчеркивалось, что та капля испанской крови, которая течет в жилах метисов, ставит их в привилегированное положение по отношению к индейцам. Колониальная администрация стремилась строго соблюдать особое положение метисов в колониальном обществе. В 70-е и 80-е годы XVI века были приняты постановления, запрещающие совместное проживание индейцев и метисов. В городах метисы стали непосредственно подчиняться городским административным органам, в то время как индейцы имели свое отдельное управление. Метисам запрещалось жить в индейских общинах, поэтому местом их проживания обычно были города. А. Гумбольдт отмечал, что в Мехико согласно переписи вице-короля Ревильяхихедо в 1793 году на каждые 100 жителей приходилось 29 метисов. В XVI веке, когда увеличилась численность метисного населения, оно все чаще стало оказываться в положении сходном с положением индейцев. К метисам стали применять одинаковые с индейцами и неграми наказания за нарушение законов. Метисы все чаще приговаривались не только к штрафам, но и к ссылкам, к работе в обрахе, к телесным наказаниям. Метисы должны были вместе с другими группами цветного населения проживать в отдельных кварталах в Мехико. Королевские указы, изданные в 1671 и 1672 годах, запрещали метисам проживать на одних улицах и в одних районах с испанцами и креолами.²⁴ В церковных процессиях метисы шли особой груп-

²³ Прескотт В. Завоевание Мексики. В 2 кн. Кн. 1 СПб, 1885. С.234

²⁴ Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493-1810. Por Konetzke R. Vol. I-III, Madrid, 1953-62. Vol, II, T. II. P. 567

пой на третьем месте. О неравноправном положении метисного населения свидетельствует ряд запретов, которые распространялись на него. Метисам не разрешалось пользоваться лошадьми, надевать платье того же покроя, что у испанцев и креолов, носить золотые украшения. Согласно ордонансу от 30 декабря 1663 года, метисам было запрещено носить оружие.²⁵ Также как и индейцы, и негры, они не могли занимать чиновничьи и офицерские должности, участвовать в выборах муниципальных органов, учиться в университете. Представители этой многочисленной группы населения занимались ремеслом, мелкой торговлей, служили в качестве приказчиков и управляющих у богатых креолов, некоторые из них работали на рудниках. Вплоть до XVIII века метисы не имели права занимать даже низшие церковные должности.

В городах метисы были мелкими уличными торговцами типа тратансес, тавернерос и винатерос, учениками и подмастерьями (54% метисов в Мехико). Около 17% работали в обрахе, а также в качестве домашней прислуги – 20,7%. В качестве домашней прислуги в Мехико нередко работали женщины метиски – по цензу 1753 года 83,8% проживающих в городе метисов. Согласно цеховым уставам метисы имели право заниматься ремеслом, но обычно они не могли получить звание мастера и им приходилось работать в мастерских испанцев. В Мехико во второй половине XVIII века метисы, в основном, в качестве подмастерьев активно участвовали в следующих видах ремесленного производства: котельщики – 26,6%, портные – 24,1%, плотники – 26,9%, кузнецы – 41,7%, свечники – 35,7%, сапожники – 60,8% и совершенно не допускались к работе в привилегированном цехе ювелиров.²⁶ На протяжении колониального периода появляются многочисленные ордонансы, запрещающие метисам не только получать звание мастера, но также обучаться и заниматься некоторыми видами ремесленного производства. Запрещения такого рода под страхом всевозможных штрафов и наказаний издавались в 1598, 1599, 1616 и 1665 годах.

В XVIII веке положение метисов в обществе несколько изменилось.²⁷ Они все чаще стали иметь возможность овладевать

²⁵ Ibid. Vol.II, T. P. 513

²⁶ Castro Gutiérrez F. Op. cit. P. 97

²⁷ См. подробнее о положении метисов в производственной сфере Новой Испании и трансформациях ремесленного производства и развитии мануфактур - Селиванова И.В. Текстильное производство в Новой Испании: основные тенденции развития // Латиноамериканский исторический альманах, № 10. – ИВИ РАН, 2010. С.14 – 33.

многими видами ремесел и сдавать экзамены на получение звания мастера. В начале XVIII века метисы получили возможность занимать должности в низшем клире. Некоторым метисам удавалось, получив образование, влиться в ряды местной интеллигенции.

В более выгодном экономическом положении в Мехико находились кастисо (смешанные группы с большей долей испанской крови, чем у метисов). По сравнению с метисами они чаще являлись ремесленниками (72% кастисо в городе по цензу 1753 года), реже работали в обрахе и были слугами. Среди торговцев столицы их было небольшое количество и как и метисы они были мелкими лоточниками и лавочниками.

Коренные жители – индейцы наиболее многочисленная часть населения (в конце колониального периода – 60%) занимали следующее за метисами место в социальной иерархии Новой Испании. Однако следует отметить, что в Мехико индейцы не составляли большинства населения. В 1793 году на каждый 100 человек в столице приходилось лишь 24 индейца.²⁸ Индейцы считались свободными подданными испанской короны. Согласно королевскому указу, изданному в 1503 году, в рабство можно было обращать только индейцев-людоедов, взятых в плен на поле сражения. Однако в действительности это ограничение не соблюдалось. На протяжении первой половины XVI века мадридское правительство пыталось определить, может ли существовать рабство индейцев в испанских колониях. Наконец в 1542 году Карл V издает «Новые законы», в которых определяется статус индейцев как свободных вассалов испанского короля. Но индейцы всегда считались низшей «презренной» социальной группой населения, склонными к лени и безделью. В указе, изданном испанским королем Фердинандом VI в 1751 году, говорилось, что «всем известны лень, нерасторопность и нерадивость этих туземцев в любом труде, их склонность к безделью, пьянству и прочим порокам. Таким образом, если не заставлять их взять скот и орудия труда, то поля останутся необработанными, остановится работа на рудниках, если не заставить их взять необходимую одежду, то они будут ходить голыми.²⁹ Это отношение к индейцам было в основе политики, направленной на включение их в экономическую структуру Новой Испании. Несмотря на то, что в принципе, индейцы не могли принуждаться к

²⁸ Castro Gutiérrez F. Op.cit. P. 97

²⁹ Иванов Г.И. Мексика во второй половине XVIII век. Испанский колониализм и индейцы. // Ученые за. Иван. Пед.Ин. 1970, Т.58. С.42

выполнению работы, в действительности законодательство допускало различные формы принудительной работы.

В городах индейцы оказывались в довольно большом количестве в связи с общественными работами, на которые они привозились. Проживание в городе существенно меняло статус индейца-общинника, превращая его в городского жителя, ремесленника, слугу. Индейцы фактически не имели права на получение звания мастера по большей части ремесел. На протяжении колониального периода издавались множество указов, ограничивающих индейцев в выборе профессий. В Мехико индейцы не входили и в ювелирный, ни в портной цехи. В Мехико в середине XVIII века только одна шестая часть индейцев являлась ремесленниками, большинство же их 47,7% работали в обрахе, городских пекарнях, носильщиками воды или были домашней прислугой (38,8%). Традиционным занятием индейских женщин в Мехико была продажа фруктов и овощей, а также приготовление пищи прямо на улице. Также как и метисы, индейцы в Мехико были мелкими торговцами. Но чаще всего на улицах городов можно было увидеть индейцев, торгующих продуктами, привезенными из ближайшей округи. Немногие из индейцев имели торговые лавки. В столице по указу от 20 июля 1629 года индейцы должны были торговать в специально отведенных местах, отдельно от белых.³⁰

Экономическое положение индейцев как вассалов испанской короны должно было быть удовлетворительным; им полагался отдых, заработная плата и сносные условия труда. На самом деле работа индейцев в рудниках и обрахе вряд ли могла быть названа свободным трудом свободных подданных. Многочисленные злоупотребления владельцев обрахе, принуждающие индейцев к работе по праздничным дням и выходным, сокращение до минимума времени на обеденный отдых, вызывали появление многочисленных указов королевской администрации, защищающих права индейцев, поскольку корона была впрямую заинтересована в сохранении индейцев как главных налогоплательщиков. В 1761 и 1772 годах были изданы вице-королевские указы, запрещающие многочисленные нарушения труда индейцев. В 1773 году издается еще один королевский указ о «хорошем обращении с индейцами», требующий прекращения чрезмерной эксплуатации индейцев и улучшения условий труда для них.³¹ В 1790 году вице-король Ревилья-

³⁰ Colección de documentos. Vol. II T.I. P.326

³¹ Historia documental de México. T.I-II. México, 1984. T.I. P.406

хихедо в докладе испанскому министру финансов и военных дел сообщал о бедственном положении индейцев Новой Испании и отмечал, что они радуются получить хотя бы пищу, не задумываясь уже об одежде и месте проживания.³² Положение индейского населения Новой Испании вызывало беспокойство известного мексиканского просветителя М.Абад-и-Кейпо: «индейцы создают все богатство королевства, - писал он, - а пользуются ими другие. Они не умеют заниматься на работу, везде их обманывают и грабят».³³

Неравноправное положение индейцев превращало их в податную группу в колонии. Все индейцы должны были платить трибуто (подушную подать) в возрасте от 10 до 50 лет. Указ об обложении индейцев подушной податью был издан Филиппом II в 1523 году. Размер трибуто изменялся на протяжении колониального периода. В конце XVIII века индейцы платили в год два песо и один реал. Обязанность выплачивать трибуто тяжелым бременем ложилась на плечи индейцев и в районах индейцев создавалась напряженная обстановка. В 1782 году оидор города Мехико дон Бальтасар Ладрон де Гевара сообщал вице-королю Майорга, что излишняя суровость при сборе трибуто вызывает напряженность в индейских районах. Он предлагал создать новые списки плательщиков трибуто и аннулировать задолженность индейцев перед государством с 1780 по 1782 годы, разрешив индейцам платить в рассрочку. Для того чтобы предотвратить волнения в городе, администрации пришлось пойти на уступки.

О неравноправном положении индейцев также говорят самые разнообразные запреты, которые распространялись на них в течение всего колониального периода. В Мехико индейцы должны были проживать на своих улицах и в отдельных кварталах. Указ от 1671 года запрещал индейцам проживать в одних районах и на одних улицах с испанцами, метисами и мулатами. После восстания 1692 года в Мехико был издан указ в 1696 году, согласно которому индейцам разрешено было проживать только в окраинных районах Мехико, за невыполнение этого указа грозил арест.³⁴ В церковных процессиях по улицам, индейцы должны были идти отдельной группой на последнем месте. Кроме приходов для индейцев существовали отдельные госпитали. Индейцам разрешалось одеваться в платья европейского покроя из шерстяных и шелковых тканей.

³² Ibid. Т. II. Р. 21

³³ Три века колониальной Америки. С-П. 1992. С.153

³⁴ Humboldt A. Op.cit. Р. 76

Несколько слов следует сказать о положении в колониальном обществе негров, мулатов и самбо. Большинство из этих групп населения в Новой Испании были рабами, а значит, занимали самые низшие ступени социальной лестницы. Негры стали ввозиться в Новую Испанию сразу после колонизации в связи с нехваткой рабочей силы. Они использовались в плантационном хозяйстве, в горном деле, в обрахе. Это было выгодно испанским колонизаторам особенно в первое время после завоевания. Негры были физически выносливее и сильнее индейцев, меньше подвергались тропическим заболеваниям, но самое главное, в меньшей степени могли сопротивляться угнетению и объединяться для борьбы, потому что нередко не могли объясняться друг с другом. Не случайно в 1526 году было издано распоряжение, согласно которому запрещался ввоз негров в Америку, знающих испанский язык.

Положение несвободных негров, мулатов и самбо во многом было похожим. В Мехико рабы служили в домах своих хозяев, работали в обрахе, выполняли неквалифицированную работу в мастерских. В одном из указов, дающих разрешение на открытие обрахе в Новой Испании, от 1662 года отмечалась возможность для владельцев мастерских использовать в качестве работников негров-рабов. В связи с запрещением в начале XVII века владельцам обрахе использовать в предприятиях труд индейцев, негры стали использоваться в мастерских особенно активно, несмотря на высокую цену (цена раба в XVII веке колебалась в пределах от 200 до 500 песо, в XVIII веке она снизилась до 150 песо).³⁵ Однако в XVIII веке постепенно становится все менее выгодно использовать рабов в качестве рабочей силы, что сразу же сказалось на количестве ввоза их в вице-королевство. Если в XVII веке в год нередко в страну ввозилось до 3,5 тысяч негров, то в конце XVIII века число ежегодно ввозимых рабов не превышало 200, а нередко и 100 человек.³⁶ В 1753 году рабы составляли лишь 5,2% экономически активного населения столицы. Во время посещения столицы А.Гумбольдт отмечал, что он не встретил ни одного чистокровного негра, хотя обошел весь город.³⁷

Экономическое и социальное положение рабов в конце XVIII века было несколько улучшено. Если раньше условия жизни и ра-

³⁵ Иванов Г.И. Пеонаж в Мексике в XVI-XVIII вв. // Учен. Зап. Пед.ин. 1967, Т.43. С.168

³⁶ Olmos Sánchez I. La sociedad mexicana en vísperas de la independencia 1787-1821. Murcia, 1989. P.192

³⁷ Humboldt A. Op.cit. P.87

боты негров были таковы, что многие рабы умирали в Новой Испании через семь лет после прибытия и большинство проживали лишь 20 лет, то в 1789 году был издан специальный кодекс об обращении с рабами, который существенно улучшил их положение. Согласно кодексу рабы должны были получать еду, дом, одежду, медицинскую помощь, обращение в католическую религию, но многочисленные ограничения, зафиксированные в кодексе, должны были сохранить за рабами принадлежность к самым низшим ступеням общества. Рабы не могли появляться на улицах по ночам, носить шелковые одежды, золото, жемчуг, иметь оружие, отлучаться без разрешения хозяина, были запрещены помолвки между рабами и белыми, а также рабами и индейскими женщинами. Хотя теперь рабам было предоставлено право выбора себе жены и хозяин раба должен был покупать ему выбранную им женщину-рабыню. Если же рождался ребенок от индейской женщины и раба, то ребенок считался свободным и должен был жить в общине. Наказания рабов стали менее жестоки. Теперь рабы могли обращаться к властям с жалобой на несправедливое к ним отношение.

В Новой Испании существовали не только несвободные негры, мулаты и самбо. Правительство определяло условия, при которых рабам могла предоставляться свобода. В конце XVIII века раб мог купить свободу или заслужить ее особым поведением или поступком. В 1750 году Фердинанд VI издал инструкцию властям Новой Испании о предоставлении свободы рабам, которые прибывают в страну из других колоний, чтобы принять католическую религию.

Социальное положение свободных представителей этих групп населения было разумеется лучше, чем рабов, но и они подвергались многочисленным ограничениям. Свободные мулаты довольно часто были ремесленниками в мастерских и цехах (43,6%), а также активно использовались в качестве прислуги (49,5%). Среди работников обрахе мулатов было немного – 3,3%, меньше, чем индейцев. Негры, ставшие свободными продолжали использоваться в основном в роли прислуги – 81,5% и лишь немногие из них становились ремесленниками – 7,4% и работали в обрахе – 7,4%. В конце XVIII века мулаты и негры еще не могли быть учителями, ветеринарами и учиться в университете. В 1781 году Совет по делам Индий издал распоряжение, запрещающее мулатам и неграм селиться в индейских деревнях и поддерживать с ними связи. С 1574 года свободные негры и мулаты платили испанской короне трибuto.

В конце колониального периода в социальной структуре мекси-

канского общества наметились такие тенденции, как расслоение внутри отдельных групп населения, размывание кастовых делений, усиливающие социальную мобильность, несмотря на все еще сохраняющий свое значение кастовый критерий.

Во второй половине XVIII века в политическом и социально-экономическом развитии Новой Испании, как и других испанских владений, произошли серьезные изменения, вызванные реформами испанского короля Карла III (1759-1788). Реформы осуществлялись в русле «просвещенного абсолютизма» и были направлены на модернизацию страны. Задачи, на решение которых были нацелены реформы, как и последствия которые они имели для колоний, не были однозначными. Однако, серьезные изменения торговой системы, административные преобразования вызвали существенное изменение в раскладе политических сил в Новой Испании, затронули интересы самых привилегированных слоев колониального общества уроженцев Испании (пенинсуларес) и креолов. Введение свободы торговли позволила креольским купцам занять активное положение не только во внутренней и внутрорегиональной, но и в международной торговле, где до этого господствовали испанские торговцы члены торговой организации консуладо. Испанские купцы, входившие в столичное консуладо, активно выступали против введения в стране режима «свободной торговли». В 1791 году при опросе их мнения вице-королем Ревильяхихедо, 20 из 22 его членов высказались за восстановление и сохранение системы флотилий.³⁸

В результате реформ, коснувшихся экономической жизни Новой Испании, в стране экономически окреп слой креолов, которым удалось в ходе модернизации упрочить свое положение и сконцентрировать в своих руках большие капиталы. Однако не всегда получалось применять эти капиталы, положение креолов продолжало оставаться подчиненным по сравнению с уроженцами метрополии, что в некоторой степени стало еще наглядней после реформ Карла III. В процессе формирования колониальной системы, создания административного здания креолы постепенно заняли в нем почти все управленческие должности. Аюнтамьенто (городской совет), судебные трибуналы, а зачастую и аудиенсия состояли преимущественно из креолов. Однако в конце XVIII в результате реформ многие из них были вытеснены уроженцами метрополии. Несмот-

³⁸ Ortiz de la Tabla D. Comercio exterior de Veracruz 1778-1821. Sevilla. 1978. P. 10

ря на то, что во всей колонии к 1810 году насчитывалось всего около 70000 уроженцев Испании (пенинсуларес), они получили большинство высших административных должностей в колонии, и их приток в страну после реформ вырос с пять раз. Креолы же, которых к 1810 году насчитывалось около 10000000 человек, стали вытесняться с высоких административных должностей. Число креолов в аудиенсии Мехико сократилось на одну треть. Из всех назначенных в Новую Испанию в 1789 году интендантов креолом был только один. Хотя экономическое положение креолов было различным, и внутри этого слоя просматривалось серьезное социальное расслоение. Богатые креолы, занятые в горном секторе или на высоких административных должностях, имели тесные, нередко родственные связи с пенинсуларес, в то время как мелкие небогатые креолы по-своему положение мало отличались от метисов.

О существовании серьезных противоречий между креолами и уроженцами Испании в конце колониального периода свидетельствуют многочисленные сообщения современников. Так, вице-король Асанса отправил в Испанию 30 ноября 1799 года специальный доклад, в котором сообщал о существовании серьезной враждебности между креолами и пенинсуларес, призывая метрополию серьезно взглянуть на этот вопрос.³⁹ На существование серьезных противоречий между креолами и уроженцами метрополии указывал и епископ Мичоакана Абад-и-Кейпо в мае 1810 года. В этом же документе он отмечал существенное материальное расслоение среди населения Новой Испании. «Верхушке общества - пенинсуларес принадлежит большая часть богатства страны, в то время как 8/10 остального метисного и индейского населения живут в бедности и не имеют даже самого необходимого».⁴⁰

Недовольство дискриминационной политикой в отношении креолов звучало и в обращении от 2 марта 1792 году, направленном королю от имени жителей города Мехико, где отмечалась настоятельная необходимость назначения на высшие церковные и административные должности креолов.⁴¹

Недовольство со стороны креолов землевладельцев, а также церкви усилилось в результате принятия испанским правительством указа об отчуждении недвижимого имущества и капиталов

³⁹ Ibid. P. 15

⁴⁰ Ibid. P. 15-16

⁴¹ La Torre Villar E. La Independencia mexicana T.I-III. México, 1974. T. I. P. 340-341.

благотворительных организаций при церкви в пользу так называемой «Палаты консолидации королевских ценностей» (Caja de Consolidación de Valores Reales).⁴² В 1794 году в Мехико был раскрыт заговор во главе с казначеем «Манильского галеона испанцем Хуаном Герреро, в 1799 году еще один заговор во главе со сборщиком налогов Педро де ла Портилья.

Отношения между креолами и пенинсуларес обострились и в результате положения, которое складывалось при дворе вице-короля дона Хосе де Итурригарая. При дворе сформировались две группировки придворных «креолы» и «гачупины». Богатые столичные креолы, привыкшие к системе взяток и подношений за получение мест при дворе вице-короля, спокойнее реагировали на поведение вице-короля и легче соглашались на дачу взяток в обмен на должности. Испанцы же, приехавшие в последнее время и не всегда имевшие достаточно средств для приобретения должностей, оказались в оппозиции к вице-королевскому двору.

В дальнейшем противоречия между двумя частями верхушки колониального общества обусловило то, что в 1808 году сторонники независимой Новой Испании объединились вокруг аюнтамьенто, где были сильны позиции креолов. Сторонники же сохранения колониального режима группировались вокруг столичной аудиенсии, состоящей почти исключительно из испанцев.

В Новой Испании накануне XIX века обострились противоречия не только между креолами и уроженцами Испании, не менее серьезным представлялась и пропасть между положением узкой прослойки богачей и огромной массы бедного податного населения, состоящего из метисов, мулатов, индейцев. Епископ Абад-и-Кейпо отправил 11 декабря 1799 года в Испанию свой доклад о бедственном положении этих слоев населения и о возникновении устрашающих противоречий среди различных слоев населения Новой Испании

Нельзя не отметить и то, что на формирование освободительных взглядов жителей Новой Испании оказали влияние и первые буржуазные революции в мире: война Северной Америки за независимость 1775-1783 годов, Французская революция 1789-1794 годов. В страну активно проникали идеи французского просвещения, происходили серьезные изменения в культурной жизни страны, создавались новые школы в городах Новой Испании. В 1768 году в Новой Испании возникла первая хирургическая школа, в 1783 году

⁴² Chávarri J.N. Historia de la guerra de independencia. México, 1961. P. 17

была заложена Королевская семинария горного дела, в 1773 году организована Королевская Академия Изыщных искусств, в 1788 году создан Ботанический сад, в 1793 году открыт Музей истории Мексики. В стране проводились научные исследовательские экспедиции, предпринятые в 1766-1768, в 1774 - 1776 годах, наиболее известной стала ботаническая экспедиция 1787 года. Происходящий в Новой Испании подъем в научной и культурной жизни приводил к более ясному осознанию безграничных возможностей страны и развитию национального самосознания. Так, в столичном университете среди преподавательского состава зрело недовольство политикой Карла III, назначавшего на важные посты уроженцев Испании, ущемляя интересы креолов. В 1777 году университетский совет направил испанскому королю протест против дискриминации креолов.⁴³

Проникновение в Испанскую Америку прогрессивных, передовых идей того времени привело к формированию в Новой Испании нового философского мышления, яркими представителями которого стали философы - просветители Игнасио Бартолаче (1739-1790), Хосе Антонио Альсате (1729-1790), Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745-1783). Обращение к естественным правам человека как особым природным ценностями, во многом определило отношение прогрессивного слоя жителей Новой Испании к последующим событиям и борьбе мексиканского народа за независимость. Работы Хуана Бенито Диаса де Гамарра «Элементы современной философии», «Заблуждение человеческого разума» формировали мировоззрение, основанное на принципах европейского Просвещения. Мексиканское просвещение, основанное на синтезе европейских, испанских и местных идей (индейских) традиций, создавало благотворную почву для формирования идеологии сторонников независимости и автономного развития Новой Испании. Под независимостью в то время многие сторонники освободительного движения понимали собственно автономию, то есть переход управления в руки уроженцев Новой Испании при сохранении страны в составе Испании или создании содружества со своим собственным королем или представителем испанского королевского двора. Просветительская концепция о синтезе Мексиканской империи и Американской конституции, которая, якобы, сформировалась после испанского завоевания, была окончательно оформлена в работе свя-

⁴³ Tanck de Estrada D. Aspectos políticos de la intervención de Carlos III en la Universidad de México. // Historia mexicana. 1988, № 150. P. 190.

щенника, известного мыслителя и общественного деятеля Серванто Тереса де Мьера «Идея Конституции, данной Американцам королями Испании перед вторжением древнего деспотизма» (*Ideas de la Constitución dada a las Américas por los reyes de España antes de la invasión del antiguo despotismo*), где автор утверждал, что уроженцы Новой Испании обладают особыми привилегиями на право самоуправления в своей стране, полученными благодаря двум источникам: своим индейским предкам, которым принадлежала земля и испанским предкам, которые отправлялись на завоевание новых территорий с особыми пожалованиями от испанской короны, включая право созывать собственные кортесы. Мьер писал, что «наши короли были далеки от мысли создать колониальную систему в Америках, они организовывали королевства равные Испании, которые должны были обладать даже более прогрессивными институтами». Он верил, что XVI век стал веком формирования подлинной конституции Америки.⁴⁴ Известная работа Мьера «История революции в Новой Испании, в прошлом Анауак», а также его научная и общественно-политическая деятельность подробно проанализированы известным отечественным историком-латиноамериканистом Лариным Е.А.⁴⁵ Ларин Е.А. останавливается на освещении путей формирования политических взглядов Мьера, исследует его основные исторические концепции, в том числе концепцию колониальной истории народов Нового Света.

Социальные противоречия между различными слоями общества, обострившиеся после проведения реформ Карла III, очевидные признаки кризиса экономической системы Новой Испании, тяжелое материальное положение большей части населения колонии подготовили благоприятную почву для начала освободительного движения. Нужен был только удобный повод, для того чтобы в стране вспыхнуло пламя борьбы.

8 июня 1808 года во дворец вице-короля из Веракруса было доставлено почтовое сообщение и передано Рамону Гутьересу дель

⁴⁴ Rodriguez J.E. From Royal Subject to Republican Citizen: The Role of the Autonomists in the Independence of Mexico. // *The Independence of Mexico and The Creation of The New Nation*. Ed. J.E. Rodríguez O. México 1989. P. 22-23

⁴⁵ Ларин Е.А. *Историография Мексики конца XVIII – 60-х годов XIX века.* // *История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX веков.* - М.: Наука, 2010. С. 146-149.

Масо секретарю вице-короля Хосе де Итурригарая. Это не было официальное сообщение, а всего лишь несколько номеров газеты «Гасета де Мадрид», где описывались события 17-19 марта 1808 года, когда в Испанию произошло вторжение французских войск, и испанский король Карл IV отрекся от престола. Это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы в политических кругах столицы, лишив общество мира и спокойствия. Следующее сообщение, прибывшее в Мехико 14 июля 1808 года, было об отречении всех членов испанского двора, в том числе и Фердинанда VII, в пользу Наполеона, который в качестве наместникам королевства назначил своего маршал Мюрата.⁴⁶

Первым на сообщение из Испании отреагировало кабильдо города Кампече, куда причалил корабль, привезший очередной номер мадридской газеты от 20 мая 1808 года. Члены кабильдо отправили послания вице-королю и аудиенсии Новой Испании о том, что 12 миллионов американских вассалов счастливы будут присягнуть королю на верность.

Основные идеи автономистов нашли отражение и окончательное оформление в документах, разработанных Мельчором де Таламантесом. Его «Проект плана независимости Новой Испании», написанный в августе 1808 года содержал основные пункты требований сторонников автономии страны. Автор документа предлагал созвать конгресс для реформирования и управления Новой Испании, которому должен был принадлежать суверенитет нации. Сторонники автономии предлагали осуществление следующих мероприятий для освобождения от колониального гнета и достижения независимости своей страны: конгресс должен был назначить вице-короля, осуществить назначение на гражданские и церковные должности, осуществлять управление страной, изъять из компетенции Трибунала Инквизиции решение гражданских вопросов, объявить об окончании действия всех видов кредитов метрополии в Америках, осуществлять реформирование торговли, горного производства, сельского хозяйства и других производственных отраслей в стране.⁴⁷

19 июля 1808 года аюнтамьенто Мехико направило вице-

⁴⁶ «La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974. Vol.III. “Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Estudio histórico. Precedido de una visión del virreinato. P.163

⁴⁷ «La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974., Vol.IV. “Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Testimonios, bandos, proclamas, manifiestos, discursos, decretos. Tomo 2. p. 11-12

королю Итурригараю послание, в котором отречение королевской семьи в Испании объявлялось недействительным и вице-королю предлагалось продолжать свои полномочия и не подчиняться испанским властям до тех, пока она не будет освобождена от власти Франции.⁴⁸

Аудиенсия ответила аюнтамьенто своим посланием от 21 июля 1808 года, в котором отмечалось, что власть городского совета не распространяется на всю страну. Аудиенсия настаивала на необходимости сохранения власти Фердинанда VII. Наиболее решительные автономисты предлагали радикальные действия: Хуан Франсиско де Аскарате доказывал, что необходимо отказаться от подчинения власти Испании, поскольку испанский король был смещен с престола; Примо де Вердад указывал на то, что теперь суверенитет принадлежит мексиканскому народу, но предлагал при этом присягнуть на верность испанскому королю.⁴⁹ Сам вице-король не проявил решительности. Пытаясь удержать под своей властью Новую Испанию, он при этом не встал ни на сторону патриотов-автономистов, ни на сторону уроженцев метрополии, сторонников сохранения зависимости страны от Испании. 5 августа 1808 года вице-королю было направлено обращение аюнтамьенто Мехико, в котором городской совет просил вице-короля созвать хунту главных политических органов города Мехико. Автономисты настаивали на созыве совещания в Мехико с присутствием представителей от различных городов Новой Испании, но вице-король под давлением пенинсуларес, которые пугали его возможностью начала беспорядков по стране в случае такого расширенного совещания, согласился на созыв 9 августа представителей аудиенсии, аюнтамьенто и духовенства города Мехико. Представители радикально настроенных креолов на совещании, в частности Примо де Вердад, предлагали организовать Генеральную Хунту в Новой Испании по образу такой же как в Севилье, которой должен был принадлежать суверенитет в стране и было бы передано верховное управление. На совещании не было достигнуто единство по вопросу создания такой Хунты и в результате его работы было принято только решение о непризнании Жозефа Бонапарта в качестве правителя Франции. 12 августа было обнародовано послание Итурригарая к населению, а 13 августа произошла официальная церемония принятия присяги Фердинанду VII.

⁴⁸ Fuentes históricas... Op.cit. p. 78

⁴⁹ J. N. Chávarri. Op. cit., p. 20

Не успели власти распространить воззвание от имени совещания, как 30 августа в Мехико прибыли представители Севильской Хунты, полковник Мануэля де Хауреги (брат вице-королевы) и капитан морского флота Хуана Габриэля Хабата, которые привезли приказ арестовать Итурригарая в случае его отказа признать власть Хунты.⁵⁰

Вице-король назначил внеочередное собрание на 31 число августа, чтобы обсудить миссию и полномочия визитеров. Аудиенсия под нажимом оидора Гильермо де Агирре и Виана присоединилась к Хауреги и Хабатом, прося признать полномочия Севильской Хунты. Итурригарай, поддержанный Хакобо де Вилльяуррутией, отрицательно высказался о признании полномочий Севильской хунты и предложил испанским представителям 1 сентября покинуть Мексику.⁵¹ Эти слова Итурригарая, как комментировал события Карлос Мария де Бустаманте, стали его смертным приговором.

Проведенные совещания 1 и 9 сентября не дали никаких конкретных решений, но сторонники сохранения зависимости Новой Испании от метрополии испугались, что Итурригарай наконец решиться на провозглашение себя королем и отделение Новой Испании от метрополии. Итурригарай не проявил смелости и решительности, и многие креолы, которые его поддержали вначале, оказались в растерянности. Дальнейшие события хорошо известны. В ночь с 15 на 16 сентября группа заговорщиков, опиравшихся на 400 испанцев, образовавших корпус добровольцев и поддержанных крупными торговцами, руководителями которой были оидор Агирре и Габриэль де Йермо, крупный землевладелец, тесно связанный с Консуладо Мехико, ворвались во дворец вице-короля и арестовали его. Утром заговорщики приняли решение о смещении вице-короля и назначали на его место весьма престарелого фельдмаршала Педро Гарибая. Вскоре были арестованы все главные руководители патриотически настроенных автономистов: Аскарате, Примо де Вердад, Таламантес, а также Франсиско Бейе Сиснерос, аббат монастыря в Гваделупе, Хосе Беристейн де Соуса каноник Собора и военный ревизор Хосе дель Кристо и Конде. Вскоре в тюрьме скончались Примо де Вердад и Таламантес, Ас-

⁵⁰ “La República federal mexicana. Gestación y nacimiento. México, 1974. Vol.III. “Ernesto Lemoine. La Revolución de independencia 1808-1821. Estudio histórico. Precedido de una visión del virreinato. P.176

⁵¹ Ibid. P.177

карате провел в тюрьме три года. Большинство других заговорщиков были выпущены на свободу вскоре после ареста. Вице-король Итурригарай был отправлен в Испанию. В течение двух лет после заговора представители гачупинов господствовали в административных органах и правительстве Мехико.⁵² Сторонники сохранения зависимости Новой Испании от своей метрополии высоко оценивали переворот 1808 года. Так, консервативный историк Мариано Торренте в своей исторической работе, написанной по горячим следам освободительной борьбы в испанских колониях, называл Йермо подлинным патриотом своей родины.⁵³

22 января 1809 года созданная в Испании Центральная Хунта (организованная первоначально 25 сентября в города Аранхуэсе, потом перебравшаяся в Севилью) издала декрет, в котором американские владения Испании стали называться «интегральной частью испанской монархии», и население колоний уравнивалось в правах с жителями метрополии.⁵⁴ 29 марта 1809 года вице-король и члены аудиенсии приняли присягу на верность Центральной Хунте⁵⁵.

В июле 1809 года, учитывая преклонный возраст Гарибая и его слабое здоровья, Центральная хунта Испании приняла решение назначить на пост вице-короля архиепископа Франсиско Хавьера Лисану-и-Бомона.

В сентябре 1809 года был раскрыт еще один заговор, организованный капитаном Обессо, лейтенантом Кеведо, монахом Санта-Мария, братьями Мичеленна в Вальядолиде. Участники заговора хотели провозгласить отмену подушной подати, чтобы привлечь на свою сторону народные массы.⁵⁶ В начале 1810 года по предложению Регентского совета, который заменил собой Центральную Хунту в Испании, вице-король Лисана был отстранен от должности, и до назначения нового вице-короля, функцию управления ко-

⁵² Rodríguez J. E. Op.cit. P. 29

⁵³ Torrente M. Op. cit. P.14

⁵⁴ Alaman L. Historia de Mejico desde los primeros movimientos que prepararon su independenciam en el año de 1809 hasta la época presente. T.I-V. México, 1942, T.I. P.272; Rodríguez J. E. Op.cit. P 32

⁵⁵ Именно проблема присяги Центральной Хунте вызвала восстания в Верхнем Перу (Чаркас) в городах Чукисаке и Ла-Пасе в 2009 г. – Щелчков А.А. Восстания в Верхнем Перу в 1809 г. К 200-летию начала Войны за независимость в Испанской Америке // Новая и новейшая история. № 4, 2009. С. 42 – 58.

⁵⁶ Chávarri J. N. Op. cit. P. 20

лонией осуществляла аудиенсия. Стараясь сохранить контроль над своими заморскими колониями, регентский совет объявил о предоставлении колониям права на выборы и отправку своих представителей в испанские кортесы. Летом 1810 года выборы таких представителей прошли в Новой Испании, в которой было избрано 17 депутатов от различных провинций страны для представления колонии в кортесах. Для сравнения количество депутатов Испании было около 200 человек. Не все депутаты смогли прибыть в Испанию, так как избранные депутаты должны были самостоятельно оплатить проезд к месту назначения. 24 сентября Кортесы торжественно начали работу (через 9 дней после начала народного восстания в Новой Испании), которая продолжалась до 19 марта 1812 года и закончилась принятием Конституции испанской 1812 года. По социальному составу депутатов большинство было священнослужителями (около 30%), а также государственными служащими. Большинство избранных в Новой Испании были сторонниками завоевания автономии для страны. Многие депутаты автономисты приняли активное участие в работе кортесов в надежде парламентским путем изменить колониальный режим и добиться самоуправления для своей страны. Не ставя перед собой задач социального характера и не выступая за проведение существенных социально-экономических преобразований, они готовы были для достижения своих целей объединяться с более радикальными патриотами в Новой Испании. Видимо, за гибкость своих политических позиций они получили также название «эквилибристы».⁵⁷

Так, Мигель Рамос Ариспе (1775-1843), один из самых активных депутатов кортесов, ставший после завоевания независимости сторонником либеральной партии, занимал во время работы кортесов довольно радикальную позицию. 23 октября 1811 года, он предложил учредить в Сальйо Верховную Хунту, которая стала бы называться правительственной и взяла на себя фактически функции правительства Новой Испании, то есть по сути предложил передать управление колонии в руки местной креольской элиты.⁵⁸ Созыв кортесов в Испании не смог предотвратить начала освободительной борьбы в колониях.

⁵⁷ Chávarri J. N. Op. cit, P. 20

⁵⁸ Jose Gamas Torruco. El federalismo mexicano. Prologo de Sergio Garcia Ramirez. Mexico, 1975 . p. 29-30

Л.А. Ивкина

Рамон Пауэр-и-Хиральт и Кадисские кортесы (1810-1813)

Рамона Пауэра-и-Хиральта (1775-1813), военного, политика, оратора, интеллектуала по праву можно назвать первым политическим деятелем Пуэрто-Рико всеамериканского масштаба первой четверти XIX в. Его биограф Карлос Каррера назвал Р. Пауэра основателем новой политической истории Пуэрто-Рико¹. Личная судьба Р.Пауэра оказалась тесно связана с событиями, происходившими в первой четверти XIX в. как в самой Испании, так и ее колониальных владениях в Испанской Америке, и коренным образом изменившими всю его последующую карьеру.

В отечественной латиноамериканистике жизнь и политическая деятельность Р.Пауэра-и-Хиральта ещё не была предметом научного исследования. В статье предпринята попытка показать роль этого политического деятеля в становлении либеральных традиций пуэрто-риканского общества в годы первого испанского либерализма (1808-1814), политические и идеологические взгляды, его законотворческую деятельность в качестве депутата испанского парламента (1810-1813).

Рамон Пауэр-и-Хиральт родился 7 октября 1775 г. в Сан-Хуане в обеспеченной креольской семье. Его родители, выходцы из Испании, имели знатное происхождение. По материнской линии его дед был капитаном артиллерии. Отец, Хоакин Пауэр - алькальдом ординарио Сан-Хуана и крупным собственником. Первоначальное образование, за отсутствием начальных школ в стране, Рамон Пауэр получил дома. В двенадцать лет по решению семьи Пауэр вместе со своим старшим братом был направлен в Бильбао. Здесь он учился в колледже Вергара, получив степень бакалавра. Затем продолжил свое обучение во Франции (Бордо и Байоне), блестяще овладев французским языком. По возвращении в Испанию Пауэр поступил в институт морской гвардии в Кадисе, успешно закончив его 22 мая 1792 г. В 17 лет началась его военная карьера в морском флоте в чине сержанта фрегата. В течение последующих восьми лет Пауэр принимал участие во многих морских походах и операциях; в 1796 г. получил звание младшего морского лейтенанта. В

¹ Carreras C.N. Hombres y mujeres de Puerto Rico. México, 1961. P.13.

1801 г. впервые после 14-летнего отсутствия посетил свою родину, чтобы увидеть родных. В 1802 г. уже в звании лейтенанта фрегата возглавил руководство военными судами Фортуна (Fortuna), а затем Комета (Co- meta). В 1809 г. был назначен на должность морского капитан- лейтенанта. Участвовал в войне (1808-1809) за восстановление испанского господства в Санто-Доминго. Блестящие знания морской профессии, трудолюбие и преданность своему делу снискали ему уважение его соотечественников и сослуживцев. В 34 года (с марта 1809) он был избран почетным членом кабиљдо (городского совета) Сан-Хуана, постоянным рехидором и вице-президентом аюнтамьенто города².

События 1808 г. произошедшие в Испании (отречение Карла IV и пленении законного испанского короля Фердинанда VII, воцарение на испанском престоле новой династии в лице Хосе Бонапарта, начало освободительной борьбы испанского народа против французских оккупантов (1808-1814) полностью изменили всю его последующую судьбу.

Первые сведения о происходивших в Испании событиях пришли в Пуэрто-Рико 24 июля 1808 г. В этот день на корвете «Intrepida» на остров прибыли представители Хунты Севильи - морские капитаны Мануэль Франсиско Хауреги и Хуан Хабат. Они пытались заручиться от жителей испанских колоний, в том числе и от Пуэрто-Рико, экономической и моральной поддержки Испании в ее борьбе против французских оккупантов. Представители хунты были приняты генерал-губернатором Пуэрто-Рико адмиралом Торрибио Монтесом (1804-1809), подтвердившим преданность острова законному королю Фердинанду VII. Население острова, оказав испанским посланцам теплый прием, также пообещало им всестороннюю поддержку и помощь³. Прибывший в то же время французский посланец с намерением добиться от губернатора острова поддержки новой власти в лице Хосе Бонапарта, был посажен в тюрьму⁴. Подобное отношение к представителям новой незаконной власти было проявлено и по отношению к другим французским посланникам.

В Испании с началом освободительной борьбы против французов (2 мая 1808 г.) повсеместно стали возникать местные провин-

² Ibid.P.18.

³ Cruz Monclova L. Historia de Puerto Rico (Siglo XIX). T. I (1808-1868). Rio Piedras, 1965. P.4.

⁴Ibid.P.5.

циальные хунты, а затем 25 сентября 1808 г. была создана Центральная правительственная хунта Аранхуэса, временно взявшая на себя властные полномочия в отсутствие законной королевской власти. В конце 1808 г. хунта переехала в Севилью.

Одним из важнейших указов Центральной верховной хунты, касавшихся будущих взаимоотношений между Испанией и ее заокеанскими владениями, стал декрет от 22 января 1809 г. Согласно этому декрету все заморские владения Испании в Америке провозглашались составной и неотъемлемой частью Испании (они назывались теперь провинциями) с равными правами, а также правом посылать своих представителей в испанские кортесы⁵.

Были также приняты нормы представительства для Испанской Америки (по одному депутату от каждого вице-королевства и генерал-капитанства - всего 9 депутатов) и 36 депутатов - от Испании: по 2 представителя от каждой испанской провинции. Первые в истории выборы в законодательные органы испанской власти, предоставленные населению Испанской Америки, стали, по мнению историка Х.Е. Родригеса О., важным событием в стремлении создать новое единое современное представительное правительство Испании⁶.

8 июня 1809 г., в соответствии с декретом Центральной хунты от 22 мая, была создана комиссия, призванная осуществить серию консультаций с различными представительными органами власти, как Испании, так и Испанской Америки. Её задача состояла в выяснении общественного мнения по поводу того, как должны формироваться будущие кортесы и как должны быть представлены в них заокеанские территории Испании. Декрет был опубликован 21 июля 1809 г. в *Gazeta de Caracas*, и послужил поводом для создания наказов американским депутатам, избранным впоследствии в различных регионах Испанской Америки (например, известный «Мемориал жалоб и претензий» от 20 ноября 1809 г., направленный кабильдо Санта-Фе Центральной хунте и написанный Камило Торресом; указы кабильдо города Гватемалы от 30 января 1810 г.; указы аюнтамьенто городов Пуэрто-Рико и др.)

Для заокеанских территорий была создана специальная процедура выборов: они были двухуровневыми. Сначала аюнтамьенто

⁵ Toreno, Conde de. *Historia de Levantamiento, Guerra y Revolución de España*. Madrid, 1926. P.175.

⁶ Rodríguez O.J.E. "Equality! The Sacred Right of Equality". *Representation under Constitution of 1812*//*Revista de Indias*. Madrid, 2007. Vol.LXVIII. N 242. P.104.

главных городов выдвигали трех представителей из числа наиболее видных жителей, из которых затем путем простого голосования избирался один. Затем выборы проходили в столице провинции, где избирательная хунта во главе с генерал-губернатором из всех избранных от городов представителей избирала одного депутата. Эта форма выборов отличалась от той, которая действовала в самой Испании, где выборы депутатов проходили в соответствии с численностью населения каждой испанской провинции (1 депутат от 50 тыс. населения). Именно этот декрет стал впоследствии камнем преткновения во взаимоотношениях между метрополией и ее заокеанскими территориями, так как был откровенно дискриминационным, поскольку противоречил самой концепции равного представительства всех провинций.

Тем не менее, декрет Центральной хунты от 22 января 1809 г. был принят населением Пуэрто-Рико с восторгом. Здесь необходимо сказать несколько слов о том, что представлял собой Пуэрто-Рико в рассматриваемый период. К началу XIX в. остров являлся слабо развитой в экономическом отношении колонией, служившей в основном стратегическим плацдармом, военно-морской базой, местом для дислокации военных сил метрополии, а также транзитным путем испанских кораблей на их пути к американскому континенту. Торговое земледелие не получило до этого момента сколько-нибудь заметного развития. Население острова к началу 19 в. насчитывало около 158 тыс. человек, а к 1812 г. оно возросло до 183 тыс. человек⁷. Основная часть населения проживала в сельской местности. Отсутствие значительных залежей полезных ископаемых, недостаточная заселенность внутренних районов вынуждали испанские власти содержать бюджет острова за счет денежных финансовых дотаций (ситиадос), в основном из Мексики (до 1810 г.) Производственная структура, обремененная многочисленными налогами, была развита слабо. С 1788 г. воспользовавшись небольшими свободами в сфере торговли, пуэрториканские производители начали торговать с другими странами, преимущественно с США, куда вывозилась основная часть продукции сахарного производства, кофе и табака. Огромное значение для экономики острова имела нелегальная контрабандная торговля, поставлявшая жителям острова необходимые продовольственные товары. Отсутствие школ начального образования, незначительное

⁷ Cruz Monclova L. Op.cit.P.16; Silén J.A. Historia de la Nación Puertorriqueña. Rio Piedras, 1973. P.82.

число учреждений среднего образования, в основном действовавших при монастырях, вели к почти полной (70%) безграмотности населения. Дети из состоятельных пуэрториканских семей получали высшее образование в Испании, Венесуэле, Мексике и Санто-Доминго. Все властные полномочия были сосредоточены в руках представителя испанской монархии-генерал-губернатора, в компетенцию которого входили все вопросы внутренней (финансы, военные и морские, законодательная, исполнительная и судебная власти) и внешней политики острова. Прочны и сильны были позиции представителей испанской бюрократической администрации. В 1806 г. была создана первая типография на острове, а в 1807 г. стала выходить первая *La Gazeta de Puerto Rico*.

Избрание депутата в законодательные органы власти метрополии стали важным политическим событием в жизни пуэрториканского общества. Уже 4 мая 1809 г. в столице острова - Сан-Хуане - состоялись выборы пуэрто-риканского представителя в Центральную хунту. Они прошли также в других городских центрах острова - Сан-Хермане, Коамо, Аресибе, Агуаде.

15 июля 1809 г. избирательная хунта под руководством генерал-губернатора острова С. Мелендеса Бруно (1809-1820) избрала Р. Пауэра-и-Хиральта (в этот момент он еще находился в Сан-Доминго, где 9 июля 1809 г. принимал капитуляцию французских войск) депутатом от Пуэрто-Рико.

По возвращении в Сан-Хуан Р. Пауэр был тепло встречен либеральными слоями населения острова. 16 августа 1809 г. в главной церкви Сан-Хуана состоялась торжественная церемония вручения Р. Пауэру-и-Хиральту его депутатских полномочий. В своей речи он поблагодарил присутствовавших за оказанную ему честь представлять интересы своей родины и обещал сделать все во благо своих соотечественников⁸. Избрание Р. Пауэра депутатом от Пуэрто-Рико было поддержано и епископом Хуаном Алехо де Арисменди, первым и единственным назначенным на этот пост пуэрториканским жителем.

Хотя эти выборы не имели реального воплощения ввиду самороспуска Центральной хунты в январе 1810 г. и передачи властных полномочий Регентскому совету, сам факт того, что депутатом от Пуэрто-Рико был избран житель острова, пуэрториканец по рождению, и где упоминавшееся слово «родина» прозвучало применительно к Пуэрто-Рико, свидетельствовало о зарождении нацио-

⁸ Cruz Monclova L. Op.cit.P.20.

нального самосознания пуэрто-риканского народа.

В этот период на острове постепенно стали оформляться политические течения, которые стали ведущими в общественной жизни острова на протяжении всего XIX века: либерализм (реформизм) и консерватизм. Либеральные тенденции исповедовали представители пуэрториканской интеллигенции, земельные собственники, коммерсанты неиспанского происхождения, священнослужители небольших приходов. Они воспринимали все декреты, издаваемые новыми властями Испании, как наступление нового этапа, символизирующего прогресс и процветание родины. В рядах консерваторов, как правило, находились представители испанской администрации, испанские купцы, военные, крупные землевладельцы, связанные деловыми интересами с испанскими торговыми и финансовыми кругами. Избрание либерального деятеля в законодательные органы власти вызвало недовольство этого консервативного крыла, в частности, самого генерал-губернатора Мелендеса. Он даже направил избирательной хунте свое частное послание, в котором осудил избрание Пауэра-и-Хиральта депутатом в испанские кортесы.

Между тем, ухудшение военной ситуации в Испании (к лету 1809 г. - началу 1810 г. большая часть территории страны была оккупирована французами), а также внутривнутриполитические разногласия между местными провинциальными и Центральной хунтами, вынудили последнюю сначала бежать на остров Леон, а затем и самораспуститься в январе 1810 г. Все эти события свели на нет всю избирательную кампанию 1809 г., как же как и избрание Р.Пауэра-и-Хиральта.

31 января 1810 г. власть в Испании перешла к Регентскому совету. 14 февраля 1810 г. Регентский совет издал декрет, вновь подтвердивший равенство прав испанских колоний и метрополии и объявил о проведении там новых выборов депутатов в испанские кортесы. В этом декрете были определены параметры избирательной системы для Испанской Америки. Как и в процедуре выборов 1809 г., принятых Центральной хунтой, декрет от 14 февраля 1810 г. возлагал проведение избирательного процесса на аюнтамьенто главных городов, которые избирали из числа жителей трех представителей; из них впоследствии избирался один. На следующем этапе избирательная хунта столичного аюнтамьенто из всех избранных депутатов простым большинством голосов выбирала одного. Избранный депутат обязательно должен был быть жителем этого региона.

Ввиду объективной нереальности своевременного проведения выборов и прибытия депутатов, избранных от территорий Испанской Америки, точно также, как и проведения выборов испанских депутатов от провинций, оккупированных французскими войсками (открытие кортесов были назначены на 24 сентября 1810 г.), Центральная хунта накануне своего самороспуска издала ряд декретов (от 22 декабря 1809 г., а затем 29 января 1810 г.), о проведении выборов временно исполняющих обязанности американских депутатов (заместителей - суплентес) из числа находившихся в этот период в Кадисе американских жителей. Впоследствии Регентский совет своим декретом от 14 февраля определил численность временно исполняющих обязанности депутатов от Америки - 28: 7 - от Мексики (Новая Испания), 5 - от Перу, по 3 - от Рио де ла Платы и Санта Фе; по 2 - от генерал-капитанств Гватемалы, Чили, Кубы, Венесуэлы; по одному - от Санто Доминго и Пуэрто-Рико⁹.

Между тем события в Испанской Америке, где некоторые провинции, отказавшись подчиниться Регентскому совету, встали на путь независимости (Венесуэла-19 апреля 1810 г., Рио де ла Плата-22 мая, Кито-25 мая, Новая Гранада -20 июля, Новая Испания -16 сентября, Чили -18 сентября), вынудили испанские власти ускорить работу по созыву кортесов. Одновременно Регентский совет издал 1 августа 1810 г. декрет о блокаде портов Каракаса и Картахены.

8 сентября 1810 г. состоялись выборы суплентес (28 от Испанской Америки, 2-от Филиппин, 19-от испанских провинций, оккупированных французами). Хотя, как мы видим, численность американских представителей в кортесы возросла до 28 человек, все же этот декрет, как и предшествовавший декрет Центральной хунты, вновь воспроизводил то же неравенство в представительстве между американскими и испанскими провинциями, в которых депутаты избирались в соответствии с численностью населения каждой провинции (1 депутат от 50 тыс. населения).

Декреты Регентского совета вновь были приняты в Пуэрто-Рико с воодушевлением. На состоявшихся 16 апреля 1810 г. муниципальных выборах победу вновь одержал Р. Пауэр-и-Хиральт, получивший наибольшее (7) число голосов¹⁰. 23 апреля 1810 г.

⁹ Berruezo León M.T. La actuación de los militares americanos en las Cortes de Cádiz (1810-1814) //Revista de Estudios Políticos (Nueva Época). Madrid, 1989. N64. P.236.

¹⁰ Cruz Monclova L. Op.cit. P.23.

Пауэр-и-Хиральт направил аюнтамьенто Сан-Хуана письмо, в котором поблагодарил за свое избрание и пообещал сделать все возможное, чтобы оправдать доверие, оказанное ему соотечественниками¹¹.

Повторное избрание Пауэра депутатом в испанские кортесы стали явным свидетельством растущего влияния либерально-реформистских тенденций в пуэрто-риканском обществе. Особенно отчетливо это прослеживалось в наказах, данных пуэрто-риканскому депутату жителями пяти городов острова: Сан-Хуана (15 сентября 1809 г. и 27 октября 1809 г.), Сан-Хермана (13 ноября 1809 г.), Коамо (20 ноября 1809 г.), Агуадо 26 апреля 1810 г.) и Аресибо. В них, наряду с резкой критикой существующего режима, были изложены требования и пожелания экономического, политического и социального характера, которые должны были способствовать процветанию острова. Подчеркивая свою приверженность и лояльность испанской монархии в лице законного короля Фердинанда VII, они в то же время выражали полное неприятие существующего деспотического режима, в частности, чрезмерной концентрации власти в руках генерал-губернатора. В них выражалось желание немедленно приступить к реформированию существующего режима, дабы сбросить цепи и оковы, мешающие пуэрто-риканскому обществу идти по пути прогресса.

Пуэрто-риканские либералы выступали за реформы в сельском хозяйстве, основном источнике богатства острова (распределение пустующих земель и формирование класса наёмных сельских рабочих; в экономической сфере - ликвидацию кабальной налоговой системы, в частности, отмены запрета на выращивании пшеницы на острове, налога на принудительное снабжения мясом столицы, снижения церковных и других косвенных налогов, беспошлинного импорта сельскохозяйственного оборудования и техники; сооружения современных средств коммуникации (дорог, мостов). В сфере торговли они требовали предоставить острову право торговать с другими странами в течение 15 - 20 лет, а также свободного ввоза на остров пшеницы, отмены запрета на экспорт мяса; осуществить обустройство новых портов на острове.

Среди политических требований фигурировали предложения о создании независимого интендантства Пуэрто-Рико (выделения его из под власти генерал-губернатора острова), выхода Пуэрто-Рико из аудиенсии Кубы и присоединения к аудиенсии Венесуэлы.

¹¹ Ibid.P.23-24.

Также высказывалось предложение создать новую налоговую систему пропорционально доходам, а также предоставить креольским жителям право занимать различные общественные посты. В сфере культуры в наказах предлагалось создать систему народного образования, университет с кафедрами гуманитарных наук и различные технические колледжи; учредить органы здравоохранения (госпитали, дома здоровья). В наказах также высказывалось требование о предоставлении жителям острова неотъемлемых прав человека¹².

Особый интерес представляют наказания, данные жителями города Сан-Хермана от 13 ноября 1809 г. Они состояли из 12-ти статей. Наибольший интерес представляют первые три, касавшиеся политических проблем. В них, в частности, муниципальные власти города заявляли, что признают лишь только власть Фердинанда VII, как правомочного и единственного представителя королевской власти Испании; но в случае, если она будет захвачена Наполеоном, Пуэрто-Рико станет на путь независимости и будет вправе сам определять дальнейший путь своего развития во благо его жителей, ради сохранения мира и христианской религии. Было также выдвинуто требование о создании в столице острова- Сан-Хуане-Провинциальной хунты в составе 7 человек, в которую должны были войти генерал-губернатор, епископ и пять депутатов, избранных из числа наиболее влиятельных жителей острова. Провинциальная хунта должна была сосредоточить все властные полномочия (военные, финансовые, исполнительные, судебные) и решать вопросы, связанные с внутренними интересами страны, способствуя процветанию острова и благополучию его населения¹³.

В наказах пуэрториканскому депутату прослеживалось явное влияние не только современных политико-философских, юридических и экономических идей Франции, Англии, США XVI-XVIII вв., но и испанских философов позднего средневековья (Витория, Суареса, Сааведры, Фахардо), в частности, в вопросе о естественном праве, как изначально существующем законе.

В конце апреля 1810 г. Р.Пауэр-и-Хиральт вместе со своим секретарем Эстебаном де Айялой отбыл в Испанию. В Кадис он

¹² Ibid.P.24-26.

¹³ Ibid.Apéndice N1.P.517-520. Следует отметить, что, получив наказания от аюнтамьенто Сан-Хермана, Пауэр-и-Хиральт заявил, что не сможет поддержать это политическое заявление, так как поклялся в верности Фердинанду VII. Он так и не осмелился озвучить требования жителей этого города. Ibid.P.24.

прибыл 31 мая. 8 июня 1810 г. Пауэр-и-Хиральт направил письмо муниципалитету Сан-Хуана, в котором сообщал о приеме и встрече, оказанными ему в Испании¹⁴.

В понедельник, 24 сентября 1810 г., на острове Леон начали свою работу генеральные и чрезвычайные кортесы. Они провозгласили себя носителями национального суверенитета, принадлежащего нации, признали законным королем Испании Фердинанда VII, отказались признавать незаконное правительство Хосе Бонапарта и Байонскую конституцию. Своей главной целью кортесы считали разработку и принятие основного закона страны - конституции.

Испанская газета *El Conciso*, вышедшая в Кадисе в этот исторический день, приветствуя начало деятельности Национального конгресса, назвала это событие важным шагом в деле возрождения страны. В этом же номере был помещен полный список всех депутатов (104), среди которых присутствовало и имя Р. Пауэра-и-Хиральта. Он был единственно избранным депутатом (пропьятарио) от Испанской Америки¹⁵. На следующий день, 25 сентября 1810 г., Р. Пауэр абсолютным большинством голосов (63) был избран вице-президентом кортесов. Он занимал этот пост в течение двух месяцев - до 24 ноября 1810 г.¹⁶

В своем послании муниципалитету Сан-Хуана от 28 сентября 1810 г. Р. Пауэр с воодушевлением описывает праздничный момент открытия заседаний кортесов: «Наконец-то настал этот радостный и памятный для Нации момент, когда испанский народ обретет все права». Он считал, что главной задачей кортесов было издание справедливых законов, призванных спасти родину и способствовать её процветанию. Он также выражал огромную радость за предоставленную ему судьбой возможность принимать участие в столь ответственном событии и представлять пуэрто-риканский народ на этом национальном форуме, пообещав с честью выполнять свой священный долг¹⁷.

На самом острове известия о начале работы испанского конгресса и назначении пуэрто-риканского депутата первым вице-президентом были встречены с ликованием и вылились в трехдневные праздники с церковными песнопениями и народными де-

¹⁴ Ibid. P.28.

¹⁵ *El Conciso*. 24 de septiembre de 1810.

¹⁶ Cruz Monclova L. Op.cit.P.28; Ramos D. *Las Cortes de Cádiz y América* // *Revista de Estudios Políticos*. Madrid, 1962. N126, P.473.

¹⁷ Cruz Monclova L. Op.cit. P.28-29.

монстрациями. Звучали призывы о необходимости провозгласить суверенитет нации, сохранять единство и свободу родины, верность конституции и католической религии, а также бороться «за восстановление на испанском троне законного короля Фердинанда VII»¹⁸. Таковы были настроение и обстановка в столице, которые свидетельствовали о том, что большинство населения острова признавало либеральные изменения, происходившие в Испании.

Р. Пауэр-и-Хиральт представлял Пуэрто-Рико в испанских кортесах с 24 сентября 1810 г. по 10 июня 1813 г. (до своей смерти). В течение 18 месяцев (с 24.09.1810 г. по 19 марта 1812 г., когда была принята Кадисская конституция 1812 г., он принимал активное участие в обсуждении и принятии различных декретов и постановлений, которые затрагивали судьбу не только его родины, но и интересы всех американских территорий Испании. Из общего числа депутатов кортесов, присутствовавших на открытии 24 сентября 1810 г. кортесов, 55 были избранными, 19 - временно исполняющими обязанности депутатов европейских испанцев (суплентес) от провинций, оккупированных французами, 28 - американскими депутатами - суплентес¹⁹.

Особую роль в американской депутации играли военные. Из 28 депутатов-16 были военными, и только один из них - Р. Пауэр-и-Хиральт являлся законно избранным представителем от Пуэрто-Рико (пропъетарио)²⁰. Военные занимали довольно либеральные позиции, когда затрагивались проблемы Испанской Америки. По существу, они представляли верхушку американского общества - креольскую буржуазию, заинтересованную в решениях конкретных экономических (региональных, в основном) интересов.

Р. Пауэр, получивший в июле 1811 г. звание капитана фрегата, но уже никогда больше не возвратившийся к своей первой профессии, принадлежал к умеренному либеральному крылу американского депутатского корпуса. Он вместе с другими американскими депутатами выступал за реформы экономического и политического характера в рамках сохранения испанского господства, за полити-

¹⁸ Ibid. P.29-30.

¹⁹ Несмотря на раздававшиеся голоса (от Венесуэлы, Гватемалы, Рио-де-ла-Платы, Новой Испании) о нелегитимности избрания американских депутатов-суплентес и о непризнании за ними права представлять свои территории, все же следует отметить, что эти первые американские парламентарии-суплентес сыграли заметную роль в деятельности Кадисских кортесов. - Rodríguez O.J.E. Op.cit. P.108,109.

²⁰ Berruezo León M.T. Op.cit. P.237.

ческую ассимиляцию (равенство прав европейских и американских испанцев), за экономическую автономию своей родины. Пауэр был избран членом многих комиссий (в частности, комиссии по признанию полномочий депутатов заокеанских территорий, комиссии по торговле и торговому флоту, по созданию почтового ведомства и многих других).

Депутатская деятельность Р. Пауэра-и-Хиральта (1810-1813). Дискуссии по вопросу о равном представительстве испанских и американских депутатов в кортесах.

Газеты, поступавшие из Испании, свидетельствовали о восторженном отношении к каждому декрету, принимаемому кортесами, о схватках между двумя политическими группировками - консерваторами и либералами. Сам Р. Пауэр не только активно участвовал в дискуссиях, но также публиковал свои статьи, многие из которых перепечатывались в Америке. Представляет интерес его полемика с *Diario Cívico de la Habana*, проходившая в середине ноября 1812 г.

Депутатская деятельность Р. Пауэра осуществлялась в двух направлениях: в отстаивании вместе с другими либеральными американскими депутатами прав американских испанцев в целом, а также в защите интересов своей родины. Особое место в деятельности кортесов занимали дискуссии о равном представительстве американских и европейских испанцев в кортесах.

25 сентября 1810 г., на второй день работы Кадисских кортесов американские депутаты впервые попытались поставить на рассмотрение кортесов американские проблемы. Они сразу же выразили свой протест против неравного представительства Испанской Америки в испанских кортесах, а также выступили с требованием отменить репрессивные меры, принятые испанскими властями против восставших провинций. Впоследствии вопрос о равенстве избирательных прав американских и европейских испанцев стал главным пунктом разногласий между испанскими и американскими депутатами.

В тот же день была создана комиссия из 10 представителей заокеанских территорий. Её возглавил один из ярчайших американских либеральных деятелей той эпохи - депутат от Новой Гранады

Хосе Мария Мехия Лекерика²¹. В комиссию вошел и Р. Пауэр-и-Хиральт²².

На секретном заседании 29 сентября американские депутаты вновь стали настаивать на необходимости скорейшего рассмотрения вопроса о равном представительстве испанских жителей Америки с жителями испанских провинций, избравшихся в законодательный орган исходя из численности населения по принципу: один депутат от 50 тыс. жителей. При этом они настаивали на том, что при подсчете населения должно учитываться все свободное население Испанской Америки (включая кастас пардас, мулатов, свободных негров и т.д.). Многие испанские депутаты отмечали несвоевременность постановки этого вопроса, считая главной задачей кортесов создание и принятие конституции. Они также выражали свое несогласие с требованиями американских депутатов об учете всех категорий свободного населения Испанской Америки²³.

Вопрос о равенстве прав американских и европейских жителей затрагивал весьма щекотливые проблемы: прежде всего более высокую численность населения Испанской Америки по сравнению с Испанией (16 млн. жителей Америки против 10,5 млн. населения Испании) и, главное: кто из представителей довольно гетерогенного состава населения Испанской Америки (креолы, метисы, индейцы, кастас, рабы, лица африканского происхождения) в новом формирующемся национальном пространстве мог и имел право получить гражданские и политические права.

1 октября 1810 г. Х.М. Мехиа Лекерика вновь затронул вопрос о необходимости предоставить американским испанцам те же избирательные права, которые были приняты для европейских ис-

²¹Хосе Мария Мехиа Лекерика (1777-1813) родился в Кито, лицензиат теологии и медицины университета Санто Томас де Акино, политик, юрист, философ, журналист, ботаник, блестящий оратор, либерал, депутат - супленте от Новой Гранады, в кортесах выступал за свободу печати, за равное представительство американцев и испанцев в кадисских кортесах, против инквизиции, в защиту индейцев, за отмену различных податей и налогов. Получил прозвище «американский Мирабо».

²² В эту комиссию вошли также Ф. Л. Лиспергер (Буэнос Айрес), Х. Фернандес де Лейва (Чили), Д.Инка Юпанги (Перу), маркиз де Сан Фелипе (Куба), Х.М. де Коуто (Новая Испания), Э.Паласьос (Венесуэла), А. де Льяно (Гватемала), и А.де Толедо (Санто-Доминго).

²³ Diario de Sesiones de las Cortes Generales Extraordinarias. Sesión de 25 de septiembre de 1810. T.I.N 2.Cádiz, 1810.P.5-7. Далее - DSC; Guzmán y Gallo J.P. de. Las Sesiones Secretas de las Cortes de Cádiz //La España Moderna. Madrid, 1912.Año 24.N285. P.12.

панцев²⁴.

Дискуссии о равном представительстве испанских и американских территорий, сводившиеся, в итоге, к вопросу о том, могут ли лица африканского происхождения (кастас, свободные негры, мулаты и т.д.) иметь равные юридические и политические права и принимать участие в избирательном процессе, проходили в течение нескольких заседаний. Особую настойчивость проявлял Х.М. Мехиа Лекерика. Он считал, что, поскольку Испанская Америка, согласно декретам Центральной хунты от 22 января 1809 г. и Регентского совета от 14 февраля 1810 г., стала неотъемлемой составной частью испанской монархии, то соответственно, все ее жители, включая и свободных лиц африканского происхождения, должны иметь равные с европейскими испанцами юридические, гражданские и политические права. Большинство европейских депутатов решительно выступили против предложения американских депутатов. Предоставление равных политических прав свободному цветному населению Испанской Америки автоматически вело к явному политическому преобладанию в испанском парламенте американских депутатов.

Крайне негативная реакция со стороны европейских испанцев, настаивавших на несвоевременности постановки этого вопроса и невозможности в данный момент, учитывая его сложность, принять определенное решение, спровоцировала особо острые дискуссии, развернувшиеся на закрытых заседаниях кортесов 9,10,11 октября 1810 г. Большинство американских депутатов, за исключением депутата от Перу Висенте Моралеса Дуареса, поддержало точку зрения Х. М. Мехии Лекерики и высказалось за принятие тех предложений, которые были приняты группой американских депутатов 29 сентября 1810 г.²⁵.

11 октября 1810 г. на рассмотрение кортесов были представлены три варианта этого декрета, но ни один из них не был принят. На этом же заседании, стремясь найти определенный выход из создавшейся ситуации, перуанский депутат В. Моралес Дуарес предложил исключить из текста декрета фразу, касающуюся «предоставления различным кастам равных прав с другими жителями Испанской Америки». Он аргументировал свое выступление тем, что подобное предложение является несвоевременным и может

²⁴ DSC.Sesión del 1 de octubre de 1810. Cádiz, 1811.P.18.

²⁵ Guzmán y Gallo J.P.de. Las Sesiones Secretas de las Cortes de Cádiz. Op.cit. P.11-12.

привести к неблагоприятным последствиям, особенно в его стране, Перу²⁶.

14 октября 1810 г. на секретном заседании Р. Пауэр-и-Хиральт внес на рассмотрение свой проект декрета. В нем говорилось, что поскольку все испанские территории в обоих полушариях составляют единое целое, являются единым государством, единой монархией и единой семьей, то, соответственно, все рожденные (*naturales*) на этих территориях (как в Испании, так и в Испанской Америке) имеют равные права. В то же время кортесы должны, когда это будет сочтено своевременным, рассмотреть вопрос о том, каково должно быть в будущем численное представительство обоих полушарий в национальных органах власти²⁷. 15 октября проект декрета, представленный Р. Пауэром-и-Хиральтом, был рассмотрен и принят, а 16 октября оглашен на заседании кортесов.

Это был первый декрет Кадисских кортесов, касавшийся судеб испанских территорий в Америке. Он подтверждал их национальную принадлежность: «все испанские владения в обоих полушариях представляют единую монархию, единую нацию и одну семью; в связи с этим все лица (*натуралес*), рожденные на этих территориях, как европейских, так и американских, имеют равные права». В то же время кортесы откладывали на неопределенное будущее конкретное решение вопроса о том, как и каким образом должны быть представлены заокеанские территории. Одновременно декрет обещал предоставить амнистию тем провинциям Испанской Америки, которые прекратят сепаратистские движения и признают законное правительство матери-родины (Регентского совета)²⁸.

Помимо того, что конкретное решение о равном представительстве было перенесено на неопределенное время, декрет по существу, оставлял лазейку для возникновения новых дискуссий по поводу конкретного определения понятия равенства: фраза, прозвучавшая в декрете от 15 октября, где вводилось понятие «*натуралес*» - то есть лица, родившиеся на данных территориях) априори исключала огромное число лиц африканского происхождения, живших в Испанской Америке, но не рожденных на них (свободных негров, *кастас пардас*). На противоречивость и непоследова-

²⁶ *Actas de las Sesiones Secretas de las Cortes Generales Extraordinarias de la Nación Española*. Madrid, 1874. P.16; Guzmán y Gallo J.P. de. *Op.cit.* P.12.

²⁷ *Actas de las Sesiones Secretas de las Cortes Generales Extraordinarias de la Nación Española*. *Op.cit.* P.19.

²⁸ DSC. Sesión de 16 de octubre de 1810. Cádiz, 1812. T.I. P. 45; Ramos D. *Las Cortes de Cádiz y América*. *Op.cit.* P.495.

тельность декрета от 15 октября указывал и Хосе Мария Бланко Уайт в своем лондонском издании «El Español»: «Равенство, абсолютное равенство - это единственная нить, которая должна связать два народа»²⁹.

Декрет от 15 октября 1810 г. декларировал формальное равенство всех белых жителей испанской Америки- креолов, а также индейцев и метисов с жителями Испании. Несмотря на явные недоработки, двусмысленность, и непоследовательность, этот декрет, безусловно, был одним из важнейших обещаний, когда-либо заявленных Испанией в отношении жителей своих заокеанских территорий. В то же время вопрос о равном представительстве американских и европейских жителей так и не был решен окончательно и стал предметом дальнейших дискуссий в период первой сессии заседания кортесов (1810-1813).

Новый виток обсуждения американских проблем в кортесах начался в декабре 1810 г. Разгоравшийся в Испанской Америке пожар гражданской войны вынуждал испанских депутатов уделять американским проблемам большее внимание.

16 декабря 1810 г. американские депутаты представили программный документ, так называемые «Once Propositiones que hacen al Congreso Nacional los diputados de América y Asia». Это было по существу, первое общее требование всей американской делегации. Под этим документом подписалось 24 американских депутата, в том числе и Р. Пауэр-и-Хиральт. Дословный текст этих требований звучит следующим образом:

1. В соответствии с декретом от 15 октября 1810 г. жители американских провинций, городов, поселков, рожденные на этой территории-натуралес (испанцы, индейцы, дети, родившиеся от этих двух рас, а также европейские испанцы, осевшие в Испанской Америке), должны иметь равное с испанскими европейцами представительство в испанских кортесах.

2. Свободные жители Испанской Америки имеют право свободно заниматься любой хозяйственной деятельностью.

3. Право свободно экспортировать продукцию своего труда в Испанию и ближайшие дружественные и нейтральные страны, а также свободно ввозить необходимые товары, как на испанских, так и на иностранных кораблях.

4 Свобода торговли между провинциями Испанской Америки и

²⁹ El Español. 30 de octubre de 1810. Londres, 1810. T.II.N7. P.85; Ibid. 30 de noviembre de 1810. T.II.N8.P.164,165.

азиатскими владениям Испании.

5. Свобода торговли между всеми портами Испанской Америки с Филиппинами и другими азиатскими владениями.

6. Отмена всех существующих запретов и монополий в Испанской Америке и возмещение убытков общественного бюджета за счет налога на собственность.

7. Право свободной эксплуатации шахт (по добыче ртути).

8. Предоставить американским испанцам, а также индейцам и детям, родившимся от этих двух рас, право наравне с европейскими испанцами, занимать общественные должности в любом районе монархии в любой сфере - политической, религиозной, военной.

9. В каждом королевстве половина общественных должностей должна быть предоставлена лицам, родившимся на данной территории.

10. Создать в каждой столице вице-королевства, генерал-капитанства Испанской Америки Консультативные хунты, призванные вести учет вакантных мест в каждом округе.

11. Восстановить в Испанской Америке иезуитские ордена, учитывая их важную роль в деле развития наук, а также их деятельность по обращению в католическую веру индейского населения³⁰.

Все выдвинутые предложения можно разделить на три темы: 1-е, 8-е, 9-е и 10-е были связаны с политическими; 3-е, 4-е, 5-е - с торговыми; 2-е, 6-е и 7-е - с экономическими требованиями.

Обсуждение этих предложений началось 2 января 1811 г., когда по инициативе американских депутатов В. Моралеса Дуареса, А. Хоакина Переса и др., и испанца Х. М. Кинтаны было принято решение дважды в неделю - по средам и пятницам, и только на секретных заседаниях, обсуждать американские проблемы.

Особенно острые дискуссии возникли по первому пункту, касавшегося равного представительства американских и европейских жителей.

Американские депутаты требовали, в соответствии с декретом от 15 октября 1810 г., где это равенство было задекларировано, предоставить испанским американцам равные избирательные права с европейскими испанцами сейчас, немедленно, уже на этих чрезвычайных кортесах. Они считали, что немедленное принятие решения о равном представительстве и срочное проведение выборов депутатов от Испанской Америки по тому же принципу, как

³⁰ DSC. Sesión de 2 de enero de 1811. Cádiz, 1812. Op.cit. T.I. P.316-317; Alamán L. Historia de México. México, 1985. T.III. P.13.

избирались европейские испанцы (1 депутат от 50 тыс. населения) сможет притушить разгоревшийся пожар гражданской войны и позволит американским испанцам принять участие в выработке общей конституции. Именно решение этого вопроса, по их мнению, должно стать определяющим в дальнейших отношениях между Испанской Америкой и метрополией. Равное представительство, как главный политический аргумент, как важный шаг на пути преодоления возникшего политического кризиса.

Р. Пауэр, как и многие американские депутаты - М. Гуриди-и-Алькосер (Новая Испания), Х.М. Мехия Лекерика (Кито), Х. Фернандес де Лейва (Чили), Рамон Фелиу (Перу), М.де Льяно (Гватемала), В. Моралес Дуарес (Перу), Ф. Лопес Лиспергер (Буэнос Айрес) настоятельно призывали депутатов принять закон о немедленном равенстве испанских и европейских жителей.

Р. Пауэр, в частности, в своей пространной речи отметил, что именно непоследовательная, недальновидная политика испанских властей, не желавших прислушаться к мнению американских депутатов, способствовала обострению политической ситуации в Испанской Америке и возникновению там в некоторых провинциях сепаратистских тенденций. Он считал справедливыми требования американцев о немедленном предоставлении им равного с испанскими жителями представительства в органах власти. Он отмечал, что права человека неотъемлемы и священны, они одинаковы везде, независимо от места жительства. Указывая на необходимость скорейшего решения вопроса о равном представительстве, Р.Пауэр в унисон с другими американскими депутатами заявлял: «Мы предлагаем средство, которое сможет навсегда решить все справедливые претензии и жалобы и не дать ни малейшего повода для того, чтобы усилить существующие сегодня разногласия» Он также настаивал на необходимости скорейшего проведения выборов американских депутатов в соответствии с теми же принципами, которые действовали в Испании для того, чтобы избранные таким образом депутаты смогли принять участие в выработке общего основного закона единой нации, ибо «только одно слово «конституция» внушает чувство уважения»³¹.

Еще более яркую речь произнес депутат от Новой Испании Х.М. Гуриди-и-Алькосер: «Пожар, вспыхнувший в некоторых районах Испанской Америки и с огромной быстротой распространя-

³¹ DSC.16 de enero de 1811.Op.cit. T. II.N112.P.383-386; El Español. Op.cit.30 de junio de 1811.T.III.N XV. P.191-196;Ramos D. Op.cit. P.534.

ющийся на другие территории можно погасить, лишь приняв наши требования. Америка будет потеряна для Испании, и единственный способ избежать столь тяжелое бедствие- это принять наши предложения»³². Восстание в некоторых районах Америки, уверял другой американский депутат М.де Льяно из Гватемалы - «это не желание отделиться от родины-матери. Это стремление восстановить свои права»³³.

Реальное обсуждение предложений американской делегации о равных правах испанских и американских жителей вновь поставил на повестку дня вопрос о том, кто из гетерогенного населения Испанской Америки имеет право избирать и быть избранным, то есть получить гражданские и политические права. Вопрос об отмене рабства и о праве рабов иметь своего представителя (из числа европейских делегатов) в испанском парламенте, внесенный М. Х. Кинтаной, был встречен молчанием, что свидетельствовало о том, что американские депутаты не были ещё готовы рассматривать этот вопрос³⁴.

Дискуссии, развернувшиеся по этому вопросу, проходили на заседаниях в течение января-февраля 1811 г. 18 января 1811 г. требование американских депутатов о немедленном предоставлении американским испанцам равных с европейскими прав, поставленное на голосование, было провалено незначительным большинством (64 -против, 56 - за)³⁵.

Безусловно, реальное осуществление требований американской делегации было невозможно. В таком случае пришлось бы тогда приостановить работу действующих чрезвычайных кортесов, издать декрет о проведении срочных выборов в кортесы в Испанской Америке и ждать, когда прибудут избранные депутаты, которые могли бы принять участие в обсуждении конституции. Чтобы как-то сгладить и нивелировать нарастающее непонимание между испанскими либералами и американской делегацией, 23 января 1811 г Э. Перес де Кастро внес компромиссное предложение: признать за американцами право избирать в действующие кортесы своих депутатов по тому же принципу, как это делали испанские провинции (то есть: один депутат от 50 тыс. населения) для того, чтобы они могли приехать в Кадис и смогли принять участие в вы-

³² DSC. Sesión de 9 de enero de 1811. Op.cit. T.II. P.318; Actas de las Cortes de Cádiz. Antología.Madrid,1964.P.96.

³³ DSC.18 de enero de 1811.T.III.P.N114.P.393.

³⁴ Ramos D. Op.cit. Las Cortes de Cádiz y América. Op.cit. P. 515.

³⁵ DSC. Sesión de 18 de enero de 1811. Op.cit.T.III.P.3-32.

работке конституции. Но далее шли существенные уточнения: в случае, если избранные депутаты не смогут вовремя прибыть для участия в обсуждении конституции, это не в коей мере не должно отразиться на легитимности принимаемых кортесами решений³⁶.

7 февраля вопрос о равном представительстве американцев и испанцев был поставлен на голосование. Предварительно он был разделен на две части: а) предоставить равные права испанским американцам в будущих кортесах; б) предоставить немедленно равные права для испанских американцев в действующих кортесах. Первая часть была одобрена большинством голосов: 124-за, 4-против. Вторая часть была отклонена небольшим большинством голосов: 69- против, 61-за³⁷.

В тот же день испанский депутат от Севильи Х. Вальенте вновь затронул болезненную и щекотливую проблему, заметив, что никто из выступавших даже не затронул вопрос о расах. Проблема, на его взгляд, довольно сложная и требующая более детального и тщательного изучения. Выступление Вальенте вновь поставило вопрос о том, до каких пределов может распространяться требование равного представительства и могут ли лица африканского происхождения, жившие в Испанской Америке, получить равные гражданские и политические права. Отвергнув все сомнения в отношении прав индейского населения Испанской Америки, американские депутаты ни словом не обмолвились по поводу рас и лиц африканского происхождения.

9 февраля были заслушаны остальные предложения американской делегации. Почти все они, за исключением требований свободы торговли, были приняты.

1 августа 1811 г. накануне обсуждения статей конституции (оно началось 25 августа 1811 г.), американские депутаты представили новый общий документ: “Representacion de la Diputación Americana a las Cortes de España”³⁸. Это был второй документ, представленный от имени всего американского депутатского корпуса. Под ним подписались 33 члена американской делегации. В документе излагались основные претензии американских депутатов к испанскому правительству. Главным виновником всех бед они считали испанские власти. Они утверждали, что сами американские жители никогда не хотели отделяться от своей родины-

³⁶ DSC. 23 de enero de 1811. Op.cit.T.III.P.60.

³⁷ DSC. Sesión de 7 de febrero de 1811 Op.cit.T.III.P.299-305.

³⁸ El Español. 30 de marzo de 1812.Op.cit.T.IV. N XXIII.P.370-389.

матери, и что главным мотивом, толкнувшим их на этот шаг, было опасение того, что Испания может потерять свою независимость. Именно это заставило их пойти на создание своих местных правительств - хунт, которые выступали от имени Фердинанда VII. Ввиду неспособности самой Испании защитить свои заокеанские территории главная цель задача американских хунт состояла лишь в стремлении сохранить свои территории для законного короля Испании. В этом документе не звучит осуждение в адрес восставших районов, а наоборот, высказывается робкое мнение, что американские жители имеют право на защиту своей свободы и чести, и что только выполнение предъявляемых матери-родины требований, таких, как создание своих местных органов власти - хунт наподобие тех, которые были созданы в Испании, предоставление свободы торговли, права американских испанцев занимать административные должности в органах местной власти, может погасить разгоревшийся пожар. Декрет был передан в комиссию, но так и не был рассмотрен.

Борьба за либерализацию колониального режима в Пуэрто-Рико. Закон Пауэра.

События в Венесуэле, произошедшие в начале 1810 г., свидетельствовали о наступлении нового этапа в отношениях между Испанией и ее восставшими американскими колониями. Получив сведения о самороспуске Центральной хунты и передаче властных полномочий Регентскому совету, в столице Венесуэлы - Каракасе, 19 апреля 1810 г. вспыхнуло народное восстание. Патриотические силы столицы, отказавшись признать полномочия Регентского совета, изгнали из муниципалитета сторонников испанских властей и передали власть созданной Верховной хунте. К концу 1810 г. почти вся территория Венесуэлы (за исключением Маракайбо, Коро (на северо-западе) и Гуайяно (на востоке) была освобождена от испанских сил. 5 июля 1811 г. созданный в Каракасе Национальный конгресс провозгласил независимость Венесуэлы.

27 апреля 1810 г. революционное кабильдо Каракаса, а затем Картахены (1 сентября) и Коро (12 декабря) направили своих представителей в Пуэрто-Рико, предлагая жителям острова присоединиться к борьбе против испанского господства. 29 мая 1810 г. муниципалитет Сан-Хуана в ответном послании Каракасу заявил, что поклялся в верности королевской власти в лице Фердинанда VII и отверг предложения венесуэльских патриотов. Идеи сепара-

тизма не нашли должной почвы в пуэрториканском обществе. Причина этого кроется не только в слабом социально-экономическом и политическом развитии острова. Пуэрто-Рико в этот период стал прибежищем для многих испанских и происпански настроенных жителей континентальных испанских колоний, бежавших от революции, особенно из Венесуэлы и Новой Гранады. К тому же остров являлся главной военно-морской базой, откуда переправлялись военные силы для подавления революционного пожара в испанских колониях Нового Света. Следует также отметить тот факт, что все декреты испанских властей - сначала Центральной хунты и Регентского совета, а затем и Кадисских кортесов, здесь исполнялись с неукоснительной точностью, а реформистские идеи получили здесь широкое распространение.

Первые официальные сведения о событиях в Венесуэле поступили в Пуэрто-Рико от испанских военных: полковника испанской армии Мануэля де Фиерро, служившего в Каракасе, и губернатора Маракайбо бригадира Фернандо Мийяреса. В докладах обоих военных испанских деятелей детально сообщалось о произошедших событиях, и излагалась также просьба об оказании помощи испанским властям. Вскоре на остров прибыл и бежавший из Венесуэлы бывший генерал-губернатор Пуэрто-Рико Торибио Монте. Действующий генерал-губернатор острова С. Мелендес Бруно (1809-1820) даже направил к берегам Венесуэлы военную экспедицию, состоявшую из нескольких кораблей (фрегата, корвета, двух бригантин, трех шхун) и тысячи человек для подавления восстания в Кумане³⁹.

Происпанский журналист Хосе Перес Морис отмечал, что события в Венесуэле, ставшей одним из важнейших центров революционной борьбы, создавали на острове нервную обстановку и вызывали особую озабоченность испанских властей. В этот период происходили постоянные высадки на остров, как венесуэльских патриотов, так и происпански настроенных жителей, бежавших от пожара революционной борьбы. Между Пуэрто-Рико, Ла-Гуайрой (Венесуэла), Сан-Томас и Санто-Доминго была установлена постоянная связь по обмену корреспонденцией, часто попадавшая в руки испанских властей острова⁴⁰.

Непоследовательная политика Регентского совета, с одной

³⁹ Cruz Monclova L. Op.cit. P.33-34.

⁴⁰ Pérez Morís J., Cueto y González Quijano L. Historia de la Revolución de Lares. Barcelona,1872. P.13-14.

стороны приглашавшего американских испанцев принять участие в законодательных органах власти, а с другой, издававшего драконовские декреты о введении блокады 1 августа 1810 г Каракаса и Буэнос-Айреса, направление военных сил на подавление восстания, отмена 22 июня 1810 г. декрета о свободе торговли (от 17 мая 1810 г.) и другие акты, вызвала неоднозначную реакцию американцев, многие из которых отказались признать легитимность Регентского совета.

Одним из таких непоследовательных актов стало введение в Пуэрто-Рико режима военного времени. Опасаясь неизбежного влияния венесуэльских событий на остров ввиду его близкого расположения, 4 сентября 1810 г. Регентский совет издал указ о введении на острове режим военного времени и наделении генерал-губернатора чрезвычайными полномочиями⁴¹. С целью предотвращения возможных высадок венесуэльских сепаратистов на остров С. Мелендес Бруно, ярый сторонник старого режима и убежденный монархист, принял ряд жестких мер. Была усилена береговая охрана, созданы новые батальоны городской милиции, установлено патрулирование улиц городов и поселков, введена строгая цензура на печатные издания и прессу, создана система шпионажа и надзора за жителями острова и иностранцами, прибывавшими с континента. Под подозрение генерал-губернатора в симпатиях к венесуэльским патриотам попали многие священнослужители, в том числе и епископ Пуэрто-Рико Х. А. де Арисменди. Некоторые из них были депортированы в Гавану. Многие жители острова, заподозренные в сепаратистской деятельности, были арестованы и впоследствии направлены в испанские регулярные войска, дислоцированные в Венесуэле⁴². Были арестованы, а затем высланы с острова и шесть венесуэльских семинаристов только за то, что они были родом из Каракаса.

Огромную ненависть вызывала у генерал-губернатора, не брезговавшего частенько расходовать казну острова в своих личных интересах, деятельность либерального депутата Р. Пауэра-и-Хиральта. Используя свое служебное положение, Мелендес стремился всячески задерживать материальную помощь, которую муниципалитет Сан-Хуана обязан был регулярно направлять в Испанию для обеспечения деятельности представителя от Пуэрто-Рико в испанских кортесах. Генерал-губернатор также осуществлял

⁴¹ Cruz Monclova L. Op.cit. P.36.

⁴² Ibid. P.38 - 40.

строгий контроль за корреспонденцией между депутатом и его доверенными лицами, препятствуя зачастую отправке необходимой информации о состоянии дел на острове.

Однако либерально настроенные слои населения острова встретили этот декрет в штыки, понимая, что его введение по существу означает возврат к прежним временам. Кабиљдо Аресибо и других городов направило в Мадрид обширное послание, в котором выразило протест против принятия подобных мер. Одновременно подобное послание было направлено и Р. Пауэру-и-Хиральту. Когда представитель Регентского совета Антонио Игнасио де Кортабаррия прибыл 23 октября 1810 г. в Сан Хуан с намерением заручиться поддержкой властей острова и использовать её отряды милиции для подавления венесуэльского восстания, однажды у дверей своего жилища он обнаружил листовку, в которой говорилось, что этот народ (пуэрториканцы - Л.И) «никогда не допустит, чтобы хотя бы один американский житель этого острова станет сражаться против своих же венесуэльских братьев каракасцев»⁴³. Эта листовка свидетельствовала о том, что политическая ситуация на острове была беспокойной.

15 февраля 1811 г с решительным протестом против введения режима военного времени в Пуэрто-Рико выступил Р. Пауэр-и-Хиральт. Обратившись к депутатам кортесов с яркой речью, он заявил, что подобный декрет нарушает неотъемлемые права жителей острова и противоречит декретам, ранее принятым Центральной хунтой и Регентским советом. Резкой критике был подвергнута и деятельность генерал-губернатора острова С. Мелендеса Бруна, ставшего впоследствии его личным политическим противником. Назвав этот декрет тираническим и варварским, он потребовал его немедленной отмены, а также отставки С. Мелендеса с занимаемого им поста. Требование Р. Пауэра-и-Хиральта об отмене чрезвычайного положения было также поддержано испанскими либеральными депутатами, в частности, Хосе Мануэлем Кинтаной. В тот же день был принят декрет, отменявший режим военного времени в Пуэрто-Рико. Он гласил, что поскольку «главной принципом процветания нации является защита, сохранение и обеспечение неотъемлемых прав своих граждан, соблюдение законов по защите их личных свобод» кортесы, благодарные за поддержку и верность жителей острова, постановили... аннулировать декрет от

⁴³ Ibid.P.37-38; Brau Salvador y Asencio. Historia de Puerto Rico. Rio Piedras,1974.P. 194- -195.

4 сентября 1810 г.⁴⁴. 5 марта 1811 г. в *Gaceta de Caracas* появилась статья некоего корреспондента из Испании, в которой автор, касаясь выступления Р. Пауэра в испанском конгрессе в защиту прав своей родины, комментировал его поведение такими словами: «Пауэр ведет себя достойно и с честью; он заслуживает всяческого уважения»⁴⁵.

Важное значение имела депутатская деятельность Пауэра-и-Хиральта, направленная на принятие кортесами важных для процветания своей страны экономических и политических требований. 7 апреля 1811 г. Р. Пауэр-и-Хиральт представил на рассмотрение кортесов пакет документов, озаглавленный: «*Peticiones que hacen a S.A.S. al Consejo de Regencia de España e Indias el Diputado en Cortes por la isla de Puerto Rico para proporcionar el fomento de la agricultura, industria y comercio de aquella interesante y benemérita posesión*»⁴⁶. В этом документе нашли отражение практически все требования жителей острова, которые они изложили в своих наказах.

Этот пакет предложений, впоследствии вошедший в историю как закон Пауэра, был принят кортесами 28 ноября 1811 г. В Пуэрто-Рико он вступил в силу 9 февраля 1812 г. Помимо создания на острове независимого интендантства, закон Пауэра отменял налог на ввоз продовольствия, разрешал свободный импорт пшеницы и экспорт скота при оплате незначительного налога, предписывал обустройство портов в Агуадилье, Майягуэсе, Кабо Рохо, Понсе и Фахардо, а также вносил предложение об учреждении Экономического общества друзей страны наподобие созданного по инициативе Кампоманеса в самой Испании⁴⁷. При содействии Р. Пауэра-и-Хиральта первым интендантом Пуэрто-Рико был назначен известный испанский экономический деятель Алехандро Рамирес (1777-1841). Законы, принятые испанскими кортесами благодаря депутатской деятельности Пауэра-и-Хиральта, оказали существенное влияние на все последующее политическое и экономическое развитие страны.

Пауэр-и-Хиральт внес на рассмотрение кортесов 16 предложений, семь из которых затрагивали вопросы, связанные с внешней

⁴⁴ Cruz Monclova L. Op.cit. P.42-43.

⁴⁵ Ibid. P.42.

⁴⁶ Fernández Pascua D. Ramón Power y Giralt. Su defensa de la autonomía regional frente al centralismo y poderes ilimitados de los gobernadores de Puerto Rico // *Estudios sobre América; siglos XVI- XX*. Sevilla, 2005. P.1150-1151.

⁴⁷ Cruz Monclova L. Op.cit. P.47-48.

торговлей, пять - касались преобразований в налоговой политике, четыре - с модернизацией административного обустройства острова.

Кадисская конституция 1812 г. и ее роль в истории Пуэрто-Рико.

Главной задачей чрезвычайных кортесов было выработка основного закона страны - конституции. С этой целью 23 декабря 1810 г. была создана комиссия в составе 15 человек: 10 из них являлись представителями испанских провинций и 5-от бывших колоний. От Америки в состав комиссии вошли М. Мендиола и А.Хоакин Перес (Мексика), В. Моралес Дуарес (Перу), Х. Фернандес де Лейва (Чили), А.де Хауреги (Куба).

В конце 1810 - начале 1811 г. во многих районах Испанской Америки, не затронутых гражданским конфликтом, прошли выборы законно избранных депутатов. Сама процедура выборов там, где они состоялись (за исключением Чили, частично Венесуэлы, Новой Гранады, Рио де ла Платы) имела огромное значение. В Новой Испании было избрано 22 депутата, однако только 15 из них смогли добраться до Испании. Гватемала избрала 6 депутатов от Гватемалы, Никарагуа, Сан-Сальвадора, Коста-Рики, Гондураса и Чиапаса. Маракайбо также принял участие в избирательном процессе. Новая Гранада избрала двух представителей от Кито и Панама. Перу направило семь депутатов от различных городов. Численность американских депутатов к моменту обсуждения статей конституции возросла приблизительно до 63-67 человек⁴⁸.

Социальный состав новых американских депутатов был более широк. Помимо священнослужителей существенную роль играли лица свободных профессий (интеллигенция: адвокаты, преподаватели, писатели, врачи, военные, государственные служащие), в меньшей степени - коммерсанты, собственники и представители знати⁴⁹. Некоторые из депутатов-суплентес, которые, по мнению испанского историка Мигеля Артолы, стали «видными представителям либерализма», продолжали работать наравне с депутатами-

⁴⁸ Rodríguez O.J.E. Op. cit.P.112; Fuentes Aragonés J.F. Las Cortes de Cádiz: Nación, Soberanía y Territorio //Cuadernos de Historia Contemporánea.Madrid,2010.Vol.32.P.24.

⁴⁹ Fuentes Aragonés J.F.Op.cit.P.35.

пропъетариос⁵⁰.

Проект конституции был представлен кортесам 18 августа 1811 г., а 25 началось ее обсуждение, продолжившееся до конца января 1812 г.

И вновь на повестку дня стал вопрос о равном представительстве. Дискуссии по этой проблеме, развернувшиеся в сентябре 1811 г., теперь в основном сводились к вопросу о том, кто из гетерогенного населения Испанской Америки имеет право избирать и быть избранным, а конкретнее: могут ли лица африканского происхождения (кастас пардас, мулаты) получить гражданские и политические права наравне с другими жителями обоих полушарий. Та тенденция, которая прозвучала в период обсуждения вопроса в октябре 1810 г. и январе-феврале 1811 г., выявила откровенное нежелание испанских депутатов предоставлять равные права свободному цветному населению Испанской Америки. В то же время американские депутаты, в своем большинстве, высказывались за равенство политических и гражданских прав всех категорий населения Испанской Америки. Поскольку кортесы, заявляли они, провозгласили принцип народного суверенитета, а субъектом суверенитета является испанская нация, то есть, народ, живущий в испанских территориях обоих полушарий, то соответственно, все категории населения имеют равные и одинаковые права. Особенно активно в поддержку прав этой категории американского населения выступали депутаты Мексики, Перу, Гватемалы⁵¹.

Кадисская конституция была промульгирована 19 марта 1812 г. 184 депутата подписали этот исторический документ. Немалую роль в ее создании сыграли и американские депутаты.

Конституция состояла из 384 статей, объединенных в 10 разделов: 1) об испанской нации; 2) о территории Испании, ее религии, правительстве и испанских граждан; 3) о кортесах; 4) о короле; 5) о судах и правосудии; 6) о внутреннем управлении провинций и округов; 7) о налогах; 8) о национальных вооруженных силах; 9) о народном просвещении; 10) о соблюдении конституции и порядке внесения в нее изменений.

Конституция провозгласила принцип народного суверенитета, который принадлежит нации (Ст.3), принцип разделения властей,

⁵⁰ Artola M. Los orígenes de la España Contemporánea. T.1-2. Madrid 2000. T.1 P.405.

⁵¹ См.: Colección de los discursos que pronunciaron los señores diputados de América contra el artículo 22 del proyecto de la Constitución. Lima, 1812; Actas de las Cortes de Cádiz. Antología. Op.cit.P.161-292.

признавала единственной религией католическую.

Согласно 1-ой статье конституции испанская нация объединяла испанцев обоих полушарий. Конституция должна была действовать и в колониях, которые рассматривались теперь, как составные части территории испанского государства. Она не вводила нового административно-территориального деления, отложив решение этого вопроса до более благоприятной политической ситуации. Она лишь перечисляла многочисленные земли в Европе, Америке и Азии, которые были включены ею в «территорию» Испании.

Конституция провозгласила верховенство законов, которые должны быть справедливыми и мудрыми, продуктом разума; целью правительства провозглашалось счастье нации. Кадисские кортесы видели свою задачу в установлении законов и государственного строя, который гарантировал бы испанцам право на свободу, безопасность, собственность и счастье. Среди прав, гарантированных конституцией, перечислялись право на гражданскую свободу, собственность (Ст.4), равенство испанцев перед судом. В обязанности испанского народа входили: своевременная уплата налогов пропорционально доходам, без каких-либо исключений и привилегий, право защищать Родину и нести воинскую службу, починяться законам и уважать новые структуры власти, а также любить Родину (Ст.6-9).

Особое место в конституции было отведено избирательной системе. Ей посвящено 77 статей. Конституция установила пропорциональные выборы: один депутат от 70 тыс. населения (Ст.31). Эта норма представительства была обязательна для обоих полушарий (Ст.28). Конституция признавала непрямые трехуровневые выборы (приход, округ, провинция). По существу, эта статья полностью соответствовала требованиям американских депутатов о равном представительстве. Конституция также предусматривала два уровня местного самоуправления муниципальные советы (аюнтаменты) и провинциальные депутации (Провинциальные советы).

Как и французская конституция 1791 г. Кадисская конституция вводила понятия «гражданин» и «испанец». Согласно 5-ой статье конституции испанцем мог быть свободный человек, родившийся там или проживавший на ее территории в течение 10 лет, либо получивший грамоту о натурализации от кортесов. В то же время конституция все же вводила определенные ограничения для лиц африканского происхождения. Громоздкая статья 22, ставшая

предметом долгих дискуссий, по - существу, была определенным компромиссом. Она декларировала, что некоторые лица африканского происхождения, проживавшие на испанских территориях, могли получить грамоту о натурализации, то есть стать испанцами при условии, что они должны иметь профессию или работу, приносящую определенный доход и пользу родине; быть талантливыми, добродетельными и благочестивыми гражданами, состоять в законном браке с благочестивой женщиной, иметь благочестивых родителей.

Кадисская конституция, как и конституция 1791 г., признавала различие между членом нации и гражданином. Хотя статья 22-ая признавала за некоторыми лицами африканского происхождения право быть испанцем, то есть гражданские права, в то же время 29-ая статья отказывала им в праве иметь политические права, то есть избирать и быть избранными, поскольку признавала политические права только для лиц, рожденных (натуралес) на испанских территориях обоих полушарий. Таким образом, конституция выводила за пределы и исключала из нового политического национального образования значительную часть американского населения (мула-

тов, кастас пардас, свободных негров и т.д.)⁵².

Выборы депутатов от Испанской Америки аккуратно и в соответствии с Кадисской конституцией проходили только на Кубе, Пуэрто-Рико и Санто-Доминго.

Современный пуэрториканский историк М. А. Гарсия Очоа справедливо, на наш взгляд, отметила, что Кадисская конституция стала поворотным моментом в политической истории Пуэрто-Рико первой четверти XIX века. Это был период, когда в пуэрториканском обществе впервые зародилось национальное самосознание, впервые голос пуэрториканского депутата был услышан в испанском парламенте; благодаря его патриотической деятельности во благо своей родины острову удалось добиться многих требований экономического и политического характера. Этот период, когда впервые пуэрториканский народ заявил о себе на международной арене, по существу, ознаменовал рождение пуэрториканского народа и пуэрториканской нации⁵³.

Пуэрто-риканские либералы с огромным энтузиазмом встретили принятие 19 марта 1812 г. Кадисской конституции, которая вступила в силу на острове 14 июля 1812 г.

Согласно 1-ой и 10- статей конституции Пуэрто-Рико (как и все заокеанские территории) рассматривался теперь как составная часть испанской нации (её провинцией), а жители острова - пуэрториканцы (кроме рабов) провозглашались испанцами со всеми вытекающими отсюда последствиями: правом выбирать своего депутата в испанские кортесы, правом на гражданские и политические свободы, собственность и т. д.⁵⁴.

Конституция предусматривала два органа местного управления - муниципалитет (аюнтамьенто) и Провинциальную депутацию (Провинциальный совет). Последний состоял из 9 членов (генерал-губернатора в качестве президента, интенданта и 7 наиболее состоятельных жителей острова. Провинциальный совет был призван решать вопросы внутреннего развития острова.

Согласно новому избирательному закону остров был разделен на 45 приходов и 5 округов, а общая численность населения в, получившего право избирать и быть избранными, составила 13 547

⁵² Leyes Políticas Españolas Fundamentales (1808-1936). Madrid, 1975. P.22-74.

⁵³ García Ochoa M.A. La Política Española en Puerto Rico durante el Siglo XIX. Puerto Rico, 1982. P.105.

⁵⁴ Leyes Políticas Españolas Fundamentales. Op.cit. P.22-24.

человек ⁵⁵. На выборах, состоявшиеся 21 февраля 1813 г. уже на основе избирательного права, принятого Кадисской конституцией (приход, округ, провинция) победу одержал либерал, сторонник реформ Хосе Мария Киньонес, ставший вторым представителем от Пуэрто-Рико в испанских кортесах. Уроженец Сан Хуана, он был доктором права, юристом, преподавал в университете Санто-Доминго, бывший оидор аудиенсии Каракаса. Выборы в Провинциальный совет также принесли победу либералам, сторонникам реформ.

Рамон Пауэр-иХиральт был современником, участником и разработчиком важного политического документа - Кадисской конституции 1812 г. Он не успел увидеть, как претворяется этот основной закон в его стране. 10 июня 1813 г. он умер в результате эпидемии желтой лихорадки, свирепствовавшей тогда в Кадисе. Последний закон, который был принят благодаря его депутатской деятельности, стал декрет от 4 января 1813 г. о земле. Декрет предписывал передачу пустующих государственных земельных угодий в частную собственность.

Благодаря деятельности Рамона Пауэра-и-Хиральта в качестве первого избранного депутата испанского парламента Пуэрто-Рико получил ряд важных экономических и политических законов и декретов, которые способствовали ускоренному экономическому прогрессу острова. Он сумел стать достойным представителем и защитником интересов своей родины. Его по праву можно назвать основоположником новой политической истории Пуэрто-Рико.

⁵⁵ Cruz Monclova L.Op.cit. P.52.

Н.С.Иванов

Мифы об Артигасе

Лилипуты у власти с раздутой до невероятных размеров псевдо-харизмой, чудовищная коррупция, непрерывная череда финансовых, экономических и политических кризисов – такая безрадостная картина в большинстве стран «глобального» мира усиливает интерес людей к прошлому. Но даже на фоне этого всеобщего увлечения, беспрецедентным выглядит празднование 200-летия Войны за независимость в Латинской Америке. Люди буквально одержимы событиями двухвековой давности, и это выразилось в колоссальном росте тиражей исторических исследований, многочисленных телешоу и публичных дискуссиях, посвященных судьбам Освободителей, перенесении их останков в новые, более роскошные мавзолеи.

Безусловное лидерство в этом процессе занимает Венесуэла. Чавес в почитании Симона Боливара пошел дальше всех других политических деятелей Латинской Америки. При нем изменилось даже название страны – она стала «Боливарианской республикой Венесуэла». Выступая на фоне огромного портрета Освободителя, он призвал убрать с прилавков детских магазинов «суперменов» и «бэтменов» и заменить их на фигурки национального героя. В июле 2010 г. были эксгумированы останки С.Боливара для того, чтобы тщательно расследовать причины его смерти, происшедшей, по мнению правительства, при «весьма подозрительных обстоятельствах, наводящих на версию о возможном покушении со стороны олигархов». (До настоящего времени, практически все историки были уверены в том, Боливар умер в 1830 г. от туберкулеза). Президент присутствовал при процедуре эксгумации и сказал со слезами на глазах, что «видел сияние, исходившее от скелета Великого Победителя»¹. Было принято также решение эксгумировать останки двух сестер Боливара. Вице-президент Э. Хауа заявил, что будут взяты по одному зубу для исследования ДНК и подтверждения аутентичности их останков.

Политические деятели других стран стараются не отстать от венесуэльского коллеги. В Мексике президент Ф. Кальдерон в мае 2010 г. шел впереди процессии, состоящей из почти 2600 офицеров и кадетов военных училищ, которые промаршировали торжественно-

¹ El Nacional. Caracas. 16.07.2010.

ным строем по центральным улицам Мехико, перевоза останки героев Войны за независимость М. Идальго-и-Костилья, И. Альенде, Х.М. Морелоса и девяти других выдающихся деятелей той эпохи из захоронения, в котором они находились с 1925 г. в Национальный музей истории в замке Чапультепек. Там лучшие эксперты занимались изучением останков героев Войны за независимость и «приведением их в состояние хорошей сохранности», чтобы затем выставить урны во «Дворце Нации» к 200-летию Дня Независимости (16 сентября 2010 г.) и к юбилею гибели «Отца Нации» М. Идальго 30 июля 2011 г. вернуть в реконструированный мавзолей под Колонной Независимости².

В Центральной Америке президенты нескольких стран вступили в спор по поводу перезахоронения останков героя Войны за независимость Ф. Морасана, могила которого находится в настоящее время в Сальвадоре. Незадолго до государственного переворота 2009 г. президент Гондураса М. Селайя потребовал от сальвадорских властей дать разрешение на перезахоронение Морасана в столице Гондураса Тегусигальпе. Сальвадор с негодованием отказал Гондурасу, однако в печати просочились сообщения о том, что подобные претензии могут быть предъявлены и правительством Коста-Рики. Дело в том, что генерал Морасан родился в 1792 г. в Гондурасе, был казнен в 1842 г. в Коста-Рике, и в соответствии с завещанием, похоронен в Сальвадоре³. В прессе появились сообщения, что среди центрально-американских стран идут серьезные дискуссии по поводу возможности поочередного перемещения останков на несколько месяцев из страны в страну – видимо это будет первый в мире передвижной мавзолей⁴.

Но нигде чествование Освободителей не было таким политизированным, как в Уругвае. В конце 2006 г. президент Т. Васкес, пришедший к власти от коалиции левых сил «Широкого Фронта», подписал указ о том, что национальный праздник, посвященный дню рождения «Отца Нации» Хосе Артигаса, 19 июня станет называться Днем «Никогда впредь» (El «Día del nunca más») и будет посвящен памяти жертв уругвайской хунты, правившей в стране в 70е – 80е годы XX века. «Народ, заявил президент во время первого празднования Дня «Никогда впредь» в 2007 г., - осознавший свой суверенитет и выдвинувший к власти Артигаса,

² Noticias Al Día. México. 31.05.2010.

³ El Latino de Hoy. Washington. 15.09.2010.

⁴ См. например: La Prensa. Tegucigalpa, Honduras. 19.05.2009.

вновь подтверждает свою волю и свое желание добиться осуществления важнейшей цели - чтобы никогда впредь не было недоверия и вражды между уругвайцами, чтобы драма и ужасы недавнего прошлого никогда впредь не повторились»⁵.

Более того, уругвайское правительство выдвинуло инициативу по перенесению останков Хосе Артигаса в новый мавзолей во «Дворце независимости». Главный аргумент состоял в том, что существующий был построен и открыт в 1977 г. по распоряжению военной хунты. Репрессивный режим, правивший в то время в Уругвае, пытался укрепить свои позиции, выдвигая себя в качестве исторического преемника «военного режима Генерала Артигаса». Однако взору первых посетителей мавзолея предстали лишь стены с изображением военных батальонов, да урна с прахом героя в центре зала, перенесенная туда из Национального Пантеона. Нигде ни одной надписи с изречениями Артигаса – несмотря на то, что многие из них превратились в крылатые фразы и поговорки. Военные издали специальный декрет, запрещающий гравировать на гранитных стенах изречения их «великого предшественника», так как (не без основания) полагали, что любое из них можно трактовать как «враждебную пропаганду» против их режима⁶.

«Широкий фронт», пришедший к власти в 2005 г., решил очистить образ Артигаса, искаженный военной хунтой. Теперь Освободитель выступает прежде всего как борец за национальную независимость и социальную справедливость. В рамках этого нового подхода президент Т. Васкес в 2009 г. заявил: «Необходимо убрать Артигаса из холодного и сырого мавзолея, где все напоминает об авторитаризме, в теплое место, согреваемое любовью народа и наводящее на мысли о демократии и справедливости»⁷. В июле того же года эта инициатива была одобрена Конгрессом, однако по всей стране прошли бурные дебаты как «за», так и против этого проекта. Оппозиционеры из правых партий вместе с некоторыми генералами, протестуя против решения властей, заявили: «Давайте взорвем все гидростанции в стране, так как они построены при военном режиме». Острейшая полемика заставила Васкеса отложить перенесение останков, которое намечалось на 23 сентября 2009 г. (в годовщину смерти Освободителя)⁸. И до настоящего времени

⁵ El País. Montevideo. 20.07.2007.

⁶ Sosnowski S., Popkin L.B. Represión, exilio y democracia: la cultura uruguaya. Montevideo, 1987. P. 139.

⁷ La República. Montevideo. 23.07.2009.

⁸ El Observador. Montevideo. 10.09.2009.

вопрос этот не поднимался вновь.

На чествовании Артигаса 19 июня 2011 г. новый президент Х.Мухика (также представитель «Широкого Фронта») в своей речи говорил лишь о необходимости приведения в достойное состояние урны с прахом Освободителя, и вообще посвятил немного места второй теме, с помощью которой его предшественник стремился осовременить праздник – теме гражданских прав и поминовения жертв военного режима. Такое смягчение полемического задора связано с тем, что власти стремятся к общественному консенсусу в год, который официально объявлен «годом Независимости». Празднование приурочено к 200-летию битвы при Лас-Пьедрас, в которой победу над испанцами одержали силы патриотов под командованием Артигаса.

Прямое включение «Отца уругвайской нации» в политические баталии нынешней эпохи с ожесточенным перетягиванием его наследия «вправо» и «влево» уникально даже для Латинской Америки. Уругвайский Освободитель, как никто другой из плеяды великих деятелей Войны за независимость, вызывал и вызывает до сих пор споры, противоречия и жаркие дебаты. Исследователи насчитывают по крайней мере «четыре легенды» (или идеологические версии), связанные с его судьбой и наследием.

Историографические «легенды»

Долгое время после отъезда Артигаса в Парагвай в 1820 г. уругвайские консервативные политики и литераторы пытались вытравить воспоминание о его реформах и вкладе в дело освобождения страны, называя его не иначе как «бандитом», «анархистом» и «контрабандистом», который пренебрегал всеми законами и моралью, «опасным злоумышленником», который выступал против сил порядка. Этой «черной легендой» был не только оклеветан Артигас – этот образ, как считают уругвайские исследователи, заложил идеологические основы архетипа «анархистского каудильо», который использовался и используется по сию пору во многих трудах, посвященных истории Латинской Америки⁹.

⁹ О «черной легенде» см.: Pivel Devoto J.E. De la leyenda negra al culto artiguista // Biblioteca básica de cultura uruguaya. Montevideo, 1989. V.2. P. 57; Rocha Imaz R. Artigas para todos: un ideario popular, democrático y federal. Montevideo, 1992. P. 30; Maggi C. La nueva historia de Artigas. V.1-8, Montevideo. 2005; Abella G. Artigas: el resplandor desconocido. Montevideo, 1999. P. 7; Hammerly Dupuy D. Artigas and the Emancipation of Uruguay. N.Y.,

Большую (если не главную) роль в создании «черной легенды» в историографии сыграли труды видных аргентинских деятелей Д.Ф. Сармьенто и Б.Митре. Сармьенто в своей главной работе «Факундо» (1845 г.) прямо противопоставляет силы цивилизации на территории Рио-де-ла-Платы (естественно, имея в виду буржуазно-патриотическую интеллигенцию Буэнос-Айреса) варварству аргентинской пампы, одним из центральных воплощений которого (наряду с каудильо Факундо Кирогой) считает Артигаса.

«Человек-зверь», жестокость которого не знает пределов – вот суть образа уругвайского вождя в «Факундо». Даже ремни из кожи полковника Масиэля, служившие упряжью для коня Росаса, «предвосхищены обычаями Артигаса, прочих каудильо — варваров и татар». Да и диагональная красная полоса на своем знамени, добавленная Артигасом к бело-голубому («аргентинскому») флагу возвещает, по мнению аргентинского мыслителя, «ужас, кровь и варварство!»¹⁰. «Человеческий род, - пишет он, - во все времена вкладывал именно такое значение в кровавый, багрово-алый, пурпурный цвет: пойдите-ка и изучите историю правления тех народов, что предпочитают этот цвет, и вы найдете там Росаса и Факундо: террор, варварство, потоки крови». Повторяются известные истории о жестокости монтонерос Артигаса, которые зашивали живьем своих пленников в сырые телячьи кожи и оставляли на медленную мучительную смерть в степных просторах пампы. Одна и та же сила поддерживала Артигаса в Энтре-Риос, Лопеса в Санта-Фе, Ибарру в Сантьяго, Факундо в Лос-Льяносе: «Индивиду-

1959. P. 370; Idem. San Martín y Artigas: adversarios o colaboradores? Montevideo, 1951. P. 393-418; Idem. Los descubrimientos de la investigación histórica artigasiana. Montevideo, 1961.

¹⁰ На самом деле в 1814 г. по проекту Артигаса было создано знамя «Конфедерации (Лиги) свободных народов». Основой был так называемый «флаг Бельграно», хотя для различения от знамени porteños вместо голубого-белого-голубого горизонтальных полей Артигас предложил синее-белое-синее с диагональной красной линией. Несмотря на «ужасы», которые виделись Сармьенто в красном цвете, он не был забыт, флаг Артигаса использовался как официальное знамя аргентинской провинции Энтре-Риос (в свое время входившей в «Лигу свободных народов»), а также до начала XX в. был морским флагом Уругвая. Флаг с красным-голубым-белым горизонтальными полями до сих пор является знаменем аргентинской провинции Мисьонес (также в свое время входившей в Лигу), а также партийным флагом «Широкого Фронта» (Frente Amplio) Уругвая – левой коалиции, лидеры которой Т.Васкес и Х.Муخيца заняли президентский пост в 2004 и 2009 гг.

дуализм был ее сутью, копьё — ее единственный оружием». «Орды бедуинов, в наши дни грабящие пограничные районы Алжира, дают точное представление о том, что такое аргентинская революция, которую использовали и дальновидные политики, и знаменитые злодеи». Инстинкты этого «зверя в человеческом облике» враждебны европейской цивилизации, «как и любой другой упорядоченной организации: враждебны монархии, как и республике, так как обе происходят из города и несут порядок и уважение к власти». Врожденный бандитизм и жестокая ярость сами по себе противоположны любым законодательным рамкам¹¹.

В работах Б. Митре, посвященных Сан-Мартину и Бельграно¹², воспеваются подвиги этих патриотов как основателей Аргентины, и олигархи в них выступают в качестве охранителей, выразителей общенациональных интересов. Эта либерально-позитивистская интерпретация истории, закрепленная в героических и во многом вымышленных картинах художников конца XIX в. (одним из создателей «исторической иконографии» был М.А. Куартероло) с сожалением описывает Артигаса, Факундо Кирогу и Росаса как некие «дефекты», аберрации в общем победоносном ходе истории.

Особое негодование Митре вызывал радикализм Артигаса при проведении аграрной реформы, и его решимость не только возродить сельское хозяйство, но и передавать земли пеонам, воевавшим в его армии. Именно при описании этой политики Митре не может выдержать общий академический тон своих произведений, характеризуя Артигаса как «каудильо вандализма и создателя полу-варварской федерации»¹³

В 1841 г. Митре написал биографические заметки об Артигасе, которые дают более эмоциональную, по сравнению с более поздними работами, картину уругвайского Освободителя, не меняя при этом негативной окраски. Эти заметки, отредактированные генералом М. де Ведиа, были опубликованы в Аргентине в 1937 г.¹⁴ Впрочем, как отметил экс-президент Уругвая М.Сангинетти в речи, посвященной 100-летию со дня смерти Б.Митре, стрелы вели-

¹¹ Сармьенто Д.Ф. Факундо. М., 1988. С. 32, 39; Sarmiento D. F. Facundo: civilization and barbarism. First Complete Translation. L., 2003. P. 31, 32, 81.

¹² Mitre B. Historia de Belgrano y de la Independencia Argentina. Buenos Aires, 1877; Idem. Historia de San Martín y de la emancipación sudamericana. Buenos Aires, 1887.

¹³ Mitre B. Historia de Belgrano y de la independencia argentina. V.1. Buenos Aires, 1927. P. 256.

¹⁴ Mitre B., Vedia M. El manuscrito de Mitre sobre Artigas. Buenos Aires, 1937.

кого аргентинца были направлены не столько против личности Артигаса, сколько против самого феномена каудильизма¹⁵.

Что же касается личных качеств Освободителя, Митре дал скорее позитивную, нежели негативную оценку: «Хладнокровный и изобретательный, он никогда не испытывал страха. Артигас был воистину человеком с железной волей. Придумав и приняв для себя план действий, ничто не могло заставить его изменить, отменить или отложить его осуществление; его огромная воля была храмом его души, и он обладал всеми возможностями для того, чтобы добиться выполнения своих замыслов... Оригинал в своих идеях, в стиле жизни и манерах, он смог благодаря своей открытости и откровенности оказать глубочайшее воздействие на души и разум своих сограждан»¹⁶

Х.Х. Артигас

Надо сказать, что свою немалую лепту в «черную легенду» об Артигасе внес известный английский историк Т. Карлейль. В своем эссе «Доктор Франсия», изданном в 1843 г. он противопоставляет положительный для него образ парагвайского президента («южноамериканского Кромвеля», «чья жестокость перевешивалась его чувством цели и способностью навести порядок») «бандиту и смутьяну» Артигасу. В рамках своей главной идеи о героях

¹⁵ Sanguinetti J.M. Mitre y los uruguayos// La Nación. Montevideo. 15.03.2006.

¹⁶ Mitre B., Vedia M. Op.cit. P. 12.

как главной движущей силой исторического процесса, Карлейль уподобил Франсию тирану Сиракуз Дионисию, и оправдал использование парагвайским президентом «всех мыслимых и немыслимых средств» для достижения позитивной цели – очищения своей страны от пережитков феодализма. Времена крутых перемен всегда требуют от вождя применения жестоких средств, пишет Карлейль. Но они оправданы «огнем высшей нравственности, которая побуждает лидера к поискам истины». Этой «силе порядка и прогресса» противостоит Артигас как олицетворение «сил хаоса и кровавых конфликтов, раздиравших континент от края до края». Мудрый Франсия создал мощные пограничные кордоны, воспрепятствовавшие проникновению в страну банд его естественного врага – Артигаса, который «прошел с мечом и огнем по всей Восточной провинции» и «сжег дотла провинцию Энтре-Риос».

Более того, Артигас служит Карлейлю дополнительным подспорьем для демонстрации благородства его героя Франсии. Когда «давний враг» попросил у парагвайского президента убежища тот проявил «человечность и благородство», с готовностью предоставил беглецу место для проживания в одном из отдаленных районов и пансион в «тридцать пиастров в месяц до конца жизни». «Бандит, - пишет далее Карлейль, - обрабатывал данный ему участок земли, раздавал милостыню местным нищим и провел остаток жизни, раскаиваясь в совершенных им преступлениях»¹⁷.

Политическим фоном господства «черной легенды» было турбулентное развитие Уругвая с конца 20-х годов. Само создание страны было навязано Аргентине и Бразилии для того, чтобы наилучшим образом обеспечить коммерческие интересы англичан, дать им возможность зарабатывать на посреднической торговле через «окно» свободной торговли, привязать их напрямую к торговле с Англией. Лорд Понсонби предложил создать «маленькую страну» с населением менее 150 тыс. человек как некую «прокладку» между двумя гигантами.

Внутри этого «нео-государства» шли постоянные маленькие войны за власть между соперничавшими группировками, была и так называемая «Великая война» в 1839-1851 гг. между приверженцами Национальной партии («бланко») и партии Колорадо, отличавшимися по цвету повязок на шляпах. Местные каудильо обращались за помощью к соседям, бразильцами и аргентинцами, которые в свое время были противниками Артигаса. Поэтому-то на

¹⁷ Carlyle T. Critical and miscellaneous essays. Boston, 1855. P. 560-567.

первом этапе безраздельно господствовала «черная легенда».

Внутри хаоса «революций» сформировалось ядро местных политиков и латифундистов, которые понимали необходимость стабилизации обстановки и создания исторического фундамента уругвайского национализма.

Через пять лет после смерти Артигаса, в 1855 г. его останки были перевезены из Парагвая на родину и в 1877 г. помещены в Национальный Пантеон. В 1860 г. известный историк и общественный деятель Исидоро де Мария опубликовал первую в истории Уругвая биографию Х.Артигаса¹⁸. И. де Мария охарактеризовал Артигаса в качестве «отца-основателя уругвайской нации» и попытался дать объективную биографию генерала.

Многие уругвайские историки считают, что главную роль в создании «голубой легенды» сыграл президент Л. Латорре (1876-1879). До него первые опыты создания национальной мифологемы строились вокруг «33 героев» и Лавальехи. Но многие из этих персонажей стали участниками кровавых междоусобиц 30 – 50-х годов XIX века. Надо было найти незапятнанную фигуру и придать ноту романтизма начальному периоду истории страны. Именно эти причины выдвинули на передний план «каудильо-варвара», как называли тогда Артигаса, умершего в изгнании в Парагвае в 1850 г. Романтизм «вождя гаучо, пеонов и индейцев», его оторванность от кровавых конфликтов на родине создали вокруг него ореол общенациональной фигуры, популярной в массах, которая и стала центром сплочения для граждан Уругвая.

«Голубая легенда», начало которой положил де Мария, представляет Артигаса отцом уругвайской нации, основателем «уругвайской идентичности», создателем основных общественных учреждений и институтов, демократического консенсуса, великим государственным деятелем и т.д. С необходимостью для правящих кругов укрепления национальной государственности апологетика в описании Артигаса в уругвайской историографии конца XIX – начала XX вв. возобладала над критицизмом. Это отразилось в работах последователей И. де Марии - историков К. Рамиреса, К. Фрегейры, исторической реконструкции Эдуардо Асеведо, а также в литературных трудах Хуана Сорильи де Сан-Мартина и Эдуардо

¹⁸ María I. de. Vida del Brigadier General D. José Gervasio Artigas, Fundador de la Nacionalidad oriental. Gualeguaychú, 1860.

Асеведо Диаса¹⁹.

В работах этих авторов подчеркивается величие героя, его общеконтинентальные цели и интересы. По взглядам адептов этой версии, Артигас, ратуя за федерализм, думал прежде всего о «братских чувствах» всех жителей Южной Америки, о том, что автономия является ступенью в создании прочного континентального союза. Так, солидарность, братские чувства выражались в его ответе на вопрос, откуда он пришел: «Из рая» ("Del Paraíso") (имея в виду свою «столицу» - Пурификасьон). Он подразумевал прежде всего общество, где нет диктаторской власти, а лишь должность «Защитника» («Протектора»), которую сам он занимал не для наслаждения властью, а для того, чтобы защищать права собратьев на совместное участие в принятии решений, без всякого эгоизма, в «цивилизованных» рамках.

Х. Родо считал, что главное отличие Артигаса от других великих деятелей его эпохи состояло в сочетании городской образованности, которую он получил в юные годы, с глубокой и эмоциональной привязанностью к вольной степной жизни, к грубому, но благородному труду крестьян. Это, считал Х. Родо, «дает ключ к пониманию исторического значения Артигаса, его величия, уникального соединения сердечности, широты характера и просвещенности суждений»²⁰.

Официальная буржуазно-демократическая («голубая») версия биографии Артигаса достигла пика популярности к середине XX века. Затем полемика переместилась в противоборство между консерваторами, либералами, а также левыми течениями за наследие Артигаса. Историк У. Демуро считает, что в уругвайской историографии и общественной мысли противоборствовали официальная или либеральная версия (о том, что Артигас не только заложил основы уругвайской нации, но и стал родоначальником республиканско-демократической формы правления); «черная легенда» (приверженцами которой стали историки ультраконсервативного направления, считающие Артигаса предтечей военных, совершавших «революции» и государственные перевороты); и «красная легенда», делающая упор на народный характер движения, которое

¹⁹ Ramírez C.M. Artigas. Montevideo, 1884; Fregeiro C. Artigas. Estudio histórico. Documentos justificativos. Montevideo, 1886; Acevedo E. El proceso artiguista. Cargos y acusaciones. Montevideo, 1935; Idem. José Artigas. V.1, Montevideo, 1950. P. 43-142; Zorrilla de San Martín J. La Epopeya de Artigas. Montevideo, 1907.

²⁰ Rodó J.E. Artigas. Montevideo, 1950, P. 10

возглавил Артигас, а также прогрессивный, «левый» характер его реформ²¹.

Более последовательной является позиция таких историков как Х.Риаль, изображающая историческую смену «легенд». Он считает что после «черной» и «голубой» преобладающей стала «красная», которая относится к Артигасу прежде всего как социальному реформатору, озабоченному судьбой обездоленных классов. Эту традицию породил в начале XX века «розовый» (как его называют официальные историографы) Х. Сорилья де Сан-Мартин, а с 50-х годов развили и отточили левые уругвайские интеллектуалы.

Радикальное противопоставление левыми «нашего Артигаса» политическим противникам было характерно для эпохи политического кризиса начала 70-х годов XX века с логикой «победы или смерти». По-существу почти каждое крупное выступление левых деятелей сопровождалось ссылками на Артигаса²². Характерным примером было, например, выступление перед студентами одного из лидеров «Широкого Фронта» В. Родригеса Белетти под названием «Артигас – наш»: «Артигас – не их. Артигас – наш, он принадлежит гражданам Восточного Берега, которые своим поведением и своим трудом воздавали дань благодарности его памяти все эти годы. Артигас принадлежит рабочим, пеонам из эстансий, интеллигенции, левым движениям и студентам. Он не был и не будет своим среди банкиров, ставших черным пятном на нашей истории, политиканов и прежде всего сторонников президента Хорхе Пачеко Ареко»²³.

«Городские партизаны» из подпольной организации «тупамарос» (многие из которых стали в наше время видными политиками в рядах «Широкого Фронта»), считавшие себя продолжателями дела великого Освободителя, выкрали историческое знамя Артигаса (местонахождение которого до сих неизвестно) и грозили похитить урну с прахом вождя.

В годы хунты, по мнению Риалья, появилась «зеленая» легенда (по цвету мундиров), созданная военными и подчеркивающая роль

²¹ См.: Demuro W.G. De historiografías y militancias. Izquierda, artiguismo y cuestión agraria en el Uruguay // Anuario de Estudios Americanos (Montevideo). № 2. 2003.

²² Devoto F., Pagano N. La historiografía académica y la historiografía militante en Argentina y Uruguay. Buenos Aires, 2007. P. 76-80

²³ La Idea. Montevideo. 28.08.1971.

Артигаса как великого полководца и каудильо²⁴.

После краха военного режима господство в исторической литературе той или иной «легенды» определялось по прежнему тенденциями в политической жизни страны. С середины 80х годов и вплоть до начала XXI в. (в эпоху засилья неолиберализма) на передний план выдвинулись различные вариации «голубой легенды». Затем, после череды тяжелейших финансовых и экономических кризисов, краха иллюзий, связанных с ожиданием помощи

от МВФ и США, господствующими стали новые варианты «красной легенды».

Выше уже говорилось об использовании «красной легенды» левоцентристами из «Широкого Фронта» в политических целях в наши дни. И этот подход характерен не только для уругвайцев. Вот например, президент Венесуэлы У. Чавес вспоминает высказывание Артигаса «Мы не должны ждать ничего от кого бы то ни было, кроме нас самих», призывая выступить единым фронтом против планов «мировой элиты»: «Кому придет в голову, кроме тех, кто не хочет видеть действительного положения дел, поручить поджигателю тушение пожара? Но именно такое решение и было принято: снова дать гигантские суммы долларов Международному Валютному Фонду и Всемирному Банку... Боже мой! Предоставить еще большие полномочия Всемирной Организации Торговли и даже угрожать тем странам Третьего Мира, которые впадут «в грех протекционизма». Спасайся, кто может!»²⁵.

Политические и идейные баталии вокруг фигуры Освободителя не утихают. Наверное, это в какой-то мере естественно - невозможно написать биографию любого человека, не пытаясь реконструировать его идеи, фантазии, мечты. При этом у историков начинается «перетягивание каната» в сторону своих собственных гипотез и политических предпочтений. Каковы же факты, которые «работают» на эти историографические «легенды»?

«Легенды» и факты

События из юности Артигаса безусловно используются создателями «черной легенды». «Отец-основатель уругвайской нации»,

²⁴ Rial J. Social imaginary: Utopian political myths in Uruguay// Sosnowski S., Popkin L.B. Repression, exile, and democracy. P. 59-83.

²⁵ Chávez Frías H.R. Las líneas de Chávez (Строки размышлений Чавеса). М., 2010. С. 357-358

родился в Монтевидео 19 июня 1764 г. в благополучной семье рехидора (чиновника городского совета Монтевидео) Мартина Хосе Артигаса и Франсиски Антонии Асналь. Вместе с братом он посещал начальную школу при францисканском монастыре Сан-Бернардино в Монтевидео, затем работал в усадьбах отца в Карраско или Пандо, или занимался скотобойным промыслом в имении Касупа, где его жизнь протекала в обществе гаучо, пеонов, индейцев, негров-рабов. Помимо промысла гуртовщика, он занялся контрабандной продажей крупного рогатого скота и лошадей на границе с Бразилией. Оттуда он возвращался с португальскими товарами, которые были необходимы в хозяйстве как его собственной семьи и семей его друзей, так и других его земляков²⁶.

Незаконной торговлей занимался не только Артигас - «бандит и контрабандист» в описании сторонников «черной легенды». Она была широко распространена в конце XVIII века, когда местное общество задыхалось от торговой монополии Испании. Лишь метрополия могла ввозить туда товары. Ввиду полнейшего упадка промышленности Испании в конце века, она не могла снабжать колонии необходимыми им продуктами. Не в состоянии она была также и приобретать то, что здесь производили. Кризис торговли привел к тому, что местные власти не только терпели, но порой даже способствовали тайному ввозу и вывозу различных товаров.

Существует немало свидетельств и документов, в которых Артигас предстает как руководитель вооруженных групп пеонов и гаучо, занятых контрабандой на границе с Бразилией. Ему не раз приходилось вступать в столкновения с королевскими частями. Наконец, после многочисленных вооруженных стычек, колониальные власти предложили ему амнистию за совершенные преступления (контрабанду и сопротивление властям) и пригласили вступить на военную службу. Хосе решил ответить согласием. Он порвал со своим прошлым и в 1797 г. вступил в недавно созданный отряд улан - кавалерийского ополчения, которое занималось охраной приграничных районов, борьбой с контрабандистами и шайками разбойников.

Сторонники «голубой легенды» обычно замалчивают факты первого периода, либо представляют Артигаса неким благородным разбойником наподобие Робин Гуда из Шервудского леса. Но далее они концентрируются на военной службе Артигаса. Благодаря своим заслугам молодой человек быстро продвинулся по службе и

²⁶ Sosa J. Artigas. Montevideo, 1961. P. 26

получил звание капитана. Помимо достоинств военного командира, современники отмечали у этого слегка сутулого, немногословного креола другие положительные качества – умение вести себя в обществе, верность по отношению к друзьям, знание языков гуарани и чарруа, умение врачевать раны и болезни с помощью трав, хорошая игра на гитаре и приятный голос при исполнении популярных тогда песен. Сторонники «голубой легенды» аккуратно переписывают из книги в книгу положительные способности и черты характера национального героя (при этом часто прибавляя все новые достоинства)²⁷.

Следствием тяжелой походной жизни стали тяжелые формы ревматизма и артрита, он неоднократно подавал прошения об отставке, и в начале 1805 г. его просьба была удовлетворена. Артигас на несколько лет отошел от активной общественной жизни, занимаясь семейными проблемами (в декабре 1805 г. он женился на двоюродной сестре Рафаэле Вильягран, брак оказался неудачным – после рождения сына Хосе Марии жена Артигаса заболела и осталась душевнобольной).

Тем временем в колонии происходили важнейшие политические и военные события, которые привели к Войне за независимость. В ней должен был решиться главный вопрос, кто будет господствовать в Латинской Америке: отставшая в экономическом развитии, гнивающая Испания или "промышленная фабрика мира" – Англия.

Разногласия между историками по поводу причин Войны за независимость в регионе Рио-де-ла-Платы являются в сущности главным «оселком» их принадлежности к той или иной историографической «легенде» об Артигасе. Приверженцы «голубой» версии изначально исходят из того, что «уругвайская нация» уже сформировалась к началу XIX в. – эта традиция идет от первых уругвайских историков. Например, в 1839 г. Ф. де Фигероа опубликовал очерк «Гаучо Восточного берега Ла Платы», суть которого сводилась к тому, что уругвайцы отличались от окружающих народов и представляли собой самостоятельный народ, имевший свои собственные национальные интересы²⁸. Подобные взгляды проповедовали И. де Мария²⁹ и Д. Ларраньяга³⁰. Все без исключе-

²⁷ См.: *La fête en Amérique latine: Rupture, carnaval, crise*. Centre de recherches interuniversitaire sur les champs culturels en Amérique latine. Colloque international. Paris, 2002. P. 42.

²⁸ Figeroa F. de. *El gaucho oriental*. Montevideo, 1839.

²⁹ María I. de. *Vida del Brigadier General D. José Gervasio Artigas*.

ния работы институциональных историков, (даже те, которые были посвящены доколониальному периоду и истории вице-королевства) тщательно выделяли из общей истории лишь то, что касалось Восточного берега Ла-Платы.

Среди первых историков, кто понял и осуществил идеологическую задачу формирования новой «уругвайской» нации был Ф.Бауса. В описании Восточного берега колониального периода, он, по словам Х.Каэтано, создал «воображаемую общность, которая должна была воплотиться в будущем в уругвайской нации».³¹

В этой интерпретации суть Войны за независимость на Восточном берегу сводилась к борьбе местного населения против испанской метрополии, португальцев из Рио-де-Жанейро и олигархов из Буэнос-Айреса за суверенитет уже существовавшей «национальной общности», и Артигас был выразителем интересов «уругвайской нации».

Сторонники «черной легенды» исходят из того, что все патриоты были едины в своем стремлении к независимости от метрополии, но местные каудильо (среди них и Артигас), стремившиеся к упрочению своей личной власти, привели к расколу бывшего вице-королевства.

Помимо практически всех аргентинских историков, подобный подход был характерен для уругвайских «панплатистов» (от Рио-де-ла-Платы), которые говорили о том, что жители бассейна этой реки имеют общие корни, общую историю внутри испанского вице-королевства, общие экономические и политические интересы — поэтому раскол на несколько держав является «историческим недоразумением», и им следует в будущем объединиться в одну мощную державу.

Одним из идеологов этого течения был Хуан Карлос Гомес (1820- 1884). А.Ф. Коста, написавший биографию Гомеса, отмечает его дар полемиста, яркого оратора, знатока права. Гомес принимал активное участие в политической и интеллектуальной жизни не только Уругвая, но и Аргентины, Бразилии и Чили. Весь свой дар литератора, журналиста и преподавателя он использовал для «создания и укрепления объединительного движения в самое бурное время зарождения новых наций, насилия и междоусобиц».³²

³⁰ Larrañaga D.A. Viaje de Montevideo a Paysandú. Montevideo, 1817.

³¹ Caetano G., Achugar H. Identidad uruguaya: ¿mito, crisis o afirmación?, Montevideo, 1992. P. 81.

³² Costa A.F. Rasgos biográficos del doctor Juan Carlos Gómez. Montevideo, 1905. P. 9-12.

Поэмы, статьи и очерки Гомеса проникнуты экзальтированным, романтическим духом «панплатизма» - братства всех народов, заселяющих регион р. Ла-Платы.

Надо сказать, что панплатисты не всегда выступали против Артигаса – одна из точек зрения состояла в том, что принятие артигистской программы, включая принципы федерализма, республиканизма могло бы объединить народы Рио-де-ла-Платы – и виновниками раскола в этой интерпретации являются не «восточники», а «унитаристы» из Буэнос-Айреса.

И «голубые», и «черные» в значительной степени преуменьшают (или вовсе исключают) роль Британии в событиях Войны за независимость в регионе Рио-де-ла-Платы. Эту сторону событий широко освещают лишь «розовые» и «красные». Они отмечают, что в Новом Свете Британия давно проводила изошренную подрывную политику, поощряя конфликты между колониями и метрополией, наводняя местные рынки контрабандными дешевыми товарами. С ослаблением Испании Альбион стал все чаще переходить к военным операциям – высадке десантов, бомбардировке и разорению портовых городов под предлогом «защиты своих граждан».

Подробно освещаются события 1805-1807 гг., имеющие непосредственное отношение к биографии Артигаса. Разбив в 1805 году у Трафальгара франко-испанскую эскадру, Англия стала владычицей морей. Обеспечив за собой всю торговлю с Ост-Индией и завладев голландской колонией на юге Африки (мыс Доброй Надежды), англичане сразу же послали к берегам Испанской Америки экспедицию во главе с адмиралом Пофемом и в июне 1806 г. почти без всякого сопротивления захватили Буэнос-Айрес. Падение столицы вице-королевства Рио-де-ла-Плата вызвало волну сочувствия у жителей Монтевидео, которые приняли деятельное участие в действиях войск во главе с С. Линье для освобождения города. Артигас участвовал в ожесточенных полуторамесячных боях за освобождение Буэнос-Айреса, которые привели к капитуляции английских войск.

Англичане не оставляли захватнических планов и в начале 1807 г. организовали вторую, еще более мощную экспедицию под командованием адмирала Уайтлока. На сей раз первый удар был направлен на Монтевидео. И несмотря на упорную оборону, в которой выделялись уланы Артигаса, город был взят 3 февраля 1807 г. Англичане сразу же объявили полную свободу торговли, наводнили местные рынки своими товарами, и в течение всего периода

оккупации, продолжавшейся полгода, проводили активную агитацию с целью убедить местных жителей в необходимости сбросить иго Испании.

Несмотря на реальные выгоды, которые получило население Монтевидео, Артигас предпочел уйти со своим отрядом вглубь территории, в Ринкон-де-Серро. Он организовал партизанскую войну, продолжавшуюся весь период оккупации. Англичане оставили Монтевидео после того, как генерал Уайтлок, командующий английской захватнической экспедицией, потерпел поражение при штурме Буэнос-Айреса.

Артигас вернулся в Монтевидео и снова занял пост командира ополченцев. Он не принимал участия в жарких политических дебатах 1808 г. после того как в колонии одно за другим приходили сногшибательные сообщения из метрополии (отречение Карла IV, отказ от отречения в пользу его сына Фердинанда VII, оккупация страны французскими войсками, переговоры в Байонне, приход к власти в Испании и ее колониях Наполеона I, передача трона его брату Жозефу Бонапарту, начало общенародной освободительной войны).

В Ла-Плате определились две политические партии, отражавшие борьбу интересов различных слоев общества. Происпанская, роялистская партия включала олигархов, монополистов, ростовщиков, откупщиков, высших чиновников, которые выступали против свободы торговли и поддерживали Хунту (наподобие Центральной хунты в Испании) во главе с губернатором Х. Элио, образованную в Монтевидео на заседании Кабильдо Абьерто в сентябре 1808 г.

В Буэнос-Айресе партию патриотов составляли креолы, мечтавшие о самостоятельности, буржуазно-демократических реформах и выступавшие против монополизма в торговле. Во время «майской революции» 1810 г. они фактически принесли национальное освобождение и начали проводить прогрессивные реформы во всех областях общественной жизни.

В конце 1810 г. в Монтевидео вернулся из Испании Элио, назначенный вице-королем. Он объявил войну революционной хунте Буэнос-Айреса, находившиеся в его распоряжении военноморские силы установили контроль над эстуарием Ла-Платы и приступили к блокаде Буэнос-Айреса. Элио было разрешено воспользоваться военной помощью португальцев, что он и сделал. Ополченцы Артигаса получили приказ выдвигаться в составе испанских войск к Буэнос-Айресу.

Именно тогда Артигас принял самое важное, судьбоносное решение в своей жизни – вместе с несколькими верными ему офицерами он дезертировал из испанской армии и перешел на сторону патриотов – и, пожалуй, это единственное событие в его биографии, которое заслужило положительную оценку у всех направлений историографии. В марте 1811 г. он уже был в Буэнос-Айресе, где ему присвоили звание подполковника, дали 180 песо и полторы сотни солдат, и он со своим маленьким отрядом отправился в Эн-тре-Риос для организации сопротивления испанцам.

Восстания патриотов охватили многие районы Восточного берега Ла-Платы. Штаб Артигаса находился в Мерседесе, куда начали стекаться пеоны, гаучо, индейцы чарруа – все, кто желал участвовать в освободительной борьбе. 11 апреля 1811 года Артигас обнародовал свою первую прокламацию. В ней он призывал соотечественников к единению и победе: «Наш триумф не за горами, победа или смерть – вот наш лозунг. Тираны должны испытать на себе весь ваш гнев. Американцы смогут доказать, что они готовы отстаивать свою родину. Лучше умереть с честью, чем жить в бесчестье, в плену, в зависимости»³³.

Артигас узнал, что испанские части численностью более тысячи человек во главе Хосе де Посадасом, посланные для уничтожения сил патриотов, заняли местечко Лас-Пьедрас и укрепились там. Артигас призвал на соединение с основными силами повстанцев отряд своего брата Мануэля Франсиско. 18 мая началось сражение. Артигас разделил свою кавалерию на несколько колонн, одной из которых было поручено обойти врага с тыла и не дать ему уйти от преследования. На бой против регулярных частей противника – пехотинцев и кавалеристов, поддержанных артиллерией, под командой опытных офицеров, вышли отряды гаучо и народного ополчения общим числом около тысячи человек, вооруженные самым элементарным оружием.

Патриотам помог талант их командира – он послал один из отрядов для отвлекающего маневра. Посадас попался на эту удочку и бросил все силы на преследование. Тогда Артигас повел своих солдат в атаку. Битва продолжалась около шести часов. К вечеру испанцы признали себя побежденными.

Битва при Лас-Пьедрасе укрепила политическое и военное положение Хунты Буэнос-Айреса и патриотов Восточной провинции.

³³ Romero J.L., Romero L.A. Pensamiento político de la Emancipación, V.2. Montevideo, 1985. P. 11.

Ряд историков считают, что победа Артигаса сыграла решающую роль в сохранении завоеваний революции во всем регионе Рио-де-ла-Платы, учитывая поражения М.Бельграно в Парагвае и Паране, которые поставили под сомнение само существование хунты Буэнос-Айреса³⁴. (Нынешний год объявлен «годом Независимости» в Уругвае именно в ознаменование 200-летия битвы при Лас-Пьедрасе).

Укрепился и моральный авторитет вождя – и не только среди победителей, но и потерпевших поражение. Артигас призвал свое воинство, привычное к жестокости и насилию, быть милосердным по отношению к раненым и пленным испанцам³⁵. Этот факт является главным для историков «голубого» направления в их полемике против сторонников «черной легенды», однозначно утверждающих, что психологической доминантой Артигаса была крайняя жестокость.

Уже через три дня, 21 мая отряды Артигаса осадили Монтевидео. Но планам патриотов по захвату города не суждено было сбыться. Бразильская принцесса Карлота Хоакина переслала Элио из Рио-де-Жанейро план по усмирению Восточной провинции. Вторжение португальских войск началось в июле. В итоге все блестящие победы патриотов в 1811 г. оказались напрасными – более того, облегчилось положение испанцев, которые находились тогда на грани полного краха.

Триумvirат Буэнос-Айреса (сменил хунту в сентябре 1811 г.) решил заключить договор с роялистами Элио, чтобы совместно противостоять португальцам. Помимо окончательного снятия осады с Монтевидео, было признано, что власть Элио распространяется не только на всю Восточную провинцию, но и на территорию вплоть до реки Параны, то есть и на часть нынешней территории Аргентины³⁶.

По инициативе Артигаса было созвано заседание в Кинта-дела-Парагвайя, где его участники высказали свое возмущение заключенным договором. Артигас решил отступать вместе со всеми соотечественниками, желающими идти с ним, до берега реки Уругвай. Он был избран «Верховным вождем Восточной провин-

³⁴ Rock D. Argentina, 1516-1982: from Spanish colonization to the Falklands War. N.Y., 1985. P. 84. Scheina R.L. Latin America's Wars: The age of the caudillo, 1791-1899. V.1. Dulles, 2003. P. 46.

³⁵ Fernández Huidobro E. Artigas olvidado. Montevideo, 2000. P. 88.

³⁶ Rela W. Uruguay: cronología histórica anotada. Artigas, 1811-1820. Montevideo, 1998. P. 16 - 17.

ции».

Видный уругвайский исследователь Э.Галеано пишет, что именно предательство Буэнос-Айреса, оставившего в руках испанских властей и португальских войск в 1811 г. территорию, ныне занимаемую Уругваем, вызвало массовый исход населения на север. «Народ воюющий стал народом уходящим: мужчины и женщины, старики и дети бросали все и шли бесконечной вереницей вслед за вождем»³⁷. Тяжелейший поход, в который вышли 4 тысячи военных и более 8 тысяч гражданского населения, длился два месяца и получил название «Исхода уругвайского народа»³⁸. И это не было преувеличением – все население Восточного берега к концу колониального периода составляло около 30 тысяч человек.

Ряд историков «голубого», «розового» и «красного» направлений считают «исход» первым суверенным действием уругвайского народа, в котором он проявил свою самостоятельность по отношению к «аргентинцам». «Черные» клеймят Артигаса за безответственность, раскол в рядах патриотов, и называют его за «агитацию» в пользу «исхода» не иначе как «анархистом и вождем варваров».

Британский историк Дж. Стрит считает «Великий исход», «славным отступлением, триумфом в поражении»³⁹. Люди, ушедшие с Артигасом, стремились к независимости даже ценой добровольной ссылки, бросая дома и оставляя за собой выжженную землю и пустые поля. Это, утверждает Стрит, было первым проявлением народного суверенитета, фактическим провозглашением того, что жители Восточного берега предпочитают отделиться, и не станут подчиняться ни Испании, ни Рио-де-Жанейро, ни Буэнос-Айресу. Однако этот акт сопротивления остался бы пустым жестом, если бы не был связан с лидером, который стал в глазах народа Вождем - каудильо, заботящимся о бедных и богатых, защитником индейцев и креолов⁴⁰.

Артигасу приходилось действовать в крайне сложных условиях, имея перед собой трех могущественных противников: португальцев, испанцев и власти Буэнос-Айреса. После ухода португальцев из Восточной провинции (по договору, заключенному

³⁷ Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. М., 1986. С. 166.

³⁸ Maggi C. La nueva historia de Artigas: 1811. La redota : la invasión portuguesa y el éxodo. Montevideo, 2005.

³⁹ Street J. Artigas and the Emancipation of Uruguay. Cambridge, 1959. P. 147-152.

⁴⁰ Muñoz E.P. Artigas: Federalismo y soberanía. Montevideo, 1988. P. 68.

между властями Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро при посредничестве англичан) триумвират в Буэнос-Айресе попытался возобновить кампанию против испанцев в Восточной провинции и привлечь к участию в ней Артигаса. И в начале 1813 г. войска «восточников» (*orientales*) присоединились к кампании⁴¹. С октября 1812 г. началась осада Монтевидео.

А в январе 1813 года (во время осады Монтевидео) в Буэнос-Айресе собралась Конституционная ассамблея. Для формулирования предложений «восточников» 5 апреля в поселке Трес-Крусес собрался конгресс, на который съехались депутаты Восточной провинции, участники революционного движения. Там Артигас представил свой главный документ, который после окончательной редакции получил название «Инструкций 13-го года». Фактически это был проект конституции, написанный во многом под впечатлением идей Американской конституции (Вождь и его окружение тщательно изучили книгу Д. Мануэля Гарсиа де Сены с переводом этого документа на испанский язык).

В первом пункте была четко зафиксирована абсолютная независимость колоний от испанской власти. Далее по аналогии с американской конституцией выдвигалось требование создания федерации – Объединенных Провинций Ла-Платы. Постулировалось повсеместное установление республиканской формы правления, недопустимость попрания провозглашенных принципов с помощью военной силы или авторитарного правления («военный деспотизм должен быть категорически исключен, и во всех конституционных документах должно быть подтверждено неотъемлемое право народов на суверенитет»), «полнейшая гражданская и религиозная свобода», разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. В статье 4 содержалось требование «поддержания равенства, свободы и безопасности граждан и народов», причем выдвигалось требование, чтобы каждая провинция избирала свое правительство в согласии с этими принципами, и затем формировалось бы Высшее правительство Нации; чтобы в каждой провинции создавались свои собственные вооруженные силы и милиция для поддержания общественного порядка. Наряду с общими демократическими принципами излагались и экономические требования – признания права портов Восточной провинции Мальдонадо и Колония на свободу внутренней и внешней торговли, возможность создания там военного флота для охраны торго-

⁴¹ Street J. Op.cit. P. 174-175.

вой навигации, отсутствие «преференций в отношении отдельных провинций или портов» (конечно, имелся в виду Буэнос-Айрес), таможенных пошлин, налогов и сборов в торговле между провинциями. Все это, считали Артигас и делегаты ассамблеи, привлечет народы на поддержку центрального правительства, которое «будет придерживаться целей свободы, набожности, справедливости, умеренности и предприимчивости»⁴².

Федералистская программа Артигаса, противопоставленная централизму властей Буэнос-Айреса, отнюдь не была механической копией североамериканских конституций. Она имела свои собственные корни. Идея конфедерации принадлежала еще М. Морено, который считал, что, когда будут разрушены старые связи, привязывавшие народы колонии к испанской метрополии, каждая провинция должна стать самостоятельной. Более того, по мнению видного аргентинского политика Х.Б. Альберди, именно последовательное осуществление идеи федерализма привело к Майской революции, и этот же принцип лежал в основе создания местной администрации в Буэнос-Айресе. Развитию и распространению идеи федерализма более всего способствовали, по его мнению, М. Морено и Х.Х. дель Пасо (Пасо)⁴³. Эту точку зрения разделяют большинство исследователей⁴⁴, за исключением приверженцев «черной легенды», настаивающих на том, что «Инструкции», призывающие к «дроблению» территории на самостоятельные федерации, способствовали ослаблению сил патриотов.

Делегатов от Восточной провинции, приехавших на Ассамблею, даже не допустили в зал заседаний. Центральные власти, ратуя за унитаризм, провели «свой» конгресс в Восточной провинции, отменивший «Инструкции», игнорировавший Артигаса и избравший новый местный орган из числа сторонников централизма.

Артигас, опасаясь внезапного нападения со стороны «союзни-

⁴² Miranda H., Zorrilla de San Martín J. Las instrucciones del año XIII. V.1. Montevideo, 1910. P. 238, 413 – 414.

⁴³ Alberdi J. B. Obras selectas. V. 12. Buenos Aires, 1920. P. 80, 360.

⁴⁴ Díaz B. El federalismo rioplatense: origen, crisis y futuro. Buenos Aires, 1976. P. 90, 237; Acevedo E. Artigas: su obra cívica. P. 75, 88; Aloé C. Grandeza y decadencia del federalismo argentino: su historia, su evolución, su valor. Buenos Aires, 1963; Pérez S. Filosofía del federalismo en el Río de la Plata. Buenos Aires, 1948. P. 96, 285; Levene R. Ensayo histórico sobre la Revolución de Mayo y Mariano Moreno. Buenos Aires, 1960. P. 433; Galasso N. La Revolución de Mayo: el pueblo quiere saber de qué se trató. Buenos Aires, 1994.

ков» в январе 1814 г. снял осаду Монтевидео. А в феврале «Верховный директор» Буэнос-Айреса Х. де Посадас издал декрет, в котором Артигас объявлялся вне закона и лишался всех своих постов; голова этого «врага родины», живого или мертвого, была оценена в шесть тысяч песо. В декрете указывалось, что в случае сопротивления он должен быть убит⁴⁵. По этому факту биографии также идут бурные дебаты: все направления (естественно, за исключением «черного», делающего упор на дезертирство Артигаса в «решающий момент, когда уже близка победа над испанцами») оправдывают вождя.

По поводу противоречий между федералистами (артигистами) и унитаристами Э.Галеано пишет: «Идея «единой нации», выдвинутая тогда латиноамериканскими патрициями, слишком уж была похожа на замысел создать для них шумный порт, в котором постоянно толпятся британские купцы и ростовщики, а вокруг этого оживленного порта — сплошные латифундии и горные разработки»⁴⁶. Не случайно в провинциях называли жителей Буэнос-Айреса «портовиками» (*porteños*).

В одной из последних прижизненных встреч с аргентинским генералом Хосе Марией Пасом, навестившим изгнанника в Парагвае, Артигас самым четким образом открыл причины борьбы, которую он начал против властей Буэнос-Айреса: «Мне не оставалось ничего иного, как ответить войной на закулисные маневры Директории и на военные действия, которые она развязала против моих войск, объявив меня врагом централизма, который в то время мало чем отличался от роялизма. Взяв в качестве образца Соединенные Штаты Америки я хотел установить автономию провинций, дав каждой из них свое правительство и свою конституцию, свой флаг и свое право избирать своих представителей, своих судей, губернаторов из числа местных граждан, проживающих в каждом из этих государств (штатов). Этой цели я придерживался и в отношении своей провинции, для тех людей, которые провозгласили меня их Защитником (Протектором). Для осуществления задуманного надо было, чтобы у всех провинций были свои руководители. Но Пуэйрредон (верховный правитель Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы с 1816 г. – Н.И.) и его приспешники желали, чтобы Буэнос-Айрес стал новым имперским Римом, посылающим своих проконсулов в качестве военных губернаторов во все

⁴⁵ Rela W. Op.cit. P. 162-181.

⁴⁶ Галеано Э. Ук. соч. С. 165.

провинции и лишаящим всех публичного представительства, как они сделали, отвергнув депутатов Конгресса, избранного народом Восточного Берега, и когда они назначили цену за мою голову»⁴⁷

Известный латиноамериканист Дж. Линч считает, что столкновение между войсками Буэнос-Айрес и Артигаса было неизбежным даже с психологической точки зрения. Для «профессиональных революционеров» (Линч относит к ним Б. Ривадавию, Х. де Сан-Мартина), которые ратовали за «респектабельную» революцию, «сама мысль о том, что придется получать приказы от дикаря, сидящего верхом на коне, или о том, что надо разделить власть с каудильо из числа гаучо была дичайшей нелепицей»⁴⁸.

Однако ход событий показал, что без «дикарей» обойтись нельзя. Буэнос-Айрес не мог выиграть войну без поддержки со стороны провинций, без солдат и материальных ресурсов, которые могли прийти только оттуда. Для обеспечения всего этого, он должен был по необходимости передавать властные полномочия местным элитам и ополчению⁴⁹.

Ряд исследователей-институционалистов считают, что основная причина конфликта между Восточной провинцией и Буэнос-Айресом состоит в столкновении монархизма, которого стали придерживаться столичные консерваторы, и последовательного буржуазного демократизма Артигаса и его сторонников⁵⁰. На Тукуманском конгрессе 1816 г. большинство делегатов выступали за конституционную монархию (включая Бельграно и Сан-Мартина) в противовес республиканизму и федерализму Артигаса. За всеми спорами о форме правления стояли прежде всего экономические интересы – все провинции, в той или иной степени, стремились получить прямые выгоды от независимости и требовали свободы торговли и беспошлинного вывоза своих товаров через морские порты. Как образно выразился Артигас, «каждый хочет получить рыбку на свою тарелку»⁵¹.

Начались военные действия против войск Буэнос-Айреса – по существу гражданская война. Причем она шла на фоне продолжа-

⁴⁷ De María I. Compendio de la historia de la República Oriental del Uruguay: comprendiendo el descubrimiento, conquista y población del Rio de la Plata. V.1. Montevideo, 1901. P. 64.

⁴⁸ Lynch J. Caudillos in Spanish America, 1800-1850. Oxford, 1992. P. 36.

⁴⁹ Halperin Donghi T. Politics, Economics and Society in Argentina in the Revolutionary Period. Cambridge, 1975. P. 262-263.

⁵⁰ См.: Sosa J. Op.cit. P. 234.

⁵¹ Rela W. Op. cit. P. 73.

ющейся борьбы против колониальных испанских властей. Войска Буэнос-Айреса продолжали осаду Монтевидео до капитуляции этого последнего оплота колониализма в Рио-де-ла-Плате 20 июня 1814 г. Тем временем, обострилась борьба между «orientales» и «porteños». Мощный удар войскам Буэнос-Айреса был нанесен в начале 1815 г. в битве при Гуаябосе, в которой против частей Дорrego выступили все артигасовские командиры — Ривера, Руфино Бауса, Лавальеха. Победа Артигаса ускорила взятие его войсками Монтевидео 27 февраля⁵². К марту 1814 г. Артигас уже фактически контролировал все междуречье.

Власть в Восточной провинции перешла в руки местного лидера. Артигас реорганизовал управление и продолжал воплощать в жизнь свою идею федеративного устройства. Еще в начале 1814 г. он объявил о создании «Лиги свободных народов» (Liga de los pueblos libres) во главе с ним — «Защитником свободных народов». В следующем году большие усилия были сделаны для формирования Федеральной лиги. Она была официально оформлена 29 июня 1815 г. на «Восточном конгрессе» (Congreso de Oriente) в г. Арройо-де-ла-Чина (Консепсьон). В Лигу помимо Восточной провинции вошли аргентинские провинции Санта-Фе, Коррьентес, Энтре-Риос и Мисьонес. Кордоба также одобрила идею федерализма, но не согласилась на подчинение военной власти Протектора. В каждой из провинций была своя автономная власть, сохранялись прежние позиции местных каудильо, но все согласились быть членами военного союза во главе с Артигасом⁵³.

Артигас создал свой лагерь в стратегически удобном месте, на плоскогорье Эрвидеро, на берегу реки Уругвай. Его назвали Пурификасьон («очищение»), что подчеркивало чистоту целей Лиги. Там, по свидетельству шотландца Дж. Робертсона, в простой и аскетической обстановке⁵⁴ зарождалась первая прогрессивная аграрная реформа Латинской Америки. Аграрное законодательство Артигаса 1815 г., по мнению «розовых» и «красных» исследователей,

⁵² Maggi C. La nueva historia de Artigas: 1815. Guayabos : victoria sobre Buenos Aires. Montevideo, 2005. P. 18-32.

⁵³ Frega A., Islas A. Nuevas Miradas en Torno al Artiguismo // Recopilación de ponencias e intervenciones del Simposio "La Universidad en los 150 años de la Muerte de José Artigas: Nuevas Miradas y Debates Actuales sobre el Artiguismo". Montevideo, 2001. P. 323 – 340.

⁵⁴ Robertson J. P., Robertson G. P. La Argentina en la época de la Revolución. Buenos Aires, 1920.

было «самым передовым и славным документом эпохи»⁵⁵. Оно появилось как ответ на потребность в экономическом и социальном возрождении после многолетних войн⁵⁶.

«Временный Регламент Восточной провинции касательно развития ее сельского хозяйства и обеспечения безопасности землевладельцев» представлял собой своеобразный краткий аграрный кодекс, основанный на принципе социальной справедливости. Он содержал 29 статей. Территория Восточной провинции делилась на три зоны, власти которых несли ответственность за распределение земли. Оно должно было осуществляться рационально и справедливо: выявлялись земли, которые можно раздать, а также жители, которые были достойны получить участок («самые обездоленные должны стать самыми обеспеченными»). Земли врагов изымались без всякого возмещения, а в их собственности находилось тогда подавляющее большинство латифундий. Индейцам принадлежало, согласно концепции Артигаса, «первейшее право».⁵⁷ Основным смыслом этой аграрной реформы состоял в том, чтобы расширить социальную базу революции и привязать к земле сельскую бедноту, превратив в крестьянина пастуха-гаучо, привыкшего к бродячей жизни и контрабанде, дать землю тем, кто ее обрабатывает, расширив число мелких и средних собственников-земледельцев.⁵⁸

С предельной краткостью и ясностью в регламенте были сформулированы все основные аспекты аграрной проблемы. Так как выделение участков не должно было приводить к сосредоточению земли в одних руках, то было предусмотрено, что каждый может получить не более одного участка; кроме того, запрещалось отчуждать земельную собственность, продавать ее или отдавать под залог. То есть землю надлежало обрабатывать, и в статье шестой предусматривалось лишение права собственности в случае нарушения этого предписания. В последней статье регламента были перечислены меры по развитию скотоводства, а также по созданию сельской полиции.

⁵⁵ См. например: Torre N. de la, Rodríguez J. C., Touron L. S. de. *Artigas: tierra y revolución*. Montevideo, 1967. P. 75.

⁵⁶ Maeso J. *El general Artigas y su época: Apuntes documentados para la historia oriental*. V.III. Montevideo, 1886. P. 420.

⁵⁷ Torre N. de la, Rodríguez J. C., Touron L. S. de. *Op. cit.* P. 46.

⁵⁸ См.: Cabral S. *Artigas y la patria grande*. México, 1978, P.84-105; Trias V. *Reforma agraria en el Uruguay*. Montevideo, 1962; Torre N. de la, . Rodríguez J. C., Touron L. S. de. *Artigas y su revolución agraria, 1811-1820*. México, 1978; Idem. *Evolución económica de la Banda Oriental*. Montevideo, 1967.

Сторонники «розового» и «красного» направлений считают, что регламент возвещал настоящую социальную реформу, до уровня которой не поднялось до сих пор подавляющее большинство стран Латинской Америки⁵⁹. Сторонники «голубой легенды» более осторожно оценивают аграрную реформу, считая ее радикализм следствием чрезвычайно тяжелого экономического положения, в котором оказалась провинция. Для приверженцев «черной легенды» Регламент Артигаса является одним из доказательств его приверженности «анархизму» и защите «черни» вопреки насущным интересам экономики.

Наряду с аграрной реформой Артигас занялся преобразованиями других сторон общественной жизни. Прежде всего он всемерно укреплял кабильдо, считая их главными административными органами демократической власти. Большое внимание уделялось сфере образования. Всеобщее обучение объявлялось обязательным, ответственность за это несло государство. Артигас считал, что образование неотделимо от воспитания, в котором на первое место ставилась мораль и гражданственность. В мае 1816 г. была торжественно открыта Публичная библиотека Монтевидео. Фраза Артигаса «Да будет просвещенность жителей Восточной провинции такой же высокой, как их отвага» стала поговоркой в Уругвае⁶⁰

Одной из главных целей Артигас считал искоренение коррупции – наследия гнилого колониального режима. Причем считал, что в этой борьбе надо начинать с себя. Его аскетизм и отказ от всяческих привилегий были известны всем⁶¹. Отсутствие «показухи» и сребролюбия, столь характерных для других каудильо, стремление к честности даже в мелочах было следствием искреннего и глубокого стремления к демократии. «Всяческие титулы, - писал он, — это пустой мираж. Мне достаточно одного звания — гражданин; порядочность моего собственного поведения должна стать нормой для всех прочих - ведь по тому тону, какой задают лидеры, настраиваются и остальные. Нельзя нарушать закон справедливости и одновременно бороться за ликвидацию последствий деспотизма. Каждый человек равен перед законом»⁶².

⁵⁹ См. например: Галеано Э. Ук. соч.; Dutrénit A.C. El Reglamento provisorio de 1815. Montevideo, 1966; Torre N. de la, . Rodríguez J. C., Tournon L. S. de. Artigas: tierra y revolución. Montevideo, 1967.

⁶⁰ Bernal Alvarado M., Lobosco M. Filosofía, educación y sociedad global. Montevideo, 2005. P. 73

⁶¹ Larrañaga D.A. Viaje de Montevideo a Paysandú. México, 1973. P. 87.

⁶² Cabral S. Artigas y la patria grande. P. 159.

Реформы Артигаса были восприняты с энтузиазмом «низами» общества, однако элита была весьма обеспокоена социальным вектором политики Освободителя. Противниками Артигаса в Восточной провинции были крупные землевладельцы, олигархи, которые занимали прочные позиции в кабилдо Монтевидео. Но главную угрозу представляли португальцы и власти Буэнос-Айреса, которые рассматривали Артигаса не иначе как «опасного анархиста» и «предводителя вандалов»⁶³.

Власти Буэнос-Айреса проводили изощренную политику: с одной стороны, они отправили в Рио-де-Жанейро секретную миссию, которая должна была договориться об интервенции португальцев на территорию Восточного берега под предлогом «ликвидации волнений в этой провинции». С другой, для ослабления Лиги тайно велись переговоры с властями провинции Санта-Фе с целью путем заключения сепаратного договора — по старому принципу «разделяй и властвуй».

Португальцы издавна боролись за «спорную» (по их мнению) территорию Восточной провинции. Расширение границ Бразилии до берегов р. Ла-Платы позволило бы португальцам установить господство над пятой в мире по величине системой водных путей, доходящих от Атлантики до самого центра Южной Америки⁶⁴.

Ситуация 1816 г. была идеальной для агрессии – аграрные реформы Артигаса вызвали недовольство олигархической элиты как в Буэнос-Айресе, так и в самой Восточной провинции. Это обеспечивало по меньшей мере нейтралитет со стороны властей Буэнос-Айреса, враждебно относившихся к федералистской Лиге. Международная обстановка также благоприятствовала вторжению: Венский конгресс 1814-1815 гг., создание Священного Союза, Реставрация и торжество легитимизма создали отрицательный настрой по отношению к борьбе колоний за освобождение от европейских метрополий. Ситуация также гарантировала Португалии отсутствие враждебных действий со стороны властей Испании, которых убедили в том, что в случае победы, Португалия возвратит территорию Восточной провинции Испании⁶⁵.

⁶³ Mitre B. Historia de Belgrano y de la independencia argentina. V.II. Buenos Aires, 1960. P. 326.

⁶⁴ Muniz Carbalho S. 1962. P. 12-18.

⁶⁵ Reyes Abadie W. Artigas y el federalismo en el Río de la Plata: 1810-1820. Montevideo, 1975. P. 174, 195-197; Barragán D. La invasión portuguesa. Montevideo, 2005.

У захватчиков было два основных войсковых соединения под командованием генерала К.Ф. Лекора: одно должно было захватить Монтевидео, второе - провинции Мисьонес, Коррьентес (главную опору Артигаса) и Санта-Фе, чтобы помешать отступлению войск Артигаса. Соединения состояли из пятнадцати тысяч солдат, находившихся в полной боевой готовности. 28 августа 1816 г. без всякого объявления войны португальские войска вторглись в Восточную провинцию на юго-востоке и взяли крепость Санта-Тереса.

У Артигаса было лишь восьмитысячное войско, примитивно вооруженное, плохо дисциплинированное, но настроенное на решительную борьбу⁶⁶. Однако самоотверженность артигистов не принесла им успеха. Кровавые сражения продолжались более трех лет, но отдельные победы перекрывались крупными поражениями. В начале 1817 г. португальцы вошли в Монтевидео. Весь состав кабилдо вышел к городским воротам, чтобы вручить победителям ключи от города. По словам Э. Галеано, реформистский курс Артигаса был повержен в прах португальским вторжением, «когда олигархия открыла ворота Монтевидео перед генералом Лекором, встретила этого «освободителя» с распростертыми объятиями и повезла его под балдахином в собор на торжественный молебен... в честь захватчика»⁶⁷.

Упорная борьба продолжалась во внутренних районах провинции. Артигас упорно сопротивлялся и использовал все возможности, чтобы нанести урон противнику. Сторонники «черной легенды» подробно описывают его договоренности об использовании иностранных пиратов (англичан, французов и североамериканцев) для захвата испанских и португальских торговых кораблей. И эти действия шли не только в Атлантике, но даже в Средиземном море. Благодаря хорошим отношениям Артигаса с консулом США Т.Хелси и симпатии со стороны президента Монро, увеличился корсарский флот, базой которого стал Балтимор.

Однако прежде всего судьба Лиги зависела от ближайшего соседа - Буэнос-Айреса. Пуэйрредон, стоявший во главе масонской Ложы Лаутаро, проводил поистине иезуитскую политику, чтобы добиться краха Артигаса. Для диффамации Артигаса по его заказу был состряпан один из первых пасквилей – предшественников ра-

⁶⁶ Correspondencia del general José Artigas al Cabildo de Montevideo (1814-1816). Montevideo, 1946. P. 224.

⁶⁷ Галеано Э. Указ. соч., С. 166.

бот в русле «черной легенды», в котором Артигас назывался «чудовищем», «хищным волком», «бичом родины», «новым Аттилой, свирепствующим на несчастных землях, которые ему подвластны». Этот образчик «черной пропаганды», автором которого был П. де Кавиа, чиновник правительства Пуэйрредона, был разослан по всей Восточной провинции, чтобы подорвать престиж Артигаса⁶⁸.

Бесконечная цепь поражений и предательская политика Буэнос-Айреса постепенно привели к снижению популярности Артигаса. В 1818 г. усилилось дезертирство офицеров, в основном выходцев из состоятельных семей, что засвидетельствовала комиссия конгресса США, посетившая Рио-де-ла-Плату в начале 1818 г.⁶⁹.

Последним ударом в череде неудач стала битва в Такуарембо 22 января 1820 г. Собственно говоря это не было битвой, а резней, учиненной португальцами, внезапно ворвавшимися в лагерь федералистов ранним утром, когда воины А. Латорре, изможденные постоянными стычками и преследованием со стороны врага, крепко спали⁷⁰.

У Артигаса еще теплились надежды, связанные с «доном Фрутосом» (Ф. Риверой), которому он всегда благоволил и под командованием которого были самые лучшие войска федералистов. Однако Ривера предал своего вождя, перейдя на сторону португальцев. Более того, в письме губернатору Энтре-Риоса Ф.Рамиресу, написанном 13 июня 1820 г., он призвал каудильо «покончить с Артигасом – монстром, деспотом, анархистом и тираном»⁷¹.

В 1820 г. в Лиге начались центробежные тенденции, с выдвижением на первый план местных каудильо, среди которых выделялись амбициозный Франсиско Рамирес из Энтре-Риоса и Эстанислао Лопес из Санта-Фе. В феврале 1820 г. они пришли к секретному соглашению с властями Буэнос-Айреса, предусматрива-

⁶⁸ Rocha Imaz R. Artigas para todos: un ideario popular, democrático y federal. Montevideo, 1992. P. 30.

⁶⁹ United States Congress. Congressional edition. Washington, 1818. P. 300.

⁷⁰ Guerrillas y montoneros en la independencia. Montevideo, 1997. P. 1286-1309.

⁷¹ La carta de fecha 13 de junio de 1820 del General Fructuoso Rivera al Gobernador de Entre Ríos Francisco Ramírez // Archivo de Corrientes, Sala 2 Don Hernán Félix Gómez, Correspondencia Oficial años 1810-1921, Tomo 09 Folio 053 al 055// www.larepublica.com.uy/larepublica/2007/09/23/politica/276140/ultimar-al-tirano-de-nuestra-tierra.

ющему боевые действия против Артигаса⁷². Рамирес, бывший соратник Артигаса, превратился в самого яростного врага, который без устали преследовал его до самой границы Парагвая. Там Артигас попросил убежища у диктатора Хосе Гаспара Франсии и сообщил, что он отказывается от политической деятельности⁷³.

5 сентября 1820 года Артигаса интернировали власти Парагвая. Так закончился первый этап борьбы за независимость Восточной провинции, который большинство исследователей (естественно, за исключением сторонников «черной легенды») считают самым глубоким и последовательным, целью которого была и национальная независимость, и глубокие социально-экономические преобразования.

Франсия приказал содержать Артигаса в полной изоляции. Сам он ни разу не повидался с вождем и не отвечал на его письма. Через три месяца после прибытия в Асунсьон Франсия распорядился отвезти его в Сан-Исидро-Лабрадор, отдаленное место на берегу реки Куругату. Рамирес несколько раз посылал письма Франсии, обещая различные льготы и преимущества в обмен на выдачу Артигаса. Однако ни один из его эмиссаров не вернулся из Парагвая.

В Сан-Исидро Артигасу дали небольшой участок земли, он сам построил себе жилище из кирпича-сырца с черепичной крышей. Ежемесячно он получал одну унцию золота и этого ему вполне хватало: средства к существованию он добывал главным образом, возделывая землю. За стремление помочь нуждающимся жители городка прозвали его «отцом бедняков». В 1831 году Артигаса навестил известный французский натуралист Бонплан, который привез ему изданный в Монтевидео проект конституции его родной провинции. Очевидцы рассказывали, что Артигас поцеловал эту книжку и возблагодарил судьбу за то, что дожил до того времени, когда его родина обрела независимость⁷⁴.

После смерти Франсии в 1840 г. его на полгода заковали в кандалы и посадили под стражу. Пришедшие к власти в Парагвае в марте 1841 г. консулы (К.А. Лопес и М. Роке Алонсо) отнесли к Артигасу дружественно и выпустили из тюрьмы. Ему разрешили вернуться на родину, однако Артигас отказался от этого. Президент (с 1844 г.) К.А. Лопес высоко ценил вождя, которого пере-

⁷² Rojas Rabiela T., Carrera Damas G.A. Historia general de América Latina: La crisis estructural de las sociedades implantadas. Paris, 2003. P. 198-205.

⁷³ Pastore C. Artigas en el Paraguay. Montevideo, 1952. P. 7.

⁷⁴ Ribeiro A. Los tiempos de Artigas: El largo final. Montevideo, 1999. P. 34.

везли в окрестности Асунсьона. В 1848 году к нему приехал сын Хосе Мария, но и ему не удалось уговорить отца переехать на родину. Умер Артигас 23 сентября 1850 г., через пять лет его останки были тайно перевезены в латунной урне из Асунсьона в Монтевидео, где более года лежали на таможне. Затем они были захоронены на центральном кладбище и в 1877 г. перенесены в Национальный Пантеон – до 1977 г., когда их торжественно поместили в мавзолей.

Большинство исследователей отмечают, что за 10 лет бурных коллизий, кровопролитных сражений, блестящих побед и жестоких поражений Артигас сумел сохранить цельность, волевой напор, решимость добиться поставленных целей – освобождения родины, создания республики на принципах федерализма, конституционности, равноправия граждан перед законом, обеспечения социальных прав беднейших слоев, справедливого распределения феодальной земельной собственности. Э. Галеано пишет: «Он был самым выдающимся и проницательным из федералистских руководителей, боровшихся против губительного централизма города-порта Буэнос-Айреса. Артигас сражался против испанцев и португальцев, но в конце концов его силы были раздавлены жерновами Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса, выступавшими тогда как орудия Британской империи, и в этом им помогала олигархия: следуя привычному рефлексу, она тотчас же предала Артигаса, как только он выдвинул программу социальных преобразований, не отвечавшую ее интересам»⁷⁵.

Мифы и реальность

Многие авторы, пишущие об Артигасе признают, что сейчас уже сложно сказать, где кончается миф об Артигасе и где начинается реальность⁷⁶. Некоторые говорят о том, что огромное разнообразие образов Артигаса в нынешнем «обществе потребления» позволяет рассматривать Вождя как один из продуктов потребления, «с его образом происходят постоянные мутации, и создаваемые представления все больше говорят не о нем, а об обществе,

⁷⁵ Галеано Э. Ук. соч. С. 166.

⁷⁶ Восходящая волна мифотворчества в отношении Артигаса как ключевой фигуры в национальной истории рассматривается в работах Г. Васкеса Франко: Vázquez Franco G. La historia y los mitos. Montevideo, 1994; Idem. Francisco Berra: la historia prohibida. Montevideo, 2001.

которое его использует»⁷⁷.

В апреле 2011 г. в Национальном музее изобразительных искусств Монтевидео открылась инсталляция двух художников А.Бароффио и А.Гонсалеса Сока под названием «Фикции Артигаса». Авторы обращаются к изначальному значению латинского словосочетания *factio-onis*, означающего не только подделку, но и некое изобретение, независимо от того, сделано ли оно с хорошими или плохими намерениями.

Работа представляет собой десятиметровое панно, на котором собраны все образы Артигаса (включая все портреты, монеты и банкноты с его изображением, фото памятников, проекты монументов и т.п.). Но все это, как правильно назвали художники, во многом «фикции» реального образа, искусственные конструкции, созданные трудом романистов, историков, политиков, художников и поэтов⁷⁸.

Реальный образ Освободителя попытался дать Дж. Линч, который представил в своей работе Артигаса как одного из ярчайших представителей каудильо революционной эпохи. Личное мужество, безусловная харизма, способность создать вокруг себя группу соратников, возглавить победоносное войско, административный талант в управлении своим регионом – все эти качества были характерны для лидеров, выдвинувшихся из народных масс.

Все каудильо пытались привлечь на свою сторону максимальное количество сторонников, поэтому давали чисто популистские обещания личной свободы, равноправия, получения земельных наделов. Надо было собрать значительные средства на ведение войн, конфликтов, содержание армии, поэтому тяготы ложились не только на плечи низших слоев - богатых вынуждали делать крупные взносы, собственность и произведенные продукты часто конфисковались, пеонов насильственно рекрутировали в армию. Все каудильо, впрочем как и политики Буэнос-Айреса, привлекали рабов в свои вооруженные силы, обещая освобождение в обмен на службу. «Небольшая» разница между Артигасом и другими каудильо состояла в том, что те лишь обещали и стремились к максимальному расширению своей власти, а Артигас пытался выполнить все данные им обещания и исходил в своих действиях не из желания получить личные выгоды, а из демократических идеалов

⁷⁷ Brecha. Montevideo. 30.07.2011.

⁷⁸ La República. Montevideo. 18.04.2011.

и принципов, последовательно проводимых им в жизнь⁷⁹.

Он, по мнению Линча, стремился скрыть свой абсолютизм и установить, хотя бы внешне, подобие равновесия личной власти и участия представителей народа в принятии решений. Артигас не очень доверял торговцам и землевладельцам Монтевидео, и они также отвечали ему недоверием и подозрительностью. Он передал вопросы управления Монтевидео городскому совету, кабиљдо, и подчеркнуто уважал и признавал все его решения, тогда как сам лично занимался общими политическими вопросами, организацией армии и реформой сельского хозяйства. Это было чудовищно трудной задачей в провинции, опустошенной пятью годами войны, с резко упавшим поголовьем скота, кризисом торговли.

Вождь искренне стремился наладить хозяйство и привести свою провинцию, как и все остальные регионы Ла-Платы к процветанию на основе свободы торговли и с этой целью поощрял активность британских торговцев. Создание мелкой земельной собственности было, без сомнения, для того времени прогрессивной мерой. Благодаря ей эффективнее становился труд, возникали новые социальные отношения равноправных граждан. Артигас был, таким образом, защитником частной собственности, которой он хотел заменить собственность феодальную и полуфеодальную.

Линч, как и многие другие исследователи, считает, что при последовательном проведении артигистской радикальной аграрной реформы был бы создан массовый слой мелкой буржуазии, который позволил бы постепенно устранить феодализм в экономических отношениях, стабилизировать внутривластическую обстановку, избежать кровопролитных междоусобиц, которые раздирали регион вплоть до конца XIX века⁸⁰.

Обобщая вклад Артигаса, Дж. Линч пишет: «Он осознал необходимость расширения своей массовой базы, и показал решимость и способность выйти за рамки традиционных слоев, поддерживавших каудильо. Он действовал в политике, основываясь не только на превратностях судьбы, но и на идеях, и вышел далеко за горизонты других каудильо, лишь амбициозно стремившихся к расширению своей личной власти. Смог бы Артигас выдвинуться от уровня провинциального каудильо и стать национальным лиде-

⁷⁹ Lynch J. Op. cit. P. 87-113

⁸⁰ Lynch J. Op.cit., P. 43-50; см. также: Sala de Touron L., de la Torre N., Rodríguez J.C. Artigas y su revolución agraria 1811-1820. Mexico, 1978; Halperín D. Politics, Economics and Society in Argentina, N.Y., 1996.

ром? Смог бы он отойти от режима личной власти и перейти на конституционный уровень? Ответа на эти вопросы нет, но есть убеждение в том, что Артигас представлял собой нечто более высокое по сравнению с другими каудильо, и что место, которое он занимал могло стать ступенькой в его дальнейшем возвышении»⁸¹.

Несомненно, Линч и многие другие исследователи правы в том, что Артигас поддерживал идею частной собственности, осознавал необходимость коренной ломки феодальной системы. Был ли он тем «типом колонизатора», который (по В. Зомбарту) проложил путь современному капитализму? В нем безусловно присутствовали отмеченные немецким социологом черты торговца, разбойника, пирата – первых «предпринимателей», проложивших дорогу капитализму: «Люди, в которых фантазия авантюриста соединялась с величайшей энергией; люди, полные романтики и все же с ясным взглядом на действительность; люди, которые сегодня командуют разбойничьим флотом, а завтра занимают высокую должность в государстве, которые сегодня жадной рукой копают землю в поисках кладов, а завтра начинают писать всемирную историю; люди со страстной радостью жизни, с сильным стремлением к великолепию и роскоши и все-таки способные принимать на себя в течение месяцев лишения морского путешествия с полной неизвестностью впереди; люди со способностями к организации, в то же время полные детского суеверия»⁸².

Однако сам же Зомбарт отметил существенные отличия между типами «прото-капиталиста», которые сложились в колониях Англии и Испании. И для него было важно даже не наличие или отсутствие феодальных и полуфеодальных отношений, применение рабского труда, так как капиталистический дух мог пробиваться и внутри самых «образцовых» феодальных хозяйств: «Пользование рабским трудом не лишает эти предприятия капиталистического характера, так как в них были налицо все признаки капиталистических предприятий: господство принципа наживы и экономического рационализма, большие размеры, резкая разница в социальном положении руководителей и рабочих»⁸³.

Один из главных моментов, освободивший предпринимательский дух от пут долга, чести, совести и полностью погрузивший его в «бездну» и «пустыню» бесконечной погони за прибылью со-

⁸¹ Lynch J. Op.cit., P. 44.

⁸² Зомбарт В. Буржуа, М., 1924. С. 79.

⁸³ Там же. С. 85.

стоял в отказе от религии: «Никакой пуританизм не втянул предпринимателя в водоворот бессознательной деятельности - сделал это капитализм. И он смог это сделать только после того, как был сломан последний барьер, защищавший предпринимателя от засасывания его бездной, - религиозное чувство». Именно с этого момента «предприятие стало его возлюбленной, которую он теперь со всею страстью лелеет; понятно, что теперь процесс вновь увеличивает свою мощь и благодаря его усилению и ускорению душа экономического человека вновь побуждается к последнему напряжению своих сил»⁸⁴.

Этот в высшей степени хищнический тип английского (американского) предпринимателя, ставший моделью для нынешнего «глобального» капиталиста, всеми силами пропагандируется экспертами масс-медиа и социальной психологии - прежде всего в США. Они понимают, что именно он исключительно важен для воспроизводства «элиты». Например, в настоящее время одной из самых популярных детских компьютерных и видеоигр является игра «Колонизаторы», которая завоевала множество наград, в том числе звания «Лучшая игра Германии» и «Лучшая игра США». Главное в ней - захват острова Катан, создание поселений, вытеснение конкурентов и максимальное «освоение» местных ресурсов.

Именно в рамках «романтизации» данного типа колонистов действуют и «взрослые» историки, которые утверждают, что разбойники и бандиты сыграли положительную роль не только в истории США, но и стран Южной Америки. Поэтому появилось множество работ, которые трактуют «черную легенду» со знаком «плюс» - утверждая, что именно криминальные «авторитеты» (разумеется, Артигас в их числе) были «героями» освободительной войны в латиноамериканских странах. И порой авторы этих работ сожалеют, что этим «первопроходцам капитализма», «социальным бандитам» (описанным в трудах Э. Хобсбаума⁸⁵) не дали завершить начатую ломку старого режима⁸⁶.

С другой стороны (что лишний раз демонстрирует крайнюю

⁸⁴ Там же. С. 269

⁸⁵ Hobsbawm E.J. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. N.Y., 1959; Idem. Bandits. N.Y., 1985.

⁸⁶ Slatta R.W. Bandidos: the Varieties of Latin American Banditry. N.Y., 1987; Idem. Gauchos and the Vanishing Frontier. Lexington, 1992; Donato Salvatore R., Aguirre C. Crime and Punishment in Latin America: Law and Society Since Late Colonial Times. Durham, 2001; Pablo Dabove J. Nightmares of the Lettered city: Banditry and Literature in Latin America. Pittsburgh, 2007.

полярность мифов об Артигасе), в Уругвае выросла целая литература, описывающая Вождя как в высшей степени нравственного и религиозного деятеля⁸⁷. И действительно, если брать документы, написанные или надиктованные Артигасом, то в них неизменно присутствует сильный религиозный подтекст. В одном из главных документов эпохи «Инструкциях 13-го года» в качестве важнейшей цели государства значится «поддержание набожности». Э. Санчес де Кризолито пишет, что «глубокое чувство справедливости было привито Вождю в церковной школе, где преподавали францисканские монахи». Великая сила характера, «главный ресурс великих душ» по выражению самого Артигаса сочеталась в нем со справедливостью и религиозной нравственностью⁸⁸

Религиозный фактор является одним из главных отличий типичного колониста Южной Америки от североамериканского образца (даже если противопоставлять католичество не «еретический», как у Зомбарта, а пуританский вариант). Ставит под сомнение выводы тех историков, которые делают упор на «идеализации» Артигасом конституции Массачусетса и сведений об американской революции, почерпнутых из немногих прочитанных им книг. Известно, что Артигас внимательно изучал книгу Г. Сены по истории Соединенных Штатов⁸⁹, читал работы, посвященные открытию Америки, Конкисте, американской революции.

Выше уже отмечалось, что в своих «Инструкциях» Вождь исходил не столько из сведений о североамериканских конституциях, но прежде всего из теоретических разработок латиноамериканских патриотов и революционеров. Поэтому полная реализация программы Артигаса не привела бы в любом случае к североамериканскому пути развития (разумеется, если прав Зомбарт в том, что религиозность стала одной из причин более умеренного колонизаторского духа в Южной Америке - и, соответственно, более замедленного развития капитализма). Вдобавок этому препятствовали некоторые черты национального («испанского») характера: «Они стремились наслаждаться жизнью в веселом времяпрепровождении, без тягот; к трудолюбию и наживе путем прилежного труда они не питали никакой склонности; и в колониях, где поселились испанцы и португальцы, стал скоро господствовать стиль жизни,

⁸⁷ См. например: Vázquez Franco G. La historia y sus mitos. Montevideo, 1994; Gaudiano P. Artigas católico. Montevideo, 2002.

⁸⁸ Sánchez de Crisolito E. La personalidad de José Artigas y su influencia ideológica en América. Montevideo, 2007. P. 23, 48.

⁸⁹ Sena G. Historia concisa de los Estados Unidos. Philadelphia, 1812.

совершенно чуждый капиталистическому духу"⁹⁰

Весьма важным моментом в освобождении образа Артигаса от мифологических наслоений представляется анализ причин, по которым Артигас (в отличие от других каудильо Рио-де-ла-Платы) искренне взялся за реализацию прогрессивной земельной реформы и защищал интересы «низов». Ведь альтруизм и благотворительность совершенно чужды как типичному колонисту (эгоисту, оторванному от родины и ищущему выгод лишь для себя и своей семьи), так и классическому типу «каудильо» - жадным и властолюбивым «князькам».

Ясно, что «Герой», признанный каудильо, под властью и защитой которого находились около ста народов и шесть провинций Рио-де-ла-Платы, боролся против испанцев, португальцев, властей Буэнос-Айреса не ради выгод или борьбы как таковой. Он менее всего похож на невежественного бандита, и все его действия исходили из зрелых размышлений и рассуждений, как политических, так и моральных. Его крылатые фразы говорят сами за себя: «Дело народов не признает промедлений»; «Те, кто живут в нужде, должны стать самыми привилегированными».

В поисках причин этой уникальной приверженности делу свободы и социальной справедливости правомерными выглядят работы, посвященные первому периоду в жизни Артигаса. Историк Карлос Магги считает (и эта версия пока не опровергнута), что Артигас вообще несколько лет жил среди индейцев чарруа и пытался защитить их от испанских колонизаторов, что впоследствии сказалось на его политике в отношении коренного населения Америки и в целом «низов» общества. В 21 год он стал отцом «маленького касика» Мануэля Артигаса, рожденного индианкой Исабель Санчес⁹¹.

Связь с индейцами он поддерживал всю жизнь, помогая им во всем. Индейцы называли его “el Padre Artigas” и он никогда не предал их доверия. В частности, уже будучи офицером ополчения, он разрушил планы улан, которые хотели организовать военную экспедицию во главе с Рокаморой против индейцев. Артигас старался примирить между собой враждующие племена коренного населения, привязать их к сельскохозяйственному труду, развить существующие ремесла. (Индейцы были очень хорошими масте-

⁹⁰ Зомбарт В. Цит. соч. С. 187-188.

⁹¹ Maggi C. Artigas y el lejano norte: refutación de la historia patria. Montevideo, 1999. P.13; Maggi C. La nueva historia de Artigas. V.1. P. 48.

рами, славилась их чеканка по металлу, изготовленные ими музыкальные инструменты). Вождь писал: «Эти крепкие руки дадут новую жизнь этим плодородным землям, которые не раскрыли еще для своего народа всех тайн и богатств, которые они могут произвести»⁹².

Артигас часто напоминал о необходимости улучшать положение индейцев, в частности в провинции Коррьентес, где они составляли большую часть населения. В своих посланиях он требует создать условия, чтобы индейцы могли вести оседлый образ жизни, просит помочь им наладить трудовую жизнь, что, по его мнению, «несомненно будет содействовать процветанию провинции». Артигас писал: «Индейцы, хотя они и дикие, способны оценить добро, и, приложив усилия, можно помочь встать на стезю добродетели, за что они впоследствии отблагодарят нас». Он считал их истинными хозяевами этой земли. «Я желал бы, - писал он, - чтобы индейцы имели самоуправление», - и хотел отдать им территорию для создания отдельной провинции для коренных жителей Южной Америки⁹³.

Слава об отношении Артигаса к индейцам распространилась далеко за пределы Восточной провинции, и индейцы оказывали всемерную помощь войскам Артигаса. Индейцы гуарани приняли участие в «Исходе уругвайского народа», боролись вместе с Артигасом за свои права, и вождь отмечал их мужество и отвагу в боях. В 1815 г. представители племен гуайкуруэ и абипоне пришли из Чако в лагерь Артигаса в Пурификасьоне и были встречены с радостью и дружелюбием. Индейский вождь Андресито (Андрес Гуасурари) был одним из командующих войсками Артигаса в годы сражений против португальцев и одним из самых верных соратников «Защитника свободных народов» (он даже просил называть себя «Андресито Артигас», и некоторые авторы утверждают, что Артигас усыновил его). Индейский каудильо одержал несколько важных побед, но в конце 1819 г. был взят в плен и умер в тюрьме на острове Кобрас в 1821 г.⁹⁴

Видимо, близость к «почве», к коренному населению Америки, вообще к «низам», трудовому люду в противовес олигархам и латифундистам, и создала ту приверженность делу социальной (и

⁹² Artigas J.G. Correspondencia del general José Artigas al Cabildo de Montevideo, 1814-1816. Montevideo, 1946. P. 105.

⁹³ Rela W. Op. cit. P. 69.

⁹⁴ Cabral S. J.A. La epopeya del indio Andresito. Montevideo, 1999.

национальной) справедливости, которая явилась главной отличительной чертой реформ Артигаса.

В завершение необходимо сказать несколько слов о «национальной принадлежности» Артигаса. Ведь большинство авторов упорно называют его «отцом уругвайской нации». Однако истинный Артигас, в отличие от легендарного, никогда не был «уругвайцем» в том смысле, что никогда не думал и не желал независимости для «Уругвая» или «Восточной Республики Уругвай», как ее называли с подачи англичан. Он был всегда «аргентинцем» в том смысле, что жил и действовал в рамках тогдашней реальности – в одной из провинций бывшего вице-королевства Рио-де-ла-Плата. И, по собственному признанию, не имел национальной принадлежности, поскольку не хотел «выделять ни один из народов из великой массы, которая должна стать нашей родиной»⁹⁵.

Главным побудительным мотивом участия Артигаса в революции, как и у многих его соотечественников была свобода и равноправие всех жителей континента. Вот одно из его размышлений на эту тему: «Народы Южной Америки самым тесным образом связаны друг с другом узами окружающей природы и взаимных интересов»⁹⁶. Это высказывание практически идентично понятию «Большой Родины», близкому всем жителям континента, на что обратил внимание известный уругвайский публицист К. Кихано в одной из работ под названием «Малая и большая родина» ("Patria chica y patria grande"): «Быть «восточником» («oriental») значит быть артигистом. Быть артигистом значит быть жителем Рио-де-ла-Платы. Быть жителем Рио-де-ла-Платы значит быть испаноамериканцем. Есть законы природы, и это – закон нашей природы. Наш характер это наша судьба. Артигас является уникальным феноменом для нашей Америки. В нем есть все – прошлое и будущее, ради которого стоит жить и работать. Он принадлежит всей нашей Большой Родине»⁹⁷.

⁹⁵ Trigo A. Caudillo, estado, nación: literatura, historia e ideología en el Uruguay. Montevideo, 1990. P. 147, 263.

⁹⁶ Artigas J.G. Ideario de Artigas. Montevideo, 1973. P. 49.

⁹⁷ Quijano C. América Latina: una nación de repúblicas. V. III. Uruguay. Asamblea General. Cámara de Representantes. Montevideo, 1989. P. 260.

Хосе Мария Агилера Мансано¹

**«Проблема» рабства и концепции кубинской
идентичности в XIX в.²**

Хотя внимание к Кубе последнее время связано с Революцией 1959 г. и событиями второй половины XX века, среди исследователей все более растёт интерес к выявлению корней культуры и идентичности кубинцев. Их корни следует искать в первой половине XIX века, когда в тех частях Испанской империи, что еще сохранялись, происходили процессы трансформации от «старого режима» к либеральному порядку. Принуждаемая обстоятельствами, корона стремилась превратить Испанию в национальное государство по французскому образцу, для чего пыталась укоренить новое понимание национальной идентичности на основе национализма. При этом следовало принять решение, что делать с заморскими владениями. Со временем из метрополии стала исходить идея преобразований, в ходе которых эти территории приобретали более низкую категорию по сравнению в европейской частью. Однако, местные власти в Гаване и других городах Кубы составили серьезную оппозицию этому проекту и попытались навязать свое собственное видение будущего своей страны.

Данная статья исследует существо и форму тех идейных споров, что заложили основу проекта кубинской «идентичности», сумевшего объединить население отдельного региона Испанской империи, острова Кубы. Этот комплекс идей был выработан группой интеллектуалов, пользовавшихся поддержкой гаванской олигархии сахарных плантаторов. Они искали самого благоприятного способа для Кубы вписаться в процесс становления испанского либерального государства. Данное исследование углубленно рассмотрит этот процесс сквозь призму анализа романа «Сесилия Вальдес», написанного в 1838 г. кубинским писателем Сирило Вильяверде.

Прежде чем приступить к анализу нашей темы необходимо остановиться на самом понятии «нация». С XIX века термин нация использовался для определения групп людей, объединенных общими культурными характеристиками. На этом строилась полити-

¹ Исследователь Университета Кантабрии, Сантандер, Испания.

² Перевод Кораблевой Л.Ю.

ческая власть, государственная независимость. В последние сорок лет идея нации и национализма претерпела много изменений. Вспомним, что Ханс Кон и Карлтон Хайес не сомневались, что нации являются реальностью, и рассуждали лишь об их определяющих элементах³. Все без исключения авторы, писавшие на эту тему, повторяли ритуальные каноны о расе, языке, религии и историческом прошлом. К 1960 г. Э. Кедури заметила, что государство нуждалось в поддержке со стороны населения в рамках установленной культурной идентичности, на чем основывалась его легитимация. Государство также прилагало усилия для мобилизации общественной воли населения и воспитания последнего в духе этой самой господствующей идентичности. Национальная проблема, заключала Кедури, состояла в навязывании государством населению определенного национального чувства. Ставя проблему таким образом, национальные образования стали рассматриваться не как данности, возникшие объективно и сами собой, а как искусственные, «рукотворные», возникшие из сугубо политических интересов⁴. По этому пути шли исследования последних тридцати лет, среди которых стоит упомянуть самые фундаментальные Эрнста Гелнера, Бенедикта Андерсона, Эрика Хобсбаума.⁵

«*Subaltern Studies*» внесли свой вклад с начала 80-х в развитие этого направления. Это историографическое направление подчеркивало историческую относительность самого существования государства-нации как политической организации, что позволило лучше понять историю империй и колониальных связей с точки зрения колонизируемых, а также увидеть роль различных групп на периферии империй в процессе формирования наций. Течение «компаративной истории» рассматривало в том же ключе различные модели политической эволюции, сравнивая между собой регионы внутри империи, что позволило выявить внутреннюю неоднородность этих территорий. И наконец, особое внимание к взаимоотношению групп людей, включенных в разнообразные «воображаемые сообщества», к «транснациональной истории» также позволяет иметь более полное представление о внутренних взаимоотношениях в рамках имперских структур. Речь идет не только о

³ Kohn H. *The Idea of Nationalism: a Study in Its Origins and Background*. N.Y., 1944; Hayes C. *Nationalism: a Religion*. N.Y., 1960.

⁴ Kedourie E. *Nationalism*. Londres, 1960.

⁵ Gellner E. *Nacionalismo*. Barcelona, 1998; Anderson B. *Comunidades imaginadas. Reflexiones sobre el origen y la difusión del nacionalismo*. México, 1993. Hobsbawm E. *Nation and nationalism from 1780*. Barcelona, 1992.

структурном противостоянии центральных частей империй (колонизаторов) и периферии (колонизуемых), но и о противоречиях внутри более сложных сетей и отношений как экономических, так и социо-культурных. Упомянутые исследования помогли нам открыть различные явления, взаимодействующие между собой, повлекшие за собой процессы метизации⁶.

Сирило Вильяверде и его роман «Сесилия Вальдес».

Исходя из изложенных историографических предпосылок, предпримем анализ романа «Сесилия Вальдес». Это был самый удачный роман кубинского писателя Сирило Вильяверде, автора стихов, романов, рассказов, которые он считал самым эффективным орудием формирования идентичности⁷.

В этом романе Вильяверде представляет любовную историю свободной мулатки Сесилии Вальдес и белого Леонардо Гамбоа. Автор в этой работе создал образ формировавшего со всеми своими особенностями гаванского, ну и всего кубинского общества. Писатель много лет работал над этим произведением, публиковал его частями, и начав в 1839 г. и закончив лишь несколько десятилетий спустя. В конце XIX века критики представляли это произведение как роман, в котором представлен образ кубинского общества в первой половине столетия. На самом деле это было воображаемое Вильяверде общество, а точнее то, что только формировалось, а именно особая общность, Куба. Автор находил пищу для художественного вымысла в мире и обществе, его окружавшем. Его главная героиня, Сесилия, родилась в том же 1812 году, что и сам автор, и жила в Гаване, городе хорошо знакомому Вильяверде.

⁶ Bloch M. Pour une histoire compare des sociétés européennes. // Revue de Synthèse Historique, n. 46, 1928. P. 15-50; Espagne M., Werner M. (eds.). Transferts: les relations interculturelles dans l'espace franco-allmand (XVIIIe et XIXe siècle). Paris, 1988.

⁷ Villaverde C. Cecilia Valdés o la Loma del Ángel. Novela de costumbres cubanas. Nueva York, 1882; Ximeno J. M. Papeletas bibliográficas de Cirilo Villaverde. // Revista de la Biblioteca Nacional José Martí, n. 4, 1953. P. 133-153; Henríquez Ureña M. Panorama histórico de la literatura cubana. La Habana, 1978; Gracia de Aldridge A. Two Latin American Theorists of the Historical Novel.// Clio, n. 4, 1975. P. 183-199; Said E. Cultura e imperialismo. Barcelona, 2001. P. 11-34, 167-168.

Действие охватывает период до 1831 г., то есть до окончания университета самим автором, там же учился другой главный персонаж романа⁸. Сахарный завод и кофейная плантация были местами, где жили его персонажи, там же, на западе острова в Пинар-дель-Рио, жила и его собственная семья. Автор жил среди таких же людей, что и его герои, описывал личные воспоминания⁹. Доминго дель Монте говорил Хосе Луису Альфонсо, что этот роман «является самым *longue haleine*, когда-либо опубликованным в Гаване, не считая некоторых погрешностей в языке и стиле, это лучшая вещь, опубликованная на кубинской почве: автору удалось представить четкую и живую картину обычаев людей из пригородов, мулатского населения наших городов»¹⁰.

Этот литературный текст – описание деятельности главных представителей гаванской олигархии, сахарозаводчиков, кофейных плантаторов и торговцев. Экономическая деятельность господствующих групп позволила писателю подчеркнуть различия между креолами кубинцами и испанцами. Обе группы населения он описал, придав им определенные жизненные характеристики. Вильяверде оставался в плену расистских взглядов в особенности на смешанные расы, на негров, преувеличивая их «недостатки», противопоставляя им добрую хозяйку рабов, почти освященную Божественной благодатью (Исабель Илинчета), превращавшую рабство в домашнее, почти семейное ярмо¹¹.

Писатель, повествуя о конфликтах внутри семьи Гамбоа, переводит смысл на противостояние между креолами и испанцами, что сближает роман с предшественником, поднявшем эту же тему Франсиско Суареса и Ромеро в романе «Франсиско», но превосходит его по силе описания. Жена испанца Кандидо Гамбоа была

⁸ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 12; Álvarez García I. La obra narrativa de Cirilo Villaverde. La Habana, 1984. P. 5 – 44.

⁹ Castellanos J.F. Del Monte y Villaverde en Cecilia Valdés. //Revista de La Habana, junio de 1947, P. 3-16; González R. Contradanzas y latigazos. La Habana, 1983. P. 53 – 90; Bueno S. Esclavitud y relaciones interraciales en Cecilia Valdés. // Revista de la Biblioteca Nacional José Martí, n. 77, 1986. P. 43-67; Fernández Villaurrutia R. Para una lectura de Cecilia Valdés. // Revista Cubana, n. 31, 1957. P. 31-43; González R. Para una lectura historicista de Cecilia Valdés. // Revista Casa de las Américas, 1981. P. 84-92; Morejón N. Cecilia Valdés: Mito y realidad. // Revista de la Universidad de La Habana, , 1980. P. 51-61.

¹⁰ Monte D. Centón epistolario. La Habana, 2002. P. 202.

¹¹ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 105 – 113.

креолкой Розой Сандоваль, матерью Леонардо. Сесилия же была мулаткой, то есть объединяла в своем характере черты и негров и мулатов. На страницах романа она представляла банальным сексуальным объектом, и поэтому никогда не могла бы претендовать на нечто большее, чем быть любовницей, и тем более не могла претендовать на то, чтобы стать частью семьи. Для автора же семья Гамбоа предстает как образ «кубинской нации», включая всех ее членов, в том числе и негров, и мулатов¹².

На протяжении всего романа идет борьба между сыном и отцом, Леонардо и Кандидо. Эта борьба выглядела как мятеж против господства воли старшего, что связывалась с колониальным владычеством испанцев на Кубе и подавлением креолов. Настойчивость отца в желании разлучить Леонардо и Сесилию проявлялась не только как деспотизм испанца, но и как его ревность из-за его собственного интереса к молодой мулатке¹³. Там же происходят разного рода инциденты из-за приезда из метрополии офицера, ухаживавшего за сестрой Леонардо, что становилось предметом спора между Розой и ее мужем по поводу происхождения будущего зятя. В этом постоянном столкновении между испанцами и кубинцами на всех уровнях Леонардо укреплялся в осознании своего «креолизма»¹⁴.

Роза Сандоваль, хотя и выступает против Кандидо Гамбоа, должна подчиняться своему мужу, который подобно колониальной власти на острове жесткой рукой управляет делами семьи¹⁵. Кандидо был разбогатевшим на торговле андалузцем. Он описан автором как человек малокультурный и тщеславный, сделавший свое состояние на работоторговле. Его брак принес ему состояние его жены, имевшей большое приданное. Их ссоры из-за имущества являются отражением противостояния кубинцев и испанцев:

«... Видимо, Вы сожалеете, что не вышли замуж за какого-

¹² Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 76, 212 – 215; Bueno S. Temas y personajes de la literatura cubana. La Habana, 1984. P. 51 – 73; Connor W. Ethno-Nationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994.

¹³ Aguirre Y. Leonardo Gamboa y la juventud cubana de su tiempo. // Revista de la Universidad de La Habana, n. 2, 1986. P. 147 – 161.

¹⁴ González R. Contradanzas y latigazos. P. 31 – 53.

¹⁵ González R. Contradanzas y latigazos. P. 265 – 270; Sánchez J.C. La sociedad cubana del siglo XIX a través de Cecilia Valdés. // Cuadernos Americanos, n. 2, 1971. P. 123-134; Young R. J. La novela costumbrista de Cirilo Villaverde. México 1949; Kandiyoti D. (ed.). Gender and Nationalism. // Nations and Nationalism, n. 6, 2003. P. 213-235.

нибудь игрока и забулдыгу?

- Да, быть может, я и сожалею,- возразила донья Роса, и по мере того как слова ее становились все боле язвительными, голос ее делался более ласковым. - Быть может, и так, потому что в креоле, своем земляке, я нашла бы – в этом я убеждена - более верного, более достойного спутника жизни, чем в вас. И, уж конечно, у креола не достало бы хитрости обманывать меня тринадцать лет подряд...»¹⁶

Писатель показывает Кандидо Гамбоа исключительно как делового человека. Мы его видим либо в хозяйственных делах, либо во время его визитов в дом мулатки Сесилии. Он - малообразованный человек, но благодаря своим связям с американцами стал первым, кто приобрел скоростные суда, что позволило ему преодолевать английские кордоны, пресекавшие подпольную работорговлю¹⁷. Несмотря на ссоры в доме Гамбоа, деспотическая власть отца сохранялась, что было похоже на то, что происходило в стране с властью генерал-капитана Кубы¹⁸.

Вильяверде вводит в число действующих лиц испанского офицера, ухаживавшего за дочерью Гамбоа, и противопоставляет его Леонардо с его смекалкой и чувством юмора. Между двумя молодыми людьми возникла неприязнь. Леонардо отвергал другого и из-за того, что тот был испанцем и военным. Так автор показывал, что чрезмерный приток военных из метрополии вызывал конфликт и сопротивление. Кроме того, на Кубу перебрались все роялисты из бывших колоний на американском континенте. Все эти иммигранты испытывали неприязнь ко всему креольскому. Многочисленный приток эмигрантов в Гавану вызвал многочисленные проблемы в уже перенаселенном городе, что вызывало недовольство местного населения¹⁹. Враждебность к испанцам питалась поведе-

¹⁶ Цит. по Вильяверде С. Сесилия Вальдес или Холм Ангела. Москва, 1963. С. 283.

¹⁷ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 110 – 113, 192 – 193; Lamore J. Cecilia Valdés: realidades económica y comportamientos sociales en la Cuba esclavista de 1830. // Revista Casa de las Américas, n. 12, 1978. P. 41-52

¹⁸ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 121.

¹⁹ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 104-105, 116, 192-193; Archivo General de Indias (далее AGI), Cuba, 761B; AGI, Cuba, 763; AGI, Cuba, 773; AGI, Cuba, 774; AGI, Cuba, 775; AGI, Cuba, 776; AGI, Cuba, 2057; AGI, Ultramar, 138; AGI, Ultramar, 139; Kuethe A. Cuba, 1753-1815: Crown, Military, and Society. Knoxville, 1986; Moreno Friginals M. La historia como arma y otros estudios sobre esclavos, ingenios y plantaciones. Barcelona, 1983. P. 34-37;

нием и высокомерием колониальных властей в отношении креолов, при этом власти были неспособны решить реальные проблемы города. Все это в романе Вильяверде было фоном для роста недовольства и неприязни к испанцам со стороны Леонардо Гамбоа²⁰.

Буржуазное сознание, при котором лишь деньги что-то значили, не придавало большого значения получению знатный титул, к чему стремились плантаторы и землевладельцы. В течение длительного периода времени возможность получить знатный титул сближала креолов и испанцев, что приносило значение испанской старой аристократии. Сохранение титула после его покупки было дорогим удовольствием, ибо предусматривало серьезные налоги и сборы. В романе семья Гамбоа жила в ожидании разрешения Кортесами покупки титула. Имея финансовые возможности, верхушка конвертировала богатство в знатные титулы, что давало ей возможность повышения своего социального статуса в колонии²¹.

За пределами этого мира белых, а следовательно, по идее писателя, вне процесса создания кубинской идентичности, находились мулаты, а Сесилия Вальдес была олицетворением этой «смешанной группы», да к тому же женщиной²². С точки зрения белых, мулатки представляли собой опасность для устоев общества, так как соблазняли мужскую его часть, разрушали браки. А мулаты мечтали лишь о браке с белыми. Для белых же мулатка была неприемлема для брака, а годилась только для адюльтера. А между тем, связь и смешение крови цветных с белыми рассматривались как способ «улучшить расу». Этот подход Вильяверде разделяли и другие мыслители эпохи Хосе Антонио Сако, Франсиско Аранго-и-Парреньо, Доминго дель Монте и другие. Для них всех - сойтись с белым – это «прогресс», а с негром – «регресс»²³.

Вильяверде, хотя и отказывался принять мулатов в лоно общества, которое структурировало та социальная группа, к которой он принадлежал, но в отличие от «Франсиско» Ансельмо Суареса Ро-

Navarro García J.R. Control social y actitudes políticas en Puerto Rico (1823-1837). Sevilla, 1991. P. 273-276

²⁰ González R. Contradanzas y latigazos. P. 265 – 294.

²¹ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 122; González R. Contradanzas y latigazos. P. 265 – 299.

²² Hernández Azaret J.C. Los personajes femeninos en Cecilia Valdés. Santiago de Cuba, s/d; Barrera P. The Black Protagonist in the Cuban Novel. Andover, 1979; Bueno S. Historia de la literatura cubana. La Habana, 1963. P. 105 – 122; Coulthard G. R. Raza y color en la literatura antillana. Sevilla, 1958.

²³ González R. Contradanzas y latigazos. P. 369.

меро он признавал метизацию как реальность, которая была неизбежной при сожительстве домашних рабов и их хозяев, не только с сексуальной точки зрения, но и исходя их факта взаимовлияния нравов и обычаев. Но не только из-за физического смешения рас происходила метизация, но и на уровне культурного и бытового взаимопроникновения: дети белых хозяев поручались черным слугам, которые рассказывали им свои сказки, пели песни, те играли с черными детьми и т.д. Это смешение рас происходило на детских праздниках, где танцевали юноши и девушки разных рас²⁴.

В повествовании романа негры рабы ассоциируются лишь в двумя видами хозяйственной деятельности, контролируемой белой олигархией: сахарный завод и кофейная плантация. В то время группы писателей во главе с Доминго дель Монте подвергли серьезной критике работорговлю: они в самых черных красках описывали положение людей на сахарном заводе, а вот кофейным плантациям доставалось меньше критики. Вильяверде же описывает лишь счастливую жизнь негров на кофейной плантации «Ла Лус» (Свет), где рабы чувствовали себя частью патриархальной семьи Томаса Иличета. Это хозяйство управлялось добропорядочной дочерью хозяина Исабель, которая руководствовалась не отношениями хозяин – раб, а «своим страхом Божьим». Этому хозяйству противопоставлена плантация «Ла Тинаха», где рабы находятся в адском положении. Из этого противопоставления делается вывод не морального, а чисто экономического свойства. От рабства не зависело, сможет ли сахарная отрасль модернизироваться, как то предполагали многочисленные авторы той эпохи. Этот сектор экономики Кубы переживал подъем и до, и после отмены рабства. Трудность состояла в том, что из-за ограничений на работорговлю цены на рабов только увеличивались, что снижало доходы производителей и экспортеров сахара. Из-за проблем с ценой рабов плантаторы попадали в долговую зависимость от торговцев. Поэтому писатель так сильно критиковал сахарные заводы, и рисовал идиллическую картину жизни кофейной плантации, не столь зависящей от рабской рабочей силы²⁵.

Вильяверде, как и его предшественник Ансельмо Суарес,

²⁴ Villaverde C. Cecilia Valdés. P. 31 – 50, 161 – 199.

²⁵ González R. Contradanzas y latigazos. P. 31 – 53; Moreno Friginals M. El Ingenio. Complejo económico social cubano del azúcar. Barcelona, 2001. P. 117 – 125; Deschamps Chapeaux P. Autenticidad de algunos negros y mulatos de Cecilia Valdés. //La Gaceta de Cuba, n. 81, 1970. P. 24-27; Jackson R.L. The black image in Latin American Literature. Albuquerque, 1976.

оправдывал социальный строй религиозными аргументами. Вильяверде представляет Розу Сандоваль носителем исключительных религиозных качеств, ибо она является образцом хозяйки рабов, которая руководствуется религиозными убеждениями в управлении своим хозяйством. Роза предстает в почти божественной ауре, она может жестоко карать, но мягка и снисходительна к тем, кто подчиняется ей²⁶.

Работа Сирило Вильяверде наряду с драмой «Граф Аларкос» Хосе Хасинто Миланеса, «Франсиско» Ансельмо Суареса Ромеро и «Матансас и Йюмури» Рамона де Пальмы является наиболее законченным выражением той национальной идентичности, что формулировала группа интеллектуалов, окружавших Доминго дель Монте. Появление таких литературных текстов стало возможным лишь после многолетнего периода вызревания этих идей²⁷.

Первая половина XIX в. ознаменовалась переходом от «старого режима» к либеральной системе в рамках Испанской империи. Под давлением обстоятельств корона была вынуждена трансформировать европейскую часть империи в национальное государство. Эта идея присутствовала уже во время наполеоновского нашествия в 1808 г. и при создании Кадисской конституции 1812 г., да и потом, при возвращении абсолютизма в период с 1814 – 1820 гг., и во время либерального режима 1820 – 1823 гг.²⁸ В тоже самое время, когда происходили перемены в метрополии, любое испанское правительство должно было решать вопрос о месте американских владений в рамках испанского государства. Большинство испанских либералов и часть гаванской элиты выступали за то, чтобы либеральные нововведения не распространялись на территории заморских владений²⁹. Параллельно с политическим наступлением из метрополии шло внедрение нового культурного сценария, направленного на оправдание политического курса. В этом процессе основную роль играли экономические общества, а в случае Кубы

²⁶ Hernández Azaret J.C. Los personajes femeninos en Cecilia Valdés. Santiago de Cuba, 1983; Callahan W. J. Iglesia, poder y sociedad en España, 1750-1874. Madrid, 1989.

²⁷ Milanés J.J. Obras. N.Y., 1965. P. 134-157; Suárez Romero A. Francisco. Novela cubana. N.Y., 1880; Palma R. Matanzas y Yumurí. //El Aguinaldo Habanero, 1837.

²⁸ Fontana J. La quiebra de la monarquía absoluta 1814-1820. Barcelona, 1971; Fontana J. La crisis del Antiguo Régimen 1808-1833. Barcelona, 1979.

²⁹ Fradera J.M. Colonias para después de un imperio. Barcelona, 2005. Fradera J.M. Gobernar colonias. Barcelona, 1999.

Экономическое общество Гаваны, распространявшее идеи правительственного проекта³⁰.

Между тем, этот план встретил препятствия при своей реализации, так как в течение 20-х годов XIX века Гавана превратилась в один из самых мощных экономических центров Испанской империи, а лидирующие позиции занимали землевладельцы во главе с Франсиско Аранго-и-Парреньо с примыкающими к нему семьями Альдама, Альфонсо, Солер. Тогда они претендовали, чтобы их экономический вес соответствовал бы тому положению, которое они занимали в обществе и политике, используя либеральное законодательство как инструмент. Это им удавалось осуществить после смерти Фердинанда VII, 1833 г., и восстановления либерального правления, но лишь до 1837 г., когда Куба была исключена из формируемой либеральной системы после изгнания кубинских депутатов из парламента, Кортесов. Параллельно с политическим действием формировались идейные основы кубинских либералов. Деятельность Доминго дель Монте в Экономическом обществе преследовала цель создания идейных основ для политической деятельности кубинских либералов. Этот либеральный проект так не был четко артикулирован, а сразу же был подвержен исправлениям и ревизии его сторонниками, вносящими свой идейный вклад в течение длительного времени. Цель либералов состояла в культурно-социальной интеграции Кубы в метрополию, но при сохранении своего своеобразия как заморской части Испании. Отказ метрополии пойти на уступки подтолкнуло кубинскую элиту к борьбе за независимость.

Различные либеральные группы использовали разные методы: во-первых, построение образовательного сценария, который придавал бы легитимность новой системе; во-вторых, написание истории нового государства; в-третьих, создание собственной литературной традиции. Что касается последнего, Бенедикт Андерсон дает свое объяснение значению литературы, прессы в формировании национально-культурной идентичности. Бум прессы, развитие издательского дела сделали возможным широкое распространение поэзии, романов и публицистики, которые могли создать «образ общества». Пресса позволяет человеку знать, что происходит в этом обществе, создавая при этом образ самого общества³¹.

³⁰ Aguilera Manzano J.M. La formación de la identidad cubana (la polémica Saco-La Sagra). Sevilla, 2005.

³¹ Anderson B. The goodness of nations.// Van Der Veer P., Hartmut L. (eds.).

Доминго дель Монте во время своей поездки в метрополию в 20-е годы много общался с испанскими литераторами-романтиками. От них он воспринял убеждение, что литературные и научные публикации могут стать эффективным оружием внедрения необходимых концепций в общественное сознание. Литература была тем доступным инструментом политической работы в эпоху, когда господствовала охранительная цензура. После возвращения из Европы на Кубу дель Монте съездил в США к своему учителю, философу Феликсу Вареле. Там окончательно сложились его взгляды на то, как следует создавать идею национально-культурной идентичности, опираясь на принципы, разделяемые его единомышленниками, принадлежащих одной экономической группе. Для того чтобы создать литературную традицию через прессу и массовые публикации следовало для начала сформулировать идеи и концепции, которыми будет питаться эта самая литература, а затем уже попытаться создать канал, по которому печатная продукция попадет к кубинскому читателю.

Дель Монте создал круг интеллектуалов, которые смогли сформулировать идеи и концепции, на которых должна была быть построена национальная кубинская литература. Их голосом были газеты «*El Puntero Literario*», «*La Moda o Recreo Semanal del Bello Sexo*», финансируемые Экономическим обществом, а также публикация труда «Американские рифмы»³². Затем они создали Комиссию по литературе, а когда власти по требованию других групп либералов распустили ее, они стали собираться в тертулии (салоне) в доме дель Монте³³. В эти гаванские кружки входили интеллектуалы, среди которых выделялся Ансельмо Суарес Ромеро. Они публиковали много работ как в прессе, так и издавали отдельные книги. Материалы, издаваемых в Гаване газет, перепечата-

Nation and Religion: Perspectives on Europe and Asia. Princeton, 1999; Álvarez Junco J. Mater Dolorosa: la idea de España en el siglo XIX. Madrid, 2002.

³² Herrera Dávila I. (compilador). Rimas Americanas. La Habana, 1833; Llaverías J. Contribución a la historia de la prensa periódica cubana. v. 1 - 2. La Habana, 1957; Batista Villareal T. Catálogo de publicaciones periódicas cubanas de los siglos XVIII y XIX. La Habana, 1965; Bachiller y Morales A. Apuntes para la historia de las letras y de la instrucción pública en la isla de Cuba. v. 1, 2, 3. La Habana, 1936; Jensen L. R. Children of Colonial Despotism. Press, Politics, and Culture in Cuba, 1790-1840. Tampa, 1988.

³³ Martínez U. Domingo del Monte y su tiempo. La Habana, 1997; Aguilera Manzano J.M. La formación de la identidad cubana.

лись в провинции: дель Монте рассылал их по почте. Через дель Монте в Гавану также присылались для публикации работы провинциальных авторов. В свою очередь, группы в Гаване питались идеями из книг и работ, получаемых ими из-за границы, главным образом, из США, Парижа, Испании и в меньшей мере из Лондона³⁴.

Доминго дель Монте был назначен секретарем секции просвещения Экономического общества. Его группа хотела большего, поэтому с 1829 г. они стали было распространять свою литературу через это общество, но им это запретили. Тогда они создали Постоянную литературную комиссию при Секции просвещения (его членами были Дель Монте, Мануэль Гонсалес дель Валье, Игнасио Вальдес Мачука, Агустин Говантес, Николас де Карденас и Мансано, Блас Осес, Висенте Осес, Фелипе Позэй, Пруденсио де Эчеверрия-и-О'Габан и Хосе Антонио Сако)³⁵. Хотя эксперимент с Литературной комиссией закончился репрессиями 1834 г., за годы своего существования она способствовала формированию в сфере культуры системы, отличной от той, которую хотела внедрить на Кубе метрополия. Комиссии издавала «*Revista Bimestre Cubana*», которая в 1831 г. провела литературный конкурс, а затем издала словарь провинциализмов Кубы, куда вошли 700 «чисто кубинских слов». Дель Монте удалось добиться субсидирования Обществом нескольких изданий, которые пропагандировали его идеи кубинской идентичности: «*El Puntero Literario*», «*La Moda o Recreo Semanal del Bello Sexo*»³⁶.

После закрытия Литературной академии Доминго дель Монте решил отправиться пожить на сахарные заводы, которые были у Альдама в провинции Матансас. Там к нему присоединились Феликс Танко и Хосе Мигель Ангуло. По возвращении в Гавану он организовал тертулию с членами Литературной академии. Он хотел частным образом продолжить проект создания идентичности через культуру, что позволяло избежать от официального кон-

³⁴ Monte D. Centón epistolario.

³⁵ Monte D. Exposición de las tareas de la Comisión de Literatura. //Actas de la Sociedad Económica de La Habana, 1830; Monte D. Exposición de las tareas de la Comisión de Literatura. //Actas de la Sociedad Económica de La Habana, 1831.

³⁶ Martínez U. José Jacinto Milanés. La Habana, 1989; Jensen L. R. Children of Colonial Despotism. P.113 – 115; Pichardo E. Diccionario provincial casi razonado de voces cubanas. La Habana, 1849.

троля. На обсуждениях в тертулии особо выделялись произведения Ансельмо Суареса Ромеро, которые автор присылал из своего провинциального дома в инхенио (сахарный завод) Суриман. Их обсуждали и правили члены тертулии Хосе Сакарияс Гонсалес дель Валье, Рамон де Пальма, Сирило Вильяверде, Франсиско Мансано и Габриэль де ла Консепсьон Вальдес (Пласидо)³⁷. Несколько раз сам Суарес приезжал в Гавану и обсуждал свои работы с членами тертулии. В это время дель Монте считал себя идеологом группы, а собственно литературной работой занимались его коллеги. Именно ему удалось получить субсидии от Экономического общества на их публикацию. В 1836 г. эти работы появились в «*El Aguinaldo Habanero*» и в 1838 – 1840 гг. в «*El Plantel*», «*El Álbum*», «*La Cartera Cubana*» и «*La Siempreviva*»³⁸.

Структуризация культурной идентичности через литературу

Доминго дель Монте указал на главные направления, по которым должна была развиваться литература и формирующие национальную идентичность, но в рамках тех экономических интересов, которые представляли он и его группа. Первоначально дель Монте считал, что поэзия была самым важным жанром, ибо как никакой другой могла описать действительность. Его же противники считали поэзию жанром для народа на ранней стадии развития, когда взывают к чувствам, а не к разуму³⁹.

Дель Монте поддержал также написание романов членами его тертулии. В романе дель Монте видел возможность добиться исторической правдивости, что делало прозу важным инструментом в достижении поставленных им целей. Роман позволял сочетать действительность и вымысел, интерпретировать исторические события в духе, соответствующем взглядам той группе, которую представлял дель Монте⁴⁰. Первыми авторами в этом жанре были Ра-

³⁷ Llaverías J. Contribución a la historia de la prensa periódica cubana; Calcagno F. Diccionario biográfico cubano. N.Y., 1878; Bachiller y Morales A. Apuntes para la historia de las letras y de la instrucción pública en la isla de Cuba;

³⁸ Jensen L. R. Children of Colonial Despotism. P. 123-125

³⁹ Monte D. Escritos de Domingo del Monte. v. 2. La Habana, 1929. P. 211 – 244; González R. Contradanzas y latigazos. P. 92 – 105; Henríquez Ureña M. Panorama histórico de la literatura cubana. P. 53 – 67.

⁴⁰ Lazo R. La literatura cubana. México, 1965; Mitjans A. Historia de la

мон де Пальма, который опубликовал в 1838 г. в «*El Álbum*» «Пасха в Сан-Маркосе» и «Холера в Гаване», и Хосе Сакарияс Гонсалес дель Валье, написавший «Любить или умереть» и «Любовь и деньги»⁴¹. Хосе Антонио Эчеверрия, И. Виванко, Антонио Бачильер, Ансельмо Суарес Ромеро и Сирило Вильяверде также вступили на путь создания романов. Особое место среди них выделялся роман Вильяверде⁴².

В конце 20-х годов дель Монте опубликовал в нескольких номерах «*Puntero Literario*» ряд своих рассказов под общим названием «Кубинская гирлянда». В них автор мастерски описывает кубинские пейзажи, создавая притягательный образ страны⁴³. Именно описание пейзажа, несмотря на простоту жанра, в наибольшей степени отвечало, по его мнению, формированию образа идентичности.

До того времени кубинские поэты имитировали стиль и форму модных испанских поэтов. В поэтическом сборнике «Американские рифмы», в котором было несколько стихов дель Монте, появляется новый стиль, а пейзаж описывается с упором на «цивилизаторскую» деятельность элиты, олигархии, облагородившей остров своей экономической деятельностью, и речь идет не только о сахаре. Возвышенно описывались табачные плантации, скотоводческие эстансии. Но главное, по мнению дель Монте, было благотворное влияние выращивания сахара на благосостояние острова.

Эти литераторы защищали принципы экономической системы, ориентированной на рост производства, которому мешали такие пороки как лень, праздность и азартные игры. Через поэзию они стремились навязать свою шкалу ценностей, в которой игра и безделье являются пороками, которые любое общество должно иско-

literatura cubana. Madrid, 1918; Romero Tobar L. Panorama crítico del romanticismo español. Madrid: Editorial Castalia, 1994. P. 355-370; Lloréns V. El romanticismo español. Madrid, 1989. P. 295-324, 343-374; Benichou P. Creación poética en el romancero tradicional. Madrid, 1968. P. 7-9, 18-38; Benichou P. La coronación del escritor, 1750-1830. Ensayo sobre el advenimiento de un poder espiritual laico en Francia moderna. México, 1981; Luckács G. The Historical Novel. Londres, 1962; Eagleton T. Marxism and Literary Criticism. Methuen, 1976; Williams R. Marxism and Literatura. Oxford, 1977.

⁴¹ Palma R. Pascua en San Marcos y El cólera en La Habana.// *El Álbum*, 1838; González del Valle J.Z. Amar o morir y Amor o dinero.// *El Álbum*, 1838.

⁴² Martínez U. Domingo del Monte y su tiempo. P. 132 – 143.

⁴³ Monte D. Guirnalda Cubana//*El Puntero Literario*, 1828.

ренять⁴⁴.

После закрытия Литературной академии в 1834 г. Сирило Вильяверде, Хосе Хасинто Миланес, Рамон де Пальма и Пласидо продолжили дело дель Монте в поэзии, они описывали пейзажи и природу Кубы. В своих стихах Миланес стал использовать массу кубанизмов, свойственных лишь Кубе слов и выражений⁴⁵. Миланес и Рамон де Пальма, следуя за дель Монте, описывали кубинскую деревню исключительно в связи с сельским трудом, с процветавшими там хозяйствами. Они описывали скотоводов так, словно речь шла о средневековых рыцарях, а их благородство приписывалось новой нарождающейся нации на острове. Миланес описывал жизнь в инхенио, на сахарных плантациях и заводах, на табачных плантациях. То что он описывал в стихах, другие, как Ансельмо Суарес Ромеро, делали в прозе.

В этих произведениях образ кофейных плантаций был менее жестким, ибо и труд рабов на них был менее тяжел. Рабский труд был главной чертой жизни в этих хозяйствах и представлял в работах Миланеса как большое препятствие для введения либеральных правил на острове. Он критиковал телесные наказания, которые применялись к рабам. Единственной надеждой раба было бегство⁴⁶. Рабы рассматривались как вещь, и Миланес жестко описывает в своей поэме «Восставший негр» историю, как белому ребенку родители подарили мальчика-негра как игрушку, наподобие котенка. Позднее другие авторы из тертулии дель Монте посвятили этому вопросу целые произведения, например, ту же «Сесилию Вальдес» Сирило Вильяверде или «Автобиографию раба» Хуана Франсиско Мансано.

В обществе в процессе его становления, как нам то хотели показать дель Монте и его соратники, труд, как двигатель развития, назывался ими источником процветания и богатства. Именно труд в их глазах являлся источником достоинства и чести человека, в то время как праздность и азартные игры объявлялись пороками и общественным злом. В их трудах «бездельники» (это нищие, проститутки, пьяницы, гуляки, бандиты) описываются с презрением, они были вне общества, которое должно было от них избавиться. По этому же воспевался физический труд и ремесло, которыми на

⁴⁴ Herrera Dávila I. (compilador). *Rimas Americanas*. P. 101-103.

⁴⁵ Milanés J.J. *Obras*. P. 21-23, 46-48, 50-52; Manzano J.F. *La cocuyera*. // *El Aguinaldo Habanero*, 1837. P. 17-31; Palma R. *Obras de don Ramón de Palma*. La Habana, 1861.

⁴⁶ Milanés J.J. *Obras*. P. 112-115, 123-128.

Кубе занимались только цветные, а белые, как бы бедны они не были, презирали физический труд. Развитие страны эти авторы ставили в зависимость от физического труда. Они описывали воображаемую Кубу, где на полях будут трудиться белые, которые будут арендовать землю у богатых землевладельцев⁴⁷. Такое идеальное общество будет руководствоваться католическими религиозными принципами, но понимаемыми таким образом, что их реализация приведет к укоренению и легитимации ценностей либеральной системы, по примеру протестантов в Европе⁴⁸. Бог для этих авторов, также как и для Розы Сандоваль в «Сесилии Вальдес», был всепрощающим, но и мстящим, был Богом, который требовал от людей любви к труду, чести в мужчине, и полной самоотдачи ради семьи для женщин. Эта религия осуждала прелюбодеяние, проституцию, азартные игры, но при этом не требовала их полного искоренения, так как они были теми клапанами, через которые высвобождало напряжение и спасало всю систему⁴⁹.

Защита этих либеральных принципов также предполагала защиту всей системы либерального правления, которая только стала складываться в Испании и на Кубе. Пласидо расширил тезисы дель Монте: поэзия должна способствовать трансформации режима в сторону к либеральной монархии, осуждая при этом царствование Фердинанда VII и возлагая надежды на наследницу престола и королеву-регентшу⁵⁰. Однако к концу 1836 г. эта группа литераторов стала осознавать, что метрополия не собиралась переносить либеральную систему из Испании в Антильские колонии. Кроме того, победившие идеи об испанской идентичности, исключавшие заморские владения, не оставляли места для уважения взгляда из Гаваны или из других Антильских провинций. Позиция метрополии вызвала ответ интеллектуалов группы дель Монте, формировавших свою идею нации и отдельной культуры. Они продолжали надеяться на распространение на остров либеральных принципов правления, но видели противодействие этому со стороны властей метрополии, и поэтому начали делать упор на различия между испанскими и креольскими основами нации. В работах этих авторов жестокость по отношению к рабам, работорговля, свирепое обра-

⁴⁷ Milanés J.J. Obras.

⁴⁸ Valdés G. Poesías de Plácido. N.Y., s/d.

⁴⁹ Manzano J.F. El Sueño. // El Álbum, octubre de 1838; Manzano J.F. Existencia de Dios.// La Cartera Cubana, junio de 1839; Suárez Romero A. Francisco. Novela cubana.

⁵⁰ Valdés G. Poesías de Plácido. N.Y., s/d.

щение с неграми приписывалась исключительно испанцам, но не креолам, которые изображались в ином свете, в их обращение с неграми на плантациях, принадлежавших креолам, были почти пасторальными и идиллическими. Эти писатели создавали социальную систему ценностей, в которой креол ставился выше и благороднее испанца⁵¹.

«Сесилия Вальдес» Сирило Вильяверде, «Франсиско» Ансельмо Суареса Ромеро, «Граф Аларкос» Хосе Хасинто Миланеса и «Матансас и Йюмири» Рамона де Пальма явили законченную концепцию национальной идентичности, созданную интеллектуалами кружка дель Монте, основанную на противостоянии Испании. Это стало результатом литературной и интеллектуальной работы группы дель Монте, попытавшей в начале своей деятельности интегрироваться в имперское сообщество на равных с метрополией, но, поняв искусственность этой попытки, стали искать иные пути формирования национальной идентичности. Дель Монте сначала стремился создать воображаемое единство всей империи, остатки которой имели своим центром Гавану, город и страну, в которой господствовали землевладельцы из семей Альдама, Альфонсо, Аранго и Солера. В самой Испании же также шел свой процесс формирования идеи национальной идентичности, культурно-исторической принадлежности народов метрополии. Именно этот процесс открыл путь к переосмыслению своего места в империи в Гаване. Дель Монте и его друзья хотели быть частью общеиспанского проекта, но на основах равенства. Но в метрополии океана не желали уступать креолам и учитывать их интересов. В ответ интеллектуалы во главе дель Монте отбросили надежды на метрополию и стали работать над созданием национальной идентичности и культуры, которая могла бы быть воспринята всеми кубинцами, но которая пока не порывала полностью с матерью-родиной, Испанией. После долгого процесса идейного созревания группа дель Монте создала новую концепцию «воображаемого общества», которое на этот раз было только Кубой, а роман Сирило Вильяверде стал знаком завершения этого процесса осознания себя как отдельной нации.

⁵¹ Suárez Romero A. Francisco. Novela cubana.

В.П.Казаков

Аргентинская конфедерация: выбор экономической политики

В период 1829–1852 гг. Аргентинская республика представляла собой Конфедерацию провинций. Не было национальной конституции и не существовало центральных органов власти. Каждая из 14 провинций управлялась на основе местного законодательства, имела собственные вооруженные силы, право чеканки монеты и по своему усмотрению устанавливала таможенные пошлины. Но фактически все они находились под контролем Х.М. Росаса – губернатора провинции Буэнос-Айрес, который насаждал своих ставленников во главе администрации провинций. Кроме того, провинции предоставили ему полномочия объявлять войну и заключать мир от имени Конфедерации. Таким образом, перед лицом других стран и народов Росаса являлся официальным главой Аргентинской конфедерации.

Сложным и противоречивым было экономическое положение страны. В отличие от стран Старого Света, имевших замкнутую территорию, достаточно заселенную и хозяйственно освоенную к началу капиталистического периода, Аргентина после завоевания независимости раскинулась на широких, мало освоенных пространствах с редким составом населения. Вплоть до 80-х гг. XIX в. вне юрисдикции аргентинских властей находилась обширная территория в 1,3 млн. кв. км: на севере – район Чако и Формосы, на юге – часть Пампы и вся Патагония. вплоть до Огненной земли, где жили индейские племена общей численностью в 30 тыс. человек¹.

Серьезным тормозом для роста общественного разделения труда являлась малочисленность аргентинского населения. В первой половине XIX в. в стране не проводилось переписи населения, поэтому не существует точных данных о количестве жителей. Наиболее достоверными считаются подсчеты английского дипло-

¹ Segundo censo de la República Argentina. Buenos Aires, 1898. Vol. I–III; Vol. II. P. XXI, XVI.

мата В. Пэриша, который определял население Аргентины в 1847 г. в 820 тыс.²

Наиболее густонаселенными провинциями являлись Буэнос-Айрес и Кордова: на них приходилась 1/3 населения всей страны³.

Помимо вышеназванных провинций остальное население группировалось в небольших городах, являвшихся столицами одноименных провинций; на центральных усадьбах в эстансиях; в поселениях, окружавших почтовые станции на торговых трактах; военных фортах, отделявших провинции от индейских племен.

С колониальных времен в стране обозначились два района, различавшихся характером своего развития: внутренний⁴ и прибрежный⁵.

Основным занятием населения внутреннего района было земледелие. Здесь культивировались злаковые, табак, сахарный тростник, хлопок, виноград. Имелись различные виды ремесленничества. Кроме того, широкое распространение получила рассеянная ткацкая мануфактура.

Между различными местностями этого района существовали торговые связи. Ла-Риоха вывозила вина в Кордову, Катамарку и Тукуман; Катамарка везла хлопок и фрукты в Кордову; Тукуман – сахар в Катамарку и Ла-Риоху, Сальта – муку в Тукуман и Жужуй. Часть своих продуктов внутренние провинции экспортировали в Боливию и Чили. Некоторая часть товаров находила сбыт в прибрежном районе – текстильные изделия, вина, водка, фрукты, мука⁶.

По-иному шло развитие прибрежного района. Сами природные условия способствовали здесь развитию животноводства. Наибольшими сельскохозяйственными ресурсами обладал прилегающий к Атлантическому океану степной район – Пампа, где сосредоточены уникальные в мире массивы плодородных земель, в

² Parish W. Buenos Aires and its provinces. London, 1852. P. 417.

³ Burgin M. The economic aspects of Argentine federalism. 1820–1852. Cambridge (Massachusetts). 1946. P. 116.

⁴ Территория провинций Кордова, Катамарка, Жужуй, Тукуман, Сантьяго-дель-Эстеро, Ла-Риоха, Сальта, Мендоса, Сан-Хуан, Сан Луис.

⁵ Территория провинций Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Энтре-Риос, Корриентес.

⁶ Комаров К.В. Аграрный район и война за независимость Аргентины. М., 1988. С. 14–15.

том числе естественных лугов с водопоями. Мягкий субтропический климат, высокое качество травяного покрова, его интенсивный рост и круглогодичный травостой позволяли беспривязный выпас скота в течение всего года. Это делало возможным также без искусственного орошения выращивать многочисленные культуры умеренного пояса, прежде всего зерновые.

В отличие от соседних андских стран внутренний район – Интерьор – не располагал запасами промышленного сырья мирового класса. В андских провинциях и горных районах Кордовы и Сан-Луиса имелись небольшие залежи природных ископаемых: золота, серебра и меди.

Промежуточное положение занимал Корриентес. Эта прибрежная провинция имела диверсифицированную экономику: помимо скотоводства здесь получили развитие земледелие и промышленность, в том числе судостроительная⁷.

Наибольшую выгоду от свободной торговли, провозглашенной Майской революцией 1810 г., получили прибрежные провинции – Литораль, прежде всего Буэнос-Айрес.

Ко времени достижения Аргентиной независимости экономическая жизнь Буэнос-Айреса была неразрывно связана с торговлей, поскольку в колониальный период город рос и развивался за счет внешней торговли. Семейства крупнейших буэнос-айресских купцов Анчорены, Агирре и др. нажили свои состояния на торговле импортными товарами в обмен на драгоценные металлы на обширном рынке вице-королевства Рио-де-ла-Платы. Удельный вес скотоводческой продукции в колониальной торговле не превышал 20%. Остальные 80% приходились на серебро⁸.

С истощением месторождений серебряных руд и отпадением Верхнего Перу от провинций Рио-де-ла-Платы положение радикально изменилось. Отныне главной и единственной статьей экспорта стали продукты животноводства. Мировой рынок требовал во все возрастающем объеме кожи, солонины, овечьей шерсти.

Развитие капитализма в скотоводстве имело под собой солидную внутреннюю базу и отражало общие закономерности развития капиталистического способа производства в сельском хозяйстве.

⁷ Barsky O., Gelman J. Historia del agro argentino. Desde la conquista hasta comienzos del siglo XXI. Buenos Aires, 2009. P. 121–122.

⁸ Lynch J. Argentine dictator Juan Manuel de Rosas. 1829–1852. Oxford, 1981. P. 20.

Это прежде всего замедленность, неравномерность, постепенность проникновения капитала в аграрную сферу, где он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие сырьевые отрасли производства, как скотоводство и овцеводство.

В Литорале развитие скотоводства облегчалось как наличием социального слоя, способного наладить крупное товарное производство на мировой рынок, так и отсутствием сил, препятствовавших этому. В колониальный период здесь не сложилось крестьянство как класс-сословие феодального общества. Вместо него в Пампе образовалась своеобразная лаплатская вольница – гаучо – независимые полукочевые охотники на скот.

Немногочисленность этих рабочих рук компенсировалась малой трудоемкостью скотоводства и искусством гаучо в обращении со скотом. По существу, скот оставался продуктом природы и требовал минимальных затрат труда для своего содержания. Главным условием товарного животноводства являлось наличие больших земельных площадей с естественными водопоями. По расчетам аргентинского экономиста Р. Ортиса, для ухода за стадом в 5 тыс. голов требовалась 1 лига (2700 га) пастбищ и 3 пастуха. Превращение этой же площади в пшеничное поле потребовало бы 350 работников⁹. Однако прибыль на вложенный капитал в земледелии равнялась 25% против 31,4% в скотоводстве¹⁰. Меньшая трудоемкость и большая доходность скотоводства вместе с вышеназванными причинами обусловили его превращение в главную сферу приложения крупного креольского и иностранного капитала.

Вместе с тем, поскольку капиталистическое производство овладевает в первую очередь таким комплексом земель, которые вследствие особого плодородия и удобного местоположения могут приносить дифференциальную ренту, экономическим ядром складывавшегося государства стала провинция Буэнос-Айрес, – в наибольшей степени обладавшая сравнительными преимуществами в производстве сельскохозяйственной продукции на мировой рынок.

Развитие капитализма в Литорале имело свое своеобразие, отличавшее его от классического варианта. Оно заключалось в том,

⁹ Ortiz R. Historia económica de la Argentina. 1850–1930. Vol. 1–2. Buenos Aires, 1955. Vol. 1. P. 115.

¹⁰ Lynch J. Op. cit. P. 21.

что торговые семейства Буэнос-Айреса стали вкладывать капиталы не в промышленность, а в развитие скотоводства.

Трансформация креольского торгового капитала в промышленный началась с появлением саладерос – предприятий по переработке продуктов животноводства. Инициатива принадлежала британским предпринимателям, которые в 1812 г. основали в пригороде Буэнос-Айреса первый саладеро. Очень скоро к ним присоединились креольские купцы и землевладельцы. Одним из владельцев саладеро в 1815 г. стал Х.М. Росас¹¹.

Саладерос являлись крупными специализированными промышленными предприятиями, где от забитого скота использовались не только шкуры и жир, но главный продукт – мясо¹². Производство обладало набором всех основных признаков мануфактурной организации труда, при которой частично применялись современные средства производства в сочетании с использованием огромных масс живого труда¹³. Продукция саладерос экспортировалась: солонина – на рынки Бразилии, Кубы, США для питания негров-рабов; выделанные шкуры, рога, конский волос – в Западную Европу, прежде всего Англию¹⁴.

Становление аграрного капитализма в Литорале проходило в неразрывной связи с развертыванием промышленного переворота на Западе. Местная экономика становилась звеном в цепи мирового капиталистического хозяйства: бурное развитие текстильной промышленности Англии в первой половине XIX в. вызвало выращивание хлопка на рабовладельческих плантациях США, что, в свою очередь, потребовало создания саладерос в ряде стран, в том числе и в Аргентине.

С появлением саладерос начался рост скотоводческих хозяйств – эстансий, складывание системы латифундий. Производство базировалось на крупной земельной собственности – экстенсивном скотоводстве – разведении крупного рогатого скота на открытых пастбищах. Основной формой производственных отношений стал наемный труд с элементами внеэкономического принуждения.

¹¹ Montoya A.J. Historia de los saladeros argentinos. Buenos Aires, 1956. P. 31.

¹² Giberti H.C. Historia económica de la ganadería argentina. Buenos Aires, 1961. P. 14.

¹³ Montoya A.J. Op. cit. P. 66–73.

¹⁴ Brown J.C. A socioeconomic history of Argentina 1776–1860. Cambridge (Mass.), 1979. P. 65–67.

Превращение креольского торгового капитала в промышленный не привело, однако, к складыванию собственно промышленной буржуазии. Креольские купцы наряду с вложением капитала в саладерос стали скупать уже существующие и основывать новые эстансии, сохраняя позиции и в экспортно-импортной торговле. Такая структура местного капитала, отсутствие обособления между его различными формами сохранялась и в последующий период, став характерной чертой аргентинской крупной буржуазии – олигархии на всем протяжении ее истории. Превратившись в крупную помещичью буржуазию, она оставалась торгово-финансовой, а став промышленной, не переставала быть аграрной¹⁵.

Поскольку саладерос являлись продуктом иностранного промышленного производства, то олигархия появилась до того, как оформился класс буржуазии в целом. Отсюда разрывы между ее верхушечными и массовыми слоями.

Впечатляющий рост крупных животноводческих хозяйств не означал, однако, исчезновение мелкого аграрного производства. Тысячи мелких скотоводов и земледельцев продолжали населять сельскую местность, прежде всего Буэнос-Айреса. Сельскохозяйственные фермы-чарки росли вокруг эстансий, а также являлись частью поместий, непосредственно прилегавших к городам¹⁶. По своим размерам ферма значительно уступала ранчо скотовода, но по своей внутренней организации являлась его точной копией. Это была усадьба, в которой жили чакарерос, работники и их семьи, окруженная полями, на которых выращивалась пшеница и кукуруза. В городских окрестностях значительное развитие получили садоводство и огородничество. На время уборки урожая нанимались сезонные рабочие.

Развитие сельского хозяйства во внутренних провинциях проходило по-разному. В районе Куйо – провинции Мендоса, Сан-Хуан, Сан-Луис – основной производственной единицей были мелкие хозяйства. Напротив, в провинциях Сантьяго-дель-Эстеро, Жужуй и Кордова, преобладало крупное землевладение. Опреде-

¹⁵ Sabato J.F. La clase dominante en la Argentina moderna. Buenos Aires, 1988. P. 102–104.

¹⁶ Barsky O., Gelman J. Op. cit. P. 129.

ленное равновесие между формами землевладения наблюдалось в Тукумане, Катамарке и Сальте¹⁷.

Несмотря на то, что страна располагала определенными залежами полезных ископаемых, горнорудная промышленность не получила развитие. Причина этого крылась в позиции, занятой иностранными капиталистами. Без их помощи нельзя было в то время развивать капиталоемкие отрасли хозяйства, поскольку Аргентина не располагала для этого ни достаточным количеством рабочих рук, ни необходимыми капиталами.

Когда британское министерство иностранных дел затребовало у Пэриша информацию о целесообразности эксплуатации серебряных рудников Аргентины, английский консул ответил отрицательно. Пэриш, изъездивший всю страну и досконально изучивший ее тогдашние экономические возможности, считал более выгодным для английских предпринимателей вложение капитала в скотоводство, нежели в горнорудную промышленность¹⁸.

В отличие от Интериора в Буэнос-Айресе и других прибрежных провинциях сельская домашняя промышленность не получила развития. Предместья Буэнос-Айреса стали центром зарождавшейся мясной промышленности. Помимо саладерос, в городе существовали и другие производства. Здесь наиболее четко обозначился процесс отделения промышленности от сельского хозяйства.

Решающую роль в зарождении городской промышленности сыграли иммигранты. Несмотря на роспуск Росасом в 1830 г. комиссии по делам иммиграции¹⁹, сама иммиграция из Европы не только не прекратилась, но и продолжалась во все возрастающем масштабе, направляясь в основном в Буэнос-Айрес. В 1852 г. из 76 тыс. жителей города 35 тыс. или 46% составляли иммигранты²⁰. Они открывали мастерские по пошиву одежды, обуви, изготовлению мебели, предметов повседневного обихода. В первой половине XIX в. в стране, за исключением саладерос, не было предприятий с техническим разделением труда. В Буэнос-Айресе господ-

¹⁷ Комаров К.В. Указ. соч. С. 78–79.

¹⁸ Lynch J. Op. cit. P. 136.

¹⁹ Registro oficial de la República Argentina que comprende los documentos expedidos desde 1810 hasta 1873. Vol. I–III. Buenos Aires, 1879–1882 ; Vol. II, N 2410. P. 269.

²⁰ Reber B.V. British mercantile houses in Buenos Aires. 1810–1880. Cambridge Univ. Press (Mass.), 1979. P. 40.

ствовала ремесленная промышленность в виде мелкотоварных мастерских, а во внутренних провинциях доживала свой век сельская домашняя промышленность.

Наметившаяся агроэкспортная направленность аргентинской экономики вела к тому, что крупнейшая провинция Буэнос-Айрес становилась во все большей степени внешним рынком для других стран, чем внутренним рынком для остальных провинций. Подавляющее большинство товаров, вывозимых из провинций в Буэнос-Айрес, предназначалось на экспорт. В свою очередь, собственная продукция Буэнос-Айреса также шла на экспорт, а не в провинции²¹. По существу, Буэнос-Айрес служил перевалочным пунктом для товаров внутренних провинций, искавших себе внешних рынков, и реэкспортером в провинции поступившего в страну импорта.

Конкуренция европейских товаров подрывала экономику внутренних провинций, которые переживали период затухания экономической активности. Для своего развития они нуждались в рынках прибрежных провинций. Но на последних уже преобладала продукция европейской промышленности. Это лишь усиливало противоречия Интериора с Литоралем, прежде всего с Буэнос-Айресом. Если требованием внутренних провинций являлась таможенная защита их производства от иностранной конкуренции, то эстансьеро Буэнос-Айреса хотели прямо противоположного — свободной торговли с Европой.

II

Уже первые патриотические правительства оказались перед необходимостью согласовать общие принципы экономического либерализма с потребностями развития страны. С окончанием Войны за независимость эта же проблема встала перед унитариями и федералистами.

Унитарии, придя к власти, не собирались проводить протекционистскую политику. Это не означало, однако, что их не заботила судьба местного производства. На Учредительном конгрессе в 1826 г. депутаты обсуждали предложение правительства президента Б. Ривадавии о строительстве сети каналов для прокладки водного пути от предгорий Анд до Буэнос-Айреса.

Проект о каналах отвечал интересам экономического развития молодого государства. Его претворение в жизнь сделало бы рынок

²¹ Brown J.C. Op. cit. P. 132–133.

Литоралья более доступным для продукции внутренних провинций. Это прекрасно понимали депутаты внутренних провинций, выступившие в защиту правительственного законопроекта. Обосновывая их позицию, депутат Велес говорил: В стране производятся и легко могут производиться в еще большем количестве такие же товары, которые привозятся извне. Чтобы отечественные товары пользовались спросом, достаточно лишь уменьшить их цену посредством снижения расходов на их транспортировку». Об этом же говорил депутат Лаприда: «В одних провинциях полностью разрушена торговля, в других приходит в упадок промышленность. Наши провинции Куйо страдают из-за отсутствия рынков сбыта для своей продукции. Депутаты Кордовы, Сантьяго, Катамарки, Ла Риохи и Тукумана могут подтвердить, что повсюду закрываются мануфактуры достаточно совершенные и не исчерпавшие еще своих возможностей. Будущее провинций Куйо абсолютно невыносимо, если у них не появится возможность сбывать свою продукцию, которая производится в настоящее время и будет производиться в дальнейшем». Лаприда выражал уверенность, что «в случае претворения в жизнь законопроекта товары внутренних районов смогут успешно противостоять европейской конкуренции»²².

Законопроект встретил решительную оппозицию со стороны депутатов Буэнос-Айреса. Им были чужды интересы внутренних провинций. По их мнению, местная промышленность не представляла ценности и ее не следовало защищать. Вместо этого предлагалось всячески способствовать развитию внешней торговли через Буэнос-Айрес. Такой смысл имело заявление депутата Доррего: «У нас нет хорошей пристани, мы еще не оборудовали порта, а собираемся начать какое-то ненужное дело»²³.

С отставкой в июле 1827 г. Ривадавии и исчезновением общенациональных органов власти проблема выбора экономической политики – свободная торговля или протекционизм – не исчезла. В развернувшейся гражданской войне главнокомандующий вооруженными силами унитариев генерал Х.М. Пас, создавая для борьбы с федералистами Буэнос-Айреса Лигу внутренних провинций, объявил себя сторонником протекционистской торговой политики.

В свою очередь, губернатор Буэнос-Айреса Росас, готовясь к войне против Паса, постарался заручиться поддержкой прибреж-

²² Цит. по: Комаров К.В. Указ. соч. С. 99.

²³ Цит. по: Комаров К.В. Указ. соч. С. 100.

ных провинций. 20–30 июня 1830 г. в Санта-Фе собрались представители этих провинций – Х.М. Рохас и Патрон (Буэнос-Айрес), Д. Кульен (Санта-Фе), Д. Миранда (Энтре-Риос) и П. Ферре (Корриентес) с целью создания союза против Лиги внутренних провинций.

Совещание выявило серьезные разногласия между его участниками и касались они экономической основы создания национального государства.

Рохас и Патрон выступил с меморандумом, где утверждал, что интересы Буэнос-Айреса не находятся в противоречии с общенациональными. Он решительно отвергал два главных предложения своих оппонентов, сводившихся к требованию лишить Буэнос-Айрес права единолично распоряжаться доходами от таможни, и запретить импорт продукции, производимой в стране. По его мнению, оба эти предложения противоречили как общим интересам страны, так и отдельных провинций.

Монополия Буэнос-Айреса вытекала из особого положения провинции, имевшей общенациональные обязательства, на оплату которых и шли таможенные доходы. Это выплата внешнего долга, поддержание дипломатических отношений с другими странами, обеспечение безопасности побережья. Между тем из финансового анализа, сделанного Рохасом, следовало, что таможенных доходов едва хватает на выплату процентов по английскому займу²⁴. Не улучшит положение и открытие таможни в Санта-Фе. Это лишь увеличит контрабандную торговлю, поскольку «торговцы станут подпольно отправлять свои товары в Буэнос-Айрес, чтобы избежать уплаты пошлин»²⁵. Вывод Рохаса категоричен: поскольку провинции не способны помочь правительству Буэнос-Айреса в выплате долга, лучше не вводить новшеств, чтобы «все осталось как есть»²⁶.

Сохранение статус-кво диктовалось и «доводами высшего порядка», которые Рохас изложил следующим образом. «Если мы должны сформировать нацию, абсолютно необходимо в качестве ее базы создание национального богатства. И вы полагаете возможным, – спрашивал он оппонентов, – достичь этого путем рас-

²⁴ Memoria del brigadier general Pedro Ferre. Buenos Aires, 1921. P. 368.

²⁵ El pensamiento de los federales. Buenos Aires, 2009. P. 108.

²⁶ Ibidem.

пыления доходов?»²⁷ По существу Рохас исходил из очевидного для него факта, о котором он прямо не говорит, что экономическим ядром складывающейся нации может быть только Буэнос-Айрес.

Рохас полагал ошибочным как введение полной свободы торговли, так и жесткой протекционистской системы. Для него всякие крайности плохи. Тем не менее, он склонялся к либерализму. «Но в чем я убежден, так это в том, что когда большая часть страны располагает производством, которое с выгодой и без защиты использует рабочие руки и капиталы, его ограничение является препятствием для внешней торговли, поводом для жалоб в различных частях страны»²⁸.

Он сомневался в справедливости запрета импорта иностранных товаров, которых нет в стране или они низкого качества. Запретительная система приведет не к развитию национального рынка, а к его развалу. «Запрет, введенный как принцип, против ввоза иностранных товаров, скорее всего будет сигналом для экономической войны между самими провинциями. Санта-Фе не допустит древесины, хлопок, полотно из Корриентеса. Корриентес откажется покупать вино и водку из Сан-Хуана и Мендосы и фрукты из Парагвая»²⁹. Для Рохаса очевидны последствия этой войны: исчезновение товарного обмена ко всеобщему ущербу.

Но даже если провинции проявят патриотизм и постараются избежать этой войны, то стоит ли приносить в жертву их товарам, дорогим и некачественным, такую процветающую отрасль как скотоводство? Рохас видит в этом случае лишь потери, так как основой экономики прибрежных провинций является скотоводство, которое в силу природных условий и постоянно растущего внешнего спроса на его продукцию приносит огромную прибыль и без всякой таможенной защиты. Поголовье скота удваивается каждые три года и один этот факт, согласно Рохасу, объясняет все. «Если нужно еще подтверждение, посмотрите, как люди различных профессий оставляют свои старые занятия и начинают заниматься скотоводством, которое без всякой защиты, как только неба, дает им больше»³⁰.

²⁷ Ibidem

²⁸ Ibidem.

²⁹ Memoria del brigadier general Pedro Ferre. P. 369.

³⁰ El pensamiento de los federales. P. 110.

Рохас считал экономически неоправданным заставлять потребителей покупать дорого и в недостаточном количестве то, что они могут иметь дешево и в изобилии. Он обращал внимание на главную причину торгового дисбаланса: прибрежные провинции не имели продукции для продажи в Интериор. В свою очередь, внутренние провинции выступали лишь реэкспортерами поступавшего в страну импорта. Они еще в течение долгого времени не могли снабжать страну сахаром и водкой в необходимом количестве и по умеренной цене, так как не имели для этого в достаточном количестве рабочих и капиталов. «Продукты Гаваны и Бразилии, – заключал Рохас, – более дешевы, так как в них мы пьем кровь и слезы несчастных африканцев»³¹.

Запрет на импорт и дороговизна товаров лягут тяжелым бременем на большинство населения, что дискредитирует правительство, которое санкционирует эти ограничения. «По правде говоря, – продолжает Рохас, – правительства не создаются для того, чтобы приносить в жертву нынешние поколения будущим, а для того, чтобы заставить нынешние наслаждаться всем возможным счастьем и готовить прогресс для грядущих»³².

Рохаса беспокоили экономические последствия введения протекционистской системы. «За запретом и поднятием таможенных пошлин на иностранные товары последует сокращение внешней торговли, падение цен на кожи и другие товары экспорта и соответственно крах, разорение скотоводов Буэнос-Айреса, Энтре-Риос и других провинций, чья продукция уже экспортируется»³³.

Меморандум заканчивался следующим выводом: Аргентине не следует производить все, в чем нуждается страна, а как и всем цивилизованным нациям, ей следует участвовать в международном разделении труда³⁴.

Ферре не разделял позиции Рохаса и Патрона, приверженность последнего принципам экономического либерализма. В своем ответе на меморандум он подробно излагает причины, по которым действующая торговая система наносит ущерб стране. Для него неприемлемы ее главные основы: свободная конкуренция и приви-

³¹ Ibidem.

³² Ibid. P. 111.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. P. 112.

легированное положение порта Буэнос-Айреса в экспортно-импортной торговле.

Свободная торговля является настоящим бедствием для страны, поскольку «те немногие промышленные товары, которые производит наша страна, не могут выдержать конкуренции со стороны иностранной промышленности и исчезают»³⁵. Ее результатом станет увеличение разрыва между производством и потреблением, что приведет к росту дефицита торгового баланса и нищеты населения. Поэтому Ферре предлагает ввести полный запрет на импорт товаров, производимых в стране.

Другое зло – торговые привилегии Буэнос-Айреса. Само географическое положение города-порта на краю республики, у выхода в океан, делает невыгодным для провинций размещение здесь главного рынка. Для сокращения расходов на транспортировку товаров из внутренних провинций необходимо открыть другие, помимо Буэнос-Айреса, порты.

Вместе с тем Ферре далек от того, чтобы отрицать важное значение Буэнос-Айреса в экономической жизни страны. Он не выступает против сбора портовых таможенных пошлин в уплату внешнего долга, но «я бы хотел знать, сколько мы должны, чем располагаем, сколько платим, каков дефицит, сколько еще мы должны платить и что должны сделать, чтобы способствовать процветанию всех провинций республики, которые находятся в последней степени упадка»³⁶. Мысль Ферре ясна: необходим контроль над доходами порта и их использование на благо всей страны.

Отвергает он доводы Рохаса и против открытия порта в Санта-Фе. По мнению Ферре, открытие нового порта для внешней торговли не приведет к распылению таможенных доходов, а, напротив, их увеличит. «Открытие порта в Санта-Фе, только это уже сократит расходы на транспортировку товаров, которые импортируют и экспортируют провинции. Доходы не будут распылены, по крайней мере, это не то, что я предлагаю, но будут использованы на сугубо национальные расходы»³⁷.

Ферре не признает убедительной аргументацию Рохаса и Патрона против введения протекционистской системы. Да, соглаша-

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid. P. 113.

³⁷ Ibid. P. 114.

ется с Рохасом Ферре, в стране имеются отрасли сельского хозяйства, которые и без таможенной защиты приносят прибыль. «У нас есть провинции, к которым, возможно, это применимо. Но у нас есть и другие, чья продукция уже давно перестала быть прибыльной, но которые живут исключительно ей и не могут ее оставить, не потеряв вложенный капитал»³⁸. Но даже если бы у них и имелись средства, – продолжает Ферре, – природные условия не позволяют им заниматься ничем другим. В то же время в стране есть немало мест, пригодных для производства разнообразных продуктов и помимо скотоводства, «единственного занятия, которым нас хотят ограничить»³⁹. Тем не менее, и они не могут конкурировать с иностранной промышленностью. «И что же им делать? – спрашивает Ферре. – Одних обречь на смерть от нищеты, а других заставить развивать лишь одну из отраслей богатства, которым мы располагаем?»⁴⁰

Ферре согласен с Рохасом, что запрет импорта ударит по интересам состоятельной части населения, привыкшей потреблять изысканные, высококачественные товары. Но от этого выиграет большинство народа и страна в целом. «Наши селяне не будут носить английские пончо, мы не будем одеваться в одежду, сделанную за границей, которую мы можем сами пошить, но зато менее тяжелыми станут условия жизни целого народа и нас не будет преследовать мысль об ужасной нищете, на которую мы сегодня обречены»⁴¹. Ферре вновь подчеркивает, что он предлагает запретить лишь импорт товаров, которые производятся в стране.

Запретительные тарифы, по мнению Ферре, не приведут к экономической войне между провинциями. Находясь на одинаковом уровне развития, они просто не станут продавать однотипную продукцию соседям. А вот выигрыш от них очевиден: «Это сокращение того, что мы потребляем из-за границы, что очень важно, поскольку мы потребляем больше, чем производим. И главное, мы спасем народ и вызовем расцвет нарождающейся промышленности»⁴².

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid. P. 115.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid. P. 116.

Ферре выступает против превращения Аргентины в исключительно скотоводческую страну. Бесспорно, что богатство прибрежных провинций основывается на скотоводстве и в этой отрасли занято значительное количество людей. Но тысячи и тысячи других остаются без работы, хотя поголовье скота и удваивается каждые три года. Пройдут века, прежде чем скотоводство, теоретически, сможет обеспечить всех работой, но практически это невозможно, так как население также растет. И поэтому скотоводство, заключает Ферре, никогда не сможет быть исключительным занятием для всей страны. К тому же далеко не вся территория страны пригодна для пастбищ и нельзя пренебрегать интересами этой части населения. Страна располагает и другими источниками богатства. Поэтому, «каковы бы ни были выгоды, которые сулит скотоводство, почему бы нам не получать их и от других отраслей, если для этого есть соответствующие условия?»⁴³

В отличие от Рохаса, для которого рост числа занятых в скотоводстве являлся главным доказательством его нужности стране, Ферре делает из этого факта прямо противоположный вывод: людям не из чего выбирать; занятия, которые раньше обеспечивали им средства существования, нынче приносят лишь убытки.

Ферре не противник развития скотоводства. Предлагаемые им меры по защите национальной промышленности не принесут, по его мнению, вреда этой отрасли, поскольку ее продукция востребована на внешнем рынке, но введение протекционистской системы уменьшит дефицит торгового баланса. Последнему обстоятельству Ферре придает большое значение, так как это избавило бы страну от значительного внешнего долга, который «мы не имеем права взваливать на последующие поколения»⁴⁴.

В подтверждение своих доводов Ферре ссылается на пример стран, достигших высокого уровня промышленного развития и которым нечего опасаться свободной торговли. Но и они не пренебрегают запретительными мерами, если им это выгодно, заключает он.

Предложения Ферре не получили поддержки со стороны других провинций. Губернатор Санта-Фе С. Лопес, второй после Росаса по влиянию в стране, считал первоочередным вопросом политическую организацию страны, молчаливо соглашаясь с таможенной

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. P. 117.

монополией Буэнос-Айреса в обмен на получение от него ежегодных субсидий.

Несмотря на это Ферре, ставший губернатором Корриентеса, не отказался от своих планов. 24 октября 1832 г. он обратился с манифестом ко всем аргентинцам. В нем он утверждал, что аргентинская нация уже существует и необходимо ее конституировать на свободно избранном всеми провинциями Национальном конгрессе. Касаясь экономических вопросов, он вновь повторил, что необходимо ввести ограничения внешней торговли, если страна не хочет «постоянно быть факторией Старого света»⁴⁵.

Манифест Ферре появился вовремя. К этому времени закончилась гражданская война и все провинции присоединились к Федеральному пакту 1831 г., предусматривавшему созыв Национального конгресса, к которому должны были перейти вопросы внутренней и внешней торговли, судоходства, сбора и распределения таможенных доходов⁴⁶. Подписание Федерального пакта стало возможно благодаря уступкам со стороны Буэнос-Айреса. Росас согласился на образование Комиссии представителей (по одному от каждой провинции) с местопребыванием в Санта-Фе, которой предоставлялось право от имени союзных провинций объявлять войну и вести мирные переговоры⁴⁷.

Корриентес, при поддержке Кордовы, Санта-Фе и Энтре-Риос, попытался превратить Комиссию представителей в базу для созыва Национального конгресса. С этой целью представители Корриентеса и Кордовы в Комиссии М. Лейва и Х.Б. Марин обратились с личными письмами к губернаторам Катамарки и Жужуй Т. Акунье и Д.П. Ориуэле, чтобы побудить их как можно скорее прислать своих депутатов на планировавшийся конгресс.

В письмах содержалась резкая критика Буэнос-Айреса за противодействие созыву конгресса и указывались главные причины этого, которые, по мнению представителей, носили экономический характер. Во-первых, предлагавшаяся большинством провинций протекционистская торговая система наносила ущерб торговле Буэнос-Айреса с Европой. Во-вторых, с созданием общенационального правительства к нему перешли бы доходы от таможни, которыми Буэнос-Айрес до сих пор распоряжался единолично.

⁴⁵ Ibid. P. 139.

⁴⁶ RORA. Vol. II. N 2432. P. 279–280.

⁴⁷ Ibidem.

В письме Акунье Лейва рисует мрачную картину: расстроенная торговля, бесполезные реки, доходы в руках одной провинции. «Друг мой, ничего не значат мир и спокойствие, если промышленность, которая является обильным источником богатства, остается без защиты, если казна страны продолжает быть предметом спора между нацией и портеньос и наши порты пусты»⁴⁸. Лейва убежден, что только ограничение внешней торговли и защита промышленности могут привести к развитию национальной экономики. «А если нет, я вижу, как в недалеком будущем мы преклоним колена перед новыми хозяевами, возможно худшими, чем испанцы»⁴⁹.

В свою очередь Марин советует Акунье выработать общую позицию с провинциям Санта-Фе, Корриентес, Энтре-Риос и Кордова в отношении Буэнос-Айреса. «Не нужно слушать чарующий свист портеньос, которые постараются обмануть нас обещанием чудесного будущего. Мы не верим, что когда-нибудь Буэнос-Айрес даст нам нечто иное, чем кандалы и цепи нищеты вместо счастья, т.к. он удовлетворен нашей нищетой»⁵⁰.

В таком же духе он пишет Ориуэле. «Мы уже разуверились, родич, в том, что Буэнос-Айрес приготовил нам другую судьбу, более достойную, чем скотоводов и пастухов и что не иностранцы являются нашими хозяевами, чтобы существовать за счет крови жителей провинции»⁵¹.

Письма Лейвы и Марины стали известны Росасу и послужили ему в качестве предлога, чтобы добиться роспуска Комиссии представителей.

В письме губернатору Кордовы Х.В. Рейнафе Росас назвал письма Лейвы и Марина «постыдными», проповедующими анархические идеи, и оскорбительными для народа и правительства Буэнос-Айреса. Он не сомневался, что «губернатор Кордовы хорошо понимает всю опасность вероломного поведения своего представителя и извлечет из этого неприятного события полезный урок»⁵². В ответ Росасу Рейнафе не колеблясь осудил поведение своего представителя.

⁴⁸ Documentos para la historia argentina. T. I–XXIII. Buenos Aires, 1913–1956 ; T. XVII. P. 135.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid. P. 137.

⁵² Ibid. P. 147.

По-иному повел себя Ферре, который не только не отрекся от Лейвы, но заявил в письме Росасу, что тот выражает общие чувства всей страны. Вновь повторив, что обстоятельства благоприятствуют национальной организации и ее желают все провинции, Ферре отметил, что лишь «определенным группам людей в Буэнос-Айресе выгодна изоляция провинций из-за того влияния, которая оказывает на них заграница. За их исключением невозможно найти аргентинца, который бы не желал национальной организации»⁵³. Ферре призвал Росаса обратить внимание на «печальную участь ремесленников, влачивших жалкое существование, на земледельцев, которые из-за отсутствия защиты вынуждены потреблять иностранную пшеницу». «Доход, принадлежащий всей нации, является достоянием одной провинции Буэнос-Айрес»⁵⁴. В заключение Ферре проинформировал Росаса, что ему и остальным губернаторам он направил специальный циркуляр по этим вопросам.

В циркуляре, продолжая полемику со сторонниками свободной торговли, Ферре ссылается на опыт передовых европейских стран, которые в своем промышленном развитии прошли через этап протекционизма. «Напрасно некоторые состоятельные люди выступают против запрета импорта товаров, производимых в стране. Они не смогут назвать иные средства [кроме протекционистских – В.К.], которыми европейские народы покровительствовали бы совершенствованию своей промышленности, чьей продукцией они восхищаются. Если, как говорят некоторые, из-за низкого качества нашей продукции не стоит запрещать импорт, укажите, какая из цивилизованных стран не начинала с малого. Только Аргентина не последовала по этому пути, поскольку огромный запас металлических денег давал ей ранее достаточно средств для покрытия разницы между производством и потреблением. Но металлический запас израсходовал до конца вследствие свободной торговли».

«При таком положении вещей, уважаемый соотечественник, не будет ли лучше для страны устроить свои дела в соответствии с вышесказанным? Похоже, что огромное большинство в республике требует именно этого и, по-моему, это то, что нужно сделать, если мы не хотим позволить погибнуть целому народу, достойному лучшей участи»⁵⁵.

⁵³ Ibid. P. 156.

⁵⁴ Ibid. P. 157.

⁵⁵ Ibid. P. 164.

Никто в Интериоре не осмелился публично поддержать циркуляр Ферре. Напротив, его публикация в Буэнос-Айресе вызвала оживленную полемику. В то время как власти хранили молчание, пресса была единодушна в осуждении губернатора Корриентеса, предоставив свои страницы всем желающим опровергнуть аргументы Ферре.

По поводу предлагаемых губернатором Корриентеса протекционистских мер газета «Эль Космополита» писала, что ненависть Ферре к торговле с заграницей ставит его в один ряд с Фердинандом VII, которому такая позиция стоила потери колоний⁵⁶. Вместе с тем, по мнению газеты, обе системы имели как свои выгоды, так и недостатки. При свободной торговле население получает лучшие по качеству и цене товары, что приносит казне надежные и более высокие доходы, чем можно ожидать от местной промышленности, принимая во внимание незаселенность страны и сокращение состояний частных лиц⁵⁷.

Выгоды протекционистской системы ограничиваются развитием ряда отраслей хозяйства, но одновременно ей присущи два больших недостатка: она заставляет народ покупать очень дорого и запрет импорта препятствует прогрессу. В результате фактически устанавливается монополия, от которой выигрывает один класс общества, но проигрывают остальные, вынужденные покупать за 8 то, что можно приобретать за 4, и более высокого качества. «Пусть посмотрят Ферре и другие защитники протекционистской системы, – заключала газета, – справедливо ли терроризировать большинство потребителей, чтобы облагодетельствовать ремесленников и земледельцев». К тому же, по ее мнению, происходит деморализация торговли, так как «из протекционизма возникает контрабанда и коррупция»⁵⁸.

«Газета Меркантиль» отвергала утверждение Ферре о присвоении Буэнос-Айресом таможенных доходов, поскольку провинция тратит их на национальные цели и вся тяжесть налогов на импорт падает на ее жителей, являющихся главными потребителями иностранных товаров⁵⁹.

⁵⁶ Ibid. P. 187.

⁵⁷ Ibid. P. 188.

⁵⁸ Ibid. P. 189.

⁵⁹ Documentos para la historia integral argentina. T. 1–3. Buenos Aires, 1981 ; T. 2. P. 18.

Напротив, «Ун Портеньо» считала доходы от таможи исключительной собственностью Буэнос-Айреса в силу провозглашенного 25 мая 1810 г. принципа суверенитета и независимости всех провинций. Поэтому «Буэнос-Айрес один может пользоваться всем, что находится на его территории»⁶⁰.

«Газета Меркантиль» обращала внимание на противоречие идеи протекционизма основным принципам либерализма. «Опыт и ученые доказали, что промышленность страны развивается в соответствии с той свободой, которую ее жители имеют в выборе рода занятий и обмена своей деятельностью. Все, что ограничивает эту свободу, ведет не к увеличению, а к сокращению производства»⁶¹. Только индивидуальная свобода стимулирует трудолюбие и предприимчивость человека, который таким образом может улучшить свое положение. Когда же он лишен этого, никакие системы и законы не могут побудить его быть активным. «Достаточно одного взгляда, чтобы увидеть, что всякое вмешательство правительства в развитие промышленности будет иметь результаты прямо противоположные той цели, которая при этом преследуется»⁶². Вывод газеты: необходимо следовать естественному разделению труда. «Всякое искусственное средство, мешающее этому, удорожает продукты и, соответственно, противоречит общему благу или интересу потребителей, к которым относятся все индивиды нации»⁶³.

Введение протекционистской системы противоречит свободе конкуренции. «Правительство, которое запрещает ввоз иностранных промышленных товаров, устанавливает косвенную монополию в пользу тех, кто производит их в стране, и в ущерб национальным потребителям»⁶⁴. Запрет на импорт ведет к росту цен и нерациональному использованию труда и капитала.

Свобода торговли не убивает национальную промышленность, а, наоборот, способствует ее развитию, поскольку импорт иностранных товаров предполагает экспорт национальной продукции. «Если мы способствуем развитию иностранной промышленности, в такой же мере она формирует нашу. Мы не можем купить иностранные продукты без того, чтобы ранее не сделать в обмен за

⁶⁰ Documentos para la historia argentina. T. XVII. P. 226.

⁶¹ Documentos para la historia integral argentina. T. 2. P. 18.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem.

них свои». «Ошибочно думать, что национальная промышленность получит большее развитие, если мы не будем покупать иностранную продукцию». Она складывается в результате широкой торговли с границей, а не путем ее запрета. «То, в чем нуждается нация для увеличения производства, так это в использовании капитала и труда в тех отраслях, чья продукция более соответствует почве, климату и занятиям ее жителей, и в неиспользовании их в тех отраслях, чью продукцию, более дешевую и лучшего качества, можно приобрести за границей»⁶⁵.

«Эль Телеграфо дель Комерсио» подходила к проблеме с другой стороны. Газета считала недостаточным принятие законов в защиту национальной промышленности без правительственных мер по развитию образования, культуры и науки. Развитие промышленности необходимо начинать с обучения ремесленников пользоваться новыми методами производства и машинами. «Для чего нам нужна независимость, если уже в нашем детстве мы считали врагами тех, кто может способствовать пробуждению в нас вкуса к работе, к современным открытиям в науке и ремеслах и развитию драгоценных ростков богатства, все еще скрытого в нашей стране»⁶⁶.

Со своей стороны, «Эль Лусеро» утверждала, что экономическая доктрина, предложенная Ферре, с неизбежностью приведет к краху, а не к процветанию народ, который ее примет, что примеру Корриентеса не должно следовать ни одно просвещенное правительство, поскольку это продолжение испанского колониального режима⁶⁷.

Более подробно к этому вопросу газета вернулась в статье «Политическая экономия. Система запретов». Предметом анализа стали три возможных пути экономического развития страны: 1. Введение протекционистской системы для создания промышленности, которой не было в стране. 2. Содействие уже сложившейся, получившей высокое развитие промышленности, под которой подразумевалось скотоводство. 3. Помощь среднеразвитой промышленности.

По мнению газеты, для страны неприемлем первый путь развития. Нельзя искусственно создать промышленность, так как в

⁶⁵ Ibid. P. 20.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Documentos para la historia argentina. T. XVII. P. 213.

стране отсутствуют необходимые для этого элементы. «Нам не хватает главного: населения». «Отсутствует, таким образом, первоначальный материал для настоящей промышленности, каким являются люди. Бесполезно говорить о всех других, которых у нас также нет»⁶⁸.

В свою очередь, высокоразвитая промышленность не нуждается в защите, так как низкая стоимость продукции делает ее конкурентоспособной на мировом рынке. «Нет правительства и человеческой силы, которые могли бы нарушить этот порядок». Более того, к Аргентине неуместно применять слово «зависеть», «потому что оно предполагает низкое положение страны, которого здесь нет. Спекулянт зависит от нас, также как мы зависим от него. Очень обманываются те, кто считает, что национальные чувства страдают от этого»⁶⁹.

Газета ссылалась на пример промышленно развитых стран, которые в своем развитии прошли этап импорта промышленных товаров. «Также как Англия, до бельгийской эмиграции, зависела от других стран в потреблении шерстяных тканей, так и мы будем зависеть от наций, производящих товары, в которых мы нуждаемся, до тех пор, пока в силу обстоятельств, которых нам не дано предвидеть, мы сами не будем их производить». Этот раздел статьи заключался следующим выводом: «Если промышленные товары производятся дома в достаточном количестве, чтобы удовлетворить спрос, и с достаточной экономией, чтобы получить преимущество перед иностранными, не стоит воздвигать барьеры на пути их импорта»⁷⁰.

По-иному обстояло дело со среднеразвитой промышленностью, которая нуждалась в защите. Она была единственная, которой на пользу могли пойти протекционистские пошлины. Но и в этом случае не стоило вводить запрет на импорт, а сочетать интересы потребителей и производителей, и с этой целью установить гибкую шкалу пошлин, учитывавшей потребности различных производителей⁷¹.

Газетная кампания в Буэнос-Айресе вызвала публикацию в Корриентесе двух брошюр, содержащих, помимо уже известных

⁶⁸ Documentos para la historia integral argentina. T. 2. P. 22.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

документов, заявление Лейвы и ответ «Эль Лусеро» по поводу ее «фальшивых и опасных взглядов» на национальную организацию.

Лейва, повторив ранее высказанные аргументы в пользу организации страны на принципах федерализма, прямо указывал на Буэнос-Айрес как на ее главного противника. Его противодействие национальной организации носило, прежде всего, экономический характер. С принятием конституции и созданием национальных органов власти провинции утрачивали все свои привилегии. Поэтому Буэнос-Айрес противится ограничению внешней торговли не потому, что не знает ее выгод, а потому, что не хочет развития национальной промышленности. Будучи единственным хранилищем национальной казны, он сопротивляется открытию других портов, чтобы остальные провинции, обреченные на нищету, зависели от него и не могли из нее выйти из-за отсутствия ресурсов⁷².

Лейва решительно не принимает провозглашенный «Эль Лусеро» принцип суверенитета и независимости провинций и отвергает основанное на нем право Буэнос-Айреса единолично распоряжаться таможенными доходами. Применение на практике этого принципа, по справедливому замечанию Лейвы, привело бы к исчезновению с карты мира аргентинской нации. «И эти сеньоры и их единомышленники будут все еще повторять, что противники их взглядов не федералисты, а эгоисты, анархисты и посланники короля Фердинанда? Но Вы низко ошибаетесь. Вы, да, не являетесь федералистами, потому что сопротивляетесь конституционной организации страны на принципах федерализма. Вы настоящие эгоисты, потому что стремитесь возвеличить лишь одну провинцию. Вы анархисты, потому что проповедуете идеи анархии и раздора»⁷³.

Во второй брошюре подводились итоги дискуссии и в обобщенном виде излагались идеи Ферре и его сторонников о путях развития страны.

Прежде всего, необходимо было завершить национальную организацию на принципах федерализма, созвав для этой цели учредительный конгресс. Свобода и независимость провинций не имеют абсолютного характера. Нация для сохранения своей целостности и безопасности вправе их ограничивать.

⁷² Ibid. P. 24.

⁷³ Ibid. P. 25.

Протекционистская система полезна и необходима для развития национальной промышленности. Нация имеет на это право и будет его лишена, если позволит превратить народ в «ленивых потребителей» всего иностранного.

После свержения власти испанской короны казна и все доходы (находившиеся в Буэнос-Айресе – В.К.) стали национальной собственностью. Отрицать за нацией права или власть и распоряжаться «есть наиболее глупое незнание публичного права», которое Буэнос-Айрес не может не признавать без ущерба для собственных интересов⁷⁴.

К 1834 г. полемика прекратилась, но не исчезли проблемы, ее породившие.

Система свободной торговли вела к экономическому подчинению провинций Буэнос-Айресу. В его руках таможенные тарифы стали оружием управления экономикой всей страны. При их помощи можно было защитить определенную отрасль промышленности или наоборот, ликвидировать ее. Все зависело от Буэнос-Айреса, который единолично распоряжался таможенной, не консультируясь с провинциями о размерах пошлин и не делясь с ними полученными доходами.

Вместе с тем политика свободной торговли стала подвергаться критике не только в провинциях, но и в самом Буэнос-Айресе, вызвав разногласия в рядах федералистов. Земледельцы и ремесленники начали требовать защиты национального производства от иностранной конкуренции. Так, башмачники Буэнос-Айреса обратились к властям с петицией, где просили запретить импорт обуви: «Мы не можем воспроизводить зарубежные методы производства. Мы также не можем конкурировать с иностранными товарами без угрозы немедленного разорения, поскольку лишены всего необходимого, что могло бы сократить стоимость нашего производства»⁷⁵.

В свою очередь, шляпники требовали покончить с таким положением, когда все сырье уходит за границу, и они не в состоянии продолжать работу. Они обращали внимание на опыт Англии и Франции, которые не разрешали вывоз сырья и запрещали импорт товаров, сделанных из него. Еще более показателен, по их мнению, был опыт США. Когда они столкнулись с сильной конкуренцией

⁷⁴ Ibid. P. 30–32.

⁷⁵ Burgin M. Op. cit. P. 263.

более качественных и дешевых импортных товаров, правительство США не стало проводить политику свободной торговли, обрекая тем самым производство своей страны на исчезновение во имя того, чтобы ее жители пользовались выгодами потребления высококачественной зарубежной продукции. Оно предпочло этим временным выгодам помощь своим производителям. Это касалось не только производства шляп, но и других отраслей промышленности, которые в США благодаря протекционистской системе достигли высокого уровня развития. «И граждане этой республики имеют удовольствие и выгоду одеваться во все то, что они сами производят, тогда как всего лишь 15–20 лет назад все это привозилось из Европы»⁷⁶.

Часть федералистов, выразивших интересы этих социальных групп, стала требовать таможенной защиты национального производства. В 1832–1835 гг. в легислатуре Буэнос-Айреса это течение представлял депутат Бальдомиро Гарсия. В 1835 г. при обсуждении новых таможенных пошлин борьба достигла кульминации, когда ряд депутатов настаивал на принятии мер по защите земледелия и промышленности.

Протекционистское движение стало отражением роста враждебных чувств по отношению к иностранцам в целом. Защита национального производства сопровождалась требованиями об обязательном использовании труда аргентинцев на создаваемых иностранцами предприятиях и запрете иностранцам заниматься профессиями мясника, поильщика скота и ряда других.

Правительство Росаса не могло игнорировать эти требования без риска утратить поддержку со стороны средних слоев Буэнос-Айреса и 18 декабря 1835 г. пошло на принятие закона о таможене. Новый закон носил протекционистский характер и преследовал цель оказать помощь развитию земледелия и нарождавшейся промышленности, сделать политику Росаса более привлекательной для провинций, путем учета их интересов.

Сам Росас в послании легислатуре заявил, что закон преследовал цель помочь среднему классу, который из-за нехватки капиталов не может заниматься скотоводством, в то время как дешевизна иностранных товаров закрывает ему иные сферы деятельности⁷⁷.

⁷⁶ Documentos para la historia integral argentina. T. 2. P. 23.

⁷⁷ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires 1822–1849. T. I–II. Buenos Aires, 1976. T. I. P. 95.

Более подробно о мотивах, побудивших его принять этот закон, Росас поведал в письме С. Лопесу. «Есть вещи, которые на первый взгляд кажутся простыми и ясными, но не являются таковыми, если рассматривать их со всех сторон... благо и процветание Республики Конфедерации является целью, которую я себе поставил, не пренебрегая из-за этого частным благом провинции Буэнос-Айрес, с которой у меня обязательства столь же огромные, сколь велико доверие, которым она меня почтила». «Исходя из этого, я обнародовал закон о таможене...»⁷⁸

Из этого письма ясно, что Росас намеревался достигнуть единства Аргентинской конфедерации, опираясь на провинцию Буэнос-Айрес как ядро, которая в силу своего экономического положения и лучших условий была в состоянии объединить провинции.

Принятие закона благотворно сказалось на экономическом положении страны. В соответствии с ним ликвидировались сухопутные таможи, препятствовавшие торговле Буэнос-Айреса с остальными провинциями, поскольку практически все товары из провинций в Буэнос-Айрес и обратно освобождались от уплаты пошлин. При морской торговле от уплаты пошлин освобождались продукты скотоводства, если они перевозились на аргентинских судах; другие экспортные товары должны были уплачивать 4% пошлину. Но главная часть закона касалась импорта морем. Свободно могли поступать в страну металлические изделия и скотоводческие товары. Остальные облагались от 5% до 50% пошлиной. Запрещался импорт изделий из жести и латуни, подковы, колеса для повозок, колодки для шляп и обуви, бахромы для пончо и шерстяной ткани, подпруги, лассо, кнуты, а также овощи. Импорт пшеницы и муки разрешался, если только стоимость 1 фанеги* пшеницы достигала 50 песо⁷⁹.

В определенной мере Росас учел предложения Ферре по защите национального производства. Закон стал отходом от политики свободной торговли и вызвал энтузиазм среди различных групп населения: от земледельцев до ремесленников, чьи изделия не испытывали теперь конкуренции. Он также благоприятствовал экономике внутренних провинций. Мендоса вновь смогла вывозить свое вино в Буэнос-Айрес; Кордова – текстиль; Тукуман – повозки,

⁷⁸ Bonura E. El « sistema » económico de Rosas. Buenos Aires, 1982. P. 25–26.

* Фанега равна 55 л.

⁷⁹ RORA. T. II. N 2690. P. 359–361.

востребованные из-за роста Межпровинциальной торговли. В то же время принятие закона способствовало централизации торговли в Буэнос-Айресе. Так, он предусматривал возвращение указанной пошлины всякому, кто перегружал товары в Буэнос-Айресе для отправки их в Литораль.

Все эти благотворные перемены позволили Росасу в послании легислатуре в 1837 г. отметить, что «изменение таможенного закона в пользу земледелия и промышленности начали приносить хорошие плоды»⁸⁰.

Последовавшая в 1838 г. французская блокада и война не позволили вернуться к закону 1835 г.

⁸⁰ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. P. 113.

А.А. Щелчков

Предшественник перуанского социализма Хуан Бустаманте

Имя Хуана Бустаманте хорошо известно историкам Перу по восстанию индейцев 1867 г., но до сих пор они не часто обращали внимание на тот факт, что он был первым латиноамериканцем, оставившем любопытные путевые заметки о нашей стране. Первым испаноамериканцем, посетившем Россию в царствование Екатерины II и оставившем дневник всего путешествия, был венесуэлец, герой Войны за независимость Франсиско Миранда. Однако бумаги Миранды увидели свет лишь в 30-е годы XX века, и работа Бустаманте была первой опубликованной и доступной читателю книгой, где мы можем найти взгляд южноамериканца на русскую жизнь. России же, где широкий читатель сегодня зачитывается воспоминаниями о путешествиях в нашу страну маркиза А. де Кюстина или Ф. Ансело¹, совершенно незнакомо сочинение любознательного и пытливого умом перуанца. Между тем, Бустаманте оставил сочинение, в котором высказал суждения, чрезвычайно отличающиеся от оценок французских путешественников². Нам, с обостренным чувством ревности воспринимающим всякие суждения иностранцев о России и русских, будет весьма приятно и неожиданно обнаружить самые лестные оценки, как страны, так и её народа, особенно в сравнении с его западноевропейскими впечатлениями.

Нам представляется чрезвычайно важным исследование этой темы, так как она дает в более полном виде «образ других» через восприятие нашей собственной действительности. У нас, в СССР, в России преобладает интерес исследователей к заметкам русских путешественников и писателей о далеких странах, к описаниям Южной Америки редкими мореплавателями и дипломатами, побывавшими там (Матюшкин, Литке, Коцебу, Врангель, Ионин и другие). Вместе с тем, полностью отсутствуют исследования взгляда на Россию «с другой стороны», что является каким-то европоцен-

¹ Кюстин А. де, Россия в 1839 г. М., 1996; Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001.

² Автор статьи опубликовал перевод заметок Х. Бустаманте о России в журнале «Латинская Америка» – см. Латинская Америка. №4. 2009. С. 66 – 79.

тристским и «колониалистским» анахронизмом. Через образ нашей страны глазами латиноамериканцев, через их реакцию на наши реалии более ярко вырисовываются их особенности восприятия мира и своей собственной социальной действительности.

Хуан Бустаманте

Хуан Бустаманте является выдающимся перуанским политическим деятелем XIX века, человеком с уникальной биографией и неординарными поступками. Он родился в 1808 г. в Вильке, недалеко от Пуно, на перуанском Альтиплано. Его отцом был богатый креол из Арекипы, а мать происходила из могущественной семьи латифундистов Вильке, приписывавшей себе родство с Инками, и даже с Тупак Амару, что, возможно, является лишь частью позднее возникшей легенды. Бустаманте получил приличествующее его статусу образование, рано включился в политическую жизнь как один из лидеров креольской элиты провинции. В последние годы Войны за независимость юноша Бустаманте рвался присоединиться к войскам патриотов, а сразу после победы вступил в креоль-

ское ополчение³.

После бурных лет Войны за независимость Бустаманте занялся восстановлением пошатнувшихся дел семьи, являвшейся крупным землевладельцем и торговцем на юге Перу, в Пуно. Бустаманте стал процветающим коммерсантом, торговавшим шерстью. Это было время, когда резко вырос спрос на шерсть альпаки и овец, которую вывозили также за рубеж, и коммерческие дела Бустаманте были на подъеме. В качестве торговца он много путешествовал по провинциям Перу. В те годы в Пукаре, Вильке существовали крупнейшие ярмарки, куда съезжались коммерсанты со всего Перу и соседней Боливии.

Знакомство с новыми людьми, местами и обстоятельствами привлекало молодого Бустаманте, в котором проснулась страсть к путешествиям. Как писал он сам, «с самого раннего детства мною овладела страсть к путешествию, к познанию мира, который предстояло пройти от края до края, чтобы увидеть и познать привычки и обычаи стольких разных народов земли... От этой страсти я так и не смог вылечиться»⁴.

В 1839 г. Бустаманте был избран депутатом Конгресса от провинции Лампа. На политическом поприще он проявил себя реформатором и либералом. Он сам так оценивал свою деятельность в Конгрессе: «Я начал свою парламентскую карьеру с требований реформ... Мне принадлежало авторство проектов законов о выборах епископов, о создании бесплатных школ во всех округах страны, о строительстве дорог в самые удаленные районы республики». Работая в Конгрессе, Бустаманте быстро убедился в неэффективности политической деятельности и навсегда разочаровался в ней. Он писал: «Что касается законотворческих задач, наша парламентская система полна пороков и даже вредна, ничто не может оправдать ее существование без радикальной реформы»⁵. Он воочию увидел в Конгрессе лишь политиканство и торжество эгоистических, частных интересов при полнейшем равнодушии к реальным проблемам страны.

Бустаманте был человеком действия и предпочитал сильную, но патриотически и социально ориентированную власть. Отсюда его последующая поддержка революционных каудильо, таких как

³ Calsín Anco R. Bustamante el Precursor. Juliaca, 2008. P. 47.

⁴ Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles, políticas y religiosas con las noticias adquiridas en este segundo viaje a la Europa. Paris, 1849. P. 1.

⁵ Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles. P. 134 – 136.

Рамон Кастилья, его собственные революционные акции и даже восторг от «эффективности» и справедливости русского самодержавия, о чем будет сказано отдельно. Склонность Бустаманте к патерналистской и авторитарной, но справедливой власти проявилась уже в этот период. Он был активным сторонником Андреса де Санта-Круса, создателя Перуанско-боливийской конфедерации. Бустаманте писал о нем: «Генерал Андрес де Санта-Крус является единственным достойным деятелем, которых знали Перу и Боливия... Санта-Крус всегда руководствовался лишь желанием прилагать все усилия для достижения величия и славы перуанского и боливийского государств. Свергнув правительство Санта-Круса, мы утратили даже право называться независимым народом»⁶.

Деятельность депутата мало привлекала Бустаманте, и он стал искать иного применения своих сил и талантов. Являясь наследником огромного состояния, он мог позволить себе осуществление мечты своей молодости – познать мир, посетить Старый Свет, Европу и Азию. Перед путешествием он должен был урегулировать некоторые дела дома, и в 1840 г. вернулся в Пуно, где шла перуанско-боливийская война, когда Перу ввело войска на территорию Боливии и оккупировало Ла-Пас, надеясь аннексировать эту часть соседней страны. В битве при Ингави в 1841 г. боливийцам удалось одержать верх над перуанскими войсками и даже оккупировать Пуно. Бустаманте включился в борьбу с иностранными войсками, лично финансировал создание партизанских отрядов, сам участвовал в боевых столкновениях⁷. В результате гражданского сопротивления Боливия была вынуждена эвакуировать свои войска из Пуно.

Бустаманте продал часть и раздал земли одного своего поместья индейцам-колонам. Его мало интересовало богатство, а влекли новые земли и впечатления⁸. За четыре года путешествий ему удалось объехать полсвета. Он побывал в Картахене (Новая Гранада), на Ямайке, Кубе, в США, затем переехал в Европу, где жил в Англии и во Франции. Проехался по таким странам как Испания, Италия, Австрийская империя. Затем он перебрался на восток, на Балканы, Грецию, Турцию, посетил святые места в Палестине. В Риме Бустаманте удостоился специальной аудиенции папы Григория XVI, а в Иерусалиме его посвятили в рыцари Гроба Господня.

⁶ Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles. P. 145 – 147.

⁷ Calsín Anco R. Op.cit., P. 51.

⁸ Vasquez E. La rebelión de Juan Bustamante. Lima, 1976. P. 47.

Далее его путь лежал в Египет, Аравию, Индию, Сингапур и Китай. Из Гонконга отплыл домой и через Вальпараисо, Чили, в 1844 г. он вернулся в Перу. Пожалуй, такого маршрута не было ни у одного известного тогда путешественника из Южной Америки. В 1845 г. в Лиме он опубликовал свои первые путевые заметки, в один год выдержавшие два издания⁹. Помимо Д.Ф.Сармьенто Бустаманте был единственным путешественником писателем-латиноамериканцем, посетившим Старый свет и опубликовавшим свои заметки в первой половине XIX в.

Путешествие в Россию

По возвращении на родину Бустаманте вновь включился в политическую борьбу. В 1845 г. он был избран депутатом Конгресса от провинции Лампа. Однако он не смог долго оставаться дома, его вновь одолела страсть к перемене мест. В Перу его уже называли на кечуа «Mundo Purikuj», то есть «обошедший весь мир». В 1848 г. он вновь отправился в Старый свет. Его путь лежал по знакомым уже Англии и Франции, а затем через Голландию, Германию, Данию, Швецию Бустаманте добрался до России. После посещения Москвы и Петербурга, через Польшу он вернулся во Францию. Это путешествие было насыщено яркими событиями и незабываемыми впечатлениями. В Париже в 1848 г. он стал свидетелем июньского восстания пролетариата. Результатом этого путешествия стала его книга, повествующая обо всех его встречах и впечатлениях. Именно в этой книге он описал Москву и Петербург, русские обычаи и порядки. Его уникальные впечатления и рассуждения достойны упоминания, и представляется уместным в данной статье обильное цитирование его книги, что даст возможность из первых рук познакомиться с этим оригинальным мыслителем.

В Россию он попал с большими трудностями. Российская империя не признавала южноамериканских республик, и Бустаманте стоило большого труда выправить документы для въезда. После поездки по Швеции, в Любеке его доверенные лица с радостью сообщили ему, что русское консульство разрешило посещение Российской империи и выдало ему соответствующий пропуск¹⁰. Энту-

⁹ Bustamante J. Viaje al viejo mundo, por el peruano Juan Bustamante, natural del departamento de Puno. Lo dedica a sus compatriotas. Lima, 1845.

¹⁰ Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles. P. 420.

зиазм Бустаманте был велик, ибо он уже потерял надежду получить это разрешение. На самом деле, случай действительно был исключительным. Нам известен рассказ чилийца Висенте Переса Росалеса, выполнявшего важную миссию по привлечению в Чили европейских эмигрантов, о том, как он безуспешно запрашивал консульство России о разрешении посетить страну и всякий раз получал отказ ввиду непризнания южноамериканских республик царским правительством¹¹. Бустаманте повезло больше. Однако его радость омрачали рассказы немцев, посетивших Россию и пугавшие его самыми невероятными историями и описаниями нравов русских. Да и сам перуанец отмечал, что вид тех поданных русского царя, которых он наблюдал в порту Гамбурга, навевал мрачные мысли. Матросы и солдаты с русских судов были всегда мертвецки пьяны, а выражение их лиц «говорило о покорности и смирении рабов». Бустаманте переборол свой страх, с благодарностью выслушав все предостерегающие советы о поведении иностранца в России¹².

По пути в Петербург его опасения постепенно рассеялись. Его спутниками были русские путешественники, возвращавшиеся домой. Они с большой теплотой и любовью рассказывали ему о своей родине и ее столицах. На Бустаманте произвела большое впечатление та радость, с которой они встретили первые острова на Балтике, принадлежавшие России¹³. Однако, страх перед строгостями доступа в эту страну его полностью не покинул.

В Петербург он прибыл с 4 паспортами (один из них на русском и немецком языках до сего дня как реликвию хранят его потомки)¹⁴. Первый контакт Бустаманте с российской действительностью не предвещал ничего хорошего. В порту Бустаманте столкнулся с многочасовой и многоэтапной проверкой русскими чиновниками, вызвавшими у него немалое удивление. Он, как и маркиз де Кюстин, посвятил немало иронических строк описанию невероятно длительной и казавшейся бессмысленной процедуры пограничного и таможенного контроля в Кронштадте. Хотелось бы предоставить слово самому Бустаманте, прекрасно описавшего это

¹¹ Pérez Rosales V. Recuerdos del pasado, 1814 – 1860. Santiago de Chile, 1886. P. 422 – 423.

¹² Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles. P. 426.

¹³ Bustamante J. Apuntes y observaciones civiles. P. 433 – 435.

¹⁴ Bustamante J.A. El peruano Juana Bustamante. Primer viajero sudamericano alrededor del Mundo. Precursor del socialismo peruano, luchó por la raza aborigen hasta la muerte, resumen de su labor. Lima, 1975. P. 13.

действие:

«Как только мы причалили к этому замечательному месту, наш корабль наполнился русскими чиновниками, которые тут же организовали три стола, ставших тремя учреждениями или министерствами, готовыми подробно описывать все, обложившись множеством книг или регистрационных журналов и разных инструментов, предназначенных для подробной и суровой инспекции всего того, что находилось внутри парохода. Сначала началась работа за столом, где проверялись личность и происхождение пассажиров, а мы все должны были смиренно рассказывать о себе, называя своё имя, возраст, профессию, в каком качестве прибыли и откуда, не забыв упомянуть о вероисповедании каждого из нас, и прочие бесчисленные подробности, которые ранее я всегда считал незначительными и недостойными внимания.... Я сказал им, что прибыл из Лимы, чтобы потом не запутаться и не вызвать подозрений. Ваша профессия? – спрашивал меня русский чиновник.- Капиталист¹⁵. С какой целью прибыли в империю? – Это единственная страна Европы, где я не был, моей целью было познакомиться с ней. Ваш возраст? – Сорок лет. – Ваше вероисповедание? – Католик. – Сколько времени Вы рассчитываете находиться в России? – Два месяца... Этот праздник допросов длился более двух с половиной часов, в течение которых все пассажиры должны были тупо переходить от стола к столу... Когда мы высадились на берег, для нас вновь начались придирки властей: мы должны были вручить свои правильно выправленные паспорта хозяевам гостиниц, которые мы выбрали, а они в свою очередь отнести их в полицию. По прибытии надо было пройти тщательный таможенный осмотр, то есть еще целый круг мытарств, прежде чем получить возможность пользоваться своими собственными вещами»¹⁶.

Несмотря на столь негативное начало посещения столицы страны, автор отметил как удивительное и замечательное явление тот факт, что русские чиновники решительно отказались от подношений и даже угощений, предложенных им капитаном корабля. Он с похвалой к русским сравнил это поведение с перуанскими чиновниками: «Не могу промолчать о подобной ситуации в перуанских портах с нашими чиновниками. Они не удовлетворяются подношениями пищи и напитков, которые им предлагает капитан,

¹⁵ Так тогда называли любого обладателя капитала, рантье.

¹⁶ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 437 – 460.

а уносят с собой без всякого страха большие подношения»¹⁷. Неожиданное наблюдение для русского читателя, воспитанных на убеждении о чиновничьей продажности николаевского времени, воспринятого из русской классической литературы от Гоголя до Салтыкова-Щедрина.

Однако, после прохода по Неве в Санкт-Петербург, произведший на него неизгладимое впечатление своей потрясающей градостроительной панорамой, тональность записок меняется. Всё или почти всё вызывало восторг и одобрение. Первые впечатления от российской столицы буквально были полны восхищения: «В восемь утра мы вошли в русло знаменитой Невы, наблюдая пока издали смутные очертания двух берегов славной столицы, созданной Петром Великим в 1703 г. Перехватывало дыхание от грандиозного вида множества золоченых куполов, блестящих словно застывшие языки пламени из чистого золота. Особо среди них выделялся купол Исаакиевского собора. Какой протрясающий вид города при входе в устье реки! Боже мой! Это настолько впечатляюще и величественно, что даже дух и плоть замирают от такого сильного потрясения. Такие живые эмоции может пережить только человек, достаточно путешествовавший и много видевший, что позволяет ему сравнивать разные места мира. Этот восторг является наградой за лишения, на которые человек идет ради этой главной страсти путешественника»¹⁸.

В Петербурге Бустаманте с рекомендательным письмом от голландской конторы коммерсанта Кемпена пришел к Генриху Шлиману¹⁹, который стал его персональным гидом в российской столице. Они подружились и проводили много времени вместе. Бустаманте писал: «У Шлимана был особенный талант, он говорил на восьми языках, в совершенстве на пяти, по-английски, по-французски, по-голландски, по-русски, по-немецки, а на трех, по-итальянски, по-испански и по-португальски не так свободно, но говорил и писал на них достаточно хорошо, чтобы быть понятым без затруднений и ошибок в интерпретации мысли. Этому господину я обязан массой услуг, которые никогда не забуду. Ему не

¹⁷ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 439.

¹⁸ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 441 - 442.

¹⁹ Генрих Шлиман (1822 – 1890) – знаменитый открыватель Трои и сокровищ Приама. В 1841 – 1846 гг. работал в торговой фирме в Амстердаме, где и был знаком с Кемпеном. В 1846 г. уехал в Россию и первоначально был представителем голландской фирмы Кемпена, но вскоре основал свой торговый дом в Петербурге, где жил до 1850 г.

представлялось затруднительным ежедневно заходить ко мне в гостиницу, чтобы сопровождать в моем знакомстве с самыми выдающимися достопримечательностями города. Он ввел меня в клубы, в которых состоял сам»²⁰.

Среди достопримечательностей русской столицы Бустаманте, будучи коммерсантом, особое внимание обратил на Биржу и в целом на торговлю в этом огромном городе. Он писал: «Много раз была у меня возможность наслаждаться видом этого шедевра современной архитектуры. Биржа открывалась в три часа дня, и торги длились до пяти, а вечером дела велись в более спокойной обстановке. Около тысячи коммерсантов участвуют в игре на бирже. Они занимают следующую за знатью ступеньку в обществе, на биржу нет доступа простонародью, как это принято в других странах. В этом здании бесконечное число магазинов, расположенных в виде пассажа. Много торговых мест на первом и втором этажах не заняты, пустуют. Однако следует признать, что это самый замечательный торговый пассаж во всей Европе. Его посещают самые знатные люди, а в праздничные дни по нему едва удастся продвигаться из-за огромного количества публики». Бустаманте замечал, что многие магазины не окупают даже аренду помещений в здании той же биржи, из-за дороговизны такая цивилизованная торговля не выдерживает конкуренции с уличной. «Дело в том, - пишет Бустаманте, - что русские женщины предпочитают делать покупки на базаре, в темных и тесных палатках торговцев»²¹.

Как и сегодняшние туристы в Петербурге, Бустаманте посетил балет в императорском театре. Тогда русскую столицу покоряла великая Фанни Эйслер. Кроме балета Бустаманте посетил французский театр. Он отмечал огромный интерес общества к театральной жизни и пророчески замечал, что «подметил достойное похвалы и многообещающее стремление русских» перенять все замечательное и высококлассное в искусствах, особенно в театре, что «приведет искусства и просвещение в этой стране к самому блестящему состоянию». Бустаманте отмечал, что в области искусств русские не останавливаются перед огромными расходами и готовы любыми средствами привлекать таланты в свою страну²².

В Петербурге Бустаманте познакомился с посланником испанского двора, безуспешно добивавшегося признания русским пра-

²⁰ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 457 – 458.

²¹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 464.

²² Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 525.

вительством королевы Изабеллы II²³. Бустаманте с иронией описывает мытарства испанца, безуспешно искавшего аудиенции у императора, уловки русской дипломатии, затягивавшей ответ за запрос Испании о признании. Бустаманте казалась нелепой позиция русского двора, отказывавшего видеть и признавать какие-либо изменения в политической ситуации в Европе, даже те, что могли рассматриваться вполне легитимистскими. Перуанец оказался в России в год великих потрясений в Европе, во время европейской революции 1848 г. Он подметил патологический страх российского правительства перед любыми новшествами и политическими потрясениями. Испанцев заверяли в симпатии, но откладывали признание их новой королевы до той поры, когда в Европе наступит умиротворение. В конце этой истории, так и не имевшей положительного разрешения для испанского просителя, Бустаманте приводит русскую пословицу «Бог высоко, а царь далеко»²⁴.

Бустаманте решительно не понимал этой русской поговорки, ибо повсюду встречал царя на улицах города. Николай I казался ему очень симпатичным и открытым монархом. Он писал: «Николая по сравнению с другими монархами чаще всего можно увидеть на публике. Я сам дважды встречал его на Невском проспекте, когда он проезжал в небольшой коляске, запряженной двумя лошадьми безо всякого сопровождения, лишь с кучером и лакеем на козлах. Его мундир был небогат, и не отличался от обычного капитана в отставке. Он был в серой шинели, а на голове была надета драгунская каска. Никогда бы не догадался, что этот скромный человек и есть августейший император всея Руси, если бы сопровождавший меня Генрих [Шлиман – А.Щ.] не сказал: вон едет Николай... там едет царь... Какой мужественный и интересный тип человека! Какая бесстрашная природа и широта! Другой раз я видел его на Марсовом поле, более известном как Царев луг. Это самая большая площадь из всех 35 или 40 петербургских площадей, не считая торговых. Это военная площадь, равной которой нет в Европе: на ней одновременно могут маршировать 40.000 человек, а её поверхность ровная как ладонь руки. В тот день Николай присутствовал на смотре 22.000 солдат. Об этом заранее за два дня оповестили афиши. Царь прибыл на вороном коне весь в грязи и в

²³ Речь идет о признании Изабеллы законной правительницей Испании, после достижения ею совершеннолетия в 1843 г. Её права на престол оспаривались ультраконсервативной партией её дяди Дона Карлоса. С 1833 г. Испания пережила не одну так называемую карлистскую войну.

²⁴ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 457 – 458.

сопровождении адъютанта. Это было неудивительно, так как, закутавшись в свою серую шинель, он проскакал галопом мимо всех батальонов. В этом человеке, чей активный и упрямый характер умиротворил Европу и уравновесил весь мир, русские военные видели Бога, они обожествляли его, чувствовали по отношению к нему преданность и страсть, и во имя его были готовы в любой момент отдать свою жизнь»²⁵.

После довольно длительного пребывания в северной столице Бустаманте отправился в Москву. Уехал туда он с убеждением, что старая русская столица остается опустошенной после страшного пожара 1812 г. Он был потрясен, увидев огромный и процветающий город, где не осталось и следа от бывшего разрушения: «Каково же было мое удивление увидеть город с 300.000 душ населения с огромным числом прекрасных дворцов, улиц со множеством богатых лавок немецких, французских и итальянских, да и практически со всех стран мира, торговцев, хотя все с вывесками на французском языке»²⁶. Первую свою экскурсию по Кремлю и центру он провел сам, без гида, без переводчика, лишь обращаясь за советом к прохожим, приятно удивлявших его своим радушием и знанием французского языка – здесь он сразу же оговаривается, что обращался лишь к «благородным» горожанам. Он проходил по городу семь часов кряду и, по его словам, мог бы проходить еще столько же, если бы не позднее время. Следующий день его пребывания познакомил Бустаманте с русским холодом, но также принес новые восторги и впечатления от Москвы: «На следующее утро я проснулся среди яркого солнца и чистого неба после обильного ночного снегопада. Снег на улице достигал колен. И какой холод! Такого, как в то утро, холода мне не приходилось испытывать никогда! Было невозможно ездить на обычных колясках, и я нанял тройку. Я отправился к большой башне [Колокольня Ивана Великого – А.Щ.], которую мне рекомендовали посетить ещё вчера. Удивление и восхищение наполнило меня, когда я поднялся на башню на огромную высоту, обозревая весь город с его зданиями, казавшимися сделанными из серебра, кроме куполов, сейчас покрытых снегом, под которым блестело золото, переливаясь на солнце и создавая удивительный контраст со снегом. Это было самое захватывающее зрелище, когда-либо виденное мною. Я не верил своим глазам. То, что я видел, мне казалось, сном, волшеб-

²⁵ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 459 – 460.

²⁶ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 486 – 487.

ством или миражом как в пустынях Египта, настолько все было нереальным. И, тем не менее, это было в действительности. Никогда не видел ничего подобного, столь хорошо расположенного города, который образует такую правильную окружность. С высоты башни город напоминает завершенный по форме амфитеатр, где рядами были улицы с домами, каждый из которых был как на ладони. На этой башне есть 31 колокол, почти все большие или, как их называют, ведущие, но есть один с самым сильным звуком, чей диаметр достигает четырех с половиной вары [1 vara = 84 см. – А.Щ.] или тринадцать с половиной в окружности. Нет другого такого места как Москва! Я простоял на башне 4 часа, наблюдая покрытый снегом город, светлые краски которого перемежались с блеском золота грандиозных и элегантных куполов церквей. В Москве, куда бы ты не пошел, повсюду встречаешь церкви и снова церкви, которые были везде, где я гулял вплоть до своего отъезда. Церкви, а ещё базары с самыми разнообразными товарами являются самыми любимыми мною местами для посещения»²⁷. Описания московских улиц после снегопада являются словно зарисовками сегодняшнего дня: «Идти было невозможно, животные и люди перемесили снег, который замерзал и образовывал ухабы и целые ледяные овраги, особенно на небольших боковых улочках, многие из которых даже не мощены, и их плохо убирают. Я ехал на маленькой повозке, которая не везде могла проехать, так что приходилось не раз вставать и идти пешком»²⁸.

Бустаманте вернулся в Петербург, когда уже там выпал снег и с удивлением отметил, как изменился облик города: «Мы прибыли в Санкт-Петербург, и первое, что меня поразило, была невероятная, почти гробовая тишина на улицах города, в то время как, покидая этот город несколько дней назад, я запомнил сильный городской шум от пёстрой нескончаемой толпы людей, от карет и колясок, пересекавших город в различных направлениях. Все было как во сне, я был в том же самом городе, в Санкт-Петербурге, но в заснеженном, где сани заменили элегантные кареты, где люди тихо скользили по снегу, а не стучали каблуками по мостовой»²⁹.

По дороге из Москвы в Петербург Бустаманте оставил интересные зарисовки русского быта: «Я покинул Москву вместе с другими четырьмя или пятью пассажирами, распределенными по трем

²⁷ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.490 - 496.

²⁸ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.494.

²⁹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.509.

повозками, которые формирует и отправляет городская администрация почты: шесть экипажей в день, а точнее, три утром и три вечером, а в обратном направлении в те же часы и таком же количестве выезжают из Петербурга в Москву. Мы выехали вечерними экипажами. В пять, когда уже было темно, мы еще мчались по улицам старинной столицы России. Естественно, что по таким дорогам поездка не могла быть быстрой, лошади шли по снегу, как бы танцуя, иногда опасно скользя по плохой дороге, что заставляло возниц притормаживать, хотя местные подковы имеют три шипа и хорошо цепляются в ледяную дорогу. Такие почтовые повозки везут четыре, пять и до шести лошадей, все зависит от дороги и ситуации на почте. На некоторых станциях нет хороших лошадей на смену. Я видел некоторых, похожих на скелеты, обтянутые кожей, но главное, без следов хлыста или кнута. Местные погонщики не истязают животных, которые могли бы лучше работать, если бы их лучше содержали. Этот факт навел меня на воспоминания о варварских обычаях у нас в стране, где часто мучают и истязают бедных животных.

Когда я первый раз приехал в Лиму и увидел массу волов, мулов, ослов и лошадей, все они были в следах побоев и ранах от ударов, а погонщики всегда старались ударить по самым болезненным местам, чтобы животное подчинилось. Я тогда пришел в ужас от этой картины и укрепился в убеждении, что недостойн сострадания народ, который сам с такой безжалостностью обращается с теми, кто ему служит и помогает в его тяжелом труде и заботах. Это зло видно по всему Перу. На почтах юга, где мне довелось побывать, нет ни одного животного без ран и язв от ударов. Нет надежды, что это зло и как многие другие, могут быть преодолены быстро и радикально, но сейчас надо вернуться к рассказу о моем путешествии. Во время переезда из Москвы в Санкт-Петербург не произошло ничего значительного. В дилижансе прошли три дня и три ночи, ровно столько же, сколько я потратил на дорогу сюда.

Когда приходило время обеда, все путешествующие получали еду в придорожной гостинице. Все были благородные и достойные люди. Однако среди нас был один генерал из знатной семьи, сопровождаемый несколькими адъютантами, которые отчаянно бросились занимать места, наверное, думая, что не хватит либо места за столом, либо еды. Я немного задержался, приводя себя в порядок, а когда вошел в обеденный зал, то не нашел ни одного свободного места на боковых столах. Все было занято другими пассажирами. Между тем, за центральным столом, где сидели генерал и

его подчиненные, я увидел свободное место, которое без лишних церемоний и занял, исходя из принципа: плачу свои деньги и делаю, что хочу (*con mi dinero voy donde quiero*).

Генерал, видимо, был шокирован моей простотой, ибо долго смотрел на меня с высоко поднятыми бровями, с видом, который говорил сам за себя. Поскольку я не обращал на него никакого внимания, а принялся заказывать блюда, которые мне хотелось бы попробовать в этот вечер, этот расшитый золотом мундир призвал распорядителя поездки и потребовал список всех пассажиров, выехавших из Москвы. Интересно, он примет меня за тех иностранцев авантюристов, разбогатевших в России? Таких здесь много, они происходят из самых темных и низких слоев общества, приезжают лечить мозоли или рвать зубы, рисуют портретики, а потом представляются аристократами. Неудивительно, что русские смотрят на таких птиц с большим презрением.

Я уже предполагал, что моя личность стала тайной, и решил снять подозрения и вопросы. Громко обратился к распорядителю гостиницы и заказал бутылку мадеры. Мне тут же налили бокал, а я, изощряясь в любезности, пригласил генерала выпить со мной мадеру, а он пил бордо. Генерал продолжал изучать список путешественников, и наконец-то, нашел меня: Х.Бустаманте, американец, капиталист и т.д., путешественник. После этого все поменялось, генерал вдруг стал самой любезностью, которую источали даже его глаза, развеяв всю неприступность и грозность. Он сам и его сопровождавшие сразу же стали проявлять мне различные знаки внимания и уважения. Это лишний раз доказывает, что, путешествуя, надо рассчитывать только на свои средства, а не жить у кого-то из милости, что позволяет вести себя с полной свободой, которую дают деньги. А уж если поехать без денег, то будешь обречен переходить от одного унижения к другому, от разочарования к разочарованию, и вместо удовольствия получишь раздражительную реакцию и презрение тех, кто в других обстоятельствах будет доказывать свои братские чувства»³⁰.

После столь впечатляющего путешествия в Петербург и Москву, заметки о котором составляют, пожалуй, самую важную и интересную часть его книги, Бустаманте через Ригу и Польшу вернулся в Европу. Далее его путь лежал в Париж, где он стал свидетелем июньского восстания 1848 г. Описание революции в Париже составило отдельное приложение к его книге. Из Европы Буста-

³⁰ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.502 -508.

манте отправился на родину.

Борьба за освобождение индейцев и социальное равенство

В 1849 г. Бустаманте вернулся в Перу. Впечатления от поездки в Европу, прежде всего от революционных событий 1848 г. и от реалий российского самодержавия, оказали огромное влияние на его политические взгляды. Когда он отправлялся в путь, к нему обратился депутат Агустин Талавера с просьбой привезти из Европы как можно больше образцов законов и постановлений, которые могли бы быть полезны для реформ в Перу. В конце своей книги о путешествии Бустаманте дал развернутый ответ депутату. Фактически он изложил свое понимание политической и социальной действительности в Перу и предложил свою программу реформирования общества.

Если в области административного управления, просвещения, порядков в армии и на флоте Бустаманте находил полезные для Перу европейские принципы и правила, то в отношении полиции он отмечал, что не нашел нигде достойной подражания организации. В Европе он видел полицию лишь как репрессивный орган, сравнимый с инквизицией. По его убеждению, полиция «должна охранять и защищать индивидуальные и коллективные интересы», защищать людей, порядок и их собственность, а не быть репрессивным политическим орудием правителей. Бустаманте писал: «Только тогда полиция сможет пользоваться доверием честных людей и трудящихся, когда станет социальным, а не политическим институтом. Но таковой нет ни в Старом, ни в Новом свете»³¹.

По возвращении в Перу Бустаманте со всей свойственной ему страстностью окунулся в политическую жизнь страны, примкнув к либералам. Он всегда был другом и сторонником президента-реформатора Рамона Кастильи, с которым познакомился и подружился, когда тот был префектом Пуно (1835). Во время гражданской войны 1854 – 1855 гг., ставшей прелюдией буржуазной революции в Перу, Бустаманте присоединился к войскам Р.Кастильи, возглавившего движение против консерватора Эченике³². В 1855 г. полковник Бустаманте во главе батальона из Пуно участвовал в решающей битве при Ла-Пальме, в которой победили войска

³¹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.581 – 582.

³² См. История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 223 – 226.

Р.Кастильи.

После возвращения из Европы Бустаманте утверждал, что в поездке по Старому свету у него сложился четкий план реформ в военной, финансовой, просветительской области, который он стремился реализовать у себя на родине. Кастилья казался ему орудием проведения демократических реформ. Как писал сам Бустаманте, он верил, что Кастилья «установит социальное, экономическое и политическое равенство»³³. Надо сказать, что так же думали и чилийские «игуалитарии» во главе с Франсиско Бильбао, нашедшие убежище в Перу и активно поддержавшие Кастилью.

В 1856 г. Бустаманте был избран в члены Учредительного собрания, принявшего самую либеральную конституцию Перу в XIX веке. В Собрании Бустаманте произносил пылкие речи в защиту демократии, против милитаризма и каудильизма. По его утверждению, он поддерживал либералов только потому, что они были антимилитаристами, противниками участия армии в политике. Бустаманте защищал интересы своего региона. Ему удалось провести закон о создании епископской кафедры в его родном Пуно, что повышало статус региона. Он даже оплатил из своих средств переезд нового епископа в Пуно³⁴.

Самой главной темой его борьбы была защита интересов крестьянства, в условиях Перу большинства населения страны, индейцев. С раннего возраста Бустаманте размышлял над тем, что надо сделать для облегчения участи индейского крестьянства. В своих заметках о путешествиях он писал: «Я совершил два путешествия... всегда в поиске рецепта из опыта самых образованных и передовых стран для решения этой гуманитарной проблемы». В Учредительном собрании своими страстными выступлениями в защиту индейского населения, за отмену подушной подати и рабства в Перу он заработал репутацию опасного мечтателя и утописта. Он предложил крайне радикальный закон, приравнивавший к мятежу и предательству родины любое невыполнение или нарушение положений конституции, прежде всего, касающихся отмены трибуто и гражданского равенства индейцев³⁵.

В 1865 г. Бустаманте активно участвовал в восстании в Арекипе, когда было провозглашено продолжение демократических реформ, начатых революцией Кастильи. Он возглавил батальон, ко-

³³ Vasquez E. Op.cit., P. 125.

³⁴ Calsín Anco R. Op.cit., P. 45.

³⁵ Vásquez E. Op.cit.,P.126.

торый занял Куско, Ику. В ноябре 1865 г. Бустаманте уже командовал Четвертой дивизией, триумфально вошедшей в Лиму. С началом войны с Испанией он принял участие в победоносной битве 2 мая 1866 г., когда перуанцам удалось отстоять свою независимость от бывшей метрополии³⁶.

В 1865 г. Бустаманте был назначен префектом Куско. На этом посту он пробыл чуть более месяца. Его постоянная защита прав бедняков и индейцев крайне раздражала местную олигархию. Он отменил штрафы за правонарушения, так как они ставили в неравное положение богатых нарушителей и бедняков, у которых не было альтернативы тюрьме. Элита Куско не смогла вытерпеть такого экстравагантного префекта и интригами добилась его смещения³⁷. Чтобы избавиться от него в Куско, его назначили префектом Ики и Уанкавелики.

После неудачи на государственном поприще Бустаманте полностью посвятил себя делу «освобождения индейцев». По мнению некоторых историков, именно путешествие в Европу и знакомство с новыми социальными реалиями привели Бустаманте к его идеям о путях освобождения индейцев. Он считал вредным бытовавшее в тогдашнем Перу отношение к индейскому вопросу как проблеме благотворительности и милосердия. Этой традиционной позиции Бустаманте противопоставлял принцип равенства индейцев с другими расовыми и социальными группами, без чего, по его мнению, невозможен прогресс ни в экономике, ни в обществе³⁸. В середине 1866 г. он основал в Лиме «Общество друзей индейцев». В «Общество» вошел видный демократ и либерал, бывший священник Франсиско де Паула Гонсалес Вихиль³⁹. Этот политик исповедовал передовые идеи, его считали сторонником «социализма по Прудону»⁴⁰. Бустаманте также поддержал директор газеты «El Comercio» Мануэль Амунатеги. В «Общество» вошли передовые перуанские деятели, политики и интеллектуалы. Оно приобрело значительное влияние в обществе.

В 1867 г. Бустаманте выпустил брошюру «Индейцы в Перу».

³⁶ Calsín Anco R. Op.cit., P. 54.

³⁷ Abramson P.-L. Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México, 1999. P.175.

³⁸ Bustamante J.A. El peruano Juana Bustamante. P. 6.

³⁹ Гонсалес Вихиль был директором Национальной библиотеки. За свои публикации был отлучен от церкви, а его произведения были включены в список запрещенных церковью книг.

⁴⁰ История Перу. С.225.

Ещё в своих заметках о путешествиях по Европе он отмечал «оскорбительный и безобразный характер налогообложения индейцев», которые были единственным сословием, продолжавшим платить колониальную подушную подать⁴¹. В этой работе Бустаманте писал: «Те, кто сопротивляются возрождению индейцев и строят препятствия для любого доброго начинания, живут за счет пота бедняков, обогащаются, пользуясь их невежеством, униженностью и беззащитностью индейца. Они не хотят, чтобы индейцам открыли глаза на правду, чтобы они узнали свои права и добились освобождения от своих угнетателей». И далее он завершал: «Мой лозунг и моя программа состоят в том, чтобы индейцы более не были исключены из общественной жизни и сделали более прочной независимость Перу, которую сейчас впустую растрачивают белые креолы. Все они, и негры, и богатые, и бедные, мудрые и неграмотные, все вместе они дети одной родины, а значит, равны в правах перед законом, гарантирующим их личную свободу и собственность»⁴².

Бустаманте и его «Общество» призывало освободить индейцев от крепостной зависимости, установить полное гражданское равноправие в Перу. Они обращались к помещикам, призывая их к христианскому гуманизму и филантропии, к уважению человека как творения Божия. Он писал: «Индеец не ниже любого другого человека. Развивая природный ум и способности индейцев, мы увидим появление великих людей, которые выйдут из этого сословия. Здесь, в Перу, у нас уже были и есть великие индейцы среди священников, в армии, среди судей и адвокатов»⁴³. Бустаманте выступал против рабства и угнетения, но, одновременно, в полном соответствии с господствовавшими тогда либеральными представлениями, вторым после рабства и гамонализма социальным врагом он считал индейскую общину – айлью, которую рассматривал как тормоз на пути цивилизации и прогресса. Вслед за Боливаром либералы хотели видеть в индейце свободного работника, крестьянина, если и работающего на помещика, то за зарплату⁴⁴.

В 1867 г. власти президента-либерала М.И.Прада угрожало восстание генерала П.Д.Кансеко, который выступал за восстановление трибуто индейцев. Перед угрозой консервативной реакции в

⁴¹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.6.

⁴² El Viajero Bustamante, primer viajero sudamericano alrededor del mundo. Lima, 1956. P. 33.

⁴³ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 410.

⁴⁴ Abramson P.-L. Op.cit., P.182.

Уанаке на Титикаке началось восстание индейцев, затем распространившееся на весь регион Пуно. Известия о восстании застали Бустаманте в Лиме. Он призвал политиков серьезно обсудить положение индейцев и причины их протеста. В своих публикациях Бустаманте подчеркивал, что ужасное положение индейца толкает его на восстание «не потому, что он сопротивляется цивилизации и не воспринимает моральной, независимой гражданской жизни,.. а потому что все остальные живут за счёт его пота, его бедности, невежества, угнетая и презирая его». Публицистическая активность не приносила видимых результатов, и Бустаманте решился на радикальные действия: самому возглавить индейское движение, стать вождем освобождения индейцев. В своей последней статье он заключал: «Нет освобождения без освободителя, нет достоинства без жертвы! И так, вперед!»⁴⁵.

Перед тем, как отправиться в Пуно, Бустаманте опубликовал «Манифест». В нем он заявил: «Гуманистическое чувство, братство, которые освещает наша религия,.. обязывают меня принять на себя бремя решения проблем индейцев. Мой лозунг и моя программа состоят в том, что индейцы не будут исключены из социальных благ, которыми пока пользуются только белые»⁴⁶. Участие Бустаманте в восстании придало ему общенациональный характер. К нему присоединился суб-префект района Антонио Риверос. Масштаб движения так напугал местных креолов, что префект Пуно запросил военной помощи у боливийского правительства Мариано Мельгарехо, отличившегося у себя на родине радикальной антииндейской политикой. Газеты тут же окрестили движение крестьян коммунистическим. «Heraldo de Arequipa» писала: «Огромную опасность представляет восстание индейцев из-за того, что во главе него оказались чужеродные элементы, подстрекающие к установлению коммунизма»⁴⁷.

В конце 1867 г. правительственные войска из Куско разбили индейские отряды. Военные развязали вакханалию насилия и репрессий против восставших. 2 января 1868 г. в городке Пуси Бустаманте публично пытали, а затем казнили. Каратели заперли 72 индейцев в маленьком помещении, где все они погибли, задохнувшись в этой импровизированной газовой камере. Трагическая

⁴⁵ El Viajero Bustamante, primer viajero sudamericano alrededor del mundo. P. 34.

⁴⁶ Vasquez E. Op.cit., P.165.

⁴⁷ Calsín Anco R. Op.cit., P. 80.

гибель Бустаманте и жестокая расправа над восставшими превратила его в легенду, в почти «святого» в глазах индейцев Перу, которые уже после его смерти приписали ему прямое родство с Инками, с Тупак Амару.

Уникальная и трагическая биография Бустаманте подчеркивает историческое значение его поступков и взглядов для истории Перу, да и всей Латинской Америки в XIX веке. Бустаманте был защитником бедных, обездоленных, борцом за справедливость и равенство людей. Для формирования его взглядов огромное значение имел опыт и знакомство с реалиями Европы и Азии, контакты с передовыми идеями того времени. В нем сочетались консервативно-патерналистские взгляды с передовыми гуманистическими и даже социалистическими идеями.

По мнению французского исследователя П.Л.Абрамсона, Бустаманте был единственным перуанцем, познакомившимся с работами своей знаменитой соотечественницы, социалистки–утопистки и одной из первых феминисток Флоры Тристан⁴⁸. Скорее всего, он читал её «Прогулки по Лондону», что отразилось на его видении западноевропейской действительности кануна 1848 г. Кроме того, на него произвело большое впечатление произведение Э.Сю «Парижские тайны», роман, вдохновлявший многих социалистов-романтиков в Чили, в Новой Гранаде, на Ла-Плате. Эти книги были для него вектором, ориентиром в социальных проблемах Европы и Америки. Если в своей книге о первом путешествии он использовал привычное для обозначения бедноты и трудящихся слово «работник», то в заметках о втором уже появляются термины «класс, средний класс, рабочий класс, пролетариат».

Бустаманте в своих поездках стремился посещать места жизни простого народа, рынки, госпитали, сиротские дома, тюрьмы, школы. Он писал: «Меня не интересует жизнь аристократии, привилегированных классов, их пороки, роскошь. Не эти люди привлекают мое внимание. Я всегда хочу поближе познакомиться с обычаями и привычками трудового народа, ибо он является подлинным творцом всех благ, всех удовольствий, которыми пользуются другие,... Именно этот народ стонет от притеснений, несчастий и нищеты»⁴⁹. Эти принципы, воспринятые им от его «духовного» наставника Флоры Тристан, смогли открыть ему глаза на европейские передовые столицы Лондон и Париж, которым он дал убийствен-

⁴⁸ Abramson P.-L. Op.cit., P.180.

⁴⁹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 214.

ные характеристики.

Его описание Лондона 40-х годов сделано глазами социалиста-утописта. Всем в Англии управляют деньги, коммерция, погоня за прибылью, что заставляет всех мириться с безнравственностью, бесчеловечностью и несправедливостью. Лондон – это «ад» современного капитализма. Бустаманте писал: «Лондон – вопиющий контраст роскоши и нищеты... О, Лондон, ты чудовищное смешение величия человеческих достижений и самой жестокой нищеты!» Он выражал искреннее непонимание того, как можно «получать удовольствие от жизни, купаясь в роскоши, среди душераздирающих сцен народной нищеты»⁵⁰. Бустаманте с ужасом взирал на этот образец прогресса и развития.

Бустаманте – подлинный романтик, мечтатель, гуманист и революционер. Вдохновляясь романом Э. Сю «Парижские тайны», в столице Франции он переодевался рабочим, как ему казалось, по примеру героя этого романа Рудольфа, чтобы узнать все нравы парижских низов, быт и жизнь пролетариата. Он хотел познать все аспекты жизни революционной столицы Европы. С огромным разочарованием он писал об «образованных классах», интересовавшихся одной лишь вещью – деньгами, и какой контраст им составляли народные низы⁵¹.

Бустаманте был практиком и революционером, но весьма далеким от всех теорий и идейных построений, подспудно склонялся к эгалитаризму и утопическому социализму, хотя никогда об этом не заявлял открыто и даже осуждал «коммунистов» 1848 г. Вместе с тем, его высказывания дают основания считать его взгляды близкими именно революционерам 1848 г., христианскому и романтическому социализму. Он писал: «Необходимо начать наше возрождение, обратив особое внимание на рабочего, на ремесленника, на производителя, то есть, в конце концов, на всех людей»⁵².

Бустаманте в своих книгах с уважением писал о доктринах Кабе, Блана, Прудона. Когда он описывал рабочее восстание в Париже, то объяснял его причины, в частности, влиянием коммунистических и социалистических доктрин. Осуждая насилие и гражданскую усобицу, Бустаманте между тем высказывал сомнение в том, что утверждение контрреволюционеров о желании рабочих ликвидировать собственность и семью соответствует действительности.

⁵⁰ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 200 – 205.

⁵¹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 220 – 222.

⁵² Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 13.

Он призывал искать истинные социальные причины восстания, а не придумывать пропагандистские страшилки⁵³. В своих заметках о событиях в Европе 1848 г. он писал: «Я должен признать, что даже восьмая часть населения земли не ведет счастливой жизни. Богатство и проистекающие от него жестокость и тирания присвоены исключительно малым числом людей, надсмеающихся над миллионами несчастных, страдающих повсюду от лишений и беззащитности, оставляя им лишь право забыться и утопить в алкоголе свои горести, хотя некоторые с честным сердцем еще надеются на освобождение на небесах и на спасение в обители Господней. Деспотии питают свою силу в невежестве и предрассудках простого народа»⁵⁴.

Бустаманте считал себя настоящим христианином, не могущим мириться со страданиями бедняков. Это настроение было типичным для латиноамериканских утопистов XIX века, соединявших социализм и Христа. Эта традиция жива и поныне в различных вариантах латиноамериканской антиимпериалистической революции, от «теологии освобождения» до боливаризма Чавеса. Страстный христианский гуманизм у Бустаманте сочетался с антиклерикализмом и неприязнью к церкви, которая, по его утверждению, принесла наибольший ущерб Перу.

Его оценка революции 1848 г. опиралась именно на гуманистические принципы. Осуждая желание рабочих Парижа «установить коммунистическую и социальную систему без частной собственности и без института семьи», Бустаманте отчасти оправдывал восставших. Он указывал, что рабочему классу отказывали в его политических правах, а накануне восстания закрыли Национальные мастерские, где множество людей находили работу и пропитание⁵⁵. Сам Бустаманте, взывая к справедливости, не верил в социальное равенство, утверждая, что такая идея могла родиться только в голове французов, слишком легковесных и мечтательных в своих суждениях⁵⁶.

Контрастом осуждению нищеты, деспотизма и бесправия рабочего класса в Западной Европе служит его восторженная глава, посвященная посещению Российской империи, предстающей неким оазисом всеобщего благоденствия и мира. Россия произвела на Бу-

⁵³ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 658 – 659.

⁵⁴ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 541.

⁵⁵ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 615 – 616.

⁵⁶ Abramson P.-L. Op.cit., P.178.

стаманте огромное впечатление, ибо эта глава – самая большая в книге, к тому же написанная с неподдельным энтузиазмом.

Особенный интерес представляют его рассуждения о российской политической системе и деспотизме русского правительства. Он утверждал, что в России ровно столько же свободы, как и в европейских странах. Российский деспотизм, по его мнению, соответствовал состоянию «варварского народа» страны, но был мягким и отеческим. Есть смысл предоставить слово самому Бустаманте, так как его рассуждения о русском самодержавии и общественной системе интересны и оригинальны.

Бустаманте писал: «Население этой колоссальной империи достигает 64 миллионов душ разных классов. Между тем, не учитывая полунезависимые народы или племена, в России на каждого свободного человека приходится 10 крепостных. Самое же болезненное состоит в том, что из такого огромного числа людей, обреченных на рабство, 40 или более миллионов человек являются абсолютной и исключительной собственностью 800.000 знатных людей. Что касается данного пункта, столь часто обсуждаемого и критикуемого, особенно апостолами филантропии⁵⁷, я хотел бы высказать своё абсолютно непредвзятое мнение, которое, скорее всего, будет непривычно для моих читателей.

До того, как Петр Великий привнес цивилизацию в российскую империю, думаю, ни один даже свободный человек не был столь счастлив, как сегодня чувствуют себя те, кого мы называем рабами. Тогда население было очень небольшим, торговли почти не было, доходы казны были незначительны, в то время как сейчас они достигают ста миллионов рублей. Бесчисленные фабрики, бесконечные здания, появляющиеся сегодня, дают работу множеству рабочих, обеспечивая хлебом их и их семьи. Не кажется ли вам сегодняшнее положение России в сто раз лучше, нежели три, два или столетие назад?

Да, российское правительство мудро, отечески заботливо, но своевольно. А как еще можно управлять столь варварским народом, каким является народ России? Ну, и если поменяется форма управления, будут ли возможны такие же достижения и величие, богатство и процветание, коего достигла страна при нынешнем правителе, и которые прославили Россию во всем мире?..

Нет такого путешественника, который бы не описывал положе-

⁵⁷ В эту эпоху в Южной Америке так называли политическое течение в либерализме, позднее известное как социализм.

ние в империи в самых черных красках, преувеличивая коррупцию правительства и угнетение подданных, деспотизм правления. Все приходят в ужас и замирают от страха, лишь прочитав писания на эту тему под заголовком «Тайны России», являющиеся не больше чем пропагандистской уткой. Вы увидите там и инквизиторскую полицию, совершающую лишь преступления и разного рода злоупотребления, до такой степени, что приходится удивляться, что Россия до сих пор не превратилась в одно большое кладбище!

Глупо отрицать явные несправедливости и крупные преступления российского правительства, но если уж и призвать его к ответу, то назовите хотя бы одну страну, которой нельзя было бы предъявить подобные или еще более серьезные обвинения? Я говорю о сегодняшнем дне, о теперешнем правительстве, на которое никто не жалуется, и которому не надо применять наименование варварской тирании. Более того, целые семьи европейцев, особенно немцев, итальянцев и французов, ежедневно приезжают в Россию и в считанные годы обогащаются от русских на торговле, промышленности или в области искусств. Действительно, остается трудным проникнуть в эту страну, а чтобы выехать, надо преодолеть не меньшие, а иногда просто чудовищные препятствия. Однако это делается, исходя из убеждения, что всякий въезжающий на московскую территорию должен быть полезным и деятельным человеком.

В действительности, существующие клише о России - это выдумки и наветы предубежденных людей, берущихся за перо лишь ради клеветы. Все они – европейские писатели или путешественники, смертельно ненавидящие Россию, а потому говорят о ней жестко, без украшательств, но и не уважая святую правду. В России есть столько же свободы, в том числе и личной свободы, как и в других европейских странах. Русские не позволяют кому угодно приезжать в их страну, долго проверяя всех, но если же вы уже в стране, никто за вами не следит, вы живете, как хотите и ездите повсюду, куда вам нравится.

Об этой империи пишут ужасные вещи, но я не верю ни одной из них, также не могу подтвердить их, хотя с этой целью и при разных обстоятельствах выспрашивал у своих бесхитростных друзей. Что касается меня, мне не на кого и не на что пожаловаться, ни на российское правительство, ни на полицию или секретный сыск; я ходил везде и в любой час, когда мне хотелось, никто не ограничивал мою волю, я говорил с полной свободой по политическим вопросам, и ни один русский не препятствовал мне высказы-

ваться. Скажу также, что нашел в России, к моему огромному удивлению, воспитанных и образованных военных. В них не было пустого бахвальства и чванства, столь свойственных американским военным.

Отчего же так несправедливо писали об этой великой империи путешественники и историки, упрекая ее в скандальном и позорном режиме рабства, угнетающем в XIX веке огромное большинство населения? Пусть меня считают экстравагантным и даже хуже того, но я имею противоположные суждения и буду утверждать их. Или же перейдем к сравнению. Что представляла собой эта нация до конца XIV века, и какие люди её населяли? Не были ли это орды и банды ожесточенных людей, врывавшихся в страны юга, оскверняя все вокруг?

Слово «раб», конечно же, вызывает ужас, когда задумываешься над его содержанием. Однако если этот раб в большем благополучии и с большим богатством, чем свободные, то какое значение имеет этот термин? Есть тысячи форм рабства в этом мире, а уж такие же рабы есть во всех странах. Где еще есть более несчастные и вызывающие самое большое сострадание, нежели на островах под британским владычеством? Кто как ни рабы – тысячи нищих, населяющих все европейские государства? А как назовете вы азиатов или африканцев? И что же? Нет ли случайно таких же несчастных в свободной Америке? Достаточно бросить взгляд на нашу республику, и вы увидите как под именем свободных и признаваемых законом граждан, на самом деле, скрываются большие рабы, нежели в этой северной стране. Где же то место, куда рабство не проникло? Франция? Где самая ужасающая нищета не есть действительное рабство? Именно это рабство стало причиной того, что французы убивают друг друга, при этом мы считаем по сравнению с другими народами их меньше всех страдающими от угнетения и обладающими самыми передовыми идеями, но ни вынуждены выбирать: либо восстать с оружием в руках, либо умереть от голода. Я сам слышал, как они так говорили в дни революции, и еще чаще после нее.

Блага – вот, что нужно человеку, который будет счастлив, имея их, и ему будет все равно, как его называют. Много еще чего я мог бы сказать о России, особенно об её государственной администрации, о положении различных культов и религий, которые исповедуются здесь с отвратительным суеверием, но это слишком большая тема, и надо тогда написать большой труд об этом путеше-

ствии»⁵⁸.

Бустаманте предпочитал патерналистский деспотизм, заботящийся о своих подданных, нежели унижающую человеческое достоинство нищету пролетариата в «свободных» странах Европы. Его образ идеалистической и «доброй» деспотии, русского самодержавия, заботящейся о своих подданных, противостоял равнодушной и механистической системе «свободы умирать от нищеты и голода»⁵⁹. Конечно, Бустаманте почерпнул свои впечатления лишь от общения с «образованными и благородными сословиями», от созерцания лишь городской жизни в ее поверхностном, внешнем проявлении. Он не мог знать положения русского крестьянства, но отсутствие язв раннего капитализма в городах, что он мог наблюдать в Европе, вызывало у него симпатии к такого рода режиму. Между формальной, декларативной, мало связанной с реальностью свободой при полном равнодушии общества к страданиям пролетариата и благосостоянию народных низов при отсутствии такой свободы Бустаманте предпочитал деспотию, гарантирующую благосостояние народа. Таким образом, борец за правду, свободу и равенство в Перу оказался защитником самого реакционного в Европе XIX в. строя - русского самодержавия.

Парадоксальность взглядов Бустаманте выделяет его среди политиков и мыслителей Латинской Америки XIX века. В нем было редкое сочетание миллениаристских, индеанистских взглядов, романтизма и социального утопизма с оправданием российского самодержавия. Взгляды и политические установки Бустаманте подготовили явление перуанского левого индеанизма, они предшествовали идеям Мануэля Гонсалеса Прады и Хосе Карлоса Мариатеги. Перуанский историк А. Айя де Ла Торре утверждал, что Бустаманте и Гонсалес Прада являются основателями индеанизма в общественной мысли и в политической жизни Перу⁶⁰. Бустаманте стоит в одном ряду с этими великими и знаковыми для Перу политическими деятелями и мыслителями.

⁵⁸ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P. 528-533

⁵⁹ Bustamante J. Apuntes y observaciones. P.531.

⁶⁰ Haya de la Torre A. La difícil construcción de la comunidad política // Investigaciones sociales. Año IV. No.15. 2005. Lima. P. 219. - http://sisbib.unmsm.edu.pe/bibvirtualdata/publicaciones/inv_sociales/N15_2005/a10.pdf

Шишков А.С.

Идейная борьба в политической элите Мексики в 1919-1929 гг.: динамика развития, особенности, результаты.

Мексиканская революция 1910-1917 гг. привела к принятию самой передовой конституции в Латинской Америке, провозгласившей необходимость проведения аграрной реформы, гарантировавшей социальные права рабочих и установившей принцип верховной собственности нации на землю и природные ресурсы. После долгих лет революционных сражений начиналось формирование нового общества, сопровождавшееся острой идейной борьбой по основным вопросам общественно-политической жизни. Ключевую роль в этом процессе сыграла политическая элита, роль которой состояла в поиске оптимальной модели развития страны и генерировании новых идей, способных убедить общество в верности избранного курса.

В начале 1919 г. власть в Мексике все еще принадлежала лидеру движения конституционалистов В. Каррансе. Его триумф над сапатистами и вильистами на заключительном этапе Мексиканской революции стал возможен во многом благодаря верной идеологической линии. Знаменитый закон от 6 января 1915 г., обещавший крестьянским массам проведение аграрной реформы, склонил чашу весов в пользу конституционалистов. Появление этого закона ознаменовало начало новой политики мексиканского правящего класса по отношению к народным массам. Эпоха порфириата¹ с ее элитарными концепциями, согласно которым под “народом” понимались крупные собственники², осталась в прошлом, также как и несколько наивный либерализм Ф. Мадеро³. XX век, “век масс”, ставил перед политической элитой вопрос о необходимости создания новой системы власти, в рамках которой уже нельзя было иг-

¹ Порфириат – период господства П. Диаса, единолично правившего Мексикой в 1877 -1911 гг. (за исключением 1880-1884 гг., когда на посту президента находился его ставленник).

² *Córdova A. La ideología de la Revolución Mexicana. México, 1973. P. 71.*

³ Ф. Мадеро возглавил революционное движение против П. Диаса, закончившееся свержением диктатуры. Во время нахождения у власти (1911-1913 гг.) уделял основное внимание либеральным политическим реформам, откладывая проведение глубоких социально-экономических преобразований.

норировать требования широких слоев населения. В Мексике первым, кто осознал эту историческую необходимость, стал Карранса.

Во время обсуждения проекта новой конституции стало очевидно, что президент не был готов последовательно идти по пути социальных реформ. Карранса делал акцент на необходимости создания сильной исполнительной власти, способной поддерживать порядок и не превращаться при этом в деспотию⁴. Представленный им проект конституции не содержал прямых указаний на проведение социальных реформ⁵. Такая позиция вызвала разочарование среди депутатов, многие из которых были сторонниками радикальной аграрной реформы, и привела к падению популярности Каррансы.

Сложившейся ситуацией сумел воспользоваться генерал А. Обрегон. Чем более явным становился консерватизм Каррансы, не хотевшего проводить социальные реформы, тем больше становилась популярность Обрегона. Во время Конституционного конгресса он поддержал депутатов, выступавших за внесение социальной проблематики в текст конституции: “К его славе непобедимого генерала и мученика добавилась слава самого радикального каудильо революции”⁶.

После принятия новой конституции в 1917 г. разногласия между Обрегоном и Каррансой становились все более явными. Обрегон, не желая идти на прямое столкновение, предпринял тактический маневр: он оставил ключевой пост министра вооруженных сил и удалился на свое ранчо. 1 июня 1919 г. (за год до президентских выборов) каудильо выпустил “Манифест к нации”, в котором сообщил о намерении баллотироваться на пост главы страны. В этом документе Обрегон подробно изложил свое видение сложившейся политической ситуации в стране. Он начал с утверждения о том, что в истории Мексики существовало лишь две политические партии: либеральная и консервативная. В первую входило огромное большинство мексиканского народа, что всегда помогало либералам добиваться побед над консервативной партией, объединявшей крупнейших собственников, верхушку церкви и привилегированных иностранцев. Однако после победы либеральная партия неизбежно оказывалась расколотой на различные фракции из-за амбиций и предательства отдельных каудильо, превращавшихся,

⁴ Carranza V. *Ideología de Venustiano Carranza*. México, 1976. P. 41.

⁵ Córdova A. *Op. cit.* P. 220.

⁶ Krauze E. *Biografía del poder*. México, 2002. P. 291.

с точки зрения Обрегона, в пособников реакции. В 1919 г. ситуация развивалась по тому же сценарию. Раскол либеральной партии мог привести к краху политики социальных реформ, “большинство из которых все еще не осуществлены на практике”. В такой ситуации, делал вывод Обрегон, гражданский долг обязывал его включиться в борьбу за президентское кресло. Для того чтобы сохранить пространство для маневра и не связывать себя излишними обязательствами, каудильо сознательно отказался сформулировать четкую программу, утверждая, что стране нужны не слова, а дела. Тем не менее, он указал на необходимость “морального очищения” (имелась в виду борьба с коррупцией), свободных выборов, уважения к собственности, полученной “законным путем”, и отстаивания суверенитета страны⁷.

Выход манифеста означал разрыв между Обрегоном и действовавшим президентом. Карранса уже давно искал подходящего преемника, и к концу 1919 г. его выбор пал на И. Бонильяса, занимавшего должность посла в США. Карранса полагал, что его преемником должно было стать гражданское лицо, поскольку военный этап революции завершился. Политические амбиции одного из генералов, с его точки зрения, могли привести к недовольству других, что создавало опасность гражданской войны⁸. Оценивая личность Обрегона, Карранса высоко отзывался о его военных талантах, но полагал, что восхождение каудильо на пост президента станет катастрофой, поскольку “у него никогда не было продуманного плана действий, он не понимает национальных проблем и не обладает добродетелями, которые являются наиболее важными для президента”⁹.

Обрегон старался заручиться поддержкой не только военных, но и других общественных сил, недовольных политикой президента. Так, в августе 1919 г., то есть через месяц после выдвижения своей кандидатуры, он подписал секретный пакт с лидерами Региональной конфедерации рабочих Мексики (КРОМ), бывшей в то время самой влиятельной организацией рабочего класса в стране. По условиям соглашения Обрегон в обмен на поддержку КРОМ обещал создать в будущем правительстве министерство труда, издать специальный закон о труде и при назначении министра труда

⁷ *Obregón A. Ocho mil kilómetros en campaña. México, 1960. P. 551-560.*

⁸ *Dulles J. Ayer en México. México, 1977. P. 28.*

⁹ *Mena Brito B. Ocho diálogos con Carranza. México, 1964. P. 75.*

учитывать мнение лидеров рабочей организации¹⁰. Таким образом, Каудильо продолжил политику союза с народными массами (или, по крайней мере, с лидерами масс), в котором последние оказывались в подчиненном положении, но при этом получали определенные преимущества.

В октябре 1919 г. Обрегон начал предвыборную кампанию. Во время первых публичных выступлений он затронул две важные темы: одна из них носила политический, а другая социально-экономический характер. По мнению Обрегона, главной проблемой страны являлось отсутствие свободных выборов. Невозможность свободного избрания народных представителей закрывала путь к решению других национальных проблем¹¹. Являясь кандидатом от оппозиции, Обрегон в своих речах всячески старался привлечь внимание публики к нарушениям демократических принципов и обличал попытки Каррансы навязать стране официального кандидата¹². Другой важной темой выступлений Каудильо стала проблема взаимоотношений между трудом и капиталом. Отметив, что этот вопрос занимал государственных деятелей всего мира, Обрегон утверждал, что наилучшим правителем будет тот, кто сможет найти равновесие между трудом и капиталом. “Если мы не предоставим гарантий капиталу, – говорил оппозиционный кандидат, – если мы будем преследовать его, если мы не создадим ему благоприятных условий, в которых он нуждается, чтобы разрабатывать наши природные ресурсы, подчиняясь при этом законам страны, капитал останется лежать в сейфах или покинет наши границы, и тогда наши рабочие будут вынуждены эмигрировать..., чтобы искать свой хлеб в других странах, в которых капитал получит гарантии, которые не может найти в Мексике”¹³. Обрегон выступил против конфискации богатств и их раздела между малоимущими слоями населения, так как это, по его мнению, привело бы к регрессу в развитии общества¹⁴.

Говоря о политике, которую он был намерен осуществлять в случае избрания, Обрегон подчеркнул, что “не будет защищать какой-либо социальный класс” и попытается найти “гармонию между трудом и капиталом”. С его точки зрения, добиться этого можно

¹⁰ Archivo Plutarco Elías Calles (APEC). “Convenio privado de la clase obrera 1919”, gaveta (g) 83, expediente (exp.) 4.

¹¹ *Obregón A.* Discursos. Tomo 1. México, 1932. P. 68.

¹² *Ibid.* P. 180.

¹³ *Ibid.* P. 70-71.

¹⁴ *Ibid.* P. 72.

было, приняв законы о труде, которые должны были установить взаимные права и обязанности рабочих и капиталистов, и тогда “установится идеальная гармония между двумя классами, которая станет основой для процветания Родины”¹⁵.

Во время предвыборной кампании Обрегон часто обращался к теме прошедшей революции. Он отметил, что в истории Мексики каждое революционное движение сменялось диктатурой, которую в свою очередь уничтожала новая революция¹⁶. Однако при этом он не указал конкретных путей для преодоления этой исторической закономерности.

В целом, во время предвыборного турне Обрегон старался избегать острых тем, как, например, аграрная проблема. Это, безусловно, было связано с нежеланием связывать себя конкретными обязательствами и боязнью отпугнуть различные социальные силы. Предвыборное турне каудильо повысило его популярность. Объехав всю страну, он заручился поддержкой региональных элит и в этом отношении имел заметное преимущество перед И. Бонильясом, который лишь в марте 1920 г. прибыл в Мексику из США и, по сути, так и не сумел начать полноценную предвыборную кампанию.

В апреле 1920 г. напряженность в отношениях между президентом и оппозицией достигла пика. 20 апреля на многотысячном митинге в г. Чильпансинго (штат Герреро) Обрегон призвал массы к восстанию, заявив, что “народы, которые экономят свою кровь – это рабские народы; свобода завоевывается с помощью картечи, потому что это единственный язык, который понимают тираны”¹⁷. Спустя три дня сторонники Обрегона в штате Сонора выпустили манифест, который получил название “План Агуа-Приета”¹⁸. Лица, подписавшие этот документ, заявили о непризнании Каррансы в качестве президента республики, обвинили его в систематическом нарушении принципа свободных выборов и в измене революции, одним из главных требований которой было уважение к избирательному процессу. Манифест признавал Конституцию 1917 г. в качестве основного закона страны и обещал гарантии и защиту

¹⁵ Ibid. P. 245-247.

¹⁶ Ibid. P. 79, 140.

¹⁷ Ibid. P. 199-200.

¹⁸ Главными вдохновителями “Плана Агуа-Приета” стали А. де ла Уэрта и П.Э. Кальес.

торговле, промышленности и “всех видов предпринимательской деятельности”¹⁹.

Ситуация для Каррансы становилась критической. К началу мая почти вся территория Мексики находилась в руках восставших. 5 мая Карранса выпустил манифест, в котором проанализировал сложившуюся ситуацию. Главной идеей документа стало противопоставление милитаризма и “сцивилизма”. Карранса настаивал на том, что в стране шла борьба между военщиной и гражданским обществом, представителем которого был кандидат в президенты Бонильяс. Действующий президент пообещал продолжить защиту “гражданских институтов” всеми средствами²⁰.

6 мая Карранса начал эвакуацию правительства из Мехико. Его план заключался в том, чтобы достигнуть штата Веракрус, власти которого все еще сохраняли верность действующему президенту. Однако в ночь с 20 на 21 мая в местечке Тлакскалантонго (штат Пуэбла) лагерь Каррансы подвергся неожиданной атаке, во время которой он погиб, а его сторонники были взяты в плен или обращены в бегство. В истории страны начался длительный этап господства выходцев из штата Сонора – А. Обрегона и П.Э. Кальеса.

Обрегон и Кальес не были крупными идеологами, если понимать под идеологией сложную, детально проработанную систему взглядов. Их идеи несли печать прагматизма и были направлены на поиск решения конкретных вопросов: какую роль должно играть государство в социальных отношениях и жизни общества в целом? По какому пути направить проведение социальных реформ? На каких основах строить внешнюю политику? Какие принципы должны лечь в основу политической системы страны? Их взгляды на ключевые проблемы развития страны не были идентичны, а также входили в противоречие с альтернативными проектами, представленными оппозиционными деятелями.

5 сентября 1920 г. состоялись президентские выборы, на которых, как и ожидалось, победил А. Обрегон²¹. В качестве избранного президента каудильо появился в Палате депутатов для обсуждения аграрного вопроса и впервые подробно изложил свое виденье

¹⁹ Presencia en el año de la Patria. México, 1960. P. 321-325.

²⁰ México en el siglo XX. Textos y documentos. Tomo 2. México, 1983. P. 379-394.

²¹ В выборах также участвовали другие малоизвестные политики. Наиболее успешный из них, А. Роблес Домингес, набрал чуть больше 47 тыс. голосов.

проблемы²². В начале выступления избранный президент заявил, что считал аграрную проблему, наряду с рабочим вопросом и созданием единой банковской системы, главными приоритетами правительства²³. Он подверг критике латифундистов, которые использовали устаревшие методы ведения сельского хозяйства, не желали модернизировать производство и могли быть конкурентоспособны лишь за счет нещадной эксплуатации сельского населения. Неспособность латифундистов конкурировать с американскими фермерами, чьи продукты были дешевле и качественней, заставляла их требовать от правительства политики протекционизма, которая привела бы к консервации отсталости. Однако несмотря на это Обрегон призывал действовать крайне осторожно в проведении аграрной реформы. Быстрое разрушение латифундий могло привести к катастрофе, так как они играли решающую роль в производстве. Кроме того, Обрегон уточнял, что экспроприировать можно только тех латифундистов, которые использовали устаревшие методы ведения хозяйства; тех, кто уже смог модернизировать производство, с его точки зрения, нужно было только поощрять²⁴.

Для решения аграрной проблемы Обрегон считал необходимым создать мелкую собственность в деревне в противовес латифундизму. Он полагал, что каждый, кто мог обрабатывать землю, имел право получить ее за счет латифундий, но максимальное количество земли, на которое мог претендовать крестьянин, нужно было ограничить; таким образом, считал Обрегон, постепенно должно было меняться лицо деревни без ущерба экономическому развитию страны. Во время дебатов выступил А. Вильяреаль, будущий министр сельского хозяйства в правительстве Обрегона. Он заметил, что борьбу с латифундизмом можно было вести с помощью высоких налогов на чрезмерные земельные владения, что заставило бы помещиков избавляться от излишков²⁵.

Это было первое серьезное обсуждение путей решения аграрной проблемы. Вскоре Обрегон выступил с лекцией, посвященной аграрному вопросу, в которой получили развитие темы, обсуждавшиеся ранее в Палате депутатов. Избранный президент обратил внимание на то, что «большинство латифундистов живут вдали от

²² Стоит отметить, что Обрегон посвятил немалую часть жизни занятиям сельским хозяйством и обладал большим практическим опытом в этом вопросе.

²³ *Obregón A.* The agrarian problem. México, 1924. P. 2.

²⁴ *Obregón A.* Op. cit. P. 4-6.

²⁵ *Ibid.* P. 5 - 7.

своих поместий, поручая управление посторонним лицам... Это, по моему мнению, одна из главных причин, мешающих развитию сельского хозяйства в нашей стране”. Обрегон доказывал, что не все можно было решить простым разделом земли: “Я знаю места, – говорил он, – где главной проблемой является отсутствие орошения, потому что 90 процентов земли брошены из-за засухи. Мы ничего не решим, дав крестьянам засушливую землю, так как они сразу же будут вынуждены покинуть ее”. Тем не менее, Обрегон подчеркивал, что один из способов решения проблемы – создание мелкой собственности в деревне, однако для этого не обязательно было прибегать к раздроблению латифундий²⁶.

По-видимому, в то время Обрегон надеялся создать класс мелких собственников с помощью распределения государственных земель. Противоречивость взглядов Обрегона объяснялась давлением латифундистов, с одной стороны, и народных масс, требовавших земли – с другой. Его аграрный проект подразумевал создание класса сельских мелких собственников для того, чтобы они составили конкуренцию латифундистам и лишили их монопольного положения в деревне. Конкуренция должна была неизбежно привести к необходимости модернизировать методы ведения сельского хозяйства и принести процветание нации. Однако, не поколебав мощь латифундистов, сложно было рассчитывать на то, что мелкие собственники смогут успешно конкурировать с ними.

Большое внимание уделял каудильо и рабочему вопросу. Через несколько дней после вступления в должность президента Обрегон, выступая перед представителями буржуазных кругов, в очередной раз заявил о том, что его правительство будет искать “равновесие” между рабочими и капиталистами и никогда не встанет на сторону одной из этих сил²⁷. Он утверждал, что задача восстановления страны требовала сотрудничества между различными классами. Для успешного развития страны было необходимо предоставить гарантии капиталистам и не забывать при этом о нуждах рабочих, которые, как заметил президент в одном из своих выступлений, “помогают капиталистам получать прибыль”²⁸.

Подобные взгляды Обрегона как нельзя лучше соответствовали реформистским настроениям лидеров КРОМ во главе с Л. Мороне-

²⁶ *Bassols N.* El pensamiento político de Álvaro Obregón. México, 1967. P. 133-136.

²⁷ *Obregón A.* Discursos. Tomo 1. P. 333.

²⁸ *Obregón A.* Op. cit. P. 352.

сом. Формально в программных документах КРОМ говорилось о достижении социализма и освобождении от гнета капитализма как конечной цели рабочего движения. Однако социализм, по мнению идеологов профсоюза, мог быть достигнут в результате эволюционного развития капитализма. Конкретной задачей рабочего класса, принимая во внимание объективный уровень развития капитализма в Мексике, объявлялась борьба за улучшение социально-экономического положения пролетариата²⁹. Такие идейные установки создавали благоприятную почву для сотрудничества с властью. Стоит согласиться с рядом исследователей, утверждавших, что именно в 1920-е гг. были заложены основы политики, характеризовавшейся “подчинением рабочих профсоюзным лидерам, которые, в свою очередь, подчинялись государственному аппарату”³⁰.

В период правления Обрегона государство стало уделять большое внимание развитию системы образования в Мексике. Было создано министерство образования, по всей стране возникли новые школы, тысячи учителей обучали народ грамоте в тех местах, где еще не были созданы постоянные школы, огромными тиражами издавались учебники и художественная литература, основывались библиотеки в самых отдаленных уголках страны.

Принимая во внимание вышесказанное, огромное значение приобретал тот комплекс идей, на которых строилась система народного просвещения, поскольку очевидно, что образование помимо обучения людей той или иной профессии выполняет также определенные идеологические функции в обществе и является мощным инструментом, позволяющим государству влиять на мировоззрение людей. В период с 1920 по 1924 гг. огромное влияние на мексиканскую систему образования оказали взгляды такой противоречивой фигуры как Х. Васконселос³¹. За долгие годы политической и интеллектуальной деятельности его идеи находились в постоянном развитии и зачастую противоречили друг другу. Начав с апологии либеральной традиции XIX в. и безоговорочной поддержки Ф. Мадеро, Васконселос со временем перешел на позиции антидемократизма, расизма и социального консерватизма³².

²⁹ Constitución de la CROM. 1920-21. México, 1925. P. 3.

³⁰ Cortez G., Palomares L., Reyna M. El control del movimiento obrero como una necesidad del estado de México (1917-1936) // Revista Mexicana de Sociología. 1972. Vol. 34, núm. 3/4. P. 799.

³¹ В 1921-1924 гг. Васконселос занимал пост министра образования.

³² Так, он открыто поддержал режим Ф. Франко в Испании.

В 1920-е гг. первый министр образования был одним из самых оригинальных мыслителей Мексики. Размышляя о целях образования, Васконселос отмечал, что “обучать – означает готовить индивидуума к определенной социальной цели”, и добавлял, что задача министерства образования состояла, прежде всего, в подготовке сознательных граждан, способных иметь независимую точку зрения и строить более справедливое общество³³. Он полемизировал с педагогической теорией, господствовавшей в то время в США, которая пропагандировала необходимость адаптации ребенка к той социальной среде, в которой ему предстояло жить. “Среда”, которая существовала в Мексике, да и в других странах, не устраивала Васконселоса, поэтому он стремился создать систему образования, способную готовить “новых людей”³⁴, которые смогли бы стать носителями прогресса и избавить Мексику от варварских пережитков.

Для достижения этой цели нужно было поднять культурный уровень масс, причем обучать народ надо было, по мнению Васконселоса, на классических образцах. Министерство образования начало беспрецедентную в истории страны издательскую деятельность, выпустив огромными тиражами произведения Платона, Плутарха, Шекспира, Ибсена, Толстого, Канта и многих других. Васконселос публично заявил, что “стране необходимо сесть и прочесть Илиаду”³⁵. Как верно отметил один из исследователей, культура, по мнению Васконселоса, не должна была стать народной, а напротив, народ должен был приобщиться к культуре³⁶.

Особый интерес представляет система взглядов Васконселоса на образование индейских масс. И в этом вопросе он полемизировал с североамериканской теорией, преувеличивавшей различия между индейцами и белыми и выступавшей за создание особой системы образования для индейцев в отрыве от основной части населения. Васконселос защищал испанские колониальные традиции, которые, с его точки зрения, сделали возможным глубокий процесс метизации в Мексике. Он признавал, что его концепция просвещения индейцев испытала большое влияние теории и практики католических миссионеров, которые исходили из равенства людей

³³ *Vasconcelos J.* Antología de textos sobre educación. México, 1981. P.282.

³⁴ *Blanco J.J.* Se llamaba Vasconcelos: una evocación crítica. México, 1977. P. 86.

³⁵ *Vasconcelos J.* El desastre. P. 51.

³⁶ *Puga C.* Los intelectuales de la Revolución: José Vasconcelos // Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales. 1985. Vol. XXXI, núm 122. P. 87.

перед Богом. Таким образом, по мнению Васконселоса, нужно было всего лишь “подготовить индейца к поступлению в обычную школу”, обучив его испанскому языку³⁷. С помощью образования индейское население должно было полностью интегрироваться в мексиканское общество, завершив тем самым многовековой процесс метизации.

Грандиозный проект Васконселоса был направлен на то, чтобы избавить массы от невежества, делавшее их объектом манипуляции со стороны политиков. В свои лучшие годы он мечтал о народе, который благодаря образованию сможет подняться до уровня полноценных, сознательных граждан, способных изменить судьбу страны. Однако пока эта трансформация масс не произошла, они не могли, по мнению Васконселоса, играть важную роль в политике.

Кратковременное пребывание Васконселоса на посту министра образования, его идеи о необходимости просвещения широких масс населения положили начало новому этапу в образовательной политике мексиканского государства. Образование перестало быть привилегией высших классов и превратилось в инструмент, с помощью которого государство контролировало процесс формирования новых поколений.

С приближением окончания срока президентских полномочий Обрегона все острее вставал вопрос о наследовании власти. В мексиканской политической элите существовали разные точки зрения на проблему передачи власти. Витала в воздухе идея о продлении полномочий Обрегона, но президент заявил, что “физически” он мог бы остаться на посту, однако моральная сторона вопроса и законы страны не позволяли ему совершить подобное³⁸. Васконселос со своей стороны полагал, что правительство Обрегона должно было передать власть “независимой партии, организованной революционерами”, которая приняла бы участие в выборах без всякой поддержки президента³⁹. Истинно демократичным для Васконселоса было отстранение исполнительной власти от выборов.

Однако события приняли иной оборот. Обрегон оказал полную поддержку министру внутренних дел П.Э. Кальесу, который 30 августа 1923 г. оставил пост в правительстве⁴⁰ и уже 5 сентября офи-

³⁷ *Vasconcelos J. Op. cit. P. 26,168.*

³⁸ *Obregón A. Op. cit. P. 391.*

³⁹ *Vasconcelos J. Op. cit. P. 182.*

⁴⁰ Кандидат в президенты не мог занимать официальных постов.

циально объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента республики. Кальес провел активную предвыборную кампанию, во время которой четко обозначил свою политическую программу. Его общественно-политические взгляды представляют значительный интерес; можно согласиться с А. Кордовой в том, что Кальес последовательно выразил идеологию Мексиканской революции⁴¹.

Одна из заслуг Кальеса, с нашей точки зрения, состояла в том, что он верно понял специфику исторического момента. 6 сентября 1923 г. в первой речи после выдвижения своей кандидатуры Кальес заявил, что мир переживал процесс глубокой политической и экономической трансформации, что в конечном итоге должно было привести к реорганизации общества на более справедливых основах. Главное содержание этого процесса – улучшение положения народных масс. В Мексике, говорил Кальес, эта проблема стояла еще более остро из-за тяжелейшего положения низших классов, поэтому главное внимание правительство должно было уделять социальным проблемам, стараясь “по мере возможностей” улучшать материальное положение широких слоев населения и способствовать их интеллектуальному и моральному развитию. Кандидат в президенты высказался за “раздробление крупных латифундий для создания мелкой собственности” и за поощрение “личной инициативы и предпринимательского духа в наших рабочих классах”. В сфере просвещения он считал необходимым придать образованию практическую направленность⁴².

В последующих выступлениях Кальес продолжил развивать положения своей программы. Во время речи, произнесенной в одном из столичных театров, он отметил, что решение аграрной проблемы было заложено в конституции страны. При проведении реформы важно было “не подорвать сельскохозяйственное производство”, так как это “повредило бы тем, кого мы стараемся облагодетельствовать”. В силу объективных причин, утверждал Кальес, “было бы неразумно пульверизировать земельную собственность”. Раздробление латифундий нужно было проводить постепенно, на основе серьезного анализа и при наличии системы сельскохозяйственного кредита для мелких собственников. Землю надо было дать тем, кто имел опыт в сельском хозяйстве, прежде всего, “энергичным и трудоспособным людям” (то есть далеко не всем

⁴¹ *Córdova A.* Op. cit. P. 314.

⁴² *Eliás Calles P.* Declaraciones y discursos políticos. México, 1979. P. 19-21.

крестьянам, желавшим этого – А.Ш.). Кальес обратился к мексиканскому среднему классу с эмоциональным призывом “выйти из маразма” и занять достойное место в обществе, что позволило бы ему смягчить противоречия между пролетариатом и буржуазией и придать стабильность социальной системе. Во внешней политике кандидат в президенты высказался против вмешательства “сильных народов” во внутренние дела слабых наций, а также за выстраивание отношений между народами на основе “взаимного уважения”⁴³.

Кандидатура Кальеса встретила серьезное сопротивление в политической элите Мексики. Оппозиционные силы увидели в А. де ла Уэрте⁴⁴ единственную фигуру, способную успешно противостоять Кальесу. Поначалу министр финансов не хотел вступать в президентскую гонку и лишь после длительных раздумий объявил о намерении баллотироваться в президенты. Де ла Уэрта не сформулировал какой-либо внятной программы; его выступления в прессе были посвящены оправданиям действий на посту министра финансов. В то время как Кальес атаковал, де ла Уэрта защищался и, по сути, так и не смог развить полноценную предвыборную кампанию. В конечном итоге он выбрал путь вооруженного восстания, которое было разгромлено.

Движение де ла Уэрты не смогло представить прогрессивной альтернативы кальлизму. Ряд исследователей полагает, что делауэртистов объединяло стремление не допустить осуществления на практике положений 27 статьи конституции, их движение было реакцией умеренных сил на кандидатуру Кальеса, “который как минимум в речах... обещал быть более радикальным, чем Обрегон”⁴⁵.

После подавления восстания Кальес продолжил избирательную кампанию. 18 апреля 1924 г. он дал интервью газете “*El Demócrata*”, в котором затронул ряд ключевых вопросов, касавшихся как внутренней, так и внешней политики. Отвечая на вопрос о роли профсоюзов, кандидат в президенты сказал, что “их цели являются, несомненно, экономическими”, поэтому они не должны вмешиваться в политику. Однако, по мнению Кальеса, это не означало, что отдельные члены профсоюзов должны были отказаться

⁴³ Ibid. P. 24-26.

⁴⁴ Де ла Уэрта занимал пост временного президента в 1920 г., а затем был назначен министром финансов в правительстве Обрегона.

⁴⁵ *Valenzuela G.J.* Campaña, rebelión y elecciones presidenciales de 1923 a 1924 en México // *Estudios de Historia Moderna y Contemporánea de México*. 2002. Núm 23. P. 85.

от участия в политике. Во время интервью генерал Кальес высказал ряд интересных замечаний по аграрной проблеме. Он утверждал, что целью правительства должно было стать “превращение крестьян в земельных собственников”; это поможет избежать будущих революций, так как созданные материальные интересы станут опорой существующему строю. Размышляя о формах собственности в деревне, Кальес говорил, что коллективная обработка земли не могла создать стимула у крестьян, предлагал разделить эхидо⁴⁶ на индивидуальные парцеллы и с помощью законодательства не допустить концентрации участков в руках немногих. Отвечая на вопрос о том, возможно ли разрушение капиталистической системы в Мексике, будущий президент ответил, что “ничего не может сказать о далеком будущем”, однако на тот момент это представлялось ему невозможным⁴⁷.

Проанализировав политику США в Латинской Америке, Кальес пришел к выводу, что американцы – это “народ производителей, а не завоевателей”. Они, прежде всего, нуждались в рынках для своих товаров и в сырье для промышленности. Возможные интервенции и империалистическая политика, считал Кальес, неминуемо должны были встретить сопротивление латиноамериканцев и привести к разделению двух Америк, однако он надеялся на то, что здоровые силы в США не допустят подобного развития событий. Что касается иностранных инвестиций, то их, по мнению Кальеса, нужно было поощрять, потому что природные богатства Мексики не приносили никакой пользы без их эксплуатации. Однако иностранные капиталисты, с точки зрения кандидата в президенты, должны были подчиняться законам страны и не просить для себя привилегий⁴⁸.

Во время предвыборной кампании Кальес выступил с острой критикой латифундизма и по сути поставил под сомнение способность традиционных элит эффективно управлять страной: “Что сделали в течение многих веков латифундисты для национального сельского хозяйства? Где системы орошения, которые они построили для улучшения обработки земли? Где новинки сельскохозяй-

⁴⁶ Традиционно в Мексике термином эхидо обозначали пастбища и леса, прилегавшие к деревне, которые совместно использовались ее жителями. После революции 1910-1917 гг. значение этого слова поменялось, и под эхидо стали понимать все земли, выделяемые деревне или группе крестьян.

⁴⁷ *Elias Calles P. Op. cit. P. 52-54.*

⁴⁸ *Ibid. P. 54-55.*

ственной техники..., которыми уже пользуются в большинстве стран мира?” Вместо этого, говорил Кальес, в латифундиях можно было увидеть лишь “убогую вереницу быков” и “нищего, эксплуатируемого пеона, который тащит за собой примитивный плуг и огромный груз своих бед”⁴⁹. Кальес считал, что изменение такого положения дел было в интересах самих помещиков. По его мнению, наделение крестьян землей должно было превратить латифундистов в “настоящих земледельцев”, так как пеон, получив независимость на своем земельном участке, не был обязан идти работать к помещику, что должно было заставить последнего внедрять новую технику, экспериментировать с семенами, чтобы оставаться конкурентоспособным в условиях отсутствия даровой рабочей силы⁵⁰.

Фактически то же самое, что и от латифундистов требовал Кальес от крупных промышленников. Он призывал их уменьшать производственные затраты не за счет снижения зарплат рабочим, а с помощью модернизации производства. Он заметил, что легче “растрачивать капиталы на удовольствия, чем приложить усилия и стать настоящим промышленником, способствующим величию страны и улучшению положения рабочих”. Кальес отказывал капиталистам в протекционизме, так как полагал, что это навредит потребителям, которые будут вынуждены платить дорого за низкокачественный товар, а также законсервирует неэффективность местного производства⁵¹.

Таким образом, уже во время предвыборной кампании Кальес сформулировал основные положения своей политической программы гораздо более четко, чем Обрегон. Его радикализм вызвал страх у консервативных сил, которые после провала восстания дела Уэрты выдвинули кандидатуру генерала А. Флореса. Флорес был губернатором штата Синалоа и во время пребывания на этом посту заработал репутацию противника проведения аграрной реформы⁵². 28 июля 1923 г. он объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента, однако проявил крайне низкую активность во время избирательной кампании. Его главной опорой стал Национальный профсоюз земледельцев, являвшейся главной организацией помещиков. 2 мая 1924 г. Флорес выпустил манифест, в

⁴⁹ Ibid. P. 39.

⁵⁰ Ibid. P. 68-69.

⁵¹ Ibid. P. 40 - 41.

⁵² *Valenzuela G.J.* Op. cit. P. 90.

котором заявил, что не будет подробно излагать свою программу, но при этом объявил себя сторонником демократии и противником олигархии. Также генерал Флорес пообещал не наносить вреда “интересам”, существовавшим до начала революции (то есть тем лицам, которые приобрели собственность во время диктатуры Диаса – А.Ш.), уважать право собственности и предоставить гарантии иностранным гражданам⁵³.

Президентские выборы состоялись 6 июля 1924 г., однако результаты, как это было принято в то время в Мексике, стали известны лишь спустя несколько месяцев. Кальес набрал 84% голосов избирателей, остальные достались Флоресу⁵⁴.

Правление Кальеса ознаменовалось острым внутривластным конфликтом государства с католической церковью, исторически являвшейся одним из главных врагов мексиканских революционеров⁵⁵. Как известно Конституция 1917 г. нанесла сильный удар по позициям церкви; так, 3 статья конституции устанавливала, что “религиозные корпорации”, священники и организации, связанные с пропагандой любой религии, не могут ни в какой форме участвовать в начальном и среднем образовании, а также в учреждениях, занимающихся образованием крестьян и рабочих. 5 статья запрещала создание монастырей, поскольку относил их к учреждениям, которые вели к потере свободы человеческой личности. 24 статья провозглашала свободу вероисповедания, но устанавливала ограничения на проведение религиозных церемоний, которые могли осуществляться только в церквях или в частных домах, но не на улицах, площадях или других публичных местах. 27 статья запрещала церкви владеть или управлять недвижимостью, объявляла храмы собственностью нации, предоставленной церкви федеральным правительством, которое могло решать для какой цели использовать церкви, семинарии, приюты и любые здания, построенные для пропаганды религиозного культа⁵⁶. 130 статья не признавала церковь юридическим лицом, запрещала церковным иерархам критиковать законы страны и принимать какое-

⁵³ El Universal. México, 2.V.1924.

⁵⁴ Dulles J. Op. cit. P. 241.

⁵⁵ Церковь четко обозначила свои политические предпочтения, поддержав в 1913 г. контрреволюционный переворот В. Уэрты.

⁵⁶ Constitución política de los Estados Unidos Mexicanos. México, 1982. P. 32-48.

либо участие в политике, а также требовала от священников регистрироваться в министерстве внутренних дел⁵⁷.

Представители церкви не желали признавать новую конституцию и оказывали сопротивление правительству. В период президентства Обрегона конфликт носил вялотекущий характер. Некоторые священники, такие, как, например, архиепископ Гвадалахары Ф. Ороско-и-Хименес, выступали с проповедями, в которых утверждали, что Бог предпочитает бедняков, живущих в повиновении, а не тех, которые “завидуют богатству других”⁵⁸. Время от времени возникали стычки между революционерами и католиками. В 1921 г. была взорвана бомба в Базилике Девы Гвадалупской. Однако наиболее острый конфликт произошел в 1923 г., когда представитель Ватикана в Мексике Э. Филиппи заложил первый камень для монумента Иисусу на холме Кубилете (штат Гвадалахара), нарушив тем самым 24 статью конституции. Обрегон выслал Филиппи из страны, а Кальес, бывший министром внутренних дел, запретил продолжение постройки монумента⁵⁹.

Определенный статус-кво между государством и католической церковью сохранялся вплоть до февраля 1926 г., когда в прессе появились декларации архиепископа Х. Мора-и-дель-Рио, в которых он высказался против 3, 5, 27 и 130 статей конституции⁶⁰. На самом деле эти заявления были сделаны архиепископом еще в 1917 г. сразу после принятия конституции и были заново воспроизведены журналистом газеты в погоне за сенсациями. После разразившегося скандала Мора-и-дель-Рио подтвердил, что его позиция не изменилась с 1917 г. Этого было достаточно для того, чтобы вызвать гнев Кальеса, который имел глубокие антиклерикальные убеждения. Президент начал активно проводить в жизнь конституционные положения: были закрыты религиозные школы, высланы из страны иностранные священники, региональные власти начали определять максимальное количество священников, которые могли вести службу в том или ином штате (в Дуранго был установлен лимит в 25 священников, на Юкатане - 16, в Тамаулипасе - 12 и т.д.)⁶¹.

⁵⁷ *Leyes fundamentales de México (1808-1983)*. México, 1983. P. 875-876.

⁵⁸ Цит. по: *Michaels A.L.* El nacionalismo conservador mexicano: desde la Revolución hasta 1940 // *Historia mexicana*. 1966. Vol. XVI, núm.2. P. 217.

⁵⁹ *Dulles J.* Op. cit. P. 272.

⁶⁰ *El Universal*, 4.II.1926.

⁶¹ *Dulles J.* Op. cit. P. 274-275.

Разъясняя свою политику в религиозном вопросе, президент отмечал, что речь шла о “подчинении и уважении к основному закону страны”, а не о кампании, направленной на преследование религии. Вместе с тем он считал, что исторически католическая церковь в Мексике была врагом “мирного развития национальных институтов” и всех прогрессивных сил⁶². Важно понимать, что Кальес рассматривал религиозный конфликт как продолжение исторического противостояния либеральной и консервативной партии, в котором церковь всегда выступала на стороне консерваторов.

24 июня был опубликован закон, установивший меры наказания за нарушение положений конституции, касавшихся религиозной сферы. Среди прочего новый закон предусматривал тюремное заключение сроком от одного до пяти лет для священнослужителей, критиковавших власти, правительство и законы страны⁶³. В заявлении, сделанном для американской прессы, Кальес заметил, что новый закон всего лишь регламентировал соответствующие статьи конституции и не привнес ничего нового⁶⁴.

В ответ Лига защиты религиозной свободы призвала к бойкоту правительства. Эта организация, возникшая в марте 1925 г., представляла собой ассоциацию граждан формально независимых от католического духовенства. Ее лидерами были бывший губернатор штата Сакатекас Р. Сенисерос Вильяреаль и бывший лидер католической молодежи Р. Капистран Гарса. Целью организации объявлялась “защита религии и родины”. Программа Лиги предусматривала отмену Конституции 1917 г., требовала полной свободы образования, равных прав для церкви и всех католиков⁶⁵. Бойкот, предложенный Лигой, призывал граждан Мексики воздержаться от покупок (за исключением товаров первой необходимости) для создания экономического кризиса, запрещал посещение светских школ, театров и других учреждений⁶⁶.

Высшее духовенство направило письмо президенту, в котором высказало свою точку зрения на разразившийся конфликт. Клерикалы просили Кальеса изменить Конституцию 1917 г. и прекратить исполнение закона от 24 июня 1926 г. для того, чтобы установилась “истинная независимость церкви от государства”. Они требовали от власти прекратить “принимать законы, касающиеся рели-

⁶² *Elias Calles P. Op. cit. P. 119-122.*

⁶³ *Dulles J. Op. cit. P. 276.*

⁶⁴ *Elias Calles P. Op. cit. P. 123.*

⁶⁵ *El Universal, 21.III.1925.*

⁶⁶ *Dulles J. Op. cit. P. 277.*

гиозных дел”, просили свободы совести, образования и прессы для церкви, а также требовали признания церкви юридическим лицом⁶⁷.

Пожалуй, наиболее важным документом, показывающим глубокие противоречия, существовавшие между взглядами Кальеса и точкой зрения духовенства, является стенограмма встречи президента с епископом штата Табаско П. Диасом и епископом штата Мичоакан Л. Руисом. При чтении этого поистине знаменательного диалога бросается в глаза желание епископов как-то договориться с Кальесом, убедить его смягчить или отменить действие законов и не идти на прямой конфликт. Заявив, что они “уважают и любят” президента, что они “должны уважать и любить законные власти” епископы пытались показать Кальесу, что союз с церковью выгоден, так как “позволяет быть в тесном контакте с массами народа”. Священники раз за разом просили изменить законы, поскольку “неправый закон не может быть законом”. Кальес отвечал, что законам нужно подчиняться, и если католики хотели изменить их, то для этого следовало обратиться в законодательные органы. Президент со своей стороны не был намерен помогать им в этом, так как эти законы отвечали его “политическим и философским убеждениям”. Диас ответил, что без помощи президента изменение законодательства невозможно, поскольку все депутаты являлись сторонниками правительства. В разгар встречи Кальес взорвался: “Я буду говорить с вами со всей откровенностью. Духовенство в Мексике не эволюционировало... Вы быстро теряете влияние среди верующих, потому что в рабочем движении, которое сейчас развивается, католические священники открыто выступают на стороне угнетателей рабочих... Священники являются врагами наделения крестьян землей и советуют им отказаться от земли, которое дает им правительство..., утверждая, что это воровство. Они говорят крестьянам о вечных муках, что они продают совесть за жалкий клочок земли... Советуют им смириться, поскольку страдания на этой земле будут вознаграждены вечным спасением души... И все время объединяются с помещиками, чтобы эксплуатировать крестьян”. Диас ответил, что церковь советовала тем, у кого много земли, делиться ей с крестьянами. Руис, в свою очередь, заявил, что церковь “постепенно эволюционирует и признает справедливость за социальными движениями, которые развиваются в рамках порядка”. Зашла речь и о социализме. Когда Кальес обвинил церковни-

⁶⁷ *Elias Calles P. Op. cit. P. 184-185.*
224

ков в напаках на социализм, епископ Руис ответил, что церковь выступает за улучшение положения рабочих, но “социализм стремится покончить с семьей, собственностью, а семью надо уважать и также надо уважать частную собственность”⁶⁸.

Неуступчивость Кальеса в религиозном вопросе объяснялась помимо прочего тем, что он считал духовенство одним из виновников национальных бед Мексики. Основываясь на отдельных исторических фактах, президент смотрел на католическую церковь как на глубоко антипатриотическую и реакционную силу. В связи с этим Кальес связывал обострение религиозного конфликта и кризис в отношениях с США. В одном из обращений к рабочим-кромистам он благодарил их за поддержку “в один из самых трудных для правительства моментов” и добавлял, что в то время как происходили важные международные события, “которые должны были определить, будет Мексика суверенной страной или нет, духовенство со всей подлостью и коварством бросило вызов правительству республики”⁶⁹.

После аудиенции у президента иерархи католической церкви последовали совету Кальеса и обратились в Конгресс с прошением изменить конституцию. Они утверждали, что располагали более 1.500.000 подписей в поддержку реформы основного закона⁷⁰. Как и следовало ожидать, прошение было отвергнуто⁷¹.

Радикализм, свойственный Кальесу на определенном этапе его идейной эволюции, вызывал яростные нападки со стороны консервативных сил в Мексике и в США. Славу “большевика” он заработал во многом благодаря поддержке, оказанной им КРОМ, лидер которой Л. Моронес занял пост министра промышленности, торговли и труда и обладал огромным влиянием в правительстве. В действительности президент постоянно открещивался от обвинений в большевизме⁷². Так, в интервью газете “Нью-Йорк Таймс” в

⁶⁸ *Eliás Calles P.* Correspondencia personal (1919-1945). Tomo 1. P. 173-184.

⁶⁹ *Eliás Calles P.* Declaraciones y discursos políticos. P. 135.

⁷⁰ *García Ugarte M.E.* Los católicos y el presidente Calles // *Revista Mexicana de Sociología*. 1995. Vol. 57, núm. 3. P. 142.

⁷¹ К концу 1926 г. конфликт между государством и католиками принял вооруженный характер. Мирные соглашения, подписанные в 1929 г., не содержали договоренностей об изменении Конституции 1917 г. и закрепили победу государства над католической церковью.

⁷² Стоит отметить, что представления о царившем в Мексике “большевизме” были широко распространены в 1920-е гг. не только в США, но и в ряде латиноамериканских стран, в частности в Аргентине. См.: *Казаков* 225

феврале 1926 г. он заявил, что “считать, что в Мексике правительство придерживается экзотических методов и доктрин (то есть большевизма – А.Ш.), не предусмотренных текстом нашей конституции, является просто смешным”⁷³. Тем не менее, Кальес в своей пропаганде постоянно подчеркивал необходимость действовать в интересах широких слоев населения и добиваться “более равного распределения богатств”⁷⁴. Решение этой задачи было возможно только благодаря действиям государства: “Так как Мексика является преимущественно страной пролетариев (под пролетариатом Кальес понимал все обездоленные слои населения, в том числе и крестьян – А.Ш.) и небольшого числа более обеспеченного населения, которое само может получить культурные и материальные блага, является делом правительства приложить все усилия для улучшения положения бедных классов”⁷⁵.

Взгляды Кальеса на рабочий вопрос также были далеки от большевизма и являлись одной из разновидностей реформистского синдикализма. Более того, именно в период нахождения Кальеса на посту президента окончательно возобладали реформистские идеи в рабочем движении Мексики. “Современные профсоюзы, – говорил президент, – ответственны за ограничение всепоглощающей власти капитализма и даже иногда служат для защиты от атак, направленных на его уничтожение”⁷⁶. В статье “Развитие профсоюзных организаций” Кальес писал, что синдикаты снизили накал “естественной классовой борьбы, потому что рабочие... организованные в профсоюзы, легче добиваются побед в деле улучшения положения своего класса”. Это предотвращало радикализацию рабочих, которые, убедившись в преимуществах профсоюзов, избегали крайних мер в борьбе с капиталом⁷⁷.

Такая постановка вопроса гармонично сочеталась с идеологией КРОМ, которая в период нахождения Кальеса на посту президента превратилась, по сути, в официальный профсоюз. На шестом съезде КРОМ, состоявшемся в августе-сентябре 1927 г., видный профсоюзный деятель В. Ломбардо Толедано говорил, что изменить по-

В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. М., 2008. С. 309.

⁷³ Calles P.E. Pensamiento político y social. Antología (1913-1936). P. 171.

⁷⁴ Calles P.E. Op. cit. P. 159.

⁷⁵ Elías Calles P. Declaraciones y discursos políticos. P. 91.

⁷⁶ El Demócrata. México, 18.IV.1924.

⁷⁷ Calles P.E. Pensamiento político y social. Antología (1913-1936). P. 163-164.

ложение масс можно было двумя способами: либо с помощью “диктатуры пролетариата, как в России, либо, социализируя богатства, путем медленной трансформации”. Мексиканские лабористы⁷⁸ не были большевиками, – замечал он, – поскольку “есть утопии, которые являются преступлением против рабочего класса”⁷⁹.

По мере приближения даты очередных президентских выборов в мексиканской политической элите все острее разгоралась борьба между различными фракциями. В конце 1926 г. были внесены изменения в конституцию, разрешившие переизбрание президента на второй срок⁸⁰. Сторонники реформы утверждали, что речь шла о “разъяснении” конституции, которая якобы запрещала лишь переизбрание действовавшего президента, а не бывшего. Немногочисленные депутаты, выступившие против, доказывали, что реформа грубо попирала революционные принципы, содержала опасность установления диктатуры и могла привести к новой революции⁸¹.

Многочисленность сторонников и быстрота принятия реформы говорили о большом влиянии, которым продолжал пользоваться Обрегон в политической элите страны. Вскоре, как и ожидалось, он объявил о намерении баллотироваться на пост президента. В манифесте от 25 июня 1927 г. Обрегон объявил, что “интересы родины” требовали его возвращения в политику, изложил свое видение политической ситуации в стране и основные положения предвыборной программы. Каудильо обрушился с критикой на “консервативную партию”, которая, по его мнению, всегда использовала ту или иную маску, “стараясь выглядеть как защитница идеалов, которых она не знает и не практикует”. Новой маской консерваторов, говорил Обрегон, стал антирезлекционизм. Каудильо пытался доказать, что в его случае речь не шла о переизбрании, так как он не был действовавшим президентом. Обрегон заявил, что “бесполезно говорить о программе будущего правительства, так как я уже исполнял полномочия президента республики в течение четырех лет, и за это время четко выразилась моя политическая и социальная концепция”, однако все же сделал ряд интересных замечаний. Он призвал

⁷⁸ В данном случае имеются в виду сторонники КРОМ и Лабористской партии, являвшейся политическим крылом профсоюза.

⁷⁹ PLM, VI Convención. Boletín oficial de los trabajos verificados del 29 de agosto a 2 de septiembre de 1927. México, 1927. P.21.

⁸⁰ При этом оговаривалось, что действовавший президент не мог баллотироваться на второй срок подряд.

⁸¹ Diario de los debates de la Cámara de Diputados del Congreso de los Estados Unidos Mexicanos. México, 1926. P. 2-19.

“быть крайне осторожными с теми инвесторами, которые хотят защищать на нашей территории империалистические интересы Уолл Стрит, но вместе с тем создавать благоприятные условия, совместимые с нашим законодательством, для промышленного, торгового и сельскохозяйственного капитала США”. Обрегон предложил пересмотреть таможенную политику по отношению к южным штатам США, которые бойкотировали мексиканские продукты и при этом наводняли своими товарами мексиканский рынок. Главное внимание, с его точки зрения, нужно было уделять экономическому развитию страны, поскольку без экономической независимости нельзя говорить о политическом суверенитете. Что касается путей достижения экономической независимости, то Обрегон предлагал эффективно эксплуатировать природные ресурсы Мексики и отказаться от импорта тех продуктов, которые можно было производить внутри страны⁸².

Оппозицию Обрегону составили два влиятельных генерала: А. Гомес и Ф. Серрано. 23 июля 1927 г. Серрано выпустил манифест к нации, в котором вкратце изложил свою политическую программу, главными темами которой стали аграрный и рабочий вопросы, а также отношения с США. Он пообещал улучшить условия жизни рабочих, защищать их организации и обеспечить социальные гарантии. Вместе с тем Серрано высказался в защиту как местного, так и иностранного капитала, поскольку считал, что реконструкция страны без его помощи была бы “глупостью или наивностью” и могла привести лишь к “нищете, невежеству, перманентной революции, к отсталости и все это под зловещим флагом закрытого и ненавидящего всех национализма”. В аграрном вопросе он, так же как Кальес и Обрегон, выступал за раздробление крупных латифундий и создание мелкой собственности, которой нужно было обеспечить “наиболее способных и подготовленных”, так как собственность, по мысли Серрано, это “социальная функция” и поэтому она не могла находиться в непродуктивных руках. Что касается отношений с США, то Серрано предлагал превратить “географический фатализм” в преимущество, однако не указал конкретных путей достижения этого⁸³. Генерал Гомес со своей стороны не выдвинул какой-либо внятной программы, ограничившись постоянным использованием лозунга “Нет переизбранию”.

⁸² *Obregón A. Discursos. Tomo 2. México, 1932. P. 59-78.*

⁸³ *Manifiesto a la nación del ciudadano general de division Francisco R. Ser-rano, candidato anti-reeleccionista a la Presidencia de la Republica. México, 1927. P. 9-26.*

Борьба между кандидатами в президенты носила крайне острый характер. Серрано и Гомес не верили в честные выборы, поэтому их усилия были направлены, главным образом, на поиск сторонников в армии. В начале октября 1927 г. группы мятежников начали военные действия против правительства, заявив о поддержке оппозиционных кандидатов, однако попытка восстания закончилась неудачей. Гомес и Серрано были схвачены и расстреляны.

1 июля 1928 г. состоялись выборы, на которых Обрегон получил, по официальным данным, 100% голосов⁸⁴, а его сторонники завоевали большинство в конгрессе. Казалось, что в ближайшие шесть лет обрегонизм будет доминировать на политической арене, однако 17 июля на банкете, организованном в честь избранного президента, Обрегон был застрелен религиозным фанатиком⁸⁵.

Убийство каудильо вызвало глубокий политический кризис и стало детонатором политической реформы, принципы которой были сформулированы Кальесом в знаменитом докладе к Конгрессу 1 сентября 1928 г. Президент предложил покончить с традициями каудильизма, наносившими вред стране, и перейти к институциональному строю. Важнейшей частью реформы стало создание официальной “партии революции”, объединившей большую часть политической элиты страны⁸⁶.

1 декабря 1929 г. вышел манифест, в котором сообщалось о создании Национально-революционной партии (ПНР) и вскоре были обнародованы официальные партийные документы: Декларация принципов и Программа действий. В Декларации принципов говорилось о том, что ПНР будет всеми силами способствовать стабильности правительства, сформированного в результате ее политической деятельности. Улучшение положения народных масс объявлялось главной заботой партии, поскольку без выполнения этой задачи было невозможно достигнуть материального и культурного прогресса страны. Во внешней политике предлагалось следовать принципу суверенитета, говорилось о необходимости сближения с латиноамериканскими народами и о недопустимости вмешательства во внутренние дела других стран. В конце доку-

⁸⁴ *Garrido L.J.* El partido de la revolución institucionalizada. México, 1984. P. 59.

⁸⁵ Убийца Обрегона, Х. де Леон Тораль, был членом Лиги защиты религиозной свободы и верил, что, осуществив убийство Обрегона, он совершит угодное богу дело. Был осужден и приговорен к смертной казни.

⁸⁶ Подробно см. *Шишков А.С.* Мексика: от власти каудильо к власти закона // Латинская Америка. 2009. №8. С. 61-72.

мента открыто заявлялось о том, что партия будет бороться на выборах во все органы власти для избрания тех кандидатов, которые разделяли “революционную идеологию”⁸⁷.

В Программе действий большое внимание уделялось экономическим вопросам. Предлагалось сократить импорт и заполнить внутренний рынок местными товарами, что позволило бы улучшить торговый баланс. Говорилось о необходимости отдавать предпочтение промышленности, основанной на национальном капитале, и осуждался тот иностранный капитал, который стремился вывести всю прибыль из Мексики, “обогащая другие страны за счет нашей”. В очередной раз подчеркивалась необходимость найти “равновесие” между трудом и капиталом. Говорилось о приверженности 123 статье конституции и было обещано принять законы о социальном страховании и пенсионном обеспечении⁸⁸. Для успешного экономического развития страны авторы программы считали необходимым быстро получить доступ к иностранным кредитам⁸⁹.

В аграрной политике заявлялось о необходимости разрушить отсталые латифундии и разделить землю между крестьянами. Однако авторы программы понимали всю сложность социального состава мексиканской деревни и предлагали разные меры для различных классов. Наиболее бедным крестьянам, объединенным в общины, нужно было предоставлять эхидо, чтобы они могли обеспечить свое существование. Средним слоям в деревне, “чьи экономические нужды не могут быть удовлетворены эхидальной parcelлой”, надо было, с точки зрения авторов документа, помочь в их стремлении к прогрессу. Для этого государство должно было продолжать политику орошения земель с целью их последующей передачи крестьянам-середнякам в индивидуальную собственность. Что касается “сельских предпринимателей”, то им нужно было дать возможность обрабатывать большие участки земли. Авторы программы заявляли, что цель аграрной политики состояла не только в разделе земли, но и в создании условий для ее продуктивной обработки, чтобы “повысить и ни в коем случае не снизить сельскохозяйственное производство страны”⁹⁰.

⁸⁷ Historia documental del Partido de la Revolución. Tomo 1. México, 1981. P. 57-58.

⁸⁸ Ibid. P. 61 – 62.

⁸⁹ Ibid. P. 68.

⁹⁰ Ibid. P. 62 - 63.

Значительное внимание в программе ПНР уделялось мерам, направленным на развитие системы образования в стране. С помощью образовательных учреждений партия рассчитывала укрепить “национальное самосознание” мексиканцев и пропагандировать идею о превосходстве общественных интересов над частными. Подчеркивалась необходимость повысить культурный уровень народных масс и придать образованию практическую направленность⁹¹.

Главным оппозиционером, бросившим вызов новой партии, стал Х. Васконселос. Вернувшись на родину в ноябре 1928 г., он начал активную политическую кампанию, которая нашла поддержку среднего класса и студентов. Как справедливо отмечает ряд исследователей, речи и статьи Васконселоса, наполненные литературными метафорами и морализаторской риторикой, “скрывали отсутствие четкой и конкретной политической программы”⁹². Он ассоциировал себя с Кетцалькоатлем, понимаемым им как конструктивная сила, боровшаяся против разрушителя Уицилопочтли⁹³. Васконселос считал, что только честные выборы могли принести мир Мексики и выступал в защиту, прежде всего, мексиканской собственности⁹⁴. Вера Васконселоса в свободу выборов, в демократию свидетельствовала о непонимании им исторического момента, переживаемого Мексикой. Э. Портес Хиль писал, что “во время своей кампании Васконселос обнаружил полное незнание политической среды, в которой он действовал. Его речи всегда характеризовались игнорированием национальных проблем; он не говорил ничего, что могло бы заинтересовать рабочих или крестьян”⁹⁵.

Пытаясь повысить шансы на победу на президентских выборах, Васконселос согласился стать кандидатом Национальной анти-рефлексионистской партии, чья программа, как это видно из названия, предусматривала возвращение к принципу “Нет переизбра-

⁹¹ El Universal, 20.I.1929.

⁹² Meyer L. Los inicios de la institucionalización (1928-1934) // Historia de la Revolución Mexicana. Tomo 12. México, 1981. P. 99.

⁹³ El Universal, 26.XI.1928.

⁹⁴ El Universal, 1.IV.1929. Такая постановка вопроса была связана с тем, что в 1920-е гг. правительство зачастую предпочитало экспроприировать латифундии мексиканских помещиков и не трогать земельную собственность американских граждан, стремясь, таким образом, избежать прямого столкновения с США.

⁹⁵ Portes Gil E. Quince años de política mexicana. México, 1954. P. 176-177.

нию”. Кроме того, в программе партии говорилось о необходимости “морализации бюрократии”, введении парламентского строя, развитии образования и сокращении армии⁹⁶. Принимая во внимание объективные условия, существовавшие в Мексике в то время, осуществление подобной программы на практике было маловероятным.

В марте 1929 г. на Учредительном съезде ПНР был избран официальный кандидат партии на предстоящих президентских выборах. Им стал П. Ортис Рубио, маловлиятельный политик, долгое время находившийся за пределами Мексики на дипломатической службе. Ортис Рубио провел интенсивную предвыборную кампанию, во время которой он заявил, что в случае победы на выборах будет осуществлять программу ПНР⁹⁷ и продолжит “путь, проложенный предшественниками”⁹⁸. В аграрном вопросе, как, впрочем, и во всех остальных, Ортис Рубио не предложил ничего нового. Он обязался продолжить раздел земель⁹⁹, поддержать общины и помочь держателям мелких парцелл¹⁰⁰. Рабочим кандидат в президенты пообещал регламентировать 123 статью конституции, принять трудовой кодекс¹⁰¹ и защищать пролетариат, не атакуя при этом капитал¹⁰².

17 ноября 1929 г. состоялись президентские выборы. Было объявлено, что Ортис Рубио получил 1.948.848 голосов, а Васконселос всего 110.979¹⁰³. Многочисленные жалобы на нарушения в ходе голосования остались без ответа. Избрание Ортиса Рубио ознаменовало конец режима “революционного каудильизма” и положило начало триумфальному шествию “партии революции” на всех президентских выборах вплоть до 2000 г.

Таким образом, создание ПНР стало кульминацией всего политического процесса 1920-х гг. Новая партия являлась механизмом, позволявшим осуществлять мирную передачу власти и идеологический контроль над народными массами. Требования проведения социальных реформ, более независимой внешней политики, просвещения народных масс, ограничения иностранного капитала,

⁹⁶ El Universal, 10.VI.1929.

⁹⁷ *Ortiz Rubio P.* Discursos políticos (1929). México, 1930. P. 13.

⁹⁸ *Ortiz Rubio P.* Op. cit. P. 16.

⁹⁹ Ibid. P. 73-74.

¹⁰⁰ Ibid. P. 51, 207.

¹⁰¹ Ibid. P. 74.

¹⁰² Ibid. P. 195.

¹⁰³ *Dulles J.* Op. cit. P. 436.

усиления роли государства в жизни общества, занимавшие центральное место в речах ведущих мексиканских политиков 1920-х гг., стали составной частью идеологии ПНР¹⁰⁴. Это позволяет говорить о том, что в политической элите Мексики уже в этот период обозначилась тенденция национал-реформистского типа, получившая дальнейшее развитие в период президентства Л. Карденаса (1934-1940).

¹⁰⁴ Похожие идеологические тренды, подготавливавшие приход национал-реформистской идеологии, наблюдались в это время и в других странах Латинской Америки, в частности в Боливии. См.: *Щелчков А.А.* Режим “государственного социализма” в Боливии, 1936-1939 гг. М., 2001. С. 65-96.
233

З.В.Ивановский¹

Колумбия: государство и вооруженная оппозиция Colombia: State and the Armed Opposition

Для Колумбии характерен целый ряд парадоксов и противоречий общественного развития. С одной стороны, это одна из самых старых и устойчивых демократий континента. В отличие от большинства латиноамериканских государств здесь практически не было военных переворотов, регулярно проводятся избирательные кампании и бесперебойно функционируют демократические институты. С другой стороны, широкий размах получили различные проявления экстремизма, связанные в первую очередь с террористическими акциями. Насилие в Колумбии настолько многолико, а его формы так переплетены, что подчас невозможно выяснить, где причина, а где следствие того или иного явления. Часть ответственности за совершенные преступления несут левые партизаны, часть погибших составляют жертвы ультраправых незаконных вооруженных формирований (парамилитарес), многие из которых связаны с наркомафией. К сожалению, в борьбе против левого и правого экстремизма силы правопорядка также допускают много злоупотреблений.

Поскольку парамилитарес нередко возникали при содействии силовых структур для противодействия леворадикальным партизанам, в качестве вооруженной оппозиции могут рассматриваться только последние.

Все течения колумбийской герильи считают себя сторонниками одного из течений марксизма-ленинизма, претендуют на авангардную роль в революционном процессе и выступают (по крайней мере, формально) за строительство той или иной модели социализма.

Партизанское движение имеет давние традиции, в течение многочисленных гражданских войн действовали вооруженные отряды традиционных политических партий. Новая волна партизанского движения возникла под непосредственным влиянием Кубинской революции. Наиболее дееспособной среди организаций, приняв-

¹ Збигнев Владиславович Ивановский – доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

ших решение воплотить на практике идеи Э.Че Гевары, оказалась действующая до настоящего времени Армия национального освобождения (ELN), созданная в 1964 г. В программных документах ELN отмечалось, что эта военно-политическая организация видит в качестве стратегической задачи захват политической власти. ELN выступала за создание демократического и революционного фронта рабочих, крестьян и передовой интеллигенции, студентов и прогрессивной части средних слоев, страдающих от существующего режима и готовых бороться за его изменение. Единственно возможной признавалась вооруженная борьба в форме наступательной народной войны. Главной силой революционного процесса провозглашалось крестьянство, поскольку рабочий класс, по мнению тогдашних идеологов ELN, еще не достиг необходимого уровня зрелости. Главные силы врага, считали руководители ELN, сосредоточены в городах, и, пока движение укрепляется, возможность выжить сохраняется только в горах. Лишь после превращения крестьянской армии в подлинную революционную силу к ней могут присоединиться рабочие, служащие, студенты и интеллигенция. Борьба за народное освобождение должна быть направлена из деревни в город².

Вторым партизанским движением, организационно оформившимся в этот период, стали Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC). С момента своего возникновения (апрель-май 1966 г.) FARC опирались на сельское население (крестьян и батраков), находившееся под влиянием коммунистов. Программа организации практически не отличалась от соответствующего документа компартии. В качестве конечной цели фигурировал захват политической власти, ближайшие задачи предусматривали борьбу за отмену чрезвычайного положения и вывод войск из зон операции, возвращение земель, отнятых у крестьян, компенсацию за ущерб, нанесенный жителям во время военных действий, освобождение всех политических заключенных, сокращение на 20% численности армии и военных расходов, высылка из страны военной миссии США и Корпуса мира, повышение заработной платы

² Casas U. Origen y desarrollo del movimiento revolucionario colombiano. Bogotá, 1980. P. 124; Towards Revolution. V. II. The Americas. London, 1971. P. 617-624; Torres C. Liberación o muerte. La Habana, 1967. P.161-164.

³ См. подробнее: Жучкова Г. Е. Колумбия: коммунисты в борьбе за единство народных масс. М., 1976.

промышленным и сельскохозяйственным рабочим³.

После раскола международного коммунистического движения маоистская Коммунистическая партия Колумбии (марксистско-ленинская) (РСС - ML) в 1967 г. создала Народную армию освобождения (EPL). Ее руководство считало основным противоречием эпохи противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между угнетенными народами и империализмом. На переднем крае антиимпериалистической борьбы, по его мнению, стояли народы “третьего мира”. При анализе ситуации в стране отрицалась возможность улучшения жизненного уровня масс при существующем строе. В различных документах содержался призыв к немедленному захвату политической власти при помощи Патриотического фронта освобождения, в состав которого должны войти городской и сельский пролетариат как руководящая сила, мелкие и средние крестьяне, образующие вместе с пролетариатом рабоче-крестьянский союз, полупролетарии города (низшие слои мелкой буржуазии), дополняющие основную силу революции, и высшие слои мелкой буржуазии, которую нужно привлечь на сторону фронта. Хотя в официальных документах и подчеркивалось, что “для захвата власти, осуществления народной революции и строительства социализма необходима гегемония пролетариата”, одновременно речь шла о низком уровне сознания “рабочего класса в результате неблагоприятного соотношения сил, репрессий реакции, предательства оппортунизма и систематической деятельности империализма в этом направлении”. Единственно приемлемой формой борьбы считалась народная война. Театром военных действий объявлялась деревня. Затем народная война должна распространиться на всю территорию страны и охватить все социальные слои⁴.

В 70-е годы в Колумбии, как и во всей Латинской Америке, начался спад партизанского движения, которому способствовали как общерегиональные факторы, так и особенности социально-политического развития страны. В условиях более широких возможно-

³ См. подробнее: Жучкова Г. Е. Колумбия: коммунисты в борьбе за единство народных масс. М., 1976.

C.51-52; Por la unidad obrera y popular hacia el socialismo. Documentos del XI Congreso del Partido Comunista de Colombia. (Bogotá, 1971). Praga, 1972. P. 53; Casas U. Op. cit. P. 129, 130, 134, 135.

⁴ Comunicado de estudiantes marxistas-leninistas./ UNINCCA. Bogotá, 1975, 11 de agosto; Gott R. Guerrilla Movements in Latin America. London, 1971. P. 225.

стей для легальной политической деятельности заметно сузилась социальная база герильи. Партизанское движение вступило в полосу острого кризиса и оказалось на грани уничтожения. Большой урон был нанесен прежде всего Армии национального освобождения. Правительственными войсками были захвачены крупные запасы боеприпасов и медикаментов, погибли многие члены ее генерального штаба. В организации обострились разногласия между сторонниками политической работы и вооруженной борьбы, подвергались сомнению вертикальная структура руководства, отсутствие внутренней демократии и коллективного принятия решений. К концу 1970-х гг. в рядах некогда многочисленной организации осталось только 80 человек¹⁹. Народная армия освобождения пыталась создать свободные зоны в малонаселенной местности, однако в результате нанесенных правительственными войсками ударов также была практически уничтожена. Часть членов EPL перенесла свои действия из деревни в город и перешла к тактике индивидуального террора. К концу десятилетия от EPL осталась лишь небольшая группа. Значительно ослабла и деятельность FARC, основные подразделения которых были обнаружены армией, партизаны потеряли 70% оружия и значительную часть живой силы.

В этот период основным субъектом вооруженной борьбы стало Движение 19 апреля (М-19). Название организации соотносится с 19 апреля 1970 г., когда, по ее мнению, правящие круги прибегли к подтасовке голосов и отказались передать власть кандидату популистской партии Национальный народный союз (ANAPO), бывшему диктатору Г.Рохасу Пинилье. М-19 стояло на националистических позициях и разрабатывало свою политическую линию и политическую платформу без учета требований центров мирового социализма". К главным врагам колумбийского народа причислялись империализм США и находящаяся у него на службе национальная олигархия, эксплуататоры крестьян, высшие военные круги и церковная иерархия, а также продажные профсоюзные лидеры, латифундисты и реакционеры из политических партий⁵. Абсолютное большинство членов М-19 составляли студенты и преподаватели университетов, школьные учителя, врачи и представители свободных профессий.

В течение 1970-х гг. деятельность организации сводилась исключительно к террористическим акциям в городской местности.

⁵ Colombia. Organo político del Movimiento 19 de abril. Bogotá, 1982. N 4. P. 10.

Для популяризации своих взглядов М-19 широко использовало методы т.н. “вооруженной пропаганды”. Наиболее широкий общественный резонанс получили похищение из музея меча, шпор и серебряного стремени героя борьбы за независимость С.Боливара, убийство “за предательство интересов рабочего класса” лидера Конфедерации трудящихся Колумбии Х.Р.Меркадо и другие акции. Тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, из-за отсутствия объективных условий роль М-19 в этот период была крайне незначительной.

Победа Сандинистской революции в Никарагуа и успехи повстанцев в других странах Центральной Америки вновь поставили на повестку дня вопрос об актуальности вооруженной борьбы как формы прихода к власти. С начала 1980-х гг. FARC получили известную автономию от компартии, по многим вопросам точки зрения этих организаций стали заметно отличаться. Армия национального освобождения также смогла восстановить силы, укрепить ряды и распространить свое влияние на новые территории. Выступая, как и прежде, за захват власти вооруженным путем, ELN начала устанавливать контакты с массовыми организациями крестьян, с рабочими - энергетиками и нефтяниками и со студенчеством. Как заявил ее тогдашний лидер, испанский священник-иезуит М.Перес, организация стремилась перенести свои действия в города, не прекращая борьбы в сельской местности, которая по-прежнему считалась “стратегическим тылом революционных армий”. Руководство ELN отмечало, что кризис социализма в бывшем СССР и странах Восточной Европы не умалял значимости марксизма-ленинизма. Крайне важное значение по-прежнему придавалось опыту Кубы, особенно взглядам Э.Че Гевары о континентальном характере латиноамериканской революции. ELN, которая всегда была тесно связана с левым крылом католической церкви, прежде всего с теологией освобождения, делала упор на сходстве многих постулатов христианства и марксизма⁶. Народная армия освобождения порвала с маоизмом, отказалась от переоценки роли крестьянства и признала активную роль рабочего класса и интеллигенции, осудила сектантство и заявила о важности политической борьбы, работы в профсоюзных и народных организациях, пришла к заключению о необходимости латиноамериканизации марксизма,

⁶ Arango Zuluaga C. Crucifijos - sotas y fusiles. Bogotá, 1991. P. 63, 65, 71, 77, 231.

выразила солидарность с Кубой и Никарагуа ⁷.

Значительно активизировалась и городская герилья М-19. Среди наиболее шумевших ее акций - захват 5 тыс. единиц оружия в столичном арсенале (1979), нападения на президентский дворец (июль 1981 г. и июнь 1982 г.), попытка покушения на президента Х.С.Турбая Айялу накануне парламентских выборов 1982 г., захват самолетов с целью переброски оружия. Наиболее известной операцией М-19 стало нападение в феврале 1980 г. на посольство Доминиканской Республики в Боготе во время приема по случаю национального праздника. В качестве заложников партизаны захватили свыше 60 человек, из них 14 - в ранге посла. М-19 потребовало от колумбийского правительства освобождения 300 политических заключенных, выплаты 50 млн. долл. выкупа, распространения документов организации и предоставления самолета для беспрепятственного выезда из страны ⁸. После полных драматизма двухмесячных переговоров требования М-19 были частично удовлетворены, заложники вышли на свободу, а участники операции вылетели на Кубу. Напротив, после захвата организацией Дворца правосудия в 1985 г. правительство отказалось выполнить требования налетчиков. Во время операции по их захвату погибли свыше 100 человек, а само здание превратилось в руины. В конце года в различных районах столицы правительство бросило против городских партизан армейские подразделения. После нескольких дней интенсивной перестрелки городским отрядам М-19 был нанесен большой урон ⁹. Начиная с конца 1970-х гг. наряду с индивидуальным террором М-19 начало использовать и другие формы вооруженной борьбы.

В 1980-е годы, на второй волне подъема вооруженной борьбы, возникли и новые течения партизанского движения, в частности, Революционная партия трудящихся и Движение Кинтина Ламе, созданное индейскими общинами для противодействия местным латифундистам, изгоняющим крестьян со своих земель.

В сентябре 1987 г. было объявлено о создании Национального координационного комитета партизанского движения им. С.Боливара, однако роль этого объединяющего центра сводилась к минимуму из-за сохранявшихся различий в стратегии и тактике.

⁷ Entre la guerra y la paz. Puntos de vista sobre la crisis colombiana en los años 80. Bogotá, 1987; Síntesis. Madrid, 1989. N 9. P. 285.

⁸ Journal de Genève. 1980, Mars 31; El País. Madrid, 1982, 15 de julio; Financial Times. London, 1982, March 12;

⁹ Colombia: democracia y sociedad. Bogotá, 1988. P. 305.

К началу 1990-х гг. заметно отличалась и социальная база различных партизанских движений. Несмотря на то, что большинство вооруженных акций осуществлялось в сельской местности, высокий удельный вес боевого состава партизан приходился на городскую молодежь, в основном, на выходцев из студентов, интеллигенции, служащих, а также жителей маргинальных кварталов. В М-19 и ELN средние городские слои составляли абсолютное большинство. Даже в FARC, непосредственном преемнике борьбы “крестьянских республик”, заметный процент составили жители городов. Лишь EPL продолжала оставаться преимущественно крестьянской организацией, однако и в ее ряды вступало все больше городской молодежи. Крестьянское, в основном индейское, население преобладало только в Движении Кинтина Ламе.

К концу 1990 г., по официальным данным, численность вооруженных формирований составляла свыше 9 тыс. чел., в т.ч. FARC – свыше 5 тыс., ELN – 2,2 тыс., EPL – 1,2 тыс., М-19 около тысячи человек. Вооруженные отряды Революционной партии трудящихся и Движения Кинтин Ламе насчитывали всего по 50 человек¹⁰.

Важнейшим политическим событием Колумбии стало принятие Конституции 1991 г., которая юридически закрепила переход страны к представительной демократии, значительно расширила элементы партисипации, сняла любые ограничения на деятельность политических партий, с особой тщательностью разработала проблему прав человека¹¹. До этого правительство предложило всем военно-политическим организациям прекратить вооруженную борьбу и принять самое активное участие в конституционном процессе. В начале 1990 г. М-19 подписало соглашение о мире, в апреле вместе с другими мелкими левыми группировками основало Демократический союз М-19 (AD / М-19), который отказался от применения насилия и заявил о стремлении объединить различные силы вокруг социал-демократического проекта. На выборах в Конституционную ассамблею организация добилась невиданного успеха, получив 27% голосов и став второй политической силой¹². (В дальнейшем популярность организации начала снижаться и она постепенно ушла с политической арены). Вскоре прекратили во-

¹⁰ El Espectador. Bogotá, 1990. 26 de julio.

¹¹ Constitución Política de Colombia 1991. Bogotá, 1991.

¹² См. подробнее: Ивановский З.В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М., 1997. С. 214 – 215; Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы. М., 2000. С.170 – 171.

оруженные действия и Народная армия освобождения, Революционная партия трудящихся и Движение Кинтина Ламе. Правительство выполнило свои обещания и ввело их представителей в состав Конституционной ассамблеи.

Несмотря на все изменения политической ситуации, FARC и ELN отказались прекратить вооруженную борьбу и заметно укрепили свои позиции. В начале нынешнего столетия численность FARC, по оценкам различных экспертов, составила от 17 до 20 тыс. чел., а численность ELN – более 5 тысяч¹³. FARC развернули деятельность на 60 фронтах, а ELN – на тридцати. Деятельность вооруженных формирований была заметна на территории более чем половины муниципий, часть из них фактически находились под контролем партизан¹⁴.

Новые программные документы организаций показывают, что, несмотря на глобальные изменения, происшедшие в современном мире, FARC и ELN не сделали никаких теоретических и практических выводов и продолжали оставаться на позициях догматического марксизма¹⁵. Так, в докладе Международной комиссии FARC подчеркивалось, что марксизм остается самым верным научным методом познания общества, социализм – единственным способом покончить с делением общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, с бедностью и несправедливостью, первым реальным шагом в строительстве бесклассового общества без эксплуататоров и эксплуатируемых. Основной тактической задачей трудящихся и эксплуатируемых народов провозглашался рост сопротивления либеральной демократии и рыночной экономике. Главными врагами по-прежнему оставались империализм США, который «душит и ограничивает свободу и независимость народов» и является главным источником «заразы зловещего неолиберализма», Международный валютный фонд и Всемирный банк. Чтобы покончить с несправедливостью, нищетой, экономическим и политическим диктатом, необходимо перейти от слов к конкретному сопротивлению

¹³ Resistencia. Noviembre 2001- febrero 2002. N 5. P.69; Латинская Америка. 2001. № 11. С.31; CNNenEspanol. Com. 2002, 7 de julio.

¹⁴ Rangel A. Guerra insurgente. Conflictos en Malasia, Filipinas, El Salvador y Colombia. Bogotá, 2001. P. 383.

¹⁵ Это отличает их от партизанского движения нового типа, возникшего в мексиканском штате Чьяпас в 1990-е гг. Подробно см.: Шишков А.С. Восстание в Чьяпасе 1 января 1994 г.: общая характеристика конфликта // Латиноамериканский исторический альманах. 2007. №7.

В принципе возможность политического решения конфликта не отрицалась, однако для прекращения кровопролития предлагалось равномерно распределить принадлежащие народу богатства, осуществить аграрную реформу и передать землю крестьянам, решить проблемы жилья, здравоохранения, занятости, что позволило бы установить подлинную демократию независимой, суверенной, социально справедливой Колумбии. На данном этапе, в частности, FARC выступали за немедленное прекращение неолиберальных реформ, против приватизации и за национализацию стратегических отраслей экономики, за конфискационную аграрную реформу, руководство экономикой со стороны государства, осуществление военной реформы. Важное место в пропагандистской деятельности партизан занимала и продолжает занимать борьба за легализацию наркотиков, поскольку, по их мнению, в условиях безземелья и отсутствия государственной политики в области аграрной реформы, выращивание мака и коки – единственная рентабельная продукция.

Единственным новым моментом в политическом дискурсе стал призыв дать бой империалистической глобализации, которая усиливает и «без того постыдную экономическую, политическую и военную зависимость от янки»¹⁷. (Представители FARC принимали активное участие в международных форумах антиглобалистов, проводившихся в различных регионах мира).

Изменение ситуации в мире и активизация сил правопорядка привели к необходимости поиска новых источников финансирования герильи. Начиная с 1980-х гг. она в значительной мере утратила идеологические ориентиры и превратилась в своего рода наркокартель. По данным Управления по борьбе с наркотиками и Министерства юстиции США, на долю FARC приходится до половины мировых поставок кокаина и более 60% этого наркотика, поставляемого на американский рынок. Если первоначально герилья собирала налог с наркоторговцев в зоне ее влияния, постепенно партизаны непосредственно занялись производством и поставками кокаина, а органы правосудия США выдвинули официальные обвинения против 50 членов организации, включая всех членов ее сек-

¹⁶ Молния. Газета КПСС. Орган Исполкома «Трудовой России». 2001. 21 мая; www.farc-ep.org; farc.narod.ru/docs/cbb.html.

¹⁷ FARC: el país que proponemos construir. Bogotá, 2001.

ретариата¹⁸.

Хотя террористические методы и раньше активно использовались незаконными вооруженными формированиями, в течение последних десятилетий насильственные методы борьбы стали преобладающими. Важное место в деятельности герильи по-прежнему занимают столкновения с подразделениями армии и полиции с целью захвата оружия и нанесения морального и материального ущерба противнику, организация взрывов штаб-квартир политических партий и других учреждений, захват самолетов, похищения должностных лиц и запугивание политиков, убийство высших офицеров, крестьянских лидеров, учителей и священников, не разделяющих «революционных идеалов». Незаконные вооруженные формирования выступают против легальной политической деятельности и пытаются любой ценой сорвать выборы. Особому нажиму подвергаются руководители местных органов власти, особенно в районах, контролируемых партизанами. Начиная с 1990-х гг. партизаны делают упор на экономический саботаж и захват заложников с целью выкупа¹⁹. Часто захват заложников производится и в политических целях в соответствии со сформулированной латиноамериканской герильей концепцией «пропаганды оружием». В данном случае жертвами обычно становятся известные политики, общественные деятели или журналисты.

Еще одной формой насильственных действий является вымогательство. В марте 2000 г. Центральный штаб FARC, отмечая недостаток «добровольных» пожертвований герилье, принял специальный закон о революционном налоге, которым облагаются все физические и юридические лица, имущество которых превышает 1 млн долларов²⁰. Отказ от выплаты требуемой суммы нередко стоит жизни. Сама сумма зависит как от уровня доходов, так и от степени сотрудничества с партизанами, которые, в случае выполнения их требований, предоставляют «крышу» и защищают не только от не связанных с партизанами криминальных элементов, но и от выступлений крестьян и батраков, несанкционированного захвата земель и т.д.

Наконец, особенно в отдаленных сельских районах значительное место в совершаемых преступлениях занимает похищение или

¹⁸ Santos J.M. *Jaque al terror. Los años horribles de las FARC*. Bogotá, 2009. P. 126, 127.

¹⁹ *Cambio*. Madrid, 1999. N 329. P.27.

²⁰ farc.narod.ru/laws/law_01.html

захват скота, необходимого не только для получения доходов, но и для снабжения партизан продуктами питания. В результате действий партизан и не связанных с ними криминальных элементов колумбийские животноводы теряют до трети поголовья²¹.

Принципиальной разницы в экономическом саботаже, осуществляемом FARC и ELN, не наблюдается, можно отметить лишь некоторую территориальную и отраслевую специализацию. В частности, ELN более активно действует в северной и западной части страны, где под предлогом борьбы с ТНК и защиты природных богатств регулярно прибегает к террористическим акциям – взрывам линий электропередач, нефтепроводов и скважин, нападениям на промышленные объекты.

В течение ряда десятилетий в Колумбии сложилась патовая ситуация: несмотря на предпринимаемые усилия, правительственными силами правопорядка не удается покончить с партизанским движением, в свою очередь, партизаны ни в коей мере не продвинулись к достижению своей стратегической цели. Сохранение и даже развитие партизанского движения объясняется целым рядом исторических, географических, экономических, политических и собственно военных факторов.

Ни одно из партизанских движений Латинской Америки не действовало в течение такого длительного периода, что позволило стать ему частью национальной жизни и наложить особый отпечаток на национальную психологию. Леворадикальные вооруженные формирования смогли использовать в своих интересах слабость колумбийского государства и почти полное его отсутствие и власти как таковой в отдаленных сельских районах. На начальном этапе партизаны представляли хоть какую-то власть, устанавливали свои правила игры, обеспечивали безопасность граждан и решали возникавшие конфликты, нередко выступали в качестве гаранта социальной справедливости, боролись с коррупцией, создавали крестьянские кооперативы, оказывали им содействие в реализации продукции.

Обе организации заняли выгодные военно-стратегические позиции. FARC первоначально закрепились на Восточной кордильере, в труднодоступных районах, однако находящихся в непосредственной близости от столицы, ELN – в среднем течении реки Магдалена. Все эти районы стали основной зоной выращивания

²¹ Bejarano J.A. Colombia: inseguridad, violencia y desempeño económico en áreas rurales. Bogotá, 1997. P. 166; Rangel A. Op. cit.. P. 401.

коки, а потом и опийного мака. В течение определенного времени FARC и ELN создавали мобильные отряды, использовавшие тактику партизанской войны без привязки к определенной территории, что позволяло наносить им ощутимые удары по противнику и в случае необходимости укрываться в труднодоступной местности. Дальнейшая территориальная экспансия герильи на обширные территории привела к распылению правительственных сил, невозможности их сосредоточения для нанесения решительного удара. Постепенно произошла определенная вьетнамизация вооруженного конфликта, довольно обширные территории оказались под контролем партизан.

Несмотря на незначительную привлекательность политической модели, предлагаемой FARC и ELN, на общенациональном уровне, им удалось в значительной мере установить контроль над местными органами власти как во время избирательных кампаний (благодаря поддержке своих кандидатов и запугиванию политических противников), так и оказывая воздействие на перераспределение финансовых потоков на уровне муниципалитетов.

В то время как в свое время военно-политические организации стран Центральной Америки, втянутых в политическое противостояние биполярного мира, получали значительную финансовую и военную помощь от социалистических стран, FARC и ELN от нее почти не зависели, а с распадом социалистического лагеря полностью не только перешли на самофинансирование, но и смогли аккумулировать существенные финансовые ресурсы и контролировать теневой сектор экономики. По данным Межведомственного комитета по борьбе с финансированием герильи, 48% доходов FARC составляют ресурсы, связанные с наркотиками, 36% - с вымогательством, 8% - с захватом заложников, 6% - с хищениями скота и остальное – с нападениями на банки и т.д. ELN получает 60% доходов от вымогательства, 28% - от захвата заложников, 6% - от наркоторговли и 4% - от хищения скота²². Большой удельный вес доходов от наркобизнеса не без основания позволяет многим исследователям использовать термин «наркогерилья».

Основные расходы партизан составляют закупки оружия и амуниции, питание, поддержание логистики и инфраструктуры. В последние годы им удалось наладить собственное производство оружия, каждый фронт располагает вертолетами и небольшими самолетами. На контролируемых территориях существуют госпи-

²² Rangel A. Op. cit.. P. 397.

тали и школы. Определенные суммы выделяются на нужды социальные нужды боевиков и их семей, иногда создаются небольшие объекты инфраструктуры и для местного гражданского населения.

Значительная часть средств отмывается и вкладывается через подставных лиц в легальную экономику, а также в теневой и «серый» сектор. Партизаны предоставляют кредиты мелким и средним предпринимателям, производителям сельскохозяйственной продукции и животноводам. Многие принадлежащие партизанам предприятия работают достаточно эффективно, а занятый на них персонал часто и не подозревает, кто является подлинным владельцем. Предполагается, что партизаны владеют миллионными счетами в колумбийских и иностранных банках и акциями крупнейших предприятий.

Колумбийские правительства использовали самую различную тактику по отношению к партизанам, пытаясь нанести им военное поражение либо добиться политического решения внутреннего конфликта. Впервые идея диалога с повстанцами возникла еще при правительстве А.Лопеса Микельсена (1974-1978). В 1975 г. переговоры были сорваны, поскольку вооруженные силы категорически отказывались идти на компромисс с ELN, бывшей в то время самой влиятельной военно-политической организацией. Во время правления Х.С.Турбая Айалы (1978-1982), использовавшего исключительно методы насильственного подавления партизанского движения, вооруженный конфликт резко обострился и оказался на грани превращения в гражданскую войну.

Самые серьезные попытки мирного урегулирования предпринял консерватор Б.Бетанкур Куартас (1982-1986), который увязывал достижение прочного мира с демократизацией страны и решением наиболее острых социальных проблем. В сентябре 1982 г. было созвано совещание руководителей политических партий, обсудившее возможность политических реформ. Правительство объявило о всеобщей амнистии и создало комиссию по умиротворению страны. Конгрессу был предложен ряд законопроектов, направленных на демократизацию колумбийского общества. Результатом политического диалога стало перемирие с самой многочисленной организацией - FARC, подписанное в марте 1984 г., к которому позже присоединились М-19, EPL и Движение Кинтина Ламе. С мая 1984 г. были прекращены вооруженные действия, партизаны отказались от похищения заложников, вымогательства, осудили террористические акции.

Новый политический климат, складывавшийся в стране, рас-

ширил возможности для легальной деятельности партизан. В апреле 1985 г. по инициативе FARC и компартии был создан Патриотический союз (UP), задуманный как первый шаг на пути широкого фронта левых сил, использующего легальные формы политического участия. Напротив, коалиция «На борьбу», организованная в августе 1984 г. и первоначально связанная с Армией национального освобождения, провозгласила себя сторонницей прямых действий - стачек, манифестаций, акций гражданского неповиновения и т.д. и активно боролась против заключения мирных соглашений между правительством и военно-политическими организациями. Участие в выборах отвергалось, хотя и не исключалась поддержка отдельных кандидатов. Провозглашенный в марте 1987 г. по инициативе Коммунистической партии Колумбии (марксистско-ленинской) и Народной армии освобождения Народный фронт также ориентировался на прямые методы борьбы, хотя и не отвергал участия в выборах.

Политика Б.Бетанкура вызвала недовольство части армии, которая отвергала саму идею переговоров с военно-политическими организациями. Был разработан т.н. план «Кондор», фактически предусматривающий физическое уничтожение партизан, перешедших на легальное положение. Перемирие неоднократно нарушалось обеими сторонами. Наконец, после гибели целого ряда лидеров UP и в результате разгула ультраправого терроризма партизаны вновь взялись за оружие.

Значительные усилия по умиротворению страны предпринимал и президент В.Барко (1986-1990). Справедливо указывая на социальные корни насилия и на невозможность добиться победы исключительно методами подавления, без осуществления социальных реформ и демократизации политической системы, президент выдвинул лозунг «четкого пульса и протянутой руки»²³. По мнению В.Барко, для укрепления демократии и ликвидации причин вооруженного конфликта необходимы улучшение положения народных масс, интеграция обособленных районов страны и обеспечение социальной справедливости.

Для достижения этих целей в августе 1987 г. был опубликован План социальной экономики, включавший искоренение нищеты, национальный план восстановления страны (реабилитации) и план комплексного развития крестьянских хозяйств. К концу правления В.Барко удалось добиться некоторых позитивных сдвигов на пути

²³ El cambio social: un compromiso con Colombia. Bogotá, 1989. P. 248.

к ликвидации социальных причин вооруженного конфликта: увеличились ассигнования на социальные нужды, здравоохранение и образование, многим крестьянским семьям были предоставлены земельные участки, осуществлялось строительство дешевого жилья, модернизировалась инфраструктура. Однако принятых мер оказалось явно недостаточно, а многие из них и вовсе носили декларативный характер. В сентябре 1988 г. президент В.Барко выдвинул свой план умиротворения страны, включающий три этапа - разрядку напряженности, переходный период и окончательное возвращение повстанцев к мирной жизни. Партизанам предоставлялась возможность излагать свои требования Национальному конгрессу. В качестве предварительного условия для начала переговоров требовалось сложить оружие, отказаться от вымогательства и террористических акций.

Военно-политические организации расценили мирную инициативу В.Барко как ультиматум и выдвинули встречный план, в свою очередь отвергнутый правительством, и резко активизировали террористическую деятельность. В ответ на выступления партизан армейские круги приняли решение о захвате контролируемой повстанцами территории, однако президент отказался от тотального наступления и даже сменил министра обороны – «ястреба» С.Молину. К концу президентского правления В. Барко различные военно-политические организации не смогли выработать единой тактики.

Президент С.Гавириа Трухильо (1990-1994) продолжил усилия своего предшественника по умиротворению страны, объявил амнистию партизанам, сложившим оружие, предоставил им места в Конституционной ассамблее и оказал экономическую помощь для включения в гражданский процесс. Одновременно 9 декабря 1990 г., в день выборов, подразделения пехоты и ВВС начали мощное наступление против FARC и ELN, отказавшихся сложить оружие. Правительственные войска захватили генеральный штаб FARC («Зеленый дом»), однако не смогли добиться окончательной победы.

В ответ на действия правительства партизаны заявили о начале нового этапа вооруженной борьбы. Произошло фактическое слияние вооруженных формирований FARC, ELN и остатков EPL, входивших в Национальный координационный комитет партизанского движения им. С.Боливар. В результате пострадало прежде всего гражданское население, не причастное к вооруженному конфликту. Экономический саботаж затруднил проведение антиин-

фляционной политики. Правительство, вновь вынужденное увеличить расходы на оборону, ввело дополнительные налоги и сократило некоторые социальные программы. Климат нестабильности, усилившийся в стране, привел к заметному сокращению иностранных капиталовложений и затруднил проведение «политики открытых дверей».

Для обеих сторон стала очевидной необходимость поиска политического пути выхода из кризиса. В конце апреля 1991 г. после контактов между представителями правительства и партизан было принято решение провести переговоры за рубежом, в столице Венесуэлы г. Каракасе, которые затем были продолжены в Мексике. В ответ на требование о демобилизации и прекращении огня партизаны поставили вопрос о демократизации вооруженных сил, ликвидации военизированных группировок, наказании виновных в «государственном терроризме», реорганизации системы правосудия, соблюдении прав человека, осуществлении глубоких социальных преобразований, аграрной и жилищной реформы, изменении трудового законодательства, перераспределении социальных благ и доходов, т.е. фактически о «революции в результате президентского декрета».

После принятия Конституции 1991 г. С.Гавириа вновь обратился к партизанам с предложением прекратить насильственные акции. В середине 1992 г. из-за неуступчивости и взаимной подозрительности сторон диалог с партизанами был прерван, что привело к резкому обострению внутривнутриполитической ситуации. Из-за превосходящих сил противника партизаны избегали прямых столкновений с армией и полицией и более активно использовали диверсии, саботаж и другие террористические акции. В ноябре 1992 г. правительство объявило о введении состояния внутренней нестабильности, представители армии получили право вести расследование на местах боев, расходы на содержание армии и полиции увеличились, соответственно, на 32 и 41%, были созданы специальные подразделения для преследования лидеров партизан. Значительно ожесточилось уголовное законодательство за похищение заложников и другие террористические акции.

Жесткие меры правительства нашли поддержку у большинства населения: по данным различных социологических опросов, от 61 до 73% колумбийцев требовали от президента твердой политики по отношению к партизанам. За прекращение вооруженной борьбы высказались известные интеллектуалы, обратившиеся с открытым письмом к Национальному координационному комитету партизан-

ского движения им. С.Боливара и поставившие под вопрос легитимность и эффективность вооруженной борьбы, руководство католической церкви, предпринимательские круги, журналисты. Тем не менее, партизаны отказались от переговоров с правительством (в мае 1994 г. соглашение о перемирии подписали лишь вышедшее из ELN одно из течений и две другие мелкие группировки). В ряде департаментов силам правопорядка удалось нанести серьезные удары по партизанам и захватить большое количество оружия и боеприпасов. В июне были арестованы один из лидеров Национального координационного комитета партизанского движения им. С.Боливара Ф.Карабальо и ряд рядовых участников ²⁴.

Президент Э.Сампер Писано (1994 - 1998) не исключал возможности политического решения конфликта и эпизодически выражал готовность к диалогу с партизанами. Большой пропагандистский эффект имела Неделя мира, провозглашенная в начале октября 1994 г. по инициативе церкви, ряда университетов и общественных организаций. В то же время Э.Сампер заявил о расширении масштабов разведывательной деятельности для захвата руководителей мятежников и усилил военное присутствие в зонах конфликтов. Одновременно с заявлениями о необходимости гуманизации вооруженных акций против повстанцев и внедрением социальных программ правительство вводило чрезвычайные меры и повышало ответственность за террористические акции, особенно за похищение заложников ²⁵.

Подобная политика не принесла желаемых результатов. Численность партизан сохранялась примерно на том же уровне, основные организации по разным причинам отказались от диалога с правительством, готовность к переговорам выразили лишь мелкие диссидентские группировки, произошла дальнейшая криминализация вооруженных формирований.

Максимальную готовность к диалогу проявил президент А.Пастрана (1998 – 2002), который еще до инаугурации встретился с лидером FARC М.Маруландой и принял решение о демилитаризации пяти муниципий. Под контроль партизан попала т.н. Фарк-ландия – обширная территория площадью 42 тыс. кв. км, превышающая площадь Швейцарии ²⁶. Одновременно был разработан План Колумбия - комплексная стратегия укрепления государства,

²⁴ ИТАР-ТАСС. 1994, 24 июня; El Espectador. 1994, 3 de octubre.

²⁵ См. подробнее: Ивановский З.В. Ук. соч. С.216 – 218.

²⁶ Латинская Америка. 2001. № 11. С.31.

направленная на создание условий для установления прочного мира, контроль над выращиванием наркосодержащих растений, борьбу с торговлей наркотиками и решение социальных проблем. Финансовое обеспечение плана составило 7,5 млрд долларов, значительная часть проекта финансировалась США²⁷.

План Колумбия получил неоднозначную оценку среди колумбийских и зарубежных аналитиков. Наиболее последовательные его сторонники сравнивали документ с Планом Маршалла и считали разработанные меры панацеей от всех бед, своего рода ключом к решению внутреннего вооруженного конфликта. Противники плана, к которым в первую очередь принадлежали партизаны, делали акцент на его военных аспектах и считали, что его реализация, прежде всего, американская военная помощь, усилит напряженность, приведет к обострению и интернационализации конфликта.

Не удалось добиться прогресса и в мирном урегулировании конфликта. Демилитаризованная зона использовалась партизанами для подготовки боевиков, содержания заложников, подготовки вооруженных нападений, торговли наркотиками и оружием. Не прекращались и террористические акции. После получения политического статуса Армия национального освобождения также стала добиваться выделения ей демилитаризованной зоны. Активизировались и ультраправые военизированные формирования, которые также стали добиваться участия в переговорах. В феврале 2002 г. переговоры прекратились, а правительство начало вводить войска в демилитаризованную зону²⁸. В конечном счете чрезмерные уступки правительства Пастраны не дали желаемых результатов. Пользуясь благоприятной ситуацией, партизаны укрепили свои позиции и активизировали террористические акции.

Президент А.Урибе Велес (2002 – 2010) занял крайне жесткую позицию, считая, что покончить с терроризмом можно только с позиции силы. Идеологическое обоснование этой политики нашло отражение в доктрине демократической безопасности, предполагавшей укрепление силовых структур и увеличение военных расходов. За годы правления А. Урибе численность армии и полиции выросла с 279 до 420 тыс. человек, ежегодно осуществлялось более

²⁷ Presidencia de la República de Colombia. Plan Colombia. Fortalecimiento institucional y desarrollo social 2000 – 2002. Informe para el grupo de apoyo al proceso de paz. Bogotá, 2000.

²⁸ CNNenEspañol. Com. 2002, 7 de julio.

20 тыс. военных операций²⁹. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), по военным расходам (6,57 млрд долл. в ценах 2005 г., более 4% ВВП) Колумбия занимает второе место в регионе после Бразилии, за прошедшее десятилетие ее затраты на эти цели выросли на 142%³⁰. Благодаря сотрудничеству с Соединенными Штатами колумбийские военные получили самое современное вооружение, включая вертолеты и беспилотные самолеты. Большую помощь в подавлении незаконных вооруженных формирований оказали и израильские спецслужбы.

В результате военных потерь и демобилизации значительной части вооруженных формирований численность FARC сократилась до 7-8 тыс. человек, а ELN — до 3-2,5 тысяч. Боеспособность многих подразделений была подорвана, большинство было вытеснено в труднодоступные районы. Во многие отряды партизан были внедрены сотрудники спецслужб. Благодаря совершенствованию технической базы силы правопорядка стали перехватывать секретную информацию, а контакты между различными вооруженными отрядами, напротив, были затруднены. Наиболее чувствительные удары по FARC были нанесены в 2008 году. В течение нескольких месяцев организация потеряла трех из семи руководителей: в результате военной операции был убит «министр иностранных дел» организации Р.Рейес, от рук своего охранника погиб И.Риос, особенно ощутимой потерей стала смерть ее бессменного лидера М.Маруланды. Кроме того, сдалась правительственным войскам и призвала других последовать ее примеру Карина, боевой командир, действовавший на западе страны. Информация, обнаруженная в компьютерах Р.Рейеса, позволила разоблачить значительную часть агентов организации и парализовать международную деятельность FARC. Большой удар по престижу организации был нанесен успешной бескровной операцией по освобождению 15 высокопоставленных заложников, в том числе американских граждан и кандидата в президенты И.Бетанкур, и побегом находившегося в течение восьми лет в руках FARC депутата О.Лискано³¹. Эти факты значительно ослабили возможности партизан на потенциальных переговорах и понизили рейтинг FARC в мировом общественном мнении. Армии национального осво-

²⁹ Santos J.M. Op. cit. P. 310.

³⁰ Гонка вооружений в Латинской Америке /Латиноамериканская панорама. Сентябрь 2009 г. //www.ilaran.ru

³¹ Santos J.M. Op. cit.

бождения были также нанесены сильные удары со стороны правительственных войск и ультраправых формирований.

Для ослабления волны насилия правительство А.Урибе впервые пошло на переговоры с ультраправыми формированиями. В обмен на предложение о сокращении сроков заключения для его участников и в определенных случаях отказа от их экстрадиции за рубеж прекратили вооруженную борьбу, по различным данным, от 31 до 33 тыс. парамилитарес³². Благодаря политике демократической безопасности произошло заметное ослабление уровня насилия в целом. По официальным данным, с 2002 по 2008 г. число жертв сократилось на 45%, массовые убийства — на 77, террористические акции — на 76 и захват заложников — на 87%³³. Крайне редко происходят убийства коренного населения, практически перестали гибнуть журналисты и профсоюзные лидеры.

К сожалению, в рамках многочисленных операций по борьбе с терроризмом по-прежнему допускались многочисленные нарушения прав человека со стороны силовых структур. Широкою огласку получили внесудебные расправы над выходцами из беднейших семей, нередко с криминальным прошлым, безосновательно выдаваемых за погибших в бою партизан и наркотеррористов для доказательства эффективности своей работы и продвижения по службе. Для расследования преступлений и наказания виновных был создан специальный комитет с участием представителей различных государственных ведомств, правовых органов, силовых структур, национальных и международных правозащитных организаций. Одновременно вооруженные силы проводили собственное расследование. В результате в октябре 2008 г. было отправлено в отставку 27 военных, включая трех генералов, многие военнослужащие привлечены к суду³⁴. Благодаря принятым мерам количество подобных фактов, наносящих ущерб репутации вооруженных сил, сведено к минимуму.

Поскольку основным источником финансирования незаконных вооруженных формирований остаются наркотики, правительство предпринимало усилия по борьбе с выращиванием коки и производством кокаина и опиума. Посевы наркосодержащих культур уничтожались при помощи химикатов, активизировалась экстрадиция наркодилеров, определенный эффект дает конфискация

³² Латинская Америка. 2009. №5. С.63.

³³ Там же. С. 62.

³⁴ Santos J.M. Op. cit. P.460.

имущества, нажитого незаконным путем.

Крайне высокий рейтинг президента А.Урибе в значительной мере обеспечили победу на президентских выборах его преемника Х.М.Сантоса, которого поддержали более 69% избирателей, принявших участие в голосовании. Новый президент, приступивший к своим обязанностям 7 августа 2010 г. занимал пост министра обороны в предыдущем правительстве и непосредственно руководил основными антитеррористическими операциями. Победа официального кандидата, в целом опирающегося на те же политические силы и ту же социальную базу, что и его предшественник, вовсе не означает полной преемственности проводимой им политики. Еще в ходе избирательной кампании основным слоганом официального кандидата стал лозунг «от демократической безопасности — к демократическому процветанию», который подчеркивает, что основным приоритетом лидера страны станут социальные вопросы.

Сразу после смены власти лидер FARC Альфонсо Кано и руководители ELN Николас Родригес и Антонио Герра обратились к правительству с предложением о переговорах. Президент Сантос в принципе не исключает такой возможности, однако в качестве условия выдвигает освобождение всех заложников, отказ от применения противопехотных мин, вербовки детей и подростков, полное прекращение террористических акций, разоружение и демонтаж военных структур. С учетом негативного опыта прошлого подписан указ о продлении действия закона, запрещающего предоставление вооруженным формированиям демилитаризованной части национальной территории (так называемой «зоны разрядки»). Сохраняется и амнистия боевикам, не совершившим тяжких преступлений и не вовлекавшим в свою деятельность несовершеннолетних.

Пока правительство взяло курс на силовое подавление герильи. Нанесены существенные удары по формированиям партизан, уничтожены руководители ряда фронтов. В результате гибели главнокомандующего FARC Моно Хохоя в сентябре 2010 г. в руки спецслужб в очередной раз попала обширная информация, более 5 тыс. солдат идут по следу А.Кано, нанесены существенные удары по его ближайшему окружению⁵³. По данным министерства обороны, за 100 дней пребывания у власти нового президента уровень насилия снизился на 14% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. В то же время ситуация продолжает оставаться сложной: после 7 августа — инаугурации президента — были убиты более 50 политиков и общественных деятелей, особенно раз-

маха организованная преступность достигла в г. Медельине, где погибли более 1,5 тыс. человек. Увеличивается поток вынужденных переселенцев в соседние государства, более 380 тыс. колумбийцев покинули страну⁵⁴. Большой драмой остается проблема пропавших без вести, численность которых достигает 50 тыс. человек. Несмотря на то, что в 2010 г. Колумбия присоединилась к Международной конвенции по защите лиц от насильственного исчезновения, принятой ООН в 2006 г., до настоящего времени обнаружено только 3200 тел и лишь 1200 из них идентифицировано⁵⁵.

Глава государства старается разорвать порочный круг между насилием и острыми социальными проблемами. Консолидации страны может способствовать принятый в 2011 г. закон о жертвах, в соответствии с которым компенсацию получают все пострадавшие от внутреннего вооруженного конфликта, включая жертв партизан, участников ультраправых военизированных группировок или представителей силовых структур (примерная численность пострадавших составляет 4 млн человек). Устранению причин вооруженного конфликта может способствовать и аннулирование права на собственность на земельные участки, полученные в результате насилия, и устранение юридических препятствий на пути возвращения земель их законным владельцам⁵⁷. Под давлением партизан, ультраправых группировок, наркомафии и помещиков только в течение последнего десятилетия более 3,4 млн человек — около 8% населения — были вынуждены бросить или продать за бесценок земельные участки общей площадью 3 млн га (по другим подсчетам — до 6 млн) и пополнить пояса нищеты вокруг крупных городов. Только в 2010 г. число вынужденных переселенцев составило 7,5 тыс. человек, общая же численность беженцев за последние 25 лет, по данным ООН, — 4,9 млн человек⁵⁸. Существует и проблема переоценки кадастровой стоимости земельных участков и предоставления права на собственность 1,2 млн владельцев мелких земельных наделов.

Высокая популярность А.Урибе и его преемника Х.М.Сантоса, резкое снижение активности незаконных вооруженных формирований и их политическая изоляция наводят многих исследователей на мысль, что эта печальная страница в истории Колумбии вскоре будет окончательно перевернута. Подобное развитие событий представляется излишне оптимистическим. Пока еще трудно дать однозначный прогноз относительно сценариев разрешения конфликта, поскольку в этом уравнении слишком много неизвестных.

Опыт последних десятилетий показывает, что путь к миру представляется трудным и длительным. По-прежнему существует

целый ряд объективных и субъективных факторов как способствующих, так и препятствующих окончательному мирному урегулированию. С одной стороны, кризис реального социализма и отказ стран Восточной Европы от социалистического эксперимента, подрывают идеологическую основу организаций, провозглашающих себя сторонниками марксизма-ленинизма, а их деятельность воспринимается как исторический анахронизм. Бесперспективность вооруженной борьбы с целью захвата власти и решения социально-экономических проблем показали и процессы демократизации, происходящие в Латинской Америке.

Нельзя не учитывать, что в течение прошедших десятилетий заметно изменилось общественное мнение о возможности и необходимости вооруженной борьбы. Вначале колумбийская общественность считала партизан идеалистами, борющимися за лучшее будущее и подвергающимися жестоким репрессиям, затем — важной социальной группой, без которой невозможно добиться прогресса страны, а в настоящее время, особенно после перехода герильи к политике экономического саботажа и терроризма, она рассматривается многими скорее как фактор политической дестабилизации и часть преступного мира. По последним данным, рейтинг их популярности не превышает 2%, в то время как действия силовых структур поддерживают более 70% опрошенных³⁵.

Многие эксперты склоняются к мысли, что изменение соотношения сил и продолжение при поддержке США жесткой линии, направленной на подавление незаконных вооруженных формирований, обрекает герилью на полное уничтожение. В то же время нельзя исключить и дальнейшей криминализации партизан. Не исключается и перенос террористической деятельности в города с целью дестабилизации ситуации и дискредитации правительства. Новшеством может считаться активизация представителей партизан в ряде университетов страны, где политическое крыло FARC — «Боливарийское движение за Новую Колумбию» — пытается создать свои молодежные структуры и, возможно, подобрать кадры для своих городских отрядов.

Пока еще рано говорить о возможной политике нового руководителя партизанской организации А.Кано, тем не менее, нельзя не учитывать возможного изменения ее стратегии и тактики: на смену крестьянину-самоучке М.Маруланде пришел горожанин с гуманитарным университетским образованием, в прошлом состоявший в

³⁵ Santos J.M. Op. cit. P.23.

рядах Коммунистической молодежи и имеющий опыт ведения переговоров. Учитывая неоднородность FARC, после смены руководства нельзя исключать обострения противоречий между сторонниками боевых действий и мирных переговоров.

Нельзя полностью исключать и социальную составляющую герильи. Несмотря на заметные положительные сдвиги, в Колумбии по-прежнему сохраняются структурные деформации, создающие условия для распространения насилия. Безусловно, экономическая модернизация и политическая демократизация открывают возможности для интеграции маргинальных групп в современное общество, однако без ускорения аграрной и жилищной реформ, резкого снижения уровня бедности и социальной поляризации, особенно в самых отсталых районах, вряд ли возможно ликвидировать социальную базу партизанского движения. Для Колумбии по-прежнему характерен высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. (В зонах влияния партизан перспектива покончить с нищетой зачастую связана со вступлением в ряды герильи, наркомафии либо силовых структур для борьбы с ними). Решение социальных проблем требует длительного времени и зависит не только от добрых намерений того или иного правительства.

Состояние внутривнутриполитического конфликта и борьба с наркотрафиком в значительной степени зависят от позиции Соединенных Штатов. При всей неоднозначности Плана Колумбия нельзя не признать, что именно помощь США позволила укрепить и модернизировать колумбийскую армию, повысить ее боеспособность и в конечном счете переломить ситуацию. Но пойдет ли администрация президента Б.Обамы на дальнейшее оказание помощи Колумбии, станет ясно после того, как определится продолжительность и глубина мирового экономического кризиса, серьезно затронувшего и экономику США. Пока же объем американской помощи постепенно сокращается. В любом случае очевидно, что без помощи со стороны Соединенных Штатов и Европейского союза Колумбия не сможет справиться с наркотрафиком и острыми социальными проблемами, порождающими насилие.

Невозможно добиться умиротворения страны и прекращения террора, развязанного левыми партизанами, и без ликвидации других форм многоликого насилия, осуществляемого ультраправыми военизированными формированиями и наемными убийцами, связанными с наркобизнесом.

Часть партизан, находящихся в труднодоступных районах в те-

чение ряда лет и даже десятилетий, не имеет мирной профессии и испытывает большие трудности при интеграции в гражданскую жизнь. При отсутствии соответствующих условий и льгот демобилизовавшиеся боевики вновь могут возобновить вооруженную борьбу либо пойти в услужение к наркомафии.

Ослаблению насилия и урегулированию в той или иной форме вооруженного конфликта препятствует и неоднозначное отношение к незаконным вооруженным формированиям международного сообщества. В то время как США и ЕС однозначно причисляют FARC и ELN к террористическим организациям, правительства Латинской Америки, выступающие за строительство «социализма XXI в.», считают леворадикальных партизан вооруженным движением, располагающим политическим пространством, признают их в качестве воюющей стороны и призывают использовать для разрешения конфликта инструменты международного права³⁶.

С учетом многослойной структуры конфликта, продолжающегося и эпизодически обостряющегося в течение четырех десятилетий, геополитического положения Колумбии и ее роли в международном наркобизнесе нельзя исключать инерционный сценарий. Существующий конфликт может продолжаться, более многочисленная и переоснащенная армия активизирует антиповстанческие действия и окажет содействие полиции по обеспечению порядка в крупных городах и центрах экономического производства (охране нефтепроводов, энергетических объектов). В перспективе правительственные войска смогут в той или иной степени подорвать экономическую базу герильи и создать предпосылки для включения части повстанцев в легальный политический процесс. Жесткая позиция правительства, направленная на привлечение американской помощи, укрепление боеспособности армии и полиции, снижает возможности (хотя и не исключает полностью) нового переговорного процесса, который, однако, будет вестись с позиции силы. При условии интернационализации миротворческих усилий, направленное в том числе и на ослабление социально-политического напряжения и эффективное взаимодействие армии и сил безопасности в деле обуздания терроризма и насилия, поставленная цель может быть достигнута в более короткие сроки.

³⁶ Pécaut D. Las FARC. ¿Una guerrillas sin fin o sin fines? Bogotá, 2008. P.166-172.

Н.Е.Расторгуева¹

Президентские выборы 2000 г. в Мексике (аспекты межпартийной борьбы)

В мае 2000 г. министерство финансов Мексики опубликовало уточненные результаты экономического развития страны в I квартале 2000 г. В них отмечалось, что этот период характеризовался ростом экономических показателей. Так, ВВП увеличился на 7,9%, что на 6,1% выше, чем в аналогичном периоде 1999 г. и являлся самым высоким показателем за 19 лет. В целом, на протяжении последних 5 лет (с 1996 г.) в стране наблюдалась постоянная положительная динамика показателей ВВП. Открывая очередную 63 Ассамблею Национальной палаты горнодобывающей промышленности в мае 2000г., президент страны Э. Седильо выступил с развернутой речью, в которой дал оценку деятельности администрации за последний год и весь президентский срок в целом. Он сказал: «Без малейшей доли самодовольства должен отметить, что все намеченные правительством показатели, как экономического, так и социального характера, успешно выполнены. Экономика страны практически полностью восстановлена после кризиса 1994 г., причем некоторые из ее сфер развивались более успешно, чем планировалось»².

Несмотря на столь радужные оценки экономического положения Мексики, стоит признать, что обстановка в стране была крайне напряженной. Банкротство различных предприятий, вызванное повышением налогов, привело в 1995 г. к потере 800 000 рабочих мест. Если ситуация в экспортном секторе начала нормализоваться уже в следующем году, то экономика предприятий, работавших на внутренний рынок, продолжала оставаться в упадке. Количество рабочих мест, появившихся в период с 1995 по 1999 гг. не превышало среднегодовой оценки в 600 000, что составляло лишь 40% от необходимой цифры. Снижение уровня минимальной заработной платы привело к тому, что в мае 1999 г. покупательная способ-

¹ Расторгуева Наталья Евгеньевна – старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета РУДН, кандидат филологических наук.

² Итоги экономического развития в I квартале 2000 г. // Полпред – новости для экспортёров: URL: <http://polpred.ru/free/meksika/34.htm> (2003. 10 нояб.)

ность населения снизилась на 35,8% по отношению к 1994 г. Во многом этому способствовала либерализация цен на продукты питания первой необходимости. Согласно оценке ООН, в 1999 43% жили за чертой бедности¹. В такой обстановке было ясно, что предстоящие выборы будут очень сложными для правящей партии.

Кандидат, который должен был баллотироваться от ИРП на предстоящих выборах, избирался путём прямого тайного голосования. Из четырёх претендентов фактически шансы были лишь у двух - министра внутренних дел Франсиско Лабастиды (так как в Мексике отсутствует пост вице-президента, он реально являлся вторым лицом после главы государства) и губернатора штата Табаско Роберто Мадрасы. Впервые в истории Мексики в сентябре состоялись публичные дебаты двух кандидатов в президенты от ИРП, транслировавшиеся радио- и телеканалами. Их участники единодушно критиковали экономическую политику правительства. По оценке Роберто Мадрасы, с 1930 по 1999 гг. число бедняков возросло в 5-6 раз. Не обошлось без взаимных нападок. Лабастида назвал Мадрасу "двуличным лжецом" и обвинил его в лихоимстве во время губернаторства. В результате руководство ИРП призвало своих кандидатов отказаться от оскорблений и решило впредь не проводить публичные дебаты претендентов².

Раньше, чем в ИРП, без особых проблем, были выбраны кандидаты в 2 других основных партиях – ПНД и ПДР. Таким образом, во время предвыборной гонки 2000 г. основная борьба шла между тремя претендентами: Франсиско Лабастидой Очоа, Висенте Фоксом Кесадой, и Куаутемоком Карденосом Хименесом.

57-летний Франсиско Лабастида Очоа, кандидат от Институциональной партии революции, возглавлял предвыборную гонку в течение последнего триместра 1999 г. и в первом триместре 2000. За ним следовал губернатор штата Гуанахуато Висенте Фокс Кесада, представлявший на выборах «Альянс за перемены» («Alianza por el Cambio», союз двух партий – «ПНД» и «Зелёную экологическую партию Мексики» (Partido Verde Ecologista de México).

«Зеленая экологическая партия Мексики» (ЗЭПМ, старое название – «Мексиканская зеленая партия» («Partido Verde Mexicano») сформировалась в 1986 г. на основе неправительственной

¹ Favre H. México año 2000 // Cuadernos Americanos. Vol. 6. México, noviembre-diciembre del 2000, № 84. P. 41 – 42.

² Хачатуров К. Мексика поворачивается к плюрализму // Независимая газета, 1999, №179. 25.09. 1995

организации «Национальный экологический альянс», созданной в 1980 г. Первый руководитель партии – Хосе Гонсалес Торрес, преподаватель Национального автономного университета Мексики и Ибероамериканского университета, бывший член ИРП. На президентских выборах 1988 г. «Мексиканская зеленая партия» поддержала кандидатуру К.Карденаса. В 1991 г. была официально зарегистрирована как ЗЭПМ. Выступает за сохранение природы и окружающей среды, за возврат к традиционным культурным ценностям и пацифизм.

За Фоксом, с довольно весомым отрывом, шёл мэром г. Мехико Куаутемок Карденас, сын легендарного президента Ласаро Карденаса, 66-летний кандидат от коалиции «Альянс за Мексику» (союз пяти партий – «ПДР», «Партии труда» (Partido de Trabajo), «Конвергенции за демократию» («Convergencia por la Democracia»), «Партии социального альянса» («Partido Alianza Social») и «Партии националистического общества» («Partido de la Sociedad Nacionalista»).

Социалистическая «Партия труда» (ПТ) была основана в 1990 г. в результате объединения ряда организаций: «Комитета народной защиты Чиуауа и Дуранго», «Народного фронта борьбы Сакатекаса», «Народного фронта «Земля и свобода» Монтеррея», а также членов «Национального союза работников сельского хозяйства», независимого движения учителей и т. д. Левая партия, выступает за широкое развитие массовых социальных движений, отказ от рекомендаций международных финансовых институтов, всестороннюю демократизацию общества, свободу вероисповедания, увеличение заработной платы для рабочих, крестьян и служащих, равноправие полов.

У истоков партии «Конвергенция за демократию» (с 2002 г. «Конвергенция» («Convergencia») стояла появившаяся в 1996 г. и зарегистрированная в 1997 г. «Национально-политическая группа» («Agrupación Política Nacional»), которая в 1998 г. была преобразована в национальную партию «Конвергенция за демократию» и официально зарегистрирована Федеральным избирательным институтом в 1999 г. Её основателем стал Данте Альфонсо Дельгадо Раннауро, мексиканский экономист и политик, бывший член ИРП, с 1988 по 1992 г. – губернатор штата Веракрус. В 1996 г. он был задержан и препровожден в тюрьму, где провел 15 месяцев по обвинению в присвоении казенных средств и злоупотреблении служебным положением. В 1997 г. он вышел из ИРП и создал «Конвергенцию за демократию» - социал-демократическую партию,

придерживавшуюся левоцентристской идеологии и выступавшую за плюрализм, защиту прав человека, свободу выбора.

«Партия социального альянса» (ПСА) восходит своими корнями к «Национальному союзу синаркистов», возникшему в 1937 г. после появления папской энциклики, в которой католики всего мира были призваны объединиться в политические организации – бедные с бедными, богатые с богатыми. В Мексике это вылилось в появление «Национального союза синаркистов» (бедные) и «ПНД» (богатые). В 1971 г. руководитель «Национального союза синаркистов» Х. Агилера Аспейтия основал «Мексиканскую демократическую партию» («Partido Demócrata Mexicano»), которая в 1997 г. потеряла регистрацию. 29 марта 1998 г. бывшие члены «Мексиканской демократической партии», ИРП и ПНД основали «Партию социального альянса», выступавшую за социальные, экономические, политические перемены, которые позволили бы повысить защиту национального суверенитета, усилить борьбу с наркотиками, изменить отношения между властью и народом.

«Партия националистического общества» (ПНО) была зарегистрирована как политическая партия в 1999 г. (до этого имела статус политической группировки). Её основателем был Густаво Риохас, провозгласивший себя президентом Исполнительного национального комитета «Партии националистического общества» сроком на 6 лет и закрепивший за президентом право на прямое распределение в ней должностей. Партия выступает за защиту национального суверенитета и национальных ресурсов от иностранного экономического проникновения, разделение властей, обеспечение социальных гарантий.

В ходе избирательной кампании отставание Карденаса от двух основных кандидатов настолько увеличился, что борьба фактически продолжилась между Франсиско Лабастидой и Висенте Фоксом.

Кандидат от ПНД, Висенте Фокс Кесада, родился 2 июля 1942 г. в Мехико в семье владельца ранчо. Его дед по отцовской линии был выходцем из Ирландии, который перебрался в Мексику из США в 1913 г., предки матери были родом из Испании. Висенте был вторым из 9 сыновей в семье. Получил образование в иезуитских школах в Мехико. В течение года учился в академии Прериду-Шин в Висконсине (США), позднее – в Ибероамериканском университете в Мехико и аспирантуре Гарвардского университета по специальности управление бизнесом. В 1964 г. поступил на работу в мексиканский филиал компании «Кока-Кола» в качестве

диспетчера по доставке готовой продукции и за короткий срок сделал головокружительную карьеру. В 1965 г. его назначили окружным администратором, в 1966 г. – районным администратором, в 1968 г. – региональным менеджером. В 1970 г. он занял пост директора по маркетингу, а в 1975 г. стал самым молодым в истории компании «Кока-Кола» президентом ее мексиканского филиала. Женился, взял на воспитание четверых детей. В 1979 г., после смерти отца уволился из «Кока-колы» и вернулся в штат Гуанахуато, где занялся сельским хозяйством и производством обуви, добившись серьезных успехов на этом поприще. В 1979-1988 годах В.Фокс – генеральный директор по вопросам стратегического планирования группы предприятий «Фокс» и одновременно – советник Мексиканско-американской торговой палаты.

Политическая карьера В.Фокса началась в 1987 г. благодаря его старому другу Мануэлю Х. Клотьеру, который будучи кандидатом в президенты от ПНД, пригласил его участвовать в «борьбе с бесчестьем и коррупцией». Фокс вступил в партию, в 1988 г. был избран в конгресс и получил известность, обвиняя президента Карлоса Салинаса де Гортари в подтасовке результатов выборов. Благодаря его амбициозным планам он сделал политическую карьеру, но добиться избрания на пост президента препятствовала 82 статьи конституции, в соответствии с которой к президентским выборам допускались только коренные мексиканцы. Внесение в 1990 г. поправки к этой статье устранило это препятствие и придало новые силы Фоксу в борьбе за власть. Когда он объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру на пост президента, ему никто не поверил. Уж слишком не похож был Фокс на традиционных политиков, руководивших страной в течение десятилетий. В 1991 г. Фокс участвовал в выборах в провинции, однако потерпел поражение от кандидата ИРП; в 1995 г. выиграл на выборах губернатора штата Гуанахуато. В 1997 г. объявил о своем намерении участвовать в президентских выборах, а в 1998 г. начал предвыборную кампанию под лозунгами борьбы с коррупцией и поддержки предпринимательства. По словам консультанта по СМИ Роба Аллина, в течение 3 лет сотрудничающего с Фоксом, будущий президент нанял в качестве координаторов своей предвыборной кампании Франсиско Ортиса и Педро Серисолу (имевших опыт работы в фирмах «Проктер&Гэмбл» и «Аэромехико») и, следуя маркетинговой политике «Кока-Колы», дал им указание: «Я продукт, так что

продайте меня»¹.

За время своей политической карьеры Фоксу неоднократно случалось сталкиваться с проблемами привлечения электората, для чего, как правило, приходилось прибегать к союзам с другими партиями. Возможно, это натолкнуло его на мысль о создании общественной организации «Друзья Фокса», которая стала бы опорой в его политической борьбе. Как бы то ни было, идея оказалась плодотворной. Через эту организацию, которая постепенно превратилась в одну из самых многочисленных в стране и насчитывала в своих рядах 2 млн. человек (что в 6 раз превышает число членов ПНД), осуществлялась не только агитационная и пропагандистская работа, но и сбор средств на проведение предвыборной кампании. Другие политические партии не располагали подобной поддержкой.

Опыт, полученный Фоксом за годы работы в качестве регионального директора компании «Кока-кола», отличное знание маркетинга помогли ему в предвыборной кампании. Ведь имидж в известном смысле является торговой маркой политического товара и, как писал Р. Прайс, специалист по избирательным технологиям, работавший с американским президентом Никсоном, должен быть «животной реакцией, неартикулируемой, неаналитической, продуктом определенной химической реакции между избирателем и имиджем кандидата»². А его французский коллега, Жак Сегела, в книге «Национальные особенности охоты за голосами. Так делают президентов» писал, что во время избирательной кампании для людей существуют следующие приоритетные моменты: «Голосуют за человека, а не за партию; за идею, а не за идеологию; за будущее, а не за прошлое; за образ социальный, а не политический; за человека - легенду, а не за посредственность; за судьбу, а не за обыденность; за победителя, а не за неудачника; за ценности подлинные, а не мнимые»³.

Основными целями Фокса и его команды были создание привлекательного, «свежего» образа политика новой волны, пробуждение надежд на лучшее будущее в душах избирателей. Имиджмейкеры Фокса сумели правильно использовать особенности его биографии. Отец четырех приемных детей вырос в семье земле-

¹ Etcétera, febrero de 2001.

² Цит. по: Почепцов Г. Имидж и выборы. Киев, 1997. С. 5.

³ См: Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Так делают президентов. М., 1999. С. 17

дельца, познал бедность. Образ трудолюбивого крестьянина, самостоятельно поднявшегося до политических высот, но не оторвавшегося от народа, выигрываясь от довольно скучной и серой фигуры его основного соперника, Ф. Лабастиды. Слабости Фокса были обращены в достоинства. Язык его выступлений, простой, а порой даже и грубый, но в то же время образный и эмоциональный и ковбойский имидж: остроносые сапоги, ремень с широкой пряжкой, джинсы, выгодно подчёркивали его непохожесть на кандидата от ИРП. В данной связи характерно решение Федерального суда по избирательным вопросам, запретившее «Альянсу за перемены» использовать портрет В. Фокса на своем значке в избирательном бюллетене, что было рассчитано на массу неграмотных избирателей, среди которых Фокс пользуется немалой популярностью. Реакция самого кандидата была неординарной: он назвал это решение «свинством», а принявших его судей «ловкачами».

Однако по мере приближения выборов Фокс резко сменил имидж и предстал перед избирателями в образе уважаемого бизнесмена, который знает не только как успешно управлять компанией, но и страной. Отличительной чертой В.Фокса являлось умение выстоять под шквалом критики и даже обратить себе на пользу собственные недостатки и промахи. Так было, например, 23 мая 2000 г. во время обсуждения даты второго раунда теледебатов, когда В.Фокс на глазах у всей Мексики вел себя как капризный ребенок, не соглашаясь с Карденасом и Лабастидой, хотевшими провести их 25 мая, и без конца повторяя: «Сегодня, сегодня, сегодня». В конце концов, была принята дата 25 мая, но словечко «сегодня» прочно вошло в его политический лексикон и было подхвачено толпами митингующих, которые скандировали на площадях: «Хотим перемен! Сегодня, сегодня, сегодня!».

Казалось, что карьера его как политика кончена, тем более что правящая партия представила обвинения в том, что В. Фокс получал средства из-за рубежа (читай – из США) на ведение своей предвыборной кампании. Однако и в этих обстоятельствах Фокс сумел перейти от обороны к наступлению, обвиняя своих соперников в нарушении все той же тайны банковских вкладов. Один из его братьев, который имел неоплаченные счета в США на 100 млн. долл., быстро их оплатил и скандал удалось заглушить.

Значительной поддержки Фокс добился и у северного соседа Мексики. Было ясно, что США стала тяготить находившаяся у власти ИРП, и они были бы отнюдь не против смены власти в Мексике. В то же время, некоторые американцы утверждали, что

Фокс никогда не смог бы претендовать на политический пост в мексиканском районе Соединенных Штатов. Так, в своей статье «Расистское сито» Сай Фрумкин писал: «В США, согласно правилам "политической корректности", Винсент Фокс по своему происхождению не может считаться чистым латиноамериканцем. Его ирландский дедушка здесь был бы классифицирован как "англосакс", и, несмотря на то, что это иммигрантам из Ирландии могло бы показаться оскорбительным. Его мать была иммигранткой из Испании - европейской страны - и, таким образом, в соответствии с той же самой гротесковой системой расовой классификации, могла бы также рассматриваться как "англосакс". У президента Мексики фамилия явно не латиноамериканская. Он - верующий христианин и член нескольких организаций, которые в Америке считались бы откровенно правыми...». «Мы, как предполагается, должны голосовать только за людей своей расы» - делает заключение автор¹. Кстати, сам факт работы Фокса в американской компании (и даже знание английского языка) его оппоненты из ИРП пытались представить как явное доказательство его «антипатриотизма», хотя объективные реалии свидетельствовали о том, что «дрейф» Мексики на север происходил независимо от наличия или отсутствия патриотизма у ее президентов. В период предвыборной борьбы факт «иностранного происхождения» Фокса использовался Лабастидой в качестве одной из причин, по которой он не мог стать президентом.

В этой избирательной кампании, в которой Фокс участвовал под лозунгом «За перемены, которые тебе подходят», он обещал покончить с коррупцией, улучшить экономику, удвоить иностранные инвестиции, проводя программы по увеличению количества рабочих мест, а также удвоить статью бюджета на образование. Фокс также выступал за заключение соглашения с Соединенными Штатами, согласно которому рабочие смогут, беспрепятственно пересекать границу. Стремясь снискать широкую известность, он не только усердно посещал все международные форумы, но и создал в родном штате Гуанахуато собственный Всемирный форум. Он окружил себя кругом советников, помощников и просто влиятельных в сфере бизнеса людей, не скупился на оплату издательских услуг, телевидения и радио, и вскоре его образ стал привычным почти в каждой мексиканской семье.

Кандидат от ИРП, Франсиско Лабастида, родился 14 августа

¹ Фрумкин С. Расистское сито // Вестник, 2000, № 17(250), 15 августа.

1942 г. в Лос-Мосчис, штат Синалоа. Закончил экономический факультет Национального автономного университета Мексики. В 1964 г. вступил в ИРП. Занимал должности секретаря правительства, министра сельского хозяйства, животноводства и развитию села, посла Мексики в Португалии, губернатора своего родного штата Синалоа и т. д. Жена Лабастиды, Мария Тереса Уриарте, сыграла значительную роль в избирательной кампании, во время которой ей были делегированы полномочия заниматься правами женщин в Мексике. Ради участия в столь важном политическом событии в жизни страны, она даже радикально сменила образ, перекрасив чёрные волосы, став блондинкой. Короткая стрижка и костюмы сделали её похожей на американку, в которой легко было уловить сходство с бывшей первой леди США Хиллари Клинтон. Однако даже поддержка жены не принесла Лабастиде желаемого успеха. Кандидат от ИРП, в отличие от Фокса, говорил заученными фразами и олицетворял собой для многих прошлое, приведшее к обеднению страны. Принимая во внимание тот факт, что население Мексики опасалось подлогов во время выборов, основной задачей Лабастиды на них была не просто победа, а честная победа, которая не повлекла бы за собой дестабилизацию обстановки в стране. Лабастида знал, что один из аргументов его противников – коррупция в высших эшелонах власти. Действительно, «призрак» бывшего президента Карлоса Салинаса, который оставил страну в беспрецедентном экономическом кризисе, и чей брат находился в тюрьме по обвинению в убийстве и коррупции, неотрывно преследовал Лабастиду. В ноябре 1999 г., когда Франсиско Лабастида был выдвинут в кандидаты на пост президента от ИРП, он заявил: «Новая ИРП, которая зародилась в этот вечер, уже свернула с дороги, по которой шёл Салинас. Эта новая ИРП возрождает идеалы Колосио»¹. Но не только Лабастиде не давал покоя бывший глава государства. В предвыборный период в прессе появились сообщения о том, что Салинас вложил большую сумму в кампанию Висенте Фокса. Возможно, авторы этих публикаций полагали, что, связав имена Висенте Фокса и Карлоса Салинаса де Гортари, они смогут очернить положительный образ кандидата от ПНД. Однако их замысел не осуществился.

Тем не менее, у Фокса были свои счёты с Карлосом Салинасом.

¹ Islas O., Gutiérrez F. La guerra de los ex presidentes incómodos // Razón y palabra: www.cem.itesm.mx/dacs/publicaciones/logos/espejo/2002/abril.html (22.06.2005)

Во время выборов 1991 г., в борьбе за этот пост губернатора Гуа-нахуато, соперником Фокса был кандидат от ИРП Рамон Агирре. Тогда команда Фокса смогла доказать, что правительство штата направило значительные денежные средства из общественной казны на поддержание предвыборной кампании Агирре. ПНД оспорила результаты выборов, однако Фокс не был замешан в переговоры, которые велись по этому поводу между некоторыми правительственными чиновниками и представителем ПНД, Диего Фернандесом де Севальесом. В результате переговоров Салинас де Гортари решил аннулировать результаты выборов, приказав местному Конгрессу, большинство членов которого состояли в ИРП, назначить временным исполняющим обязанности губернатора члена ПНД Карлоса Медину Пласенся.

Предвыборная кампания Лабастиды была предсказуема и традиционна, как и сам кандидат. ИРП использовала как состязательную, так и сдерживающую стратегию – ставя препятствия оппозиции и стараясь контролировать её. Для определения состязательных стратегий существует формула Даунса: "Партии формулируют политические цели, чтобы выиграть выборы, а не выигрывают выборы, чтобы формулировать политические цели"¹. Лабастида обещал бороться с коррупцией, оказать посильную помощь селу, выделять больше средств на образование, усилить помощь бедным слоям населения. Однако, несмотря на то, что он был кандидатом от партии власти и обладал практически неограниченными средствами, Лабастида не смог вселить в мексиканцев веру в свою кандидатуру и отделаться от негативного образа ИРП, тенью преследовавшего его всю избирательную кампанию. К тому же, некоторые его обещания казались настолько нереальными, что вызывали даже негативную реакцию. В одном из своих предвыборных роликов Лабастида заявил, что беременные женщины получают медицинское обслуживание, а дети будут учиться в школах английского языка и компьютерной грамотности. Между тем, журнал «Эль Семаналь», со ссылкой на репортера газеты «Публико де Гуадалахара» Ванесу Роблес привел следующие данные: стране, где около 39 000 мексиканцев живут без электричества, будет необходимо приобрести примерно 260 000 компьютеров, чья стоимость составит более 2 миллиардов песо. Надо будет обучить чтению и письму значительное количество детей индейцев, а также начать обу-

¹ Шмидт С.Ф. Основной курс «Основы политологии» // Сайт ИГУ: URL: <http://www.isu.ru/hist/mimo/mega/party.html> (2004. 07 дек.)

чение испанскому тех, кто его не знает, нанять примерно 90 750 учителей (по количеству начальных учебных заведений в стране) и выплачивать им зарплату¹.

По словам журналиста «Независимой газеты» Александра Моисеева, «официальный кандидат от правящей ИРП Франсиско Лабастида построил свою кампанию на суровой критике собственной партии, которая по его мнению “предала забвению светлые идеалы революции 1910-1917 годов». Он публично выражал сожаление, что некоторые партийные руководители оторвались от народа и погрязли в коррупции, и призывал ИРП к перестройке и обновлению. Но не помогло - получилось, что Лабастида «пилил сук, на котором сам и сидел»².

По мере приближения выборов страсти накалялись. Лабастида отрицал обвинения в своей причастности к развязыванию «грязной войны» по отношению к сопернику и даже заявил, что «нечистоплотными были методы борьбы за власть» Висенте Фокса³. Он утверждал, что предвыборная кампания Фокса финансировалась американскими нефтяными компаниями, которые надеялись, что, придя к власти, Фокс приватизирует государственную нефтяную компанию PEMEX. На одной из встреч с работниками нефтяной промышленности Мексики Фокс отметил, что «только такому глупцу, как Лабастида может прийти в голову, что кандидат на президентский пост может посетить другую страну с целью продать нефть, принадлежащую мексиканцам»⁴.

В 2000 г. политика государства по отношению к выборам изменилась. Президент Седильо, в отличие от своих предшественников, не оказывал давление на избирательный процесс (многие мексиканцы до сих пор уверены в том, что результаты выборов 1988 г. были подтасованы правящей партией). Ранее, для ИРП пятнадцатиминутные программы на телевидении, которые предусматривал закон, были лишь малой и незначительной частью предвыборной компании. Действия кандидатов в президенты от ИРП ежедневно освещались в новостных программах. В дополнение, партия раз-

¹ Los grandes momentos de la campaña presidencial // Milenio Semanal.com : <http://www.milenio.com/semanal/147/ar9.htm> (09.02.2006).

² Моисеев А. Мексика вступает в новую эпоху // Независимая газета, 2000, № 122 (2184) (5 июля).

³ Moreno D. Rechaza ‘guerra sucia’ contra Fox // Terra: <http://www.terra.com.mx/noticias/articulo/036690/> (10.10.2003.)

⁴ Vicente Fox en línea.: <http://www.vicentefox.org.mx/noticias/boletines/28-05-2000-cardenas.html> (29.10.2003.)

мещала свои ролики на различных радио- и телеканалах на коммерческой основе получая доступ к прайм-тайм. Шансы оппозиционных партий купить прайм-тайм были не очень высоки, некоторые владельцы электронных СМИ предпочитали вовсе отказываться им в этом, а в некоторых случаях заключенные контракты или договоры не выполнялись. В 2000 г. состоялись первые за 71 год выборы, когда все политические партии получили равный доступ к СМИ. Этот факт подкреплён данными Федерального избирательного института, который проводил мониторинги на протяжении всей предвыборной кампании. Лишь когда до выборов оставалось несколько дней, равновесие пошатнулось в сторону кандидата от ИРП Франсиско Лабастиды.

Одним из факторов, повлиявшим на баланс голосов, была экономическая программа, предложенная кандидатами. Лабастида заявил, что собирается достичь 5% роста экономики для того, чтобы увеличить число рабочих мест в таких отраслях, как строительство (жильё и инфраструктура) и туризм, а также сократить количество бедных, подняв заработную плату. Кроме того, кандидат от ИРП пообещал поддержку мелкому и среднему бизнесу и повышения бюджетных ассигнований в сельское хозяйство.

Оба основных кандидата, и Лабастида, и Фокс активно использовали поддержку знаменитостей в предвыборной борьбе. Так, среди прочих, Лабастиду поддерживали композитор Хуан Габриэль и футболист Хорхе Кампос, а Фокса – актриса Сильвия Пиналь и футболист Луис Гарсиа.

В отличие от Лабастиды, не добившегося никаких улучшений состояния экономики страны за время своего пребывания на посту секретаря правительства, Куаутемок Карденас (чьё имя, в переводе с индейского языка науатль, означает «орел, который падает на свою добычу»), в бытность мэром г. Мехико смог принести реальную пользу его жителям. В 2000 г. он в третий раз баллотировался на пост президента. В 1988 г. правящая партия едва не проиграла Карденасу. Не стоит забывать, что и сама ПДР, лидером которой он был, образовалась в том же 1988 г. из бывших членов ИРП и левых партий и её появление на политическом Олимпе породило надежду на скорые изменения в стране в случае победы на выборах Карденаса. По словам известного российского историка и журналиста К. Хачатурова «Он победил даже в столице и, по мнению множества мексиканцев, не стал президентом лишь в резуль-

тате «электронного подлога»¹. В 2000 г. неопытность его предвыборного штаба, не сумевшего донести до народа все заслуги Карденаса, привела к тому, что его противники сумели выставить Карденаса нерадивым хозяйственником, неспособным противостоять сложным столичным проблемам.

Карденас не обещал покончить с войной в штате Чиapas за 15 минут, как это делал Фокс, но в его предвыборных обещаниях слово «мир» занимало далеко не последнее место. Он стремился создать правительство, которое разработает свою политику, исходя из нужд населения, будет уважать права человека и защищать национальный суверенитет в глобальном мире.

2 июля 2000 г. в голосовании приняли участие 37,6 млн. мексиканцев, что составило 63,97% от общего списка избирателей. Большинство голосов (43,43% – 15,99 млн. чел.) президентом страны был избран кандидат от ПНД Висенте Фокс. Далее по количеству голосов (36,88% – 13,58 млн.чел.) за ним следовал Франсиско Лабастида . 17% голосов (6,26 млн.чел.) пришлось на Куаутемока Карденаса. Остальные 2,69% голосов были отданы другим претендентам, не оказавшим значительного влияния на исход выборов.

В целом, обещания кандидатов немногим отличались между собой. Безусловно правы те исследователи, которые называют эту предвыборную гонку не «борьбой мнений», а «борьбой имиджа». Выиграл тот, чья кампания оказалась наиболее эффективной. Победа В.Фокса означала возникновение политически новой ситуации в стране. Прежде всего – это завершение 71-летнего периода в истории Мексики, в течение которого у власти находилось однопартийное правительство и переход к многопартийной системе, при которой бывшая правящая партия поневоле стала опорой оппозиции.

¹ Хачатуров К. А. Латиноамериканские уроки для России. М., 1999. С. 72.

Рина Ортис¹
Коминтерн и конфликты в Мексиканской коммунистической партии, 1925-1926 гг.

История Мексиканской коммунистической партии (МКП), также как и история других левых оппозиционных движений известна далеко не в полном объеме, что во многом связано с самой сущностью этих организаций. МКП подвергалась постоянным преследованиям, ее архивы не раз были разграблены и уничтожены. Крайне разрозненные свидетельства о деятельности партии сохранились в Центре по изучению рабочего и социалистического движения, унаследовавшем документы МКП. Часть документов оказалась разбросана по другим хранилищам, таким как архив Главного управления политических и социальных исследований (в настоящее время он располагается в Национальном архиве Мексики), архив Министерства иностранных дел Мексики и т. д. В связи с этим документы Коминтерна из Российского государственного архива социально-политической истории проливают новый свет на те трудности, с которыми столкнулись мексиканские коммунисты в процессе поиска своего места на политической арене страны.

Мексиканская коммунистическая партия не была создана непосредственно Коминтерном, однако со всей уверенностью можно утверждать, что к этому имел отношение первый посланник Коминтерна в Мексике Михаил Бородин, воспользовавшийся ситуацией во время съезда Национального социалистического конгресса, организованного в августе 1919 г. мексиканскими политическими движениями, разделявшими социалистические идеалы. В ходе работы съезда было принято решение о создании Коммунистической партии и подана заявка о вступлении в III Интернационал, основанный в Москве несколько месяцев назад. Однако вскоре после образования компартии различия между группами, участвовавшими в работе съезда, вызвали неизбежные разногласия и уже через несколько дней привели к расколу в партии. Таким образом, возникли две компартии, претендовавшие на представительство рабочего класса и, что еще более важно, требовавшие признания со стороны III Интернационала. Перед отъездом из Мексики Бородин выступил в поддержку партии во главе с Хосе Алленом. Однако это не помешало другой партии, лидером которой был

¹ Национальный институт антропологии и истории, Региональный центр Веракруса, Мексика.

американский журналист Линн Гейл, многократно обращаться к руководству Коминтерна с просьбой о признании.

В то время Коминтерн все еще находился в процессе структурной организации, определял текущие задачи и способы достижения поставленных целей. В 1920 г. было создано Американское агентство, задачей которого являлось содействие формированию коммунистических партий в странах Америки и объединение всех левых сил. Именно это стало целью визита Сэна Катаямы, прибывшего в Мексику весной 1921 г.²

Пока официальный представитель Коминтерна Сэн Катаяма прилагал усилия по объединению двух коммунистических партий, молодой швейцарец по имени Эдгар Воог также приехал в Мексику с целью продвижения идеалов коммунизма. Судя по всему Воог прибыл в Мексику в 1920 г., хотя в его официальной биографии утверждается, что он приехал в 1919 г. Эдгар Воог выбрал псевдоним Альфред Штирнер и использовал его во всех делах, связанных с Мексикой³. Неясно каким образом, но очень скоро он установил

² Документы о первых годах деятельности МКП см.: Ortiz R., Spenser D. *La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos*, Documentos 1919-1922. México, INHERM, 2006.

³ Эдгар Воог родился в 1898 г. в Базеле и умер также в Швейцарии в 1973 г. С 1916 г. являлся членом Социалистической молодежи Швейцарии и Международного студенческого союза. В 1919 г. вступил в Социалистическую партию Швейцарии. Работал в редакции газеты “Freie Jugend”. В своей официальной биографии он указывает, что в 1919 г. переехал в Мексику “в поисках работы”, однако много лет спустя в интервью кубинской газете “Revolución” он признал, что отправился в Мексику по заданию Коммунистического Интернационала молодежи. Возможно также, что его послали с заданием в Мексику, так как один из братьев Воога проживал там. Однако этот факт не упоминается в официальных бумагах, видимо, потому что брат был женат на представительнице одной из самых знатных семей Гвадалахары. Штирнер был главным связующим звеном между МКП и Исполнительным комитетом Коминтерна в 1920-1929 гг. Он участвовал в качестве представителя Мексики на пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала молодежи по подготовке второго съезда этой организации и был избран делегатом. Представлял Мексиканскую коммунистическую партию на третьем (1922 г.) и четвертом (1924 г.) съездах Коминтерна. На четвертом съезде его избрали членом Исполнительного комитета Коминтерна как представителя от Латинской Америки. Он был членом Коммунистической партии Советского Союза. Участвовал в пятом съезде Коминтерна в качестве члена Исполнительного комитета и был избран от Мексики в

связи с молодыми коммунистами, среди которых особо выделялись Диего Валадес, Мануэль Диас Рамирес и Рафаэль Каррильо. Эта молодежная ячейка занималась не только пропагандой в различных печатных изданиях, но и участвовала в профсоюзном движении через Коммунистическую федерацию мексиканского пролетариата, созданную 11 августа 1920 г. Федерация определяла себя в качестве “организации ведущей экономическую пропаганду, выступающей за объединение всех рабочих и отрицающей любое сотрудничество с буржуазными и рабочими политическими партиями”⁴. На первом этапе Коммунистическая федерация мексиканского пролетариата объединяла профсоюз телефонистов компании “Эриксон”, профсоюз пекарей, строителей объектов государственного назначения, профсоюз трамвайщиков, профсоюз работников фабрики по производству бижутерии “Эль Рекуэрдо” и еще два более мелких профсоюза: телефонистов фирмы “Мехикана” и профсоюз литейщиков. Именно политическая практика этой молодежной ячейки привела к постановке и обсуждению в Коминтерне реальных и повседневных проблем, с которыми сталкивались мексиканские коммунисты. Их печатный орган “Vida nueva” начал выходить 16 августа под руководством Мануэля Диаса Рамиреса.

С помощью этой группы молодых людей члены компартии Мексики добились определенного влияния среди социальных движений все еще веривших в обещания Мексиканской революции, а также испытывавших влияние анархо-синдикализма. На начальном этапе самым значительным достижением стало создание в 1921 г. Всеобщей конфедерации трудящихся как независимой рабочей организации, противостоявшей растущему влиянию Мексиканской рабочей региональной конфедерации (КРОМ), которая пользовалась покровительством правительства. В последующие годы нельзя говорить о последовательном росте коммунистического движе-

Международную комиссию по контролю. Во время гражданской войны в Испании принимал участие в организации интернациональных бригад. Позднее занимал пост генерального секретаря Трудовой (коммунистической) партии Швейцарии и представлял ее на XX, XXI, XXII и XXIII съездах КПСС, а также на праздновании пятидесятилетия СССР. Этот очень краткий биографический очерк позволяет понять важность этого деятеля, активно работавшего в первое десятилетие существования Коминтерна, до того как произошел поворот влево, приведший к столкновению МКП с правительством Мексики.

⁴ Taibo P.I. Bolsheviquis. Historia narrativa de los orígenes del comunismo en México. México, J. Mortiz, 1986. P. 94.

ния в Мексике, однако отдельные лидеры коммунистов играли заметную роль в крупных социальных движениях (например, в движении съемщиков жилья в Веракрусе), а также были близки к радикальным деятелям Мексиканской революции, таким как Франсиско Мухика, Фелипе Каррильо Пуэрто и Адальберто Техеда. Важно иметь в виду, что в 1920-е гг. в Мексике считать себя сторонником социализма не было чем-то из ряда вон выходящим. Напротив, это была наиболее последовательная позиция, ведущая к осуществлению целей провозглашенной социальной революции. Именно так был привлечен на сторону коммунистов сенатор Луис Монсон, и не исключалась возможность получения поддержки других высокопоставленных лиц. Стоит отметить, что Штирнер присутствовал лишь на первых этапах этого процесса, поскольку он уехал из Мексики в 1923 г. Но несмотря на это Штирнер продолжил быть главным связным мексиканских коммунистов: именно он вел мексиканские дела в штаб-квартире Коминтерна в Москве.

В первые годы существования МКП ее члены имели возможность действовать с большой долей свободы и поэтому они могли более адекватно реагировать на конкретные обстоятельства. Это объяснялось тем, что в Коминтерне в тот период преобладала так называемая тактика Единого фронта, предполагавшая единство сил оппозиционных капитализму, но при этом считалось, что постепенно методы коммунистов будут завоевывать все большую популярность, и сам ход истории разоблачит реформистских лидеров. Однако ряд событий привел к изменению политики Коминтерна; в 1924 г. начался так называемый период “большевизации”, приведший к установлению жесткой дисциплины в компартиях, входивших в Коминтерн, и беспрекословному исполнению директив центра мирового коммунистического движения. Отстранение от должностей и изгнание непокорных членов компартий превратилось в норму, руководители местных компартий с каждым разом становились все более зависимыми от Москвы⁵.

Процесс “большевизации” совпал с приходом к власти в Мексике генерала Плутарко Элиаса Кальеса⁶, по отношению к которому коммунисты занимали противоречивую позицию. Также он

⁵ Agnew J., Macdermott K. Comintern, History of International Communism from Lenin to Stalin, (Ed. en ruso). P. 74.

⁶ Подробно о личности и деятельности Кальеса см.: Шишков А.С. Мексика: от власти каудильо к власти закона // Латинская Америка. 2009. №8.

совпал с признанием СССР мексиканским правительством и установлением дипломатических отношений. Полномочным представителем советской республики в Мексике был назначен Станислав Пестковский. Важнейшим фактом, о котором до недавнего времени ничего не было известно⁷, является то, что посол Пестковский был одновременно посланником Коминтерна. Именно вмешательство Пестковского в дела МКП привело к первому серьезному кризису в ее рядах, сущность которого мы постараемся изложить, основываясь на письмах адресованных Штирнеру, а также на документах, направленных Исполнительному комитету Коминтерна послом Пестковским. Стоит отметить, что вмешательство Пестковского в дела МКП не отмечено в партийных документах, он не упоминается ни в одном из них, что говорит о соблюдавшейся формальной секретности.

Пестковский вручил верительные грамоты 7 ноября 1924 г., а уже 8 ноября он послал первый отчет для Коминтерна⁸, в котором дал оценку положению коммунистического движения в Мексике. Ситуация навряд ли внушала ему оптимизм: численно компартия насчитывала менее 1000 членов, многие из которых были несознательными, финансовое положение партии оставляло желать лучшего, а из всех партийных лидеров лишь один Бертрам Вульф (да и он не был мексиканцем) внушал Пестковскому доверие. Советский посол писал: “Товарищ Каррильо, партийный секретарь, является хорошим и преданным товарищем, но он очень молод (ему 22 года)”. И хотя Пестковский признавал, что Урсуло Гальван был “очень активным крестьянским лидером”, что крестьянское движение имело большое значение, что агитация коммунистов под знаменами Крестьянского Интернационала в штатах Веракрус и Мичоакан имела успех, тем не менее, он подчеркивал, что лидер крестьян “товарищ Гальван несмотря на свою силу и надежность не имеет серьезной политической подготовки”.

Очевидно, что Пестковский приложил много усилий для борьбы с недостатками МКП: он усилил “чистку”, начавшуюся еще в 1924 г. после подведения итогов восстанию А. де ла Уэрты⁹ и ко-

⁷ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. “Товарищ Андрей... не только как посол, но и как старый член русской партии...” // Латинская Америка. 1997. №6; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интервью. СПб, 2002.

⁸ Fondo 495, Serie 108, exp. 39, f. 10. Пестковский использовал псевдонимы Андрей и Андрес.

⁹ А. де ла Уэрта был временным президентом Мексики в период с июня по

лебаниям МКП по вопросу поддержки кандидатуры Плутарко Элиаса Кальеса. Мишенью для нападок Пестковского стал Мануэль Диас Рамирес, оставивший в мае 1924 пост генерального секретаря партии. Его место занял Рафаэль Каррильо. По-видимому, изменения в руководстве привели к трениям в рядах МКП, что проявилось в попытке перенести штаб-квартиру Исполнительного комитета партии в штат Веракрус, где действовали Аграрные лиги, являвшиеся основной силой партии и тесно взаимодействовавшие с Мануэлем Диасом Рамиресом.

Благодаря письмам направленным Альфреду Штирнеру главными участниками конфликта (Диас Рамирес, Каррильо и Б. Вульф) мы можем увидеть, что за личными нападками скрывались противоположные политические взгляды. С одной стороны, находились прагматики, рассчитывавшие постепенно завоевывать влияние с помощью возможностей, предоставленных Мексиканской революцией (она не считалась завершенной); кроме того они видели в крестьянстве незаменимого союзника в революционной борьбе. С другой стороны, были те, кто считал директивы и решения Коминтерна прямым руководством к действию.

В письмах явно не указывается причина противоречий, но очевидно, что в МКП образовались две группировки. Диас Рамирес отделился от руководства партией, на что жаловался новый генеральный секретарь Рафаэль Каррильо, до этого тесно работавший с Диасом Рамиресом и главой Крестьянских лиг Урсуло Гальваном: “Мануэль отстранился от руководящей работы и партийных обязанностей, поэтому я буду обязан ехать в Веракрус, чтобы организовать и направлять там работу”¹⁰.

Одной из тем, вызывавших трения, был вопрос об отношении партии к правительству. В Центральном комитете критиковали так называемый “чамбизм”¹¹, то есть работу членов партии в правительственных учреждениях; кроме того руководство стремилось сохранить непорочность партии, отказываясь от сотрудничества с местными органами власти, а также настаивало на неучастии в выборных коалициях, если только они не возглавлялись коммуниста-

ноябрь 1920 г., а затем министром финансов в правительстве А. Обрегона. Когда Обрегон поддержал кандидатуру Кальеса на пост президента, де ла Уэрта поднял вооруженное восстание (декабрь 1923 г.), закончившееся поражением. В марте 1924 г. де ла Уэрта бежал в США.

¹⁰ Carta de Rafael Carrillo a Edgar Woog, 1 de mayo de 1924. РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 41, Л. 29.

¹¹ Чамба-chamba в Мексике означает работу, найм.

ми. Это, по мнению Диаса Рамиреса и Урсуло Гальвана, активно участвовавших в различных социальных движениях, было ошибкой. Можно с уверенностью утверждать, что другим фактором, способствовавшим расколу, стало избрание партийным съездом Бертрама Вульф, а не Диаса Рамиреса в качестве представителя МКП на пятом съезде Коминтерна¹². Переписка показывает, что противоречия углублялись постепенно, хотя еще несколько месяцев Диас Рамирес и Каррильо продолжали работать вместе в Веракрусе.

Осенью 1924 г. Вульф вернулся из Москвы в Мексику и в отсутствие Диаса Рамиреса превратился в ключевую фигуру в руководстве МКП; именно в этом качестве с ним познакомился Пестковский. Таким образом, точка зрения Вульф наверняка была принята во внимание Пестковским и совершенно очевидно, что Вульф использовал любой повод для дискредитации Диаса Рамиреса:

«В партии дела идут в целом как всегда, немного лучше стало с партийными взносами, и исчез явный оппортунизм, существовавший в прошлом году. Только Рамирес и один из новичков, Альфарио Сикейрос, создают проблемы. Я знаю, что тебе трудно поверить в то, что Мануэль не делает что должно, а поступает совсем наоборот, но нужно сказать со всей откровенностью: с каждым разом он представляет все большую опасность для здоровья партии. Он не может жить без какой-нибудь работы на правительство, и любую партийную деятельность, представляющую угрозу для этой работы, он встречает в штыки и саботирует. Он делает все возможное для поддержания личных разногласий. В Халапе он оказал очень дурное влияние на Гальвана и Аграрную лигу, и мы вынуждены были заменить его на Альмансу. Среди прочего он предложил создать новую местную политическую партию в Веракрусе. Он препятствовал появлению представительств МКП в Халапе и Кордобе. Он нападал на нас, потому что мы используем Монсона так, как должно использовать сенатора-коммуниста. Он встретился с Монсоном и сказал ему: “Исполнительный комитет партии застаёт вас врасплох. Заставляет делать вещи, ставящие под сомнение ваше политическое будущее. Если вы продолжите следовать этому курсу, то вас не переизберут”. Монсон, ранее очень веривший в Мануэля даже больше, чем в комитет партии, послал его к черту и продолжает “ставить под сомнение свое будущее”.

Рамирес теперь живет с Кукой и они оба стали яркими сторон-

¹² РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 41.

никами Мухики. Когда приезжает Примо Тапиа, Мануэль ведет его к Мухике и препятствует его встречам с нами. То же самое происходит со всеми кто приезжает из Мичоакана. Еще он посылает их к Бальестеросу, проходимцу, изгнанному нами из партии, человеку, способствовавшему в Сьюдад-Хуаресе изгнанию Сории и получившему от Моронеса должность трудового инспектора. Это только несколько примеров из бесчисленного количества дел, которые он ведет против партии. Кроме саботажа Рамирес ничем другим не занимается».

Таким образом, Мануэль Диас Рамирес превратился во врага. Вульф и Каррильо постоянно атакуют и обвиняют его, делая акцент на дурном влиянии, которое оказывает Диас Рамирес на других членов партии, таких как Гальван и Мануэль Альманса. Однако по партийному уставу лишь съезд мог проанализировать и разрешить ситуацию, сложившуюся в МКП. Вероятно именно Пестковский ускорил созыв третьего съезда партии, на котором должны были разрешиться противоречия. 18 февраля 1925 г. Коминтерн дал согласие на проведение съезда МКП в апреле, отметив, что главной темой будет “Экономическое и политическое положение в Мексике и ближайшие задачи партии”¹³. Тем не менее, Каррильо отметил среди заявленных целей съезда следующее: “На этом съезде мы надеемся убрать **ВЕСЬ БАЛЛАСТ ИЗ ПАРТИИ**, чтобы сделать возможным движение вперед с теми, кто хочет проводить коммунистическую линию в нашей борьбе. Возможно, это повлечет за собой некоторые энергичные меры против оппортунистов внутри партии, таких как Рамирес, Кука и других, но мы надеемся, что у них хватит доверия и честности остаться верными партии”¹⁴. Естественно, что Диас Рамирес также бросал обвинения и старался найти доказательства того, что он считал ловкими маневрами Каррильо и Вульф.

По-видимому, в Москве ситуацию, сложившуюся в МКП, считали серьезной проблемой, Исполнительный комитет Коминтерна слал телеграммы сторонам, участвовавшим в конфликте, с просьбой “прекратить фракционную борьбу”. Несмотря на то, что на съезде был достигнут временный компромисс, противоречия не были разрешены, а напротив, продолжали углубляться.

В новом докладе Пестковского (август 1925 г.) сообщается о сложной ситуации внутри партии, из которой по просьбе советско-

¹³ РГАСПИ, 495/108/45, ф. 21.

¹⁴ РГАСПИ, 495/108/49, ф. 7.

го посла был исключен Диас Рамирес. Кроме того МКП в то время уже не могла рассчитывать на Вульф, поскольку его депортировали из страны. В качестве постскриптума к докладу Пестковский отмечает:

«После того как я закончил написание этого доклада, пришло письмо Штирнера в защиту Рамиреса, недавно исключенного из ЦК (об этом я писал выше). Дело в том, что Штирнер является другом Рамиреса и Куки (жены Рамиреса) и делится с ними информацией. На самом деле Рамирес настоящий проходимец в политических делах. Я так считаю, во-первых, исходя из личных разговоров с ним, во время которых он защищал желтый профсоюз трамвайщиков, находящийся на содержании хозяев, и требовал для него поддержки партии в борьбе с лабористами¹⁵. Кроме того он предложил создать рабочую газету на деньги различных “генералов” недовольных Кальесом (президентом Мексики). Во-вторых, я читал несколько писем Рамиреса к жене, где он рассказывал о сотрудничестве с губернатором Веракруса и министром путей сообщения. После этого я приложил все усилия для изгнания Рамиреса из Центрального комитета. На собрании присутствовал Освальдо, решение об исключении Рамиреса было принято единогласно. Поскольку среди вас один Штирнер знает испанский язык и, следовательно, только он информирует вас о латиноамериканских делах, я рекомендую быть крайне осторожными с его докладами. Штирнер уже три года находится вдали от Мексики и Латинской Америки и забывает, что за это время в порочной политической атмосфере, которая здесь существует, некоторые из интеллигентов, ранее бывшие коммунистами, могли разложиться. Так или иначе, пока я здесь, Рамиреса не будет в руководстве партии, так как он теперь делает политическую карьеру в мексиканском стиле и самыми подлыми способами».

Таким образом проблема вышла за рамки внутренней борьбы в МКП, вмешательство представителя Коминтерна было явным, несло опасность расколоть слабую партию и лишить ее лидера, объединявшего наиболее влиятельные крестьянские движения того времени. Споры шли не о личностях, а о месте класса крестьян в революционном и коммунистическом движении.

В докладе, написанном Штирнером, говорится: «В июле 1925 г. товарищ Андрес требовал исключения товарища Рамиреса “как

¹⁵ Речь идет о сторонниках КРОМ и Лабористской партии, являвшейся политическим крылом профсоюза.

интеллектуального автора политики Крестьянской лиги”. Летом 1925 г. комитет [Центральный комитет МКП] перехватил письма Рамиреса [направленные] жене, в которых Рамирес жалуется на политику ЦК и называет товарища руководителя неспособным управлять партией. Такой шанс был использован и на собрании в посольстве при участии нескольких членов ЦК, было принято решение об исключении товарища Рамиреса, три дня спустя его исключили из партии».

В сентябре партийное совещание должно было утвердить исключение Диаса Рамиреса, однако Штирнер обратился к Коминтерну с просьбой вызвать Каррильо и Рамиреса в Москву для улаживания противоречий. Из-за денежных затруднений Диас Рамирес не смог приехать, поэтому лишь Каррильо предстал перед Исполнительным комитетом Коминтерна и согласился с тем, что “исключение Рамиреса будет означать разрыв с крестьянским движением Веракруса”. Хотя Штирнер и признавал ошибки за Гальваном и Диасом Рамиресом, он вместе с тем понимал, что было крайне важно сохранить влияние партии на такой важный класс как крестьянство.

После возвращения Каррильо в Мексику разногласия вроде бы стихли, однако Пестковский утверждал, что генеральный секретарь МКП попал под влияние Штирнера и продолжал требовать исключения Диаса Рамиреса. Ситуация накалилась до такой степени что Штирнер был вынужден ехать в Мексику для улаживания конфликта. Он так описывает события:

«На следующий день после приезда я имел разговор с Андресом. Мы говорили о перспективах. Он сказал буквально следующее: “Я считаю, что в данный момент мы не можем создать массовую партию в Мексике. Атмосфера здесь настолько порочна, что если мы откроем двери, то придут оппортунистические элементы с целью использовать партию для своей карьеры. Сейчас нужно создавать группы, дать им хорошую коммунистическую подготовку и посылать их работать в профсоюзы и другие пролетарские организации”. Рамиреса он назвал коррумпированным элементом, олицетворяющим оппортунизм в партии. “Если вы добьетесь реабилитации Рамиреса, я подам в отставку как делегат Коминтерна”, – сказал он напоследок.

Так как съезд отложили на месяц, у меня была возможность выяснить реальное положение дел.

На самом деле не было никакого Центрального комитета. Три или четыре товарища из ЦК регулярно собирались в посольстве.

Там принимались, иногда лишь в присутствии Каррильо, наиболее важные решения, которые затем обсуждались на заседаниях ЦК. В заседаниях ЦК также принимал участие товарищ из Югославии, являвшийся сотрудником посольства. Именно этот товарищ защищал вплоть до моего приезда (...) необходимость создания третьего профсоюзного центра для противодействия реформистам. Секретарь посольства товарищ Х. открыто заявлял о том, что он троцкист [и] что крестьяне представляют опасность для партии. Очевидно, что, принимая во внимание авторитет, которым пользовался товарищ Андрес, не только как посол, но и как старый член русской партии, даже политические взгляды сотрудников посольства были важны для членов ЦК МКП. Однако то, что товарищи из посольства доказывали с помощью бесчисленных политических и теоретических аргументов, мексиканские товарищи излагали в открыто грубой форме без какой-либо теоретической базы. Например на съезде один из членов ЦК заявлял: “Какое значение имеют для нас 30000 членов Аграрных лиг в Веракрусе? Мы обойдемся и без них”. Тот же самый товарищ говорил: “Работа в реформистских профсоюзах бессмысленна, мы должны создать новый профсоюзный центр и тогда рабочие-реформисты перейдут к нам”. Товарищ Каррильо во время чтения своего доклада об аграрном вопросе внезапно пришел в раздражение и вне себя воскликнул, что “товарищи из Крестьянской лиги не хотели признавать гегемонию пролетариата”. Другой член ЦК заявил в Организационной комиссии: “Нам необходима небольшая группа лиц, которые будут действовать с железной дисциплиной (...)

Таковы были основные тенденции в ЦК, нашедшие добротную почву в посольстве. Не стоит забывать, что в 1919-20 гг. в партии наблюдались сильные анархистские тенденции, что они сами по себе находят поддержку мексиканского пролетариата (хотя уже и не так как раньше), поэтому эти “левацкие” взгляды и идеи якобы “враждебные любому оппортунизму” находят благодатную почву.

Сейчас я гораздо яснее понимаю, что агрессивная позиция товарища Андреса по отношению к товарищу Рамиресу основывалась на ряде принципов: ультралевом уклоне в профсоюзном и организационном вопросах и троцкизме в крестьянском вопросе».

Хотя посол считал, что реабилитация Диаса Рамиреса наносила ущерб его авторитету как посланника Коминтерна, Штирнер настоял на своей точке зрения, и на съезде без лишнего шума Диаса Рамиреса восстановили в партии.

Судя по всему конфликт был улажен, но Пестковский не соби-

рался сдаваться, что видно из доклада самого Штирнера:

«Еще днем, до начала съезда, я говорил с Андресом. Он ругал на все лады Рамиреса и мою политику. Говорил, что я поддерживаю элементы, разлагающие партию, что я подхожу к проблеме “абстрактно”, короче говоря, что я хотел партию рабочих и крестьян, а это противоречит всем принципам большевизма [и] является абсолютно новым в деятельности Коминтерна, что он найдет пути и способы продолжить борьбу в Москве. Перед отъездом в Москву я встретился с ним снова. Я сказал, что партия будет благодарна за любой добрый совет, исходящий от посольства, однако нет никакой возможности продолжать практику прямого управления партией из посольства, как это было до сего времени. Он ответил мне буквально следующее: “Я думаю, что и сейчас руководство партией должно находиться в руках посольства. У посольства должно быть право действовать против неверных решений ЦК. Само правительство Мексики знает, что истинное руководство партией осуществляется из посольства. Если что-то случится, я буду нести ответственность. Поэтому лучше если руководство партией и де факто будет находиться в моих руках, по крайней мере, пока не прибудет представитель Исполнительного комитета Коминтерна».

Однако, несмотря на настойчивость Пестковского, его точка зрения была оставлена без внимания. Для советского правительства защита социализма в одной стране постепенно стала приоритетом внешней политики, поэтому официальные представители СССР должны были держаться в стороне и избегать открытого вмешательства в дела местных коммунистических партий. Вскоре, видимо из-за нескольких неуместных заявлений, Пестковский был освобожден от должности. Однако и для Штирнера споры по мексиканскому вопросу не закончились реабилитацией Диаса Рамиреса; в свете новой политики Коминтерна крестьянство не могло играть ведущую роль в революционной борьбе, пролетариат должен был стать авангардом, поэтому МКП нужно было подстраиваться под новые директивы организации, руководившей мировым коммунистическим движением.